

СМЕРЬ 80% 96

Сергей Устинов Не верь, не бойся, не проси
Аманда Крос Весеннее утро с убийцей

"ПОГОНЫ НА ВЫРОСТ" (стр.20)

8/96

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 28.05.96.
Подписано к печати 25.06.96.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага «Офсетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 62 000 экз.
Заказ № 557.

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете
Российской Федерации
по печати.
Рег. № 014832.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

8 (1582) АВГУСТ

© «Смена», 1996.

38 ПРОЗА

Сергей Устинов

**НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ,
ИЛИ «МАШИНА СМЕРТИ»** *Криминальная повесть*

186

Валерий Хайрюзов

«ЭЛВИС ПРЕСЛИ» *Рассказ*

220

Аманда Крос

ВЕСЕННЕЕ УТРО С УБИЙЦЕЙ *Детектив*

34 ПОЭЗИЯ

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

216

Иван Переверзин

20 ВРЕМЯ И МЫ

Александр Пьянков

ПОГОНЫ НА ВЫРОСТ

126

Геннадий Аксенов

ЖИЗНЬ ВНУТРИ ВЗРЫВА

142

ПРОЩАНИЕ С «ЖЕЛЕЗОМ» *Беседа со штангистом
Василием Алексеевым*

166

Игорь Гамаюнов

СХВАТКА НАД БЕЗДНОЙ

4 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Иван Зюзюкин

ПО ДОРОГЕ В ВЕЙМАР

150

Михаил Лебедевский

ФИЛОНОВ

182

Алла Александрова

ПРЕВРАЩЕНИЯ МАШКОВА

На I-й обложке: актер Владимир Машков.

Фото Ивана Москвина (стр. 182)

На II-й обложке: в вихре вальса.

Фото Владимира Чейшвили (стр. 20)

Эллери Куин

РУКА САТИРА

Эллери Куин — псевдоним двух американцев, Фредерика Даниэля и Манфреда Ли. Их первый роман «Тайна римской шляпы» был опубликован в 1929 году под псевдонимом Эллери Куин и стал победителем литературного конкурса на лучший детектив.

Убийство или самоубийство? Каким образом совершено это на первый взгляд простое и понятное преступление? Кто убийца? Подобные вопросы мучают инспектора Мастера на протяжении всей повести «Рука сатира», и только определенная цепь событий помогает ему найти необходимый ключ к тайне гибели Лилы и Ларри Конноров.

Михаил Любимов

ЛОНДОНСКИЙ НОКТЮРН

Писатель Михаил Любимов знает то, о чем пишет, не понаслышке — бывший полковник КГБ, один из высоких должностных лиц советской разведки в Англии и Дании, он и сам частенько бывал в ситуациях, с искрометным юмором описанных в «шпионском детективе». Сейчас об этом читать забавно и смешно, а тогда...

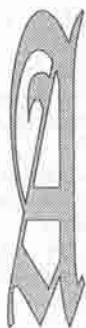
АНОНС

996

ИВАН ЗЮЗЮКИН

по дороге в Веймар

втору этого очерка однажды довелось побывать в Германии в качестве туриста... Чем дальше автобус с нашей группой углублялся на юго-восток страны, тем чаще в устах нашего гида и переводчицы Ингрид звучало имя Гете. (Старенький преподаватель университета, в котором я учился, среди прочих языков знавший в совершенстве и немецкий, страдалчески морщился, слыша, как мы произносим фамилию великого немца. «Хьоете!» — терпеливо поправляя нас, выговаривал он с благоговейным придыханием.) Среди мест, связанных с именем гения, мы побывали в Лейпциге, где он когда-то без особого успеха учился на юриста. Спускались в знаменитый «погребок Ауэрбаха» с его исполинских размеров винной бочкой, около которой гетевский Мефистофель на глазах Фауста дурачил местных выпивох. Издалека любовались горой Брокен, также знаменитой тем, что на ней происходит одно из действий «Фауста» — шабаш ведьм и чертей в Вальпургиеву ночь. Надолго остановились в Веймаре, где Иоганн Вольфганг Гете провел большую часть жизни, занимаясь государственной деятельностью и создавал самые зрелые произведения...

Помнится, в одном из залов дома-музея Гете — настоящей обители красоты и утонченного вкуса — мое внимание привлек небольшой портрет. На нем была изображена молодая прелестного вида девушка. На ее красиво очерченных, полных губах застыла, как блик солнца, веселая, даже чуть озорная улыбка. Выполненная вычурным готическим шрифтом надпись гласила: «Ульрика фон Леветцов». В ту пору мне это имя, признаться,

ничего не говорило, и я попросил нашу Ингрид просветить меня.

— Пожалуйста! Все подходят ко мне! — очаровательно мешая просительную форму обращения с приказной, позвала она к портрету нашу группу. — Перед вами последняя любовь господина Гете... — Ингрид немного помолчала и с нескрываемой досадой, словно речь шла о живом человеке, добавила: — Его последняя и самая несчастная любовь...

В ту минуту мне почудилось, будто девушка на портрете в ответ на слова гида недовольно повела плечами, а по ее лицу пробежала тень. И вот тогда-то я дал себе слово узнать когда-нибудь о ней и о том, что она значила в жизни Гете. И при случае — рассказать другим...

Да, вначале я так и думал: двух героев для очерка, тайного советника Саксен-Веймарского герцогства фон Гете и воспитанницы страсбургского пансиона благородных девиц Ульрики фон Левецов, будет достаточно. Мне казалось, что любовь великого поэта, причем последняя, к тому же несчастливая — заведомо вызовет интерес. Но скоро я понял, что мой замысел откровенно плох. Не того масштаба личность Гете, чтобы превращать его в заурядного героя любовной драмы. Да и само его увлечение Ульрикой мало что скажет читателю, если не знать, что вообще значила любовь в жизни и творчестве этого выдающегося человека. Он был велик и неповторим и в том, как переживал радости и горе в своей жизни. Его способность чувствовать была соразмерна его гениальности. И не только чувствовать, но и ощущать. Известен, например, поразительный случай, когда Гете, находясь в Веймаре, за тысячи километров ощутил толчки землетрясения, случившегося в Италии... И хотя его при жизни многие упрекали за тяжелый, непредсказуемый характер, непомерную гордыню, любовные похождения, тщеславие (показательно, что сам-то Гете в своих дневниках и письмах близким людям судил себя куда строже, чем тогдашние блюстители морали), он был и остается одним из самых славных сынов Германии, ярчайшим проявлением мощи и противоречий германского национального духа...

6

Можно с уверенностью сказать, что любовь к женщине в жизни и творчестве Гете значила более чем что-либо другое. Причем, как утверждает один из его биографов, сердце великого поэта редко принадлежало красоте женщины, никогда — уму и всегда — ее нежному нраву. Это подтверждают сохранившиеся портреты его любимых. Ни на одном из них мы не найдем броской ослепительной красоты, зато почти все лица полны неизъяснимого очарования. Словом, Гете своими предпочтениями как бы опровергал расхожее мнение, будто мужчины любят глазами...

Впервые он влюбился, когда ему шел пятнадцатый год. Предметом его увлечения стала некая девушка Гретхен, мастерица шляпного магазина. Но Каспар Гете, имперский советник Франкфурта, человек надменный и суровый, сделал все, чтобы его сын раз и навсегда забыл о своей любви. (Но забыл ли? Не в честь ли этой девушки Гете назовет потом нежную, беззащитную возлюбленную Фауста именем Гретхен?) Последней его страстью была

Ульрика. Но в промежутке между первым и последним увлечением у Гете следуют один за другим любовные романы, и никто из его биографов не берет на себя смелость сказать, сколько же у него было женщин. Кто-то может подумать, что в этом отношении он мало чем отличался от своего современника Джованни Казановы. Но нет, сходства между ними никакого. Для итальянского авантюриста и сладострастника обладание женщиной было самоцелью, своего рода спортом: недаром он вел своим амурным победам бухгалтерский строгий учет. Гете же любовь всегда заставляла врасплох, словно гром среди ясного неба. Вначале, и это видно по его дневниковым записям, делавшимся по свежим следам, он борется с этим чувством, как с болезнью, призывает самого себя к благоразумию. Но наступает день, когда он начинает понимать, что не в силах что-либо поделать с собой. И тогда, кроме любви, для него ничего в мире уже не существует. Те же дневниковые записи говорят и другое: влюбившись, Гете всякий раз думает, что это навсегда, что такого сильного чувства, как в этот раз, он еще никогда не испытывал. И скорее всего именно так и было...

Фредерику Брион, дочь сельского пастора, он впервые встретит, гуляя верхом на лошади в живописных окрестностях Страсбурга. «Она шла стройная, почти невесомая, легкая, и казалось, что шея ее слишком хрупка для огромных белокурых кос, свисавших с ее грациозной головки», — такой он запомнит ее на всю жизнь. В ту пору он еще совсем молод, пока лишь немногим известен как поэт, весь охвачен жаждой познания, много читает, переводит с древнегреческого Гомера. Да он и сам, как бы в миниатюре повторяя путь человечества, ощущает себя человеком античных времен, стремится слиться с природой, с упоением проводит много дней в доме гостеприимного пастора, восторгаясь кроткой Фредерикой... И вдруг покидает раз и навсегда и дом пастора, и Фредерику. (Чуть ниже попробуем объяснить природу этого и еще многих в его жизни «вдруг».) Но, расставшись с любимой, он жалеет ее и сам страдает. Страдая, пишет целый цикл стихотворений. И каких! По мнению многих германских филологов, с них-то и начинается новая немецкая поэзия и даже новый немецкий язык.

И вспыхивает жар в моей крови —

Так я в нее влюблен.

И я бессилён от любви

И от любви силен.

Следующим серьезным испытанием для молодого Гете была любовь к Шарлотте (Лотте) Буфф из города Вецлара, где он одно время стажировался как юрист. Эта милостивая, но не блещущая ни умом, ни красотой девица была уже помолвлена с дипломатом Кестнером. Но Гете это не смущает, как и то, что Кестнер его друг. Она ему по сердцу, и это для него главное. Ни от кого, и в первую очередь от Кестнера, он не скрывает своих пылких чувств к Лотте, пишет ей восторженные письма, читает ей свои стихи. А Лотта? Ей интересен этот талантливый, остроумный, стремительный как буря, молодой доктор права Гете, но, кажется, не более того. Уступая его страстной влюбленности, она однажды позволяет ему поцеловать ее... в присутствии своего жениха. (Но Гете пишет о том, что поцелуи были в отсутствие Кестнера!) Жениху

Лотты, хотя он и терпелив, сдержан, как и подобает дипломату, и с большим почтением относится к странноватому доктору права, все меньше нравится, что, когда бы он ни пришел в дом своей нареченной, Гете — подле нее, иногда стоит перед ней, преклонив колени. И сама Лотта, воспитанная в добродетели, начинает понимать, куда может завести ее опасная игра с этим живым вулканом. И она опять-таки в присутствии жениха заявляет Гете, что больше, чем на ее дружбу, он не должен рассчитывать. «Останься я с вами еще мгновенье, и я бы не совладал с собой... — торопливым почерком, словно бы тропической лихорадкой сотрясаемый, пишет ей несчастный Гете, навсегда покидая Вейцлар. — ...Я оставляю вас счастливыми... А свяжусь с вами опять, только не завтра, а это значит — никогда... Нет, я не могу больше».

Отвергнутый, одинокий, он переезжает с места на место, пытается мимолетными увлечениями погасить сжигающий пламень неразделенной любви. И впад в депрессию, ничего не делает. Но вот, узнав о том, что один из его вейцларских приятелей на почве несчастной любви покончил с собой, Гете садится и, почти не отрываясь, пишет роман под названием «Страдания юного Вертера». Когда эта вещь вышла в свет, она произвела настоящую сенсацию сначала в Германии, затем во всей Европе и проникла даже в досматривавший средневековые сны Китай!. В некоторых городах, например, в Лейпциге, где начинались гетевские «годы странствий», эту книгу, как бы предвсхищая будущие костры из книг в той же Германии, запретили иметь под страхом крупного денежного штрафа. Дело в том, что в те годы (и в более поздние времена) немало молодых людей, подобно Вертеру переживших несчастную любовь, последовали примеру главного героя — покончили с собой. С такой силой и с такой достоверностью описать страдания отвергнутого до Гете не удавалось еще никому из писателей! Он враз становится знаменитым человеком — кумиром молодежи... И в то же самое время жители Вейцлара изумленно разглядывают чету уже поженившихся Кестнеров. Ведь это с них Гете списал портреты двух героев романа, Альберта и Лотты, даже не посчитав (или не посмев?) нужным придумать предмету роковой страсти Вертера другое имя. Разница между романом и жизнью заключалась, кажется, в одном (и об этом мадам Шарлотта Кестнер, приехав в Веймар много лет спустя, напомним своим собеседникам): у реальной Лотты глаза были голубыми, а у Лотты из романа — черными. Даже некоторые письма Вертера Лотте помечены тем же числом, что и письма Гете Лотте Буфф!.. Бедные Кестнеры, пока не сошла волна обостренного интереса к их персонам, не знали, куда себя девать. И оба не поняли, зачем их «дорогому другу» Гете понадобилось выплескивать на бумаге то, что было в жизни...

Не поняли они (да и многие люди той эпохи), пожалуй, самого главного: с какой одаренной, невысказанно сложной натурой в лице Гете столкнулись они. Словно пришелец с другой планеты, он часто, если не всегда, и мыслил, и поступал, и чувствовал не так, как все остальные. Мирным, благонаправленным и отчаянно скучным бюргерам он казался то ангелом, то исчадьем ада.

Герой одной из его первых пьес говорит: «Пусть бог или черт... мне все равно... ибо он брат мой». Так широко смотрел на жизнь и людей и сам Гете. В конце концов каждый персонаж гетевских сочинений несет в себе крупицу его многомерной, как вселенная, личности. Он — немного Вагнер, немного — Фауст, немного — Мефистофель и даже немного — Маргарита. Но ни в одном из своих литературных двойников, даже в Вертере, он не уместился целиком!..

В альбом любимых изречений он с удовольствием заносит вот это: «Самый легкий способ стать глупцом — это стать им с помощью системы».

Кажется, это и есть самое существенное в нем. Гете жил, творил, любил вне системы. Он сам был — система. Его невероятная способность сейчас быть одним, а минуту спустя совершенно иным одних восторгала, других ужасала. И, пожалуй, это в первую очередь относилось к женщинам, которых он встречал на пути. Одни из них, как, например, Фредерика, покорялись ему тотчас, другие, как Лотта Буфф, изо всех сил не поддавались его магнетическому обаянию. Так чего же в его любовной жизни было больше — побед или поражений? Это праздный вопрос. Гете беждал даже тогда, когда проигрывал. И пример тому — прославивший его в веках роман «Страдания юного Вертера». «Женщины, которыми он не обладал, сделали юного Гете поэтом, — тонко подметил правило, властвовавшее над его чувствами, один биограф. — А женщину, которая так легко отдалась ему, он забывает тотчас же...» С одной молодой утонченной аристократкой Гете ведет оживленную переписку продолжительное время. «Как бы я хотел успокоиться в ваших объятьях, глядя в ваши глаза! — исповедуется он ей в своих, не таких уж платонических чувствах. — Великий боже, что такое сердце человеческое!». Маленькая, но примечательная деталь: он эту девушку никогда не видел в глаза и полюбил ее, если так можно выразиться, заочно. Но и любил, и страдал совершенно искренне. А вот чтобы увидеться с ней хоть однажды — и в этом еще одна из загадок его характера, — ничего не предпринял...

Но вернемся к гетевскому «вдруг»... Чем-то по своей нелогичности оно сродни решению альпиниста начать спуск, не дойдя до заветной вершины всего двух-трех шагов. Наиболее наглядно эта странность проявилась в романе с Лили Шенеман, красивой, музыкально одаренной девушкой из богатой страсбургской семьи. Уже в глубокой старости сам признается, что никого он не любил

Шарлотта Кестнер

так сильно и нежно, как высокую, статную, синеглазую Лили, напоминавшую ему античную богиню красоты. Но что с ним произошло в те дни? Он проводит все свободное время в доме Шенеманов. Уже объявлено о помолвке молодых людей. И вот Гете зачем-то надолго уезжает на отдых в Швейцарию. Один, без Лили. Вернувшись в Страсбург, летит к ней как на крыльях. А когда свадьба становится прямо-таки неотвратимой, срочно упаковывает чемоданы, вечером, в сумерках, стоит под окнами дома Лили, слушает, разрывая сердце, как она своим серебристым голосом поет сочиненную им, Гете, песню. И рано утром уезжает из Страсбурга, на этот раз навсегда, в Веймар. Лили и ее родители, добропорядочные бюргеры, ничего не понимают...

Но это уже не первое бегство в любовной жизни Гете! Подобным образом он покинул когда-то Лейпциг, где влюбился в дочь трактирщика, деревушку Везенгейм, где встретил Фредерику...

Какой ты равнодушный стал!

Где растерял ты страсть былую?

Ты мой был. Кто тебя украл?

С такими упреками обращается Маргарита к Фаусту, когда тот охладил к ней. Но то — в сочиненной Гете трагедии. А в жизни он пускается в бегство далеко не всегда потому, что, как Фауст, добился от любимой всего. Более того, сбежав, он страшно мучается, рвется назад. Но в то же время не было случая, чтобы прерванную любовь начал сызнова. Чего он боялся? Не хотел связывать себя семейными узами, погрязнуть в житейских заботах? Да, этот страх в нем жил. Перед его глазами стояла жизнь его родной сестры Корнелии, загубленная неудачным замужеством. Но если он в конце концов женился, завел семью — значит, не этот страх был главным мотором его внезапных бегств?

Лучше всего понимал, что с ним происходит в такое время, сам Гете. В нем, по его словам, действовал некий механизм, как бы за него принимавший решение порвать любовную связь — раз и навсегда. Ради чего он лишал себя блаженства любить и быть любимым? Ради того, что было его главной потребностью — ради творчества. Новый, пока еще смутный замысел, тихо и невидимо созревающий в нем в дни любви и восторгов перед любимой, однажды становился его властным, безжалостным повелителем. Но можно сказать и другое: любовь для него тоже была творчеством. Через чувство к женщине он прорывался к заповедным тайнам человеческой души и земного бытия, перешагивал через свою любовь и чувства любимой...

Что же, скажет иной читатель, пожертвовав любовными радостями, поэт получал за свои страдания радости творчества, деньги, славу... Увы, не было в его жизни такого утешительного баланса. Ни одна насильственно прерванная любовь не проходила ему даром. Кровь, идущая горлом, мучительный кашель, многонедельное лежание в постели при смерти — вот чем он заплатил за свое первое бегство от любви. Перед тем, как написать о Вертере, Гете пытался покончить с собой: вечерами, оставшись наедине с собой, все глубже и глубже вдавливал в себя кинжал, пока не понял: еще одно усилие — и он убьет себя. Пожалуй, лихорадочной работой над романом он только и спасся... В более

позднем возрасте Гете, случилось, подолгу ничего не делал, был замкнутым, раздражительным. Даже его молодежавшая внешность разительно менялась: из еще не старого человека выглядывал сухой, брюзгливый педант, всем и всеми недовольный. Это означало, что болел был его дух. Но это также могло означать, что он накануне нового творческого взлета. «Какое удивительно приятное ощущение испытываем мы, когда в нас начинается шевелиться новая страсть, а старая еще не отзвучала,— писал Гете, конечно, имея в виду самого себя. Так бывает, когда солнце еще не совсем зашло, а на противоположной стороне небосклона уже выходит луна, и мы радуемся при виде слияния обоих небесных светил». Как, может, никто из великих людей прошлого, Гете достоин называться живым воплощением мифа о бессмертной птице-феникс. То, корчась от невыносимых страданий, он сгорал, то, поражая мир неслыханной мощью своего таланта, вновь возрождался. И первопричина всех его самосожжений и возрождений из пепла всегда была одна и та же — любовь...

Шарлотта фон Шлегель

Старинное кладбище в Веймаре — тоже своего рода музей. Здесь покоятся многие из тех, кого Гете любил, с кем он дружил, спорил, враждовал... Ингрид остановила нашу группу у надгробного барельефа редкой красоты: миниатюрная, изящно сложенная женщина печально и светло склонилась над своей могилой. Вежливо подождав, когда наш брат турист перестанет суетливо шелкать фотокамерами, Ингрид сказала:

— Здесь покоится госпожа Шарлотта фон Штайн... Ее и господину Гете связывала многолетняя дружба...

— Здесь покоится госпожа Шарлотта фон Штайн... Ее и господину Гете связывала многолетняя дружба...

Говорят, внешне она была не очень приметной. Может быть, поэтому Гете, переселившийся в Веймар по личному приглашению великого герцога Карла Августа, долго ее не замечал. Да и когда ему было? Как тайный советник, министр Саксен-Веймарского герцогства, он истово исполняет возложенные на него государственные обязанности. И поначалу не отказывает себе в удовольствии вместе с жизнелюбивым легкомысленным Карлом Августом и его свитой поучаствовать в кутежах во дворце герцога и на лоне природы, в охоте, в скачках... Но вот однажды он знакомится с надворной советницей Шарлоттой (Лоттой) фон Штайн — и начинается самая большая глава его любовного романа. Образно говоря, он встретился с ней в полдень жизни, а расстался на закате. 1700 писем и записок послал он ей (жившей совсем неподалеку) за все эти годы. Каким числом значились ее

ответы — неизвестно. Однажды госпожа фон Штайн попросила господина тайного советника вернуть ее письма. И — сожгла их. А его — сохранила. «Никогда, никому не поклонялся Гете так, как поклонялся ей, — пишет Эмиль Людвиг, автор книги о жизни великого поэта. — Душа ее была огромной чашей, в которую струились воды его души, и оттуда они выходили очищенными. Но эта женщина любила понятие «Гете», а не его самого. Да и он любил не живую женщину, а только ее идеальный образ». Так это было на самом деле или не совсем так, но вот Гете, подустав от увеселительных поездок с великим герцогом, садится и пишет ей письмо:

«Ты единственная из всех женщин вложила в мое сердце любовь, дающую мне счастье. Думай обо мне, приложи к губам свою руку... На маскараде я опять видел только твои глаза... Ты единственная женственность. Я вижу тебя в бесконечной дали, вот как видишь звезду!..»

Увы, Лотта Веймарская была замужней женщиной. К тому же многолетней и на семь лет старше его. Но ничто не мешает ему обожать ее, домогаться ее любви, даже слегка шантажировать любовной связью с другой женщиной. Однако все напрасно. Ничего, кроме дружбы (как и Лотта Вецларская), госпожа фон Штайн не обещает ему. И Гете, тот самый Гете, произведениями которого зачитывается вся образованная Европа, человек, который уже при жизни признан славой и гордостью Германии, идет на чисто мальчишеские уловки, чтобы иногда встречаться с ней, прячется в кустарнике, чтобы взглянуть на Шарлотту, когда она, ничего не подозревая, будет в карете проезжать мимо него.

Госпожа фон Штайн из всех встречавшихся Гете женщин — самая пронизательная, самая дальновидная. Она, кажется, понимает: стоит ей уступить поэту, как тут же потеряет его. И многие годы она держит в отношениях с ним необходимую дистанцию, предпочитает встречаться с ним на людях. Но роль невольного Петрарки Гете не устраивает. Боготворя Шарлотту, он жаждет полного обладания. «Чудовищно, что я гублю с вами лучшие часы своей жизни, — ей же он и жалуется. — Быть такой слепой! Такой черствой! Сжальтесь же надо мной!..» Добился ли он чего хотел в конце концов? Да, уверенно говорят одни исследователи его жизни, она стала его любовницей. Другие биографы столь же уверенно отрицают это. Причем и те, и другие делают свои выводы на основании одних и тех же 1700 писем и записок, посланных Гете Шарлотте...

Семьей Гете обзавелся поздно, на тридцать девятом году жизни. Он, дворянин, министр, женился на простолюдинке, дочери местного архивариуса Христиане Вульпиус, девушке доброй, жизнерадостной, пышущей здоровьем. Его брак многих удивил и шокировал, в особенности госпожу фон Штайн, а Гете был доволен: ему надоело быть холостяком. И Христиана не обманула его надежд. Она была хорошей хозяйкой дома, родила ему сына... Но тесной духовной близости между ними так и не возникло. Скоро также обнаружилось, что Август, их сын, пошел явно не в отца. Слабовольный, капризный, без каких-либо четко обозначен-

ных дарований, он был наглядным примером того, что в детях гениев природа как бы отдыхает. Помогая сыну чем только можно, Гете, однако, больше любил общаться с внуками, чем с ним...

На шестьдесят седьмом году жизни он овдовел. Но смерть жены воспринял как нечто неизбежное и продолжал работать с той же одержимостью, что и в молодости. Годы в нем не только не убавили таланта и энергии — наоборот, Гете еще смелее, чем в молодости, ломает литературные каноны и, как сказали бы сейчас, выступает как авангардист то в поэзии, то в драматургии. Он по-прежнему удивляет многих необычностью своих суждений и поступков. Так, первым из известных людей того времени он приветствует стихи и поэмы Байрона и во всеуслышание признает его гениальным поэтом — до него он не видел себе равных, даже в своем друге Шиллере. Ему также нравится, с какой свободой английский бард ведет себя, с каким презрением относится к суду толпы — сам-то Гете всегда заботливо оберегал себя от сплетен и пересудов. И на здоровье он тоже особо не жалуется, часто бывает в горах, до ноября купается в пруду, по-прежнему пользуется успехом у женщин, в том числе молодых. Одна из них, к слову говоря, была дочерью его бывшей возлюбленной...

Но вот зимой 1823 года, в возрасте семидесяти трех лет, Гете оказывается при смерти. Судя по всему, он переносит инфаркт миокарда. Врачи на нем уже поставили крест, да и сам больной просит оставить его в покое. «Смерть обступила меня... — говорит он. — Я погиб...» Однако его организм демонстрирует чудо живучести. На десятый день болезни Гете встает и включается в прежний ритм жизни. А когда наступает лето, уезжает в Мариенбад.

Там-то, в Мариенбаде, и начинается последняя глава его любовой жизни. Последняя, самая короткая. Но — какая глава!

Человек знатный и богатый, он мог в этом городе снять квартиру где и у кого угодно. Но поселяется в том же доме, в котором в летний сезон живет с тремя дочерьми госпожа фон Леветцов, его давняя знакомая. Почему в том же доме? Да потому, что ему необходимо каждый день, а еще лучше — каждый час видеть, слышать, разговаривать со старшей дочерью госпожи Ульрикой. Знал он ее давно, еще ребенком. Но теперь Ульрике — девятнадцать. Она само очарование: смешливая полубарышня, полуребенок, голубые глаза с поволокой, чистый колокольчатый смех... С Гете происходит то, что с ним бывало не раз и о чем он однажды написал стихи:

Марианна Виллемф

*Создает не случай вора,
Случай сам великий вор.
Взял из сердца без зазора
Страсть мою, сломав запор...*

Но, думается, подспудной причиной этого увлечения старого поэта был не столько случай, сколько его жизненная философия, взгляд на любовь как на эликсир возрождения. Недаром его Фауст в своей фантастической попытке остановить ход времени и повернуть его вспять начинает (не без подсказки дьявола) с любви к Маргарите. И как это его, стареющего кабинетного затворника, тотчас преображает! То же самое происходит и с Гете. Вчера еще медлительный в своих движениях и жестах величавый старец на глазах у всех молодеет, приобретает пружинистую походку, сверкает остроумием, в его пронзительно умных темно-карих глазах вспыхивает прежний, дьявольски заволаживающий огонь!.. Так и кажется, что своим бессмертным «Фаустом» он напроорочил самому себе эту свою последнюю любовь. В «Элегии» (которую скоро напишет и которая в историю поэзии войдет как «Мариенбадская элегия») он скажет всем, что сделала с ним любовь к Ульрике, какой переворот произошел в его душе:

*Уже, холодным скована покровом,
Скудела кровь — без чувства, без величья,
Но вдруг могучим налетели роем
Мечты, надежды, замыслы, решенья...*

14 Поначалу Гете, ни на что не надеясь, ухаживает за Ульрикой со всей осторожностью, при людях называет ее «дочуркой». Но вид его сам за себя говорит: он влюблен! По курорту в связи с этим ползут ехидные шепотки. А австрийский шпион, наравне с другими пользовавшийся целебной водичкой, шлет в Вену донесение о новом увлечении веймарского министра господина Гете. (Видимо, уже тогда в верхах беспокоились о моральном облике поэтов.)

Чтобы прекратить пересуды, госпожа фон Леветцов в разгар летнего сезона снимается со своим семейством и переезжает в другой курортный город — Карлсбад.

Разумеется, веймарский мудрец все прекрасно понял. Но сдаваться он не хочет. Ведь его внезапно вспыхнувшая любовь — вовсе не старческий бзик. Несмотря на перенесенную зимой болезнь, он полон энергии, в дневные отменяет, что видит «грешные» сны. Это о самом себе и о своей нестареющей душе он однажды сказал: «...Я снова превратился в ребенка, который не понимает своего времени и находится в неведении о самом себе». Словом, если другие люди с годами впадают в детство, то в Гете ребенок никогда и не умирал. А вот что веймарец Ример, друг и прижизненный биограф Гете, писал о физическом состоянии великого поэта в его так называемые преклонные годы. «Надо было видеть, как крепко и твердо он ступал по земле, как надменно шагал, уверенно неся свое ловкое тело. Гимнастика с самого раннего детства, танцы, фехтование, катанье на коньках, верховая езда и даже скачки с препятствиями развили в нем подвижность и ловкость, благодаря которым он никогда не спотыкался на самых опасных доро-

гах... легко и уверенно шел по льду, по узкому следу, по крутым пешеходным дорожкам, вырубленным в скалах. Как, бывало, юношей, когда он вместе со своим царственным другом (Карлом Августом. — И. З.) карабкался по скользким пропастям и осыпям... точно так же в течение всех пятидесяти лет геологических изысканий (Гете внес немалый вклад в науку о строении Земли. — И. З.) никакая гора не казалась слишком высокой, никакая шахта слишком глубокой, никакая штольня слишком узкой, никакая пещера непроходимой...»

В сердце Гете вместе с поздней любовью разгорается юношеская отвага. Он тоже немного погодя переезжает в Карлсбад. А там — чуть не весь германский бомонд: герцоги, бароны, экс-короли и наш знакомый Карл Август... Увеселяя знатную публику, на открытых площадках играют оркестры. Вечерами идут нескончаемые приемы и балы. А Гете? Так и кажется, что он окрылен примером невозмутимого, во всех отношениях раскованного Байрона. Седой красивый старик грациозно открывает мазурку, на глазах у всех танцует с королевами бала и при каждом удобном случае — с Ульрикой. Он встречается с ней также у целебного источника, расхаживает по курортным дорожкам и тропкам, то и дело шепча ей что-то на ухо... Что же Ульрика? Девятнадцать лет — это еще совсем немного, но уже и не совсем мало. Ей льстит внимание великого человека, с которым подчеркнуто любезно раскланиваются герцоги, бароны и экс-короли, а когда-то, находясь в зените своего могущества, с ним почел за честь побеседовать сам император Наполеон Бонапарт. Но Гете, несравненный знаток людей вообще и женской души в частности, догадывается: с сердцем Ульрики тоже что-то происходит. То самое, чему посвящены вот эти его стихи:

*Взор живой моей любимой
Всех на диво озадачит.
Я же, знающий, напротив,
Крепко знаю,*

что он значит...

Гете никогда не скрывал своих любовных неудач, какими бы горькими они ни были. Не преувеличивал он и своих побед. В «Мариенбадской элегии», настолько автобиографичной, что в ней лишь не указаны подлинные имена, он говорит о нескольких поцелуях, подаренных ему любимой — «ночном», «прощальном», «последнем». «Эти стихи — порождение беспредельной страсти, — признается он в одной из бесед со своим секретарем И. Эккерма-

Ульрика фон Левитцов

ном. — Когда я был охвачен ею, мне казалось, что никакие блага не возместят мне ее утраты...» Заметим от себя: *такой* сильной страсть в *таком* возрасте может быть скорее всего тогда, когда она встречает хоть какую-то взаимность...

Между тем всему, в том числе и курортным сезонам, когда-нибудь приходит конец. Ряды карлсбадского бомонда редуют с каждым днем. Готовится к отъезду и госпожа фон Леветцов с дочерьми. И это приводит влюбленного Гете в отчаяние.

Свиданье — свет, разлука — тьма и гнет.

Свиданье вновь — и счастьем жизнь блеснет.

И миг прошел, года в себя вместив,

А дальше вновь прощанье и разрыв.

Неужели, думает Гете, глядя в хмурое небо Карлсбада, его лебединая песня уже окончена? Не сегодня-завтра Ульрика, юное, прекрасное солнце, взошедшее над поздней осенью его жизни, сядет в карету, махнет на прощанье рукой и...

В который раз Гете доказал, что его любовь — это навсегда. Он не хочет, он не может жить без Ульрики. Чего бы это ни стоило, он должен удержать ее около себя. Но как?! (По странной случайности, именно в эти дни ему из Веймара пересылают письмо Байрона, который отплывает в Грецию, где и погибнет.) Гете решается на потрясающе смелый в его годы шаг: он решает жениться на Ульрике, что бы и кто бы по этому поводу ни сказал... Как истый немец, он сначала советуется со своим врачом. Затем направляется к Карлу Августу и просит его быть сватом. Великий герцог, по-прежнему большой кутила и греховодник, удивленно восклицает: «Старина, и все-то девчонки!» Но к просьбе Гете он относится со всей серьезностью. Сразу же обещает ему и Ульрике подарить в Веймаре роскошный дом напротив своего дворца. Торжественно облачается и идет с миссией свата к госпоже фон Леветцов.

Нет, прямого отказа с ее стороны не последовало. Но прямого согласия — тоже. «Окончательный ответ она обещает дать через год», — уныло сообщил великий герцог истомленному ожиданием Гете. И старый поэт, словно раненный в самое сердце, вскричал в ответ: «Через год!.. Это ужасно!» Действительно, томиться целый год неопределенностью для каждого влюбленного — наказание, а для влюбленного в его годы — просто пытка. Израненное, но еще крепкое сердце Гете начинает переполняться страданием. Кто знает, может, уже в те горестные минуты у него начали складываться вот эти строки из «Элегии»:

И ты ушла! От нынешней минуты

Чего мне ждать? В томлении напрасном

Приемлю я, как тягостные пути,

Все доброе, что мог бы звать прекрасным.

Тоской гоним, скитаюсь как в пустыне

И лишь слезам вверяю сердце ныне.

Мой пламень погасить не в вашей власти,

Но лейтесь, лейтесь горестным потоком.

Душа кипит, и рвется грудь на части.

Там смерть и жизнь в борении жестоком...

Через несколько дней, убитый непрямой отказом, Гете в сопро-

вождении двух слуг садится в карету и едет домой, в Веймар... На дворе — сентябрь. Пора затяжных дождей, облетающих лесов и голых, словно ограбленных полей. Господи, все, решительно все воспринималось бы иначе, сиди в карете рядом с ним Ульрика...

Дневник, который он ведет даже в дороге, скупо сообщает: «Работал над стихами» (6 сентября), «продолжал работать» (7 сентября). А вот что пару месяцев спустя он поведаёт об этих днях секретарю И. Эккерману: «В восемь утра на первой же станции я написал первую строфу, а дальше стихотворствовал уже в карете и по памяти записывал на каждой станции...»

Так, под грустный шум осеннего дождя, цоканье копыт лошадей и мерное покачивание кареты час за часом создавался ослепительный шедевр поэзии. И творил его белый как лунь семидесятичетырехлетний поэт с глазами, лихорадочно и молодо снявшими в полумраке кареты...

*Ты видишь — там, в голубизне бездонной,
Всех ангелов прекрасней и нежней,
Из воздуха и света сотворенный,
Сняет образ, дивно сходный с ней.
Такою в танце, в шумном блеске бала
Красавица твоим очам предстала...*

Лишь на подступах к Веймару он утомленно откинется на спинку сиденья. «Мариенбадская элегия» закончена. Дома он ее переписшет набело и спрячет в серебряный кубок — как самое дорогое, что у него останется в жизни...

«Никогда еще у него, неизменно сдержанного и скрытного, не вырывалось подобных строк, — отмечает в своем эссе о Гете Стефан Цвейг. — Тот, кто юношей умел таить свои чувства, зрелым мужем — укрощать их, кто всегда лишь в виденьях, иносказаниях и символах приоткрывал свои сокровенные тайны, теперь, на склоне лет, впервые дает себе волю...»

Да, о Гете прежде говорили как о поэте, что он *мыслит* стихами. Быть может, оттого его поэзия была прекрасна, чиста и, как мрамор, чуть холодновата. Любовь к Ульрике привела великого поэта к тому, что стихами он стал *чувствовать*. Как некогда его стихи, посвященные Фредерике, положили начало новой немецкой поэзии, так «Мариенбадская элегия» стала ее высочайшей вершиной...

Слухи, что тайный советник господин Гете намерен жениться на девятнадцатилетней девушке, достигли Веймара раньше, чем старый поэт доехал до него на перекладных. Сын Август, обязанный отцу всем, в том числе и положением при дворе герцога, устраивает ему скандал. По-видимому, он опасается, что в случае женитьбы отца наследство придется делить с некоей девицей Ульрикой. (По злой прони судьбы бедный Август умрет раньше отца.) Свое недовольство намечаемым браком всячески выражают и другие родственники поэта. Ему фактически устраивается бойкот.

Все еще находящийся в плену чар юной красавицы, Гете близко принимает к сердцу и открытые упреки, и косые взгляды домочадцев. Он снова болен, снова в постели. Отказывается от

пищи, никого не принимает. И лишь Цельтера, своего берлинского сердечного друга, разрешает впустить к себе. И вот как тот описывает обстановку в доме Гете, царившую в те дни: «Никто меня не встретил у входа. Только чье-то женское лицо мелькнуло в кухонном оконце... Продолжаю стоять на улице: входить или не входить в эту обитель Смерти?.. Спускается Август: «Отец болен, очень болен!»... Вхожу. Знакомые статуи скорбно глядят на меня. Подымаюсь по лестнице. Удобные ступени уходят из-под ног. Что ждет меня?..»

И вот что видит Цельтер, войдя в комнату, где лежит его больной, всеми покинутый старый друг: «Судя по всему, его терзает любовь всеми муками пылкой юности!» Бледный, скорбно глядящий Гете молча протягивает ему свиток со своими новыми стихами. Цельтер с изумлением и от строки к строке растущим восхищением читает «Мариенбадскую элегию» вслух. «Мне нравится, как ты читаешь, — наконец подает голос Гете. — Прочитай еще раз». Потом снова просит: «Еще раз...» Врачи, сидящие на страже в соседней комнате, недоуменно переглядываются: что происходит с больным? Он несколько дней молчал, словно утратил дар речи навсегда, и вот — разговаривает с приезжим другом! Ничего не ел несколько дней, а тут сам попросил принести чего-нибудь!.. Так неужели чтение стихов о любви имеет целебную силу? Через неделю Цельтер уедет в Берлин, уверенный, что его великий друг еще поживет. И он не ошибся. Гете и на этот раз оказался сильнее смерти. И как когда-то роман о Вертере уберег его от кинжала, так на этот раз спасла «Мариенбадская элегия»...

Он еще долго — недели, месяцы — будет надеяться, что госпожа фон Леветцов даст свое «добро». (Согласие Ульрики, надо полагать, он получил еще в Мариенбаде или в Карлсбаде?) Ответ от госпожи придет примерно через полгода... в виде любезного приглашения приехать в Мариенбад в предстоящий летний сезон. Но войти дважды в один и тот же поток не может даже Гете. К этому времени он расстался со всеми иллюзиями, да и пыл любви, наверное, поубавился. Словом, он не принимает приглашения госпожи фон Леветцов. И его добровольный отказ увидеть ту, что «всех ангелов прекрасней и нежней», мы можем считать последней точкой в его любовной жизни... Так что же? Действительно, как говорила переводчица Ингрид, это была его самая несчастная любовь? Думается, что нет. Как писал Томас Манн, и с ним трудно не согласиться, у Гете не было в прямом смысле счастливых любовей, но не было и несчастливых. «Когда он любил, любил так, что из чувства рождалась великая поэзия...»

А что же было потом с его последней страстью — Ульрикой? Почему, как мне померещилось, по ее юному лицу пробежала некая тень?.. Она прожила долгую жизнь — девяносто пять лет. Кто только ни пытался выведать у нее тайну ее отношений с великим человеком! Увы, она всегда была немногословна. И много раз противоречила самой себе. Одним говорила, что господин Гете испытывал к ней всего лишь отеческие чувства. Другим — что, если бы не ее мать, она бы стала его женой. Говорят, она больше блистала красотой, чем умом. Но мы ведь помним:

сердце Гете редко принадлежало красоте женщины, никогда — ее уму, но всегда — ее нежному нраву. Кстати говоря, красивая и нежная Ульрика за всю свою долгую жизнь никогда не была замужем...

После «Марленбадской элегии» судьба подарит Гете еще девять лет жизни. Он успеет написать еще немало совершенных произведений. Великий труженик и великий жизнелюб умрет, сидя в кресле. Перед смертью он попросит принести ему вина. И, уже отходя в вечность, рукою в воздухе напишет какие-то слова...

О Гете, его жизни и творчестве существует целая литература. Но под конец мы дадим слово человеку, который много лет подряд разговаривал с живым Гете лицом к лицу и одним из первых увидел его мертвым, — Эккерману:

«На следующее утро после кончины Гете меня охватило неодолимое стремление увидеть его земную оболочку... Он покоился на спине и казался спящим. Глубокий мир и твердость были запечатлены на его возвышенно-благородном лице. Под могучим челом словно бы еще жила мысль... Мощная, широкая и выпуклая грудь, руки и ляжки округлые, умеренно мускулистые, изящные ноги прекраснейшей формы, и нигде на всем теле ни следов ожирения или чрезмерной худобы. Совершенный человек во всей своей красоте лежал передо мной, и, восхищенный, я на мгновение забыл, что бессмертный дух уже покинул это тело...»

Потрясающе много сделал Гете за свою жизнь! Но по-настоящему это можно понять, лишь когда ты оказываешься под солнцем, видишь земли и города, дышишь воздухом его страны. Ты будешь ехать по дорогам, на прокладке которых когда-то настоял министр Гете. Небольшой, тихий, как все немецкие города, чистенький Веймар он в свое время превратил в один из самых крупных культурных центров мира. Здесь тебе покажут выпестованный им театр, лично им собранную коллекцию произведений античного искусства, а в горах Гарца — разработки руд, осуществлявшихся под его надзором. Кроме литературы, он с такой же страстью занимался многими науками. Создал учение о цвете, теорию погоды; одному из минералов, изученных им, присвоено название «гетит»; ему принадлежат открытия в области анатомии человека, оптики, ботаники (в моем доме есть растение, называемое «деревом Гете»), его мысли о развитии живого на Земле были предвосхищением учения Дарвина об эволюции...

Когда слышишь обо всем, совершенном им, в конце концов начинаешь сомневаться, мог ли все это человек сделать за одну жизнь. И это сомнение — небеспочвенно! Гете жил не один, а много раз. Ровно столько, сколько раз любил...

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

ПОЛОНЫ НА ВЫРОСТ

Когда встречаешь на улице подтянутого паренька, облаченного в черную отутюженную форму с красными погонами, на которых сверкают золотые буквы «СУ» (Суворовское училище), смотришь на него с нескрываемым любопытством. Его серьезное лицо, военная выправка поневоле заставят умилиться. Но уже в следующий момент задумаешься: почему же этот пацан решил сделать себя таким — отличным от окружающих. Зачем он сознательно подчинил свою жизнь суровым армейским законам, от которых многие его сверстники шарахаются, как черт от ладана...

Московский мальчишка Олег Андриянов рос в семье, к армии никакого отношения не имеющей.

Сейчас заканчивает Тверское суворовское военное училище.

— Узнал, что в Твери есть такое училище — самое лучшее среди суворовских, — и решил: буду туда поступать. Собрал всякие справки, подал документы... Сначала мне здесь очень не понравилось — караулы, наряды, армейская дисциплина. По дому скучал — там из школы пришел, пообедал — и свободен. Но через полгода освоился, даже нравиться стало.

— Понравилось подчиняться?

— Это на меня не давит, отношения у нас с офицерами и преподавателями нормальные. А без жесткой субординации, по-моему, армия не может существовать. Так что если меня училище и изменило, то только в лучшую сторону — меня даже дома не узнают...

— Но что все-таки дает суворовское?

— Настоящее, разностороннее образование. И, конечно, воспитание — в полном соответствии с кодексом офицерской чести.

— Как бы ты этот кодекс сформулировал?

— Три главных заповеди: дал слово — держи; не позволяй амбициям влиять на твои поступки; умеи признавать свои ошибки. Без этого нет офицера.

Сегодня, когда среди ребят только и разговоров, как «откосить» от армейской службы с ее жестокой «дедовщиной» и горячими точками, что за чудное решение — с малых лет стать военным? По команде просыпаться, учиться, обедать, ходить в наряды; делать не то, что хочется, а что прикажут...

Первые одиннадцать суворовских училищ в нашей стране были открыты 53 года назад — в 1943-м. (Изобретать «велосипед» не было нужды: опыт российских кадетских корпусов пришелся, что называется, ко двору...) Шла война, сотни тысяч солдатских и офицерских детей остались без родителей, без крыши над головой. Их, голодных, оборванных, одевали в военную форму, приводили в спальни с новыми кроватями, застеленными чистым бельем, в столовой давали вдоволь белого хлеба с маслом... Заметим — пацанов тогда в суворовские начали принимать с десятилетнего возраста со сроком обучения семь лет. И добавим — почти в каждом из них, первых суворовцах, жило огромное желание бить врага, отомстить за родителей. Так что «пионеров» суворовских училищ понять очень нетрудно.

Нетрудно понять и тех, кто шел следом за ними в не столь отдаленные от нас времена. Окончить суворовское было почетно и престижно. Знания оно всегда давало крепкие, почти стопроцентно обеспечивая поступление своих выпускников в высшие офицерские учебные заведения. А стать кадровым военным означало обеспечить себе пусть и

хлопотную, трудную, но все же надежную жизнь. Дети вчерашних военных это хорошо помнят — куда бы ни перевели родителей, всегда была крыша над головой и безбедное существование семьи. Не то что в последние годы, когда и зарплату могут не платить месяцами, и довольствие задерживать, не говоря уж о том, что получить жилье для офицера — это как мечта солдата стать генералом. Мечтать можно — да сколько воды утечет.

Почему же подростки продолжают рваться в суворовцы? Ведь и нынче в местные военкоматы поступает столько заявлений, что, отправляй они в училища всех желающих, конкурс там был бы по 15—20 человек на место. Но уже на местах идет строжайший отбор кандидатов в будущие курсанты, так что в самих училищах конкуренция не столь крутая — выбирать приходится из трех-четырех человек одного, который скоро наденет заветную форму с красными погонами.

Оказавшись за проходной Тверского суворовского, которое за пятьдесят с лишним лет своего существования выпустило более десятка тысяч питомцев, я стал свидетелем вызвавшего улыбку «разноса». Учинял его своим подопечным один из офицеров. Вытянувшись по стойке «мирно!», мальчишки в камуфляже — да, теперь в повседневной жизни здесь носят именно такую форму — внимали «воспитательному моменту». Отчитывал их молодой командир за то, что часто и подолгу отираются возле забора, разводя антимонии с городскими девочками. Я грешным делом подумал: «Черт возьми, это же так естественно, весна в разгаре!» (Дело было в мае.)

А тут стой, потей, внимай...

С Ваней (Иваном Александровичем) Лебедем, который нынче за-

канчивает третий курс, а значит — выпускник, все само собой ясно.

Поглядывая на меня немного исподлобья, низким, глубоким голосом (вылитый отец!) Ваня рассказывал о своей жизни, о своем выборе, суть которого: «Есть такая профессия — Родину защищать» — впитана им буквально с младенчества.

— Я с рождения «варился» в армейской жизни, и другую примерить на себя мне было трудно. Нравилось крутиться среди солдат, есть с ними из одного котла. Нравилась дружба солдатская и офицерская и их служба. Я и к отцу, и к старшему брату приставал: «Как стать военным?». Отец меня понял и сказал однажды, когда я достаточно вырос: «Ступай-ка ты в суворовское, начинай взрослую жизнь».

— Что-то новое тут для себя открыл?

— Я видел, как уважали в армии моего отца, как выполняли все его команды. Но в доме-то он не командовал, и я, в общем, не знал, что такое подчиняться приказу. Оказалось, что подчиняться — самое трудное... Конечно, за эти три года стал взрослее и как-то sooner, что ли; собираюсь поступать в Тульское высшее артиллерийское училище — без суворовского поступить было бы куда труднее.

По-разному складываются судьбы выпускников. Для большинства армейская служба становится призванием, жизнью, судьбой — удачей. Ну, а кто-то позже выбирает иной путь, но все равно в душе остается суворовцем.

Евгений Долгов после суворовского поступил в Пушкинское высшее училище радиоэлектроники ПВО и с лейтенантскими погонами отправился к месту службы.

— Я рвался на Дальний Восток — другие края, нормальные

деньги, интересная работа. Но направили меня на Украину, в Николаев. И как раз в 1987 году, когда я там оказался, началось сокращение. Меня оно не коснулось, и я приступил к работе в исследовательском Центре электронной радиолокации. Объект уникальный, таких в Союзе было всего два.

Все шло нормально, пока Украина не объявила о своей независимости. Там только и разговоров было, что теперь-то все пойдет замечательно. Не знаю, может, кому и стало лучше. Но я до сих пор помню, как мутрно было на душе, когда пришлось принимать новую присягу. И с этой «незалежностью Украины» часть наша стала хиреть на глазах. На те купоны, что мы получали, прожить было невозможно. Без офицерского пайка просто бы пришлось голодать. А я к тому времени уже семью имел... В общем, год назад перебрался обратно в родную Тверь, благо здесь

у бабушки квартира. Устроился работать во вневедомственную охрану. На военную службу возвращаться не хочу, хотя предлагают. «Навоевался», через такие унижения прошел, век бы не вспоминать.

А вот наше суворовское училище... Это были самые светлые годы. Если бы сейчас вернуться лет на пятнадцать, все равно бы стал туда поступать. Просто как в школу жизни и товарищества. И образование получил такое, что чувствую себя человеком. Между прочим, все четыре тома «Войны и мира» я именно в училище прочитал. И еще помню, как здорово было в летнем лагере на учениях — палатки, стрельба, взрывпакеты. Именно тогда впервые почувствовал себя военным...

В корпусах, которые сегодня занимает Тверское суворовское училище, до революции была духовная семинария. Здесь жили и учи-

лись смирению и послушанию. Нынче по узким старым коридорам снуют мальчишки в военной форме.

Но и сегодня в этих стенах порядки строгие, армейские. Это в школе — хочешь учишься, хочешь гуляй, все равно до аттестата тебя дотянут. Здесь же, коли поступил, изволь учиться. В первом полугодии чуть ли не у половины ребят, не привыкших к подобным строгостям, есть двойки. Тех, у кого учеба ну никак не идет, безжалостно отчисляются.

«Р-р-рота, подъем!» Новый день начинается ровно в семь утра с зычного окрика дежурного. Полу-часовая зарядка, заправка постелей, завтрак — и уроки, почти до четырех часов, с перерывом на обед. Потом садись за домашнее задание, что в общем-то продолжение уроков, занятия на воздухе, в кружках, ужин, телевизор. В половине одиннадцатого — отбой.

Сурово? То-то и оно. Поэтому дисциплину иной раз норовят нарушить. «Самоволку», курение тут еще могут простить, взяв железное военное слово, что больше такого не повторится (здесь не перед мамой хныкать — дескать «я больше не буду», здесь слово надо держать). Но есть и такие провинности, за которые отчисляют без всяких разговоров.

В каждой казарме, а иначе и не назовешь аскетично обставленные — железные кровати и тумбочки, больше ничего — спальные отсеки, есть специальные холлы, в которых полно спортивных снарядов. Мало тебе накачивать мышцы только на занятиях, тягай гантели и штангу и в свободное время. Однако не так давно произошло ЧП. Преподаватели заметили, что компания ребят нарастила бицепсы и трицепсы слишком уж рельефные и очень уж быстро. Тайну училищных «шварценеггеров» раскрыли скоро:

парни применяли анаболики — гормональные препараты для наращивания мышц. Здесьним уставом это категорически запрещено. Ни слова раскаяния, ни приезд родителей в этом ЧП не помогли: «качков» отчислили. Столь же суров приговор и для тех, кто решит, что «пепси» слабовато для «настоящих мужчин», надо глотнуть покруче...

Что же, спросите вы, так и держат ребят в тугой узде — с девчонками не говори, на прогулке не задержись, сигареткой не побалуешься? И фильмы им, поди, крутят только про Чапаева да про Буденного?

Да нет, конечно. С 16.00 субботы и до 19.00 воскресенья — выходной. Если нет двоек и замечаний по дисциплине — дуй в увольнительную и расслабляйся. Можешь пойти на дискотеку, которая проводится в училище аккуратно каждую субботу. Юные тверячанки в надежде попасть на эти танцы у проходной в очередь становятся.

— Как будто нельзя всех пустить, — сказала мне с обидой одна из них.

— А что, других дискотек в городе нет?

— Есть, но там неинтересно. Курят, пьют, дерутся... С суворовцами интересней. Они и знают куда больше, чем те, и вести себя умеют. И поговорить с ними можно по-человечески...

О девчоночьем интересе к ребятам в погонах я и раньше был слышан. Старшеклассницы, например, возвращаясь из школы домой, норовят сделать крюк, чтобышний раз прогуляться мимо училища. Толпа девчонок, желающих попасть сюда на дискотеку, убедила меня окончательно: тянет-таки слабый пол к военной форме.

...А не хочешь плясать в выходной под «попсу», можешь отправиться в кино. Это мальчишки любят, особенно если в ближайшем

кинотеатре идет какой-нибудь боевик или комедия. И по видуку такие фильмы крутят чаще всего. Кстати, училищное руководство их в этом поддерживает. Чем смотреть разную чернуху «из нашей жизни», пусть лучше поучатся у сильных и здоровых американских парней, как отстаивать справедливость и правое дело. Там же всегда добро побеждает зло, а герои благодарные обязательно берут верх над жадными, коварными и трусливыми.

Я, признаться, даже удивился, услышав такие рассуждения от капитана Алексея Варфаломеева, занимающего в училище должность старшего офицера по социальной работе и профилактике правонарушений.

Но чаще всего мальчишки, особенно с первого курса, в выходные ныряют под теплое крылышко родителей. Курсанты здесь в основном из ближайших областей и самой Твери и все больше — дети военных...

Когда разгорелись Афганистан, а потом Таджикистан, Приднестровье, Абхазия, Чечня, когда армия вновь почувствовала запах пороха не на ученьях, а в настоящих боях, когда снова пошли в российские дома похоронки, время как бы повернуло вспять. Мальчишек из семей погибших военнослужащих опять зачисляют в суворовские училища, которых в России осталось всего семь, практически без конкурса — лишь бы не провалили экзамены. Вот почему вместо двух рот по 110 человек в Твери, например, набирают роты по 150—180. И железные кровати в спальнях становятся двуспальными, а сами спальни — все больше похожими на казармы.

...Старший сын генерал-лейтенанта Пшеничникова уже закончил Тверское училище. Второй, Миша, заканчивает в этом году.

— В школе удивлялись: отец — генерал, живем в одном доме с Руцким и Грачевым, а я такой разгильдяй. Не верили, что могу поступить в суворовское. Но у нас в семье все мужчины, начиная с деда, — военные. Так что пришлось поднапрячься, чтобы прилично сдать вступительные экзамены. Можете спросить преподавателей, они не дадут соврать — здесь я сильно набрался ума. Во всяком случае, разгильдяем меня теперь никто не назовет...

Если говорить о династиях, то здесь же, в Тверском суворовском, учится и сын заместителя начальника училища четырнадцатилетний Саша Пыжов.

— У меня сомнений не было: я рос среди суворовцев, мне с ними было весело, интересно. Но всей подноготной их жизни я, конечно, не представлял. И в первый месяц учебы был просто в шоке — это сколько же, оказывается, надо заниматься... Тут не делают различий, чей ты сын — Пыжова, Лебеда или Сидорова. Со всех спрашивают одинаково.

Суворовские училища всегда считались заведениями элитарными. Попасть в них традиционно было сложно. А в последнее время вообще слухи поползли — вроде теперь здесь учат и языкам в совершенстве, и бальному танцу, и этикету. Про этикет ничего не скажу, а вот владеть компьютером здесь учат точно — Тверское единственное из суворовских училищ, где есть собственная лаборатория программных систем.

Летом первый-второй курсы отправляются на лагерные сборы. В конце июня в стенах училища поселяется робкая «абитура» — 13—14-летние мальчишки. Первого июля начинаются экзамены — диктант, математика, физическая подготовка, тесты на профпригодность

к службе в армии. Те, кто сумел пройти все испытания, посвящаются в суворовцы. Им поначалу предстоит специальный курс — основы строевой подготовки, устава, дисциплины. И первогодки с гордостью начинают чувствовать себя хоть чуть-чуть, но военными. Не поступившие, я удивился, утирают кулаками слезы.

— Вы напрасно удивляетесь, — говорит Варфаломеев. — Суворовские училища, и наше в том числе, дают такие фундаментальные знания, каких не получишь нынче ни в школе, ни в самом престижном платном лицее. Практически, закончив СВУ, человек обеспечивает свое будущее. Это я знаю по собственному опыту — сам в свое время здесь учился. Любой наш выпускник, поступивший в высшее военное училище, даст огромную фору курсантам, пришедшим «с гражданки». К тому же родители, отдавая сюда своих детей, твердо знают: у нас парень будет всегда сыт, одет-обут и под присмотром.

В подтверждение своих слов капитан пригласил меня в столовую. Мы пересекли внутренний двор и попали в необъятных размеров обеденный зал — все-таки одноментно вон какую ораву надо накормить, целых девятьсот «гавриков». Мальчишки-дежурные в белых фартуках поверх пятнистой формы расставляли на столах тарелки и кастрюли. Под вкусный борщ с мясом, котлеты с картошкой, салат и яблочный сок, нарушая «пионерлагерную» заповедь «когда я ем — я глух и нем», спрашиваю капитана о его службе после суворовского.

— Отсюда я поступил в Минское училище Варшавского Договора. И учился в нем, уже не особенно напрягаясь. База была заложена... Нас там было двадцать шесть суворовцев. На фоне остальных мы, скажу без ложной скромности,

держались на высоком уровне. Трое, в том числе и я, получили красные дипломы.

Из Минска попал в Первый гвардейский полк Таманской дивизии — замполитом отличной роты. Служилось нормально. Однако долгое время никак не решался и в перспективе не просматривался вопрос с жильем. Я же к тому времени женился, стал отцом. Негоже было офицеру отираться по чужим углам. Да и дорого. Вот почему, когда появилась возможность, перебрался сюда. Правда, с понижением в должности, но зато — с квартирой. С мальчишками работать нравится — я ведь еще не забыл, как сам был суворовцем.

— Не жалеете, что стали офицером?

— Да что вы! Я уверен, что это престижная и благородная профессия. Мальчишек мы тому же учим. Они приходят в таком возрасте, когда из них, как из глины, можно вылепить что угодно... Мы готовим честных, думающих профессионалов, если хотите — интеллектуалов, интеллигентов.

Тут я припомнил свое знакомство с некоторыми людьми в погонах и заметил, что прошли те времена, когда офицеры считались сливками общества не только за умение хорошо выглядеть и лихо танцевать, но именно за образованность и порядочность. Но тут за наш столик подседа учительница русского языка и литературы Светлана Ищук.

— Не скажите, — почти обиделась она на мое замечание. — У суворовцев традиции идут как раз из царского времени. Вы, например, знаете, что первый шляхетский кадетский корпус был создан по царскому указу в Санкт-Петербурге еще в 1731 году? До революции кадетских корпусов в стране было около тридцати, и они выпускали из своих стен действительно блестящих офицеров.

Нынешнее поколение растет не читающим, а смотрящим. Тем важ-

нее, чтобы читали со вкусом, коли уж берут в руки книгу. Мои ребята знают не только кто такой Чейз, но и кто такие Иосиф Бродский и Владимир Набоков... Поверьте, наши выпускники в свои семнадцать лет интеллектуально развиты не хуже, чем некоторые рафинированные мальчики из так называемых «благородных семейств», которые морщатся при упоминании об армейской службе. Я уверена, что за уровень образованности наших суворовцев нам нигде не было бы стыдно...

Но военное дело — это в большей мере разработка тактики и стратегии ведения военных действий, чем возможность блистать в обществе, выказывая лоск и эрудицию. И поэтому всю неделю у суворовцев — военные будни. Военные не только из-за распорядка дня; кроме физик-литератур-историй-математик, здесь изучают и специфические дисциплины.

— Военная подготовка, — объяснял капитан Варфаломеев, — включает в себя подготовку тактическую, огневую, строевую, защиту от оружия массового поражения, военную топографию, связь, инженерное дело, автовождение, изучение общевоинских уставов. От нас выходят готовые командиры отделений высших училищ сухопутных войск. Туда их, между прочим, принимают без экзаменов. За исключением таких элитных вузов, как Медицинская академия или Академия ФСБ. Но и в эти вузы не выдерживают конкурса лишь считанные единицы наших выпускников.

— Я уже тридцать лет служу и могу судить, как у нас обстоят дела, — рассказывал мне начальник училища генерал Юрий Федоров. — На мой взгляд, суворовские училища — единственные в стране островки воспитания и образования, которые не растеряли своего опыта. Мы не пустились в новомодные течения, когда детям с первого класса преподают два языка, но

зато до самого выпуска они не могут показать на карте, где находится Африка, и объяснить, чему равен квадратный корень из четырех... Мы сохранили цельное образование; не навязываем всем поголовно занятия танцами или английским, историей культуры или этикетом. Кто интересуется, для тех есть кружки и спецкурсы. Если же мальчишку больше интересует вождение автомобиля, то он может у нас прекрасно заниматься и этим. Основные знания человек должен получать в обязательном порядке, все остальное — выбирать. А мы ему такую возможность предоставляем. Вы, конечно, видели, что, например, столовая у нас не блещет красотой, мебель не самая новая. Но у нас есть все, что необходимо для жизни нормального мужчины, который готовит себя к армейской службе.

Все это так, но, вернувшись в Москву, я понял: одно дело наблюдать за жизнью определенного коллектива, другое — уловить подспудные течения того армейского бытия, что зовется первоначальной подготовкой военных кадров. Недаром в Министерстве обороны России существует целое управление военного образования сухопутных войск.

С заместителем начальника этого управления полковником Бондаренко у меня и состоялся разговор.

— Валентин Николаевич, поездка в Тверь мне, например, показала — маловато для России семи суворовских училищ. Мальчишки, оказывается, очень охотно готовят себя к армейской службе. Конкурсы сумасшедшие.

— В прошлом году Президент издал Указ, по которому предусматривается увеличение числа суворовских училищ, которые давали бы и законченное среднее образование, и соответствующее воспитание для дальнейшей военной службы. Сейчас работа по созданию новых учебных заведений ведется, но

это, как вы понимаете, дело не одного дня.

Мы понимаем — офицеры много кочуют, их направляют служить то туда, то сюда. Где учиться их ребяташкам, изначально как бы нацеленным на армейскую службу? Для детей военнослужащих суворовское училище — чуть ли не единственный надежный путь в большую жизнь. Вот и надо решать эту проблему проверенным путем. Уже сейчас половина суворовцев — дети военных.

— Действительно ли суворовцы к учебе в вузах подготовлены лучше, чем ребята из обычных школ и даже лицеев?

— Две трети курсантов высших военных училищ — бывшие суворовцы — учатся вообще без троек. Почти все сержанты в курсантских подразделениях — выпускники суворовских училищ. Да и на офицерской службе они, как правило, осваиваются лучше, умеют быстрее сплотить коллектив. Кстати, и в гражданские вузы суворовцы поступают легче выпускников обычных школ.

— Вам не приходилось слышать — дескать, «оловянных солдатиков» готовят?

— Слышал, слышал. Но вы же видели наших ребят, они все разные. Если бы мы готовили «пешек», к нам не было бы таких конкурсов. Привлекает четко работающая система образования и мужское воспитание с ранних лет. Кстати, если пятьдесят лет назад в СВУ принимали с десяти лет и учили семь лет, то теперь суворовцем можно стать лишь после седьмого класса. Сроки обучения менялись — было и пять лет, и два года. Сейчас остановились на трех. И еще замечу — мы, если хотите, сохраняем генофонд России, отвлекая ребят от страшного по нынешним временам влияния улицы, ограждая от наркомании, пьянства. А ведь у нас учатся тысячи мальчишек, и будет еще больше. Да их на руках надо носить!

— Да пусть бы не на руках, хотя бы финансировали существующие уже училища нормально. Я убедился, что там многое могло бы быть лучше, посовременнее.

— Насчет материальной базы вы правы, раньше ее обновляли быстрее, старались держать на уровне. А сегодня есть такие училища, у которых колоссальные долги за коммунальные услуги, за продовольствие. Тут, конечно, спрос с начальников СВУ, с ме-

стных администраций — как помогают будущему российской армии. В Ульяновске, например, 80 с лишним офицеров из суворовского без жилья. В московское суворовское не можем набрать офицеров высокого класса — у всех жилье на первом месте. К чести тверяков могу сказать, что это единственное старое училище, которое с 1943 года — года своего основания — сохранило и постоянно развивает материальную базу. Потому там и

преподавательский коллектив хороший, опытный, и традиции сохраняются... Конечно, затраты на воспитание и образование одного суворовца большие. Вообще, суворовское училище — дорогое удовольствие. Зато самое качественное пополнение для армии! Но... всего-то около восьми тысяч ребят в «погонах на вырост» (это и суворовцы, и нахимовцы!) воспитывает Россия. Не густо...

И тут мне вспомнилось: лет две-

надцать назад тогда еще в Ленинграде, на Садовой, недалеко от Апраксина двора, я увидел прижавшегося с той стороны улицы к чугунной решетке грустного пацана, примерно своего ровесника. Там, за этой красивой решеткой, находилось знаменитое Нахимовское училище — мечта многих и многих мальчишек моего детства. Он, наверное, завидовал нам, свободно гуляющим по прекрасному Питеру, а я завидовал ему, одетому в морскую форму...

34

ВИКТОРИЯ ТОПОНОВА,

24 года,
оператор,
Москва

БЕГ

*Я кричу себе: «Стой, подожди, отдышись!»
Катакомбы метро. Эскалатор пустой.
По подземным горам — то ли вверх, то ли вниз
Все бегу и бегу с головою дурной.
Остановок боюсь, в них таится Ничто.
В них таится Усталость, Никчемность и Грусть,
Я боюсь, что придумаю что-то не то,
Если вдруг среди бега остановлюсь.
Взлет с паденьем меня норовят разомкнуть,
Разорвать между небом и черной землей...
Но паденье со взлетом сливается в путь,
Странный ломаный путь, совершенно прямой...*

АЛЕКСЕЙ ДЬЯЧКОВ,

30 лет,
инженер,
Тула

≡

*Соленый воздух зачищает мыс,
и розовый туман гранитной пылью*

не в черепе кольшется, а в мире,
и слово перевешивает мысль...
Январский холод защищает нас
от лютой многословности, бумага
дана огню, но не слова бумаге,
и жив не далью — невидалью глаз.

ИГОРЬ ПОТОЦКИЙ,

31 год,
водитель,
Одесса

==

*Две женщины, две матери, два сгустка
Энергии, две роковых строки,
Где перегрузка, где мерцают тускло
Огарка два, до боли мне близки.
Одна бедою, страшною войною
Вошла в мой сон, и стона не сдержать.
Другая проживает за стеною
И по утрам выходит провожать.
И как на темном небе звезды схожи —
Одну не отличаем от другой,
Так женщины между собой похожи
Своей обидой и своей бедой.*

РОМАН АНДРЕЕВ,

28 лет,
рабочий,
п. Кама, Удмуртия

==

*Спят пассажиры в вагонах,
тают вдали города.
В мире стоит заоконном
горькая чья-то звезда.
Смысл золотого полета
тухнет над мертвым жильем.
Что нам столетья и годы,
если то пьем, то поем?
Вон — на дырявой фуфайке
спит, как покойник, старик.
Счастья его балалайку
выкрал цыганский мужик.
В диких монгольских глазницах
бабы в пуховом платке
видится смысл удавиться
иль утопиться в реке.
Мать, Пречистая Дева,
смотрит в купе из окна,
зная, что даром сгорела*

наша звезда и судьба.
Слишком мы любим земное:
избы, заборы да грязь.
Мы не увидим Иное —
жизнь мимо нас пронеслась.

АСЯ ШНЕЙДЕРМАН,

25 лет,
библиограф,
Санкт-Петербург

≡

*Стучат-спешат колесики,
торопятся-колотятся.
А сзади за колесами,
растрепаны-разбросаны
колючие колосики —
Земли моей волосики.
Летит планета в сторону
головкою, оторванной
у выпавшего пупса, —
пластмассово и пусто.
Гляжу назад беспечно:
шлакбаумы со спичку;
с монетку семафоры;
путейцы в синей форме,
едва ли ростом с палец,
укладывают шпалы.
Становится игрушечным,
ненастоящим, крошечным
все пройденное-прошлое.
Когда играть наскучит —
сломать, свалить все в кучу
и солнце — шарик красный,
излишний и напрасный,
проткнуть булавкой острой.
Но мастер редкий сделал
дорогу так умело,
на правду так похоже,
что аж мороз по коже.
И перец пыли угольной
жжет горечью некукольной.*

ДМИТРИЙ КУЛАКОВ,

32 года,
журналист,
Москва

АПРЕЛЬ

*Этот безумный —
О! — этот бездумный апрель!*

*Эти ручки,
это сердце за солнцем вдогонку!
Пан колченогий свою починает свирель —
пробуем ноты,
пока еще очень негромко.*

*Вам не услышать —
не каждому это дано.
Только тому,
кто влюблен в эту жизнь безнадежно,
только тому,
кто, пригубив однажды вино,
так опьянел,
что его протрезвить невозможно.*

*Да и зачем?
Пусть хоть кто-нибудь в этом бреду,
в этой толпе,
одичалой и нервно жующей,
слышит,
как кто-то невидимый дует в дуду,
будто транслирует радио райские кущи.*

ЕЛЕНА ШИХОВА,

25 лет,
домохозяйка,
г. Кропоткин Краснодарского края

≡
*От того, что грешна,
И не верю иконам,
И живу не любя —
Помолюсь.*

*От того, что нежна,
И соперница женам,
За саму за себя —
Помолюсь.*

*И за ветер степной,
Всю меня разметавший,
И за звезды в ночи —
Помолюсь.*

*И за месяц больной,
От тоски не дославший,
И за слезы свечи,
И за Русь.*

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ,

ИЛИ „МАШИНА“

По утрам в нашем доме поют трубы.

Накануне я поставил точку, когда уже светало, и пятью часами позже мне ужасно не хотелось просыпаться. Я зарывался в одеяло, накрывал голову подушкой, но все равно не мог не слышать, как с грозным гулом низвергаются в трубах воды, жалобно стонут натянутые жилы нашей изношенной канализации, злобно рычат и трясутся водопроводные краны. Трубы режут так, словно возмущаются о начале Судного дня. Апокалипсис ежедневно. Тот, кто много лет назад громоздил наш железобетонный Вавилон, меньше всего заботился о людях, которые любят спать по утрам. Впрочем, похоже, он вообще мало о чем заботился.

Нечеловечески заскрежетало выще и левее моего затылка. Это полупарализованная старуха Колчицкая, опираясь на свой верный стул, пустилась в путешествие из спальни в кухню.

Где-то подо мной гулко ухнули брошенные в угол гантели.

Вяло твякнул спросонья трусливый и злобный карликовый пинчер Фунтик со второго этажа. Ему немедленно ответил с четвертого толстым залившимся басом дог Тюка, а на шестом визгливым тенорком заблажила красивая дура афганка Марфа. За стенкой справа, подбадривая себя, как ковбой на выезде, гортанными выкриками, занялся любовью с очередной пассией неутомимый Зурик. За стенкой слева у многолетнего семейства Адамчиков пронзительно завизжал чайник. Я понял, что сопротивляться бесполезно, перевернулся на спину и открыл глаза.

СМЕРТИ

СЕРГЕЙ УСТИНОВ

Стоял июль, середина лета. Прямо передо мной в распахнутом окне синело сквозь городское марево бескрайнее небо, и по этому небу спускались осторожные босые мосластые ноги в подвернутых до колен тренировочных штанах. Я сел на кровати, потянулся и громко сказал в окно: «Не дам ни капли». Ноги дрогнули в коленях, но потом, справившись с волнением, упорно двинулись дальше, открывая моему обозрению обнаженный торс своего хозяина.

Если тот, кто строил наш дом, о чем-то и заботился, так это об экономии. Пожарные лестницы у нас соединены с балконами. Люки в полу съедают, правда, часть балконной площади, но зато саму лестницу можно как-нибудь использовать, например, для сушки белья или вяления рыбы. Мой верхний сосед, слесарь Матвей Клецкин, Матюша, как его зовут все в доме, пользуется ею в самые мрачные моменты жизни: когда жена, уходя на работу, закрывает его, тяжело и глубоко похмельного, в квартире, предварительно спрятав у соседки Матюшину одежду и обувь.

Держась нетвердой рукой за перекладину, Матюша просунул в окно свою взлохмаченную голову и из-под потолка послал мне жалкую улыбку. «Ничего не дам», — твердо повторил я. «Умру, — печально сообщил он, проходя в комнату через балконную дверь и останавливаясь посередине с деликатно поджатыми большими пальцами ног. — Сердце остановится, и умру. Как Володечка Высокский».

Запон у Клецкина случаются примерно раз в три месяца. Первые два дня его жена Нинка кое-как терпит, а потом начинает

боротся драконовскими методами. Я взглянул на Матюшину заострившееся лицо с запавшими глазами, на синие трясущиеся губы, вздохнул и отправился на кухню. Он следовал за мной по пятам. На кухне я достал с полки большую поллитровую кружку, накрошил туда две таблетки аспирина, по одной аналгина и валидола, накапал туда же пятьдесят капель валерьянки и все это засыпал ложкой соды. Потом вынул из шкафчика початую бутылку коньяка, отмерил четверть стакана и выплеснул в кружку. «Еще...» — чужим голосом просипел Клецкин, безотрывно наблюдавший за всеми эволюциями бутылки. Но я уже закупорил ее и спрятал на место. После чего извлек из холодильника нарзан, налил кружку доверху, размешал хорошенько и подал Матюше. Он нечувствительно принял ее у меня из рук, отстраненно посмотрел на пенящийся напиток, смежил устало веки и начал пить маленькими глотками.

Минут через пять лицо его порозовело. Я здесь же, в кухне, уложил его на кушетку, принес из комнаты машинку и сел перепечатывать материал. Больному на глазах становилось легче. Подложив руку под голову, он некоторое время благосклонно следил за мной, потом, отрыгнув деликатно в ладошку нарзаном, произнес: «Вот ты все пишешь и пишешь в своей газете. Я иногда читаю, чего ты там пишешь, и гадаю: когда тебе по башке дадут?» «Не знаю», — рассеянно откликнулся я, вставляя новый лист в машинку. «Во-во! — сказал он. И неожиданно предложил: — Хочешь, я тебе стальную дверь поставлю?»

Я рассмеялся. «Зря скалишься, — осудил меня Матюша. — Стальная дверь вещь полезная. От лихих людей». «Полезная и дорогая», — кивнул я. «Да тебе ж бесплатно предлагают!» — обиделся он. Я укоризненно покачал головой, сказал наставительно: «Матюша, неправильное похмелье приводит к запою. Можешь мне хоть золотой унитаз обещать, больше не налью».

От возмущения Клецкин резко сел на кушетке. Но сейчас же охнул, зажмурился и упал обратно. «Не прошу я налить, — скорбно простонал он. — Святую истинную правду говорю! Эту чертову дверь Глузман из пятнадцатой заказал и деньги вперед заплатил. Я и сделал, как положено, с сейфовым замком — кроме автогена, ничем не возьмешь. А он, гад, не дождался своего счастья, отвалил в Америку с концами. И теперь эта дура торчит у меня посреди квартиры, ни пройти, ни проехать. Нинка ругается...» «Поставь себе», — посоветовал я. «Мне зачем? — удивился он. — Мне бояться некого. А ты бери, пока дают». Я живо представил себе хохмочки, которые пойдут по нашей конторе, когда станет известно, что я живу в сейфе, вздохнул и сказал: «Мерси. Только я ведь не могу все время за железной дверью сидеть. Мне на работу ходить надо». «Да, — подумав, согласился Матюша с сожалением. — Железную башку я тебе, конечно, не приделаю».

2. ЛЮМБАГО

Хозяин кабинета уже битых четверть часа разговаривал по телефону, а мы с Артемом Дашкевичем сидели в низеньких крес-

лах по бокам от маленького столика и изнывали от жары и скуки. Секретарша Таракана Нелли, некрасивое злобное существо в бифокальных очках, отыскала нас в буфете, где мы пили кофе, подошла и вместо «приятного аппетита» сказала: «Дашкевич и Максимов, срочно к редактору». Артем приподнял одну бровь и показал на чашку: «Кофе взять с собой или можно здесь допить?» Нелли негодуяще фыркнула, развернулась и вылетела из буфета так, будто ей этого кофе налили за шиворот. Прежде чем уйти, мы выпили еще по чашечке, но эта стерва, конечно, наступала про нашу непочтительность шефу, и теперь редактор давал нам понять, кто здесь главный.

Наконец Таракан положил трубку, пригладил усы и обратил на нас свои выпуклые глаза. По его лицу я уже видел, что ничего радостного он нам сейчас не сообщит. «Ребята,— сказал он,— похоже, Дранов сильно прокололся».

Мы с Артемом переглянулись. Митенька Дранов был специальным корреспондентом, таким же, как Дашкевич и я. Обычно каждый из нас сам неплохо справлялся со своими проблемами, и должно было произойти что-то из ряда вон, чтобы редактор срочно вызвал к себе нас обоих на предмет обсуждения драновского прокола. «Отечество в опасности?» — с преувеличенным испугом наклонился в сторону редакторского стола Артем. «Не ерничай,— оборвал Таракан.— Читали его материал в прошлую субботу?»

Мы читали. Материал, как материал. «**ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЭТАЖЕЙ КОРРУПЦИИ, НЕ СЧИТАЯ ПОДВАЛА**». Так, кажется. Что-то там о многоэтажной системе взяток и поборов в новом международном гостиничном комплексе и вокруг него. Сенсацией статью не назовешь, просто хорошая профессиональная работа.

«Основным источником у Дранова был... — Тараканьи глаза поискали среди бумаг на столе и нашли: — Шиманский Артур Николаевич, директор ресторана в южном крыле. Какой-то у него там вышел конфликт с генеральным директором, и он разговорился. Все выложил Дранову, в подробностях...» «И что, много наврал?» — сочувственно поинтересовался Артем. Сочувствие, надо полагать, относилось к Митеньке Дранову. «Много?! — Таракан страдальчески воздел брови. От этого глаза его вылупились еще больше, а усы встали дыбом. — Вчера он позвонил прямо мне, вот по этому телефону, и заявил, что наврал все!» «Так и сказал?» — поразился я. «Нет, конечно,— тяжело вздохнул Таракан.— Сказал, что не знает никакого Дранова и что не подтвердит ни единого слова, напечатанного в газете».

«Так,— сказал Артем. Лицо у него сделалось холодное, отстраненное. Признак того, что он уже включился в работу. — А есть ли уверенность, что звонил сам Шиманский?» Таракан покачал головой. «Разумеется, нет. Но вчера ему весь день звонили сначала на службу, потом до глубокой ночи домой — никто не отвечает. А сегодня с утра явился ко мне их юрисконсульт, удивительно мерзкая рожа... И с ехидной улыбочкой сообщил, что руководство гостиничного комплекса подает на газету в суд — за диффамацию и за нанесение материального ущерба», «Какого-какого?» — не поверил я своим ушам. «Материального,— с ненавистью про-

цедил Таракан. — У них, видите ли, после нашей статьи клиенты разбегаются, в том числе иностранные. Похоже, решили отоспаться на нас всласть...» «Постойте, постойте, — сказал Артем. — А что Дранов-то? Он разве не записывал своих разговоров с Шиманским?»

Вопрос резонный, отметил я. Митенька аккуратный мальчик и вполне профессиональный репортер. «Записывал, — кивнул Таракан. И вдруг ни с того, ни с сего грохнул кулаком по столу. — А потом стер, идиот! Через неделю после публикации решил, что все в порядке, и стер. Вернее, как ему кажется, записал на этой кассете что-то еще». «И был великий эконо... — пробормотал себе под нос Артем и спросил: — Так что от нас требуется? Помочь Митеньке восстановить провалы в памяти у этого Шиманского? Бойтесь, что сам не справится? Или вышел из доверия?» «Дранов болен, — мрачно сообщил редактор. — Не может встать с постели». «Что с ним?» — удивился я. Кажется, еще третьего дня он мелькал в редакции. «Люмбаго», — еще мрачнее ответил Таракан. «Люмбаго?» — переспросил Артем, наморщив лоб. Видно было, что красивое слово навевает ему какие-то воспоминания, но точного смысла он не помнит. Таракан, однако, уже нетерпеливо взмахнул в воздухе листком из блокнота. «Вот вам все координаты, найдите этого чертового Шиманского и вытрясите из него душу. Тут явно нечисто».

Мы поднялись и вышли. То, что здесь паленым шибает прямо в нос, было ясно и без лишних пояснений. В приемной, остановившись напротив конторки, за которой, подложив подушечку под свой плоский зад, восседала Нелли, Артем достал пачку сигарет и закурил, пустив струю в потолок. Поглядев на висящее рядом с конторкой секретарши строгое предупреждение «Здесь не курят!», я подумал и тоже достал сигарету. Заряд ненависти, многократно усиленный бифокальными стеклами, обдал меня с головы до ног. «Так ты можешь мне объяснить, что случилось с Драновым?» — озабоченно спросил Артем. Я ответил, больше думая не о медицинском диагнозе, а вообще обо всей этой странной истории: «Похоже, Митеньке вступило».

3. ПАМПАСЫ

«Мне нужен Максимов. Или Дашкевич». «Я Максимов». «Вы Максимов?» «Да». «Это ваша, что ли, была статья про валютных ломщиков у обменных пунктов?»

Голос мне не понравился. Развязный был голос. Даже наглый. Если бы он задавал свои вопросы не по телефону, а лично, да еще где-нибудь в пустом и темном парадном, я бы уже прикидывал, куда мне сейчас врежут. Но я сидел в своем кабинете напротив Артема и чувствовал себя в безопасности. «Моя статья, — согласился я. — Там даже подпись внизу есть». «Во-во, — удовлетворенно подтвердил голос. Но на этом не успокоился: — А про ночных поливальщиков вы писали?» Пришлось признать, что материал про водителей ночных поливальных машин, у которых в любое время можно получить и бутылку, и пакетик с травкой, и

телефончик девочки, тоже мой. «Так, — сказал голос и сделал паузу. — Так. А сколько вы заплатите за информацию о мафии на беггах?»

Я расхохотался. Артем удивленно поднял на меня глаза. «Нечего ржать, — раздраженно продолжал голос в трубке. — Вся та чушь, которую описывают в газетах, — тьфу! Лажа! А я могу рассказать все, как есть, в натуре. Тут делаются миллиарды — уж я-то знаю! Ну, так сколько?» «Мы не платим за информацию», — ответил я уже серьезно. «Это почему же?» — в голосе мне послышалось недоумение и даже обида. И я честно ответил: «Денег нету». «Совсем?» — недоверчиво спросили на том конце провода. «Совсем», — искренне вздохнул я. «Так», — в третий раз с начала разговора произнес голос и снова взял тайм-аут. Я деликатно не прерывал размышлений своего невидимого собеседника. И в награду услышал: «Ладно, хрен с вами, получайте даром. За полкило коньяку. Срослось?» «Если информация будет интересной», — предупредил я. — «Будет! — заверил он. И тут же заявил: — Только к вам светиться я не пойду, хватит мне своих неприятностей. Где встретимся?» «А где вы сейчас находитесь?» «Кафе «Эдем» на Малой Бронной. Знаете? Вонючая забегаловка, а за стакан дерут, как в «Метрополе». «Ладно, — сказал я. — Ждите нас там. В течение часа подъедем — или я, или Дашкевич. Как вас узнать?» «Узнаете... — проворчал голос. — Я тут буду самый трезвый. И в красной шапочке на голове».

Я положил трубку и пересказал все Дашкевичу. Надо было ехать искать этого Шиманского, и встречаться с «красной шапочкой» тоже было надо. «Ты что предпочитаешь?» — спросил я Артема. «Красную шапочку, — не задумываясь ответил он. — А ты?» «Я тоже». Поиски белого рестораника не сулили быть чересчур увлекательными. «Кинем монетку?» — предложил Артем, уже выуживая из кармана мелочь. «Орел», — сказал я. Я всегда говорю «орел». Новенький пятирублевик золотой рыбкой блеснул в воздухе и опустился на ладонь Дашкевича кверху репкой. «Везунчик», — пробормотал я, а Артем счастливо рассмеялся: по-моему, еще не было случая, чтобы он мне проиграл.

У входа в редакцию наши машины грелись на солнышке рядом друг с другом. Мой старый, облезлый, с проржавевшими боками «жигуленок» первой модели, который отечественное народонаселение зовет хоть и ласково, но слегка пренебрежительно «копеечкой», и его сверкающая белым лаком пятидверная «Тайга». «Завезу Лильке продукты — и на Малую Бронную, — сказал мне Артем. — Если быстро освободишься, приезжай туда».

Выбираясь на дорогу, ведущую в Измайлово, я думал о том, что и сам я в некотором роде тоже везунчик. Природа, наградив меня многими недостатками, обделила одним: завистливостью. То, что мой друг Артем — обладатель роскошного автомобиля, прекрасной квартиры, красавицы-жены и сына-вундеркинда, а у меня этого ничего нет в помине, не вызывает во мне никаких чувств, кроме легкой грусти. Зато, как говорят на Востоке, даже сорок воров не оберут одного голодранца.

У «Интертура» я припарковался прямо напротив центрального входа и несколько минут сидел в машине, изучая обстановку.

Обстановка не вдохновляла. Огромные стеклянные двери, которые непрерывно вращались, впуская и выпуская из гостиницы толпы людей, не обманули меня своей кажущейся доступностью. Сразу за ними просматривалась тусклая позолота галунов двух, если не трех, бдительных швейцаров. Вход по пропускам. Безопасность и еще раз безопасность.

Поразмыслив, я решил, что время шеголять моим редакционным удостоверением еще не настало. Если мне и суждено его кому-нибудь предъявить в этой гостинице, то начинать надо не со швейцара. Это в массе своей люди, привыкшие к простым и суровым методам. А благодаря стараниям Дранова название моей газеты может вызвать у них непредсказуемую реакцию.

Лобастый «Икарус», пыхтя и отдуваясь, принялся сгружать на раскаленный под солнцем асфальт очередную порцию ошалевших от жары интуристов. Я счел момент подходящим, запер машину и ненавязчиво влился в их толпу. Через минуту, отнюдь не обольщаясь легким началом, я стоял посреди прохладного холла и озабоченно оглядывался. Пожалуй, мне нужна вон та дверь с надписью «Только для персонала» аж на четырех языках. Чем я не «персонал», если вдуматься?

За дверью была лестница вниз, два марша которой привели меня к устью широкого коридора, устланного серым жесткошерстным тафтингом, и я пошел по нему, не слыша собственных шагов. Вскоре по бокам стали появляться таблички: «Бухгалтерия», «Начальник службы приема», «Телетайп», что-то еще. И наконец я добрался до той, которую искал: «Отдел кадров». Остановившись перед ней, я вытащил из кармана куртки свой старый бумажник, порылся в боковом отделении, куда обычно складывал чужие визитные карточки, и нашел подходящую. Держа ее в руке, толкнул дверь и оказался в святой святых каждого уважающего себя учреждения. В окружении стеллажей со множеством ящичков, рядом с распахнутой пастью огромного, как пещера Али-Бабы, сейфа сидела миловидная женщина средних лет. С дружелюбной улыбкой я поздоровался и положил перед ней карточку, говоря: «Кацнельсон Аркадий Натанович, из инюрколлегии».

Не самая лучшая фамилия для беседы с работником отдела кадров, особенно если этот работник старой советской закваски, но другой подходящей визитки под рукой не было. Вопреки опасениям женщина в ответ любезно улыбнулась. Быть может, недостатки происхождения отчасти скрашивались солидным местом работы. «Мы разыскиваем родственников Стива Шиманского, умершего год назад в Аргентине, — начал я. — По поводу наследства. У вас ведь, кажется, работает человек с такой фамилией? Знаете, — наклонился я к ней доверительно, — не всегда стоит заранее обнадеживать. Поэтому хотелось бы предварительно ознакомиться с анкетными данными и...»

Я умолк, потому что ясно увидел, что мое красноречие приводит совершенно не к тем результатам. Миловидная дама поднялась зачем-то из-за стола, правой рукой слепо нашарила дверцу сейфа и с грохотом захлопнула ее. Любезная улыбка отскочила в сторону, как будто держалась до этого на резинке, глаза стали

стеклянные, губы слиплись в узкую полоску. В мгновение ока дама сделалась похожа на свой сейф. Морда на замке. «Шиманский здесь больше не работает», — процедила она. «Давно?» — искренне удивился я. «Со вчерашнего дня. Уволен по собственному желанию». «Но ведь его «дело» у вас есть. Я бы хотел взглянуть на год и место рождения, затем мне нужен его адрес...» Бронированная дама взглянула на меня так, словно Аркадий Натанович Кацнельсон попросил руки ее единственной дочери. «Нет, — выдохнула она. — Ничего не дам. Приказ генерального директора. Идите к нему. Налево по коридору и на лифте до двадцать восьмого этажа». Пожав независимо плечами, я без излишней нарочитости смахнул со стола не оправдавшую себя визитку, повернулся и вышел, размышляя о том, какой, однако, предусмотрительный человек этот генеральный директор. 1 : 0 в его пользу.

Когда на табло зажглась цифра «28», двери служебного лифта мягко и бесшумно разъехались, я шагнул вперед и оказался в помещении, где в качестве отделочных материалов преобладали мореный дуб и натуральная кожа. Вероятно, это было что-то вроде приемной, если взять во внимание пышнотельные диваны вдоль стен и стол секретаря возле единственной ведущей куда-то дальше двери. За этим столом, оснащенным пятком самых современных телефонов, телефаксом, селектором, компьютером и еще Бог знает чем, сидел молодой плечистый мужчина в ослепительно белом пиджаке. Черные, аккуратно зачесанные на пробор волосы и тонкая ниточка усов дополняли первое впечатление. Язык не поворачивался назвать этого изысканного джентльмена секретарем, и я мысленно поднял его в должности до референта. Увидев меня, он немедленно поднялся из-за стола и с предупредительным видом вышел навстречу. Загородив при этом дверь.

«Мне бы хотелось поговорить с генеральным директором», — сказал я ему. Белый пиджак в его туалете элегантно сочетался с ослепительно, если можно так выразиться, черными брюками. Такое впечатление, что он только что сошел с трапа прогулочной яхты. «Простите, по какому вопросу?» Сама любезность. Интересно, что он запоет через полминуты? Я вздохнул и полез за удостоверением. Ничего хорошего от последствий этого шага я не ждал, но разведка боем есть разведка боем.

Референт принял книжечку из моих рук, внимательно изучил ее, и на лице его не отразилось ничего. Больше того, мне показалось, что тон его сделался еще любезней. «Боюсь, Владимир Олегович не сможет вас сейчас принять». «Вот как? А не смогли бы вы узнать, когда он сможет это сделать?» Он медленно покачал головой: «Мне жаль огорчать вас, но боюсь, Владимир Олегович не сможет вас принять ни-ког-да». Физиономия у него была совершенно непроницаемая, но я взглянул ему прямо в глаза, и до меня наконец дошло, что он надо мной издевается. Тогда я тоже улыбнулся и сказал как можно более задушевно: «Ты, лакей, холуйская морда, а ну пропусти меня».

Это его проняло. Лицо у него стало одного цвета с пиджаком, но ответить он ничего не успел, потому что дверь за его спиной отворилась, и в приемную вышли трое: красивая крашеная блон-

динка, маленький потный толстяк и высокий с холеным бульдожьим лицом, которое показалось мне знакомым. Именно к последнему круто повернулся на каблуках референт, из чего я сделал вывод, кто здесь главный. «Что тут происходит?» — насупясь проворчал бульдог, оглядывая меня с головы до ног. «Вот, Владимир Олегович...» — почтительно подавшись вперед, референт протянул ему мое удостоверение. Едва генеральный директор взглянул на обложку, лицо его разгладилось. Больше того, Владимир Олегович широко удовлетворенно улыбнулся. И ласково спросил: «Разве мой юрист не был у вас в редакции?»

Я молчал. А генеральный директор продолжал еще ласковее: «Разве он не сказал вашему редактору, что я заставлю его по ложечке сожрать все то дерьмо, которым он обмазал меня в своей газетенке?» Я молчал, ибо задаваемые мне вопросы следовало безусловно отнести к разряду риторических. А лицо Владимира Олеговича вдруг из ласкового сделалось холодным и высокомерным. «Следующая встреча — в народном суде, — произнес он. — А сейчас я вас больше не задерживаю». Мясистые пальцы генерального директора медленно разжались, и мое редакционное удостоверение с легким стуком упало наощеный паркет.

У меня потемнело в глазах. Первая мысль была: поднять удостоверение, а потом исхитриться и плюнуть генеральному в морду. Вторая: поднять удостоверение, плюнуть в морду и заехать пресс-папье по ихнему компьютеру. Третья мысль состояла в том, что первые две никуда не годятся. Надо взять себя в руки. Надо взять себя в ставшие мгновенно липкими и дрожащими мелкой дрожью руки, потому что при разведке боем потери неизбежны. Все четверо глядели на меня с ухмылочками, откровенно предвкушая наслаждение. Шире всех ухмылялся чернявый реферюга — этот со своего корабля угодил прямо на бал. Не отрывая от них глаз, я присел на корточки, взял с пола удостоверение, сдул с него несуществующую пыль и спрятал в карман. Поднялся, дошел до лифта, нажал кнопку. Двери разъехались. Ступив в кабину, я повернулся, еще раз оглядел всю компанию, сделал им ручкой и сказал: «Господа, желаю вам приятно провести оставшееся до суда время».

И по странному свойству памяти, еще до того, как лифт снова опустил меня в подвал, я вспомнил, откуда мне знакомы бульдожьей брыльки генерального директора. Бредя в обратную сторону жесткошерстным подземельем «Интертура», я уныло размышлял о двух вещах. Во-первых, о том, что человек, у которого профессия — совать нос в чужие дела, всегда должен быть морально готов по этому самому носу получить. А во-вторых, что лично я не бываю к этому готов никогда. К концу коридора я, однако, пришел к выводу, что в мои годы менять специальность поздновато, и решил попытать счастья в третий раз.

В лучших сказочных традициях ресторан в южном крыле гостиницы именовался «Каменный цветок». Время завтрака уже миновало, обеденное еще не наступило, и на стульях перед богато разукрашенным фальшивым малахитом входом томилась жарой и бездельем несколько официантов. Появление одинокого посетителя не вызвало у них ни прилива трудового энтузиазма, ни даже

интереса, и я беспрепятственно проник в зал. Никакого четкого плана действий у меня не было, поэтому для начала я решил отыскать кабинет Шиманского: в конце концов не мешало собственными глазами убедиться, что он пуст.

Пройдя меж столиков, я завернул за загородку, отделяющую зал от кухни, и тут нос к носу столкнулся с человеком в черном смокинге и при бабочке. Метрдотель. Сейчас он задаст мне неизбежный вопрос, что я делаю в таком неподобающем постороннему месте, и в два счета выставит нахала вон. В порыве отчаянного вранья я с деловым видом кивнул ему и представился: «Кислюк Евгений Иванович, объединение «Дальрыба». Есть недорого партия свежемороженых крабов. С кем можно поговорить?» У метра было умное лицо с внимательными глазами человека, по должности обязанного разбираться в людях. Но то ли я усыпил его бдительность простодушным видом, то ли ее притупила полуденная жара. Он окинул меня равнодушным взглядом, вяло махнув рукой в направлении узкого коридорчика: «Вон там поищите зав. производством».

На первой же двери действительно было написано «Зав. производством». На второй двери — «Директор». Я потянул вторую дверь на себя, и, к моему удивлению, она открылась.

Однако обрадовался я рано, ибо попал пока не в сам директорский кабинет, а всего лишь в предбанничек, крошечную приемную с простенькой обстановкой. Единственным украшением этого, так сказать, офиса было губастое, глазастое, а также, судя по тому, чего и на пятую часть не прикрывала мини-юбочка, весьма ногастое существо, на вид — пышногрудая русская красавица, на запах — французский парфюмерный магазин. Когда я вошел, существо поливало цветочки на подоконнике и при виде меня чуть не выронило кувшин с водой из рук. Все мгновенно возникшие было на языке благоглупости там же и замерли: в глазах, которыми смотрела на меня эта девочка, прыгал страх.

Секретарша директора чуть не до судорог пугается случайного посетителя. Но ведь это же не она, а всего лишь ее шеф здорово наступил кому-то на хвост, наговорил с три короба газетчикам, а потом неожиданно от всего отказался и бесследно исчез! У нее-то какие могут быть причины бояться внезапно вошедшего незнакомца. Я вспомнил фотографию Шиманского, которой сопровождался драновский материал: на ней по ступеням «Интертура» спускался навстречу камере brutальный мужчина лет сорока с красивым волевым лицом. Мужественный шеф и красавица-секретарша. Может, все это я сам себе придумал, но других шансов пока не просматривается. Я шагнул к ней, протянул удостоверение и сказал: «Меня зовут Игорь Максимов, я работаю в газете, вот, можете убедиться. И не надо вам меня бояться».

Но она, похоже, была со мной не согласна. Страх не уходил из ее широко раскрытых глаз. И я продолжал, стараясь выглядеть спокойным и рассудительным: «Мы знаем, у Артура Николаевича неприятности. К вашему сведению, у нас тоже. Но если газету привлекут к суду, мы будем вынуждены предъявить пленку с записью, и неприятностей у него прибавится, понимаете? — Произнося эти слова, я внимательно глядел на нее, но

не заметил реакции на мою нахальную ложь. И, воодушевившись, продолжал: — Не можете помочь нам встретиться, а?»

Она не сказала «да», не кивнула, но ее длинные красивые ресницы вдруг намокли, а по щекам покатались слезы. Я понял, что иду верным путем, и уже открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но сделать этого не успел. Скрипнула дверь за моей спиной, я обернулся и увидел двух широкоплечих, чем-то неуловимо похожих молодых людей в зеленых пятнистых куртках службы безопасности отеля. Тот, что стоял первым, приветливо улыбнулся, протягивая мне руку. Автоматически я подал в ответ свою и в то же мгновение понял, что угодил в капкан. Приветливый стиснул мою ладонь так, что я чуть не взвыл от боли, после чего резко дернул меня вперед, и я попал в объятия второго, с угрюмой физиономией. Тот захватил другую мою руку с меньшей жесткостью, и я догадался наконец, чем эти юноши похожи. Так и не сказав ни единого слова, они стремительно проволокли мое почти бесчувственное тело мимо тонкой ухмылки на умном лице недооцененного мной метрдотеля, мимо томимых жарой, ничему не удивляющихся официантов и позволили моим подошвам коснуться пола, лишь когда мы очутились в холле. Здесь меня отпустили, а приветливый паренек наконец открыл рот: «Тебе велено передать, — произнес он голосом, который можно было бы считать дружелюбным, если бы не дикая боль в онемевших ладонях, — что, если ты сюда еще раз сунешься, можешь пенять на себя». В довершение он поощрительно улыбнулся, дескать, все теперь в моих собственных руках, а тут и его угрюмый приятель тоже решил поделиться соображениями насчет моих перспектив. Наехал на меня мощной грудью и рывкнул коротко в самое ухо: «Яйца скрутим!»

Они повернулись и неторопливо зашагали прочь. Минуту спустя я мог наблюдать, как за ними закрывается дверь с надписью на четырех языках: «Только для персонала». Они-то тут персонал, а я-то тут персона нон грата, крутился в пустой голове дурацкий каламбур, пока я, глядя им вслед, сжимал и разжимал кулаки. Не от злости, нет, а только для того, чтобы поскорее вернулась кровь в затекшие пальцы. В конце концов грех было жаловаться, что мне недостаточно хорошо объяснили, какие в здешних пампасах правила. Объяснили, прямо скажем, вполне доходчиво. И я усвоил. Я понятливый.

4. ЗДЕМ

Славный во всех отношениях выдался денек. Вращающиеся двери равнодушно выплюнули меня из прохладного холла прямо в залитое ярким солнцем пекло. Первым же вздохом я набрал полные легкие раскаленных выхлопных газов, задохнулся, разинув рот, как рыба на песке, вытаращил глаза и в эту же секунду с вершины лестницы увидел поверх людских голов, как какой-то тип по-хозяйски снимает дворники с моей машины.

Это было уже слишком. За каких-нибудь паршивых полчаса мне успели причинить сначала моральный ущерб, потом физиче-

ский и теперь при большом стечении народа наносили материальный. Я озверело ринулся вниз, яростно расталкивая ни в чем не повинных интуристов.

Спина похитителя между тем уже удалялась в толпе пешеходов по тротуару. Я успел заметить на ней защитную куртку с какой-то выцветшей надписью. Вор шел неторопливо, небрежно помахивая моими щетками, поэтому я быстро настиг его и скоро уже разобрал, что на спине у него написано: «БАМ — строить нам!» Когда между нами оставалось шагов десять, я увидел также, что он в рваных сандалиях на босу ногу и в индийских джинсах, потерявших от старости всякие цвет и форму. Типичный бомж. Прикинув, что теперь он от меня не уйдет, я сбавил маленько шаг, чтобы обрести дыхание, а с ним заодно необходимую солидность. Надеюсь, я выглядел достаточно внушительно и грозно, когда перед спуском в подземный переход схватил его за костлявое плечо и круто повернул к себе.

Слегка изогнув удивленные брови, на меня глядело ангельское лицо. Бездонные фиалковые глаза, геометрически строгий нос, тонкие яркие губы над твердым аккуратным подбородком. И, представьте, этот мальчик Пинтурикко смотрел на меня без малейшего страха, а, напротив, даже с некоторым укором за мою нахальную бесцеремонность. Полный достоинства юный рыцарь. Стриженный под «ноль» мальчик Пинтурикко без определенного места жительства. И всего-то на секунду я замешкался от неожиданности, но он тут же, проявив завидную реакцию, этим воспользовался. «Твой, что ли? — строго спросил он, сунув щетки мне под самый нос. И продолжал совсем уж нелюбезным тоном: — Ты что же, лох, бросил их без присмотра? В наше-то время! За секунду ноги приделают! Держи крепче, фуцан!»

С этими словами он попытался всучить мне дворники прямо в руки. Но я, полный решимости больше не давать сегодня кому попало вытирать об меня ноги, их не взял и ни в какие пререкания с ним не вступил, а вместо этого крепко ухватился за рукава его куртки, недвусмысленно намекая, что так дешево он от меня не отделается. Покоритель БАМа понял намек мгновенно. Не делая больше попыток изобразить моего благодетеля, он принялся отдирается от меня так яростно, что мне пришлось обхватить его двумя руками за плечи, чтобы удержать. Тут же выяснилось, что худоба и хлипкость его вполне обманчивы, под курточкой оказались сплошные жилы и мышцы, и впечатление было такое, будто я пытаюсь удержать в объятиях взбесившийся телеграфный столб.

Никому не нужные щетки полетели на асфальт. С искаженным ангельским лицом, шипя и чертыхаясь, юный рыцарь упирался ладонями мне в грудь, я, свирепо сжав зубы, тянул его к себе, мы оба злобно пыхтели и топтались на месте. Привлеченные картинкой, вокруг останавливались прохожие. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но тут у тротуара за моей спиной скрипнули покрышки, хлопнула дверца, и перед нами возник сержант из патрульной машины. «Чего не поделили, ребята?» — миролюбиво улыбаясь, поинтересовался он. Однако крепко зажатая в кулаке дубинка заставляла усомниться в его полном добродушии.

Рыцарь без определенного образа вдруг обмяк, словно из него выпустили воздух, неожиданно стал на меня заваливаться, и мне пришлось подхватить его под мышки, чтобы он не упал. Лицо у него, вблизи оказавшееся не столь молодым, сделалось абсолютно пустым. Усталым жестом выдохшегося пловца он закинул руку мне на шею, и теперь, вероятно, мы больше походили на двух бойцов, один из которых выносит другого с поля брани.

Не дождавшись ответа, сержант посуровел и нетерпеливо крутанул своей дубинкой: «Документы есть?» Отчаянным усилием стряхнув с себя вконец ослабевшего комсомольца-добровольца, который, к моему удивлению, остался стоять на ногах, я извлек из кармана свое многострадальное удостоверение. Умудряясь одновременно не упускать нас обоих из виду, сержант раскрыл его, изучил, снова закрыл и задумчиво постучал корочками по дубинке. Она, вероятно, посоветовала ему вернуть документ обратно мне, что он и сделал. После чего перевел взгляд на враз постаревшего мальчика. Глядя куда-то в пространство, поверх крыш самых дальних домов, тот засунул руку под куртку, долго шарил там, мучительно оттягивая неизбежное, и наконец за самый краешек извлек из-за пазухи уже потертую на сгибах бумажку. Вид у него был при этом брезгливо-недоуменный, будто не безобидный листок, а неведомо кем подложенную крысу вытянул он за хвост из своего кармана. И хотя крыса была откровенно дохлая, безобидная и безоружная, сержант при виде ее немедленно сделал стойку, оскалился боевым фокстерьером. «Ну-ну, — то ли сказал, то ли уже прорычал он, и чувствовалось, что только удавка ненавистного ошейника мешает ему немедленно вцепиться в жертву. — Давно освободился?» Не получив ответа, он взял бумажку, тряхнув, развернул ее, почитал и хмыкнул: «Недавно... — И повернулся ко мне: — Какие у вас к нему претензии, гражданин?»

Я посмотрел на воришку. У него было отрешенное лицо человека, смирившегося с ударами судьбы. Мальчик Пинтуриккьо в перерыве между двумя отсидками. Без определенного места под солнцем. Потом я перевел взгляд на сержанта и представил, как у него под форменной рубашкой стоит дыбом шерсть на загривке. Нагнулся, поднял с земли щетки и сказал: «Никаких претензий. Толкнул меня, хамская морда, и даже не извинился». «Да-а?» — разочарованно протянул сержант, на глазах становясь добродушным и миролюбивым. Но его дубинка, живущая, как видно, своей собственной жизнью, все-таки не удержалась, ткнула легонько байкало-амурского первопроходца под ребра. «Ты полезай в машину, прокатимся до отделения. А вас... — дубинка описала плавную окружность, давая понять, что я могу валить на все четыре стороны. — вас я больше не задерживаю...» Выруливая через пару минут со стоянки «Интертура», я очень к месту вспомнил одно из любимых изречений Дранова. Чтобы прожить счастливую, полноценную жизнь в нашей стране, говорит Митенька, надо убить змею, выстроить дом и посадить человека. Опять, выходит, я упустил свой шанс.

Жарким летом в разгар рабочего дня ездить на автомобиле по Москве может только ненормальный псих. Не ездить, а невыно-

симо медленно плыть по вязким асфальтовым протокам, в удушливом мареве испарений десятиллионного муравейника, застревая в заторах, бессмысленно крутясь в водоворотах среди пышущих жаром грузовиков, троллейбусов, трамваев и таких же, как ты, несчастных частников, гонимых куда-то злой судьбой. Полный город психов. Судьба гнала меня в кафе «Эдем».

Когда я свернул на Малую Бронную, Патриаршьи пруды жили своей заповедной жизнью. Мамаши с колясками, отставники с шахматами, одинокий мрачный рыболов с безумной надеждой что-нибудь выудить. Кафе «Эдем» расположилось внизу старинного трехэтажного особняка в стиле барокко, на фасаде которого неоновая вывеска в виде облачка с фигурками из эффелевых карикатур смотрелась пошло и глупо. Не доезжая метров сорока, я нашел местечко, чтобы поставить машину в тени на противоположной стороне. И сразу увидел Артема.

Он сидел спиной ко мне под большим полосатым тентом, за столиком, вынесенным на тротуар, а напротив него громоздилась огромная мясная туша, и даже на расстоянии было видно, какое у хозяина красной жокейской каскетки синюшное, оплывшее, как свечной огарок, лицо. Натюрморт из полупустой бутылки коньяка, двух чашек кофе и черной коробочки диктофона говорил о том, что работа в полном разгаре.

Закрыв машину, я наискосок через улицу двинулся к ним, размышляя, найдется ли в этом райском заведении что-нибудь без спирта, но со льдом. Я брел не торопясь, мне некуда было больше спешить. Я не опоздал, я шел расслабленной походкой человека, истомившегося от долгого сидения в мокром и жарком, как большой компресс, водительском кресле, я отдыхал и, наверное, поэтому слишком поздно заметил опасность. Мне оставалось шагов двадцать до «Эдема», до выставленных на тротуар столиков, и находился я как раз посреди неширокой проезжей части, когда боковым шоферским зрением увидел летящий слева автомобиль. Я еще не знал, какого он цвета, грузовой или легковой, я, в сущности, не видел его, лишь ощущал летящую на меня сзади и слева смерть. И, спасаясь от этой смерти, прыгнул вперед. Я что есть силы прыгнул вперед, потому что машина, летящая на тебя слева, должна идти по правой стороне улицы. Я сделал это не рассуждая, на давным-давно выработанном инстинкте. И чуть не погиб.

Эта машина не подчинялась правилам. Споткнувшись о бордюрный камень, я упал на одно колено, и в этот миг в нескольких сантиметрах от моего плеча, обдав меня волной душного ужаса, пронеслось грязно-белое акулье тело. «Шестерка», в заднем стекле которой мелькнула копна нечесаных волос, нанкось пролетела по левой стороне, взметнулась на тротуар и на полной скорости ударила крылом о крайний столик. Я еще видел отлетающего к стене Артема, видел, как огромным бесформенным кулем катится по асфальту жирный тоттошник, видел, как закидывает зад, уходя на поворот, белая «шестерка», но я уже ничего не слышал. Ни лязга, ни звона, ни тупых ударов тел о камни, ни истощных криков. Все это вошло в уши позже. А куда вместе с обезумевшим пульсом бешено билась в висках мысль: я запом-

нил! Я успел запомнить номер этой сволочи, этого подонка, этой акулы-убийцы. Я приехал вовремя.

И я опоздал.

5. ДЕЛИРИЙ

Мое место было у стенки, возле водосточной трубы, на хлипком алюминиевом стуле. Один из сыщиков в штатском, что приехали вместе с криминалистической лабораторией, высокий и широкоплечий, как голливудский герой, но с круглой, избитой мелкими оспинками российской физиономией, выслушав мой сбивчивый рассказ, записал что-то в блокноте, после чего окинул меня оценивающим взглядом. Вероятно, мое состояние не было признано им удовлетворительным, потому что он одной рукой поднял с земли опрокинутый стул, другой взял меня за плечи и усадил, сказав: «Вот тут сиди и дыши глубже. Еще понадобится».

И я сидел теперь на этом стуле, таком же шатком и неверном, как все происходящее. Вокруг, не решаясь перейти невидимую черту, стояли молчаливые зеваки и глядели на меня осуждающе, как на актера, который вылез на сцену, забыв роль. Чтобы не видеть их бездонных разинутых рож, я опускал веки, но сейчас же перед глазами начинала мельтешить какая-то черно-красная дребедень, кружилась голова, тошнота подступала к горлу. Я снова открывал глаза, и меня начинал бить озноб. Тогда, прижавшись щекой к теплой и шероховатой поверхности водосточной трубы, я стал глядеть вверх, в бескрайнее белесое небо. Стало легче: изображение пропало, остался только звук. «Пишешь? Освещение дневное... Профиль продольный... Покрытие асфальтовое... Ширина проезжей части... Ну чего вы там копаетесь? Никак два на полтора не помножите?» Голос был грубый, начальственный. «Измерил? Неси сюда. Так. Внешнее окружение... Ага. Скорость транспортного средства перед происшествием... Аржанцев, где свидетель?»

Это обо мне. Это я свидетель. Опустив глаза, я увидел перед собой рябого голливудского героя, который стоял, наклонившись вперед и сочувственно меня разглядывая. «Ну что, оклемался?» — спросил он негромко. Я кивнул. «Можешь прикинуть его скорость?» «Километров сто, — ответил я. Язык во рту казался распухшим и плохо слушался. — Если не больше». «Пиши, — начальственно резюмировали где-то за краем видимости, — тормозной путь практически отсутствует, со слов свидетеля скорость примерно...» «Моя фамилия Аржанцев, — сказал широкоплечий. — Ты когда в себя придешь, нам с тобой надо будет еще поработать. Это у тебя шок, ничего, бывает, скоро пройдет». «Не поймали еще?» — спросил я. «Поймают, — его круглое лицо светилось спокойной уверенностью. — Уже передали на город всем постам. А ты-то сам ничего больше не вспомнил?»

Глядя перед собой в одну точку, я в который раз напряг память. Только цифры. 87—49. Больше ничего. Не помню ни букв, ни особых примет. Грязно-белая «шестерка» 87—49 — и больше ничего. Наверное, мучительный процесс вспоминания отразился на моем лице, потому что Аржанцев похлопал меня ободряюще по

плечу и сказал: «Не горюй, никуда он не денется. Цвет, модель, четыре цифры... Некуда ему деваться!»

Милиционеры сворачивали свои рулетки. Мрачно что-то пришепетывая, засыпала песком кровь на асфальте мобилизованная дворничиха в грязном халате на голое тело. Таяли зрители.

По словам врача, толстый тототшик умер на месте. Голова у него раскололась, как арбуз, это его кровь залила всю мостовую. А на Артеме даже не было видно внешних повреждений. Когда его на носилках закладывали в распахнутое нутро реанимобиля, он был без сознания, с серым землистым лицом, но дышал — прерывисто, со всхлипами.

Рябой сыщик подошел ко мне и молча протянул диктофон Дашкевича. Машинально потыкав кнопки, я удостоверился, что механизм сломан, а крышку заклинило, и сунул его в карман. «Машину можешь вести?» — спросил Аржанцев. Я прислушался к своему организму и кивнул утвердительно. Мне и впрямь становилось легче. Не кружилась больше голова, не бил озноб. Напряжение отпускало. «Тогда поехали потихоньку, — предложил он. И добавил: — Если ты ничего не напутал, управимся быстро».

Уже минут сорок я маялся в коридоре управления ГАИ перед дверью в картотеку, куда посторонним вход запрещен. За это время я успел найти в одном из соседних кабинетов свободный телефон, связаться с конторой, известить Таракана о том, что случилось, и попросить его позвонить Артему домой. Разговаривать с Лилькой сейчас было выше моих сил. Наконец на пороге появился Аржанцев. Увидев меня, он приветственно помахал листком бумаги и сообщил: «Слава Богу, без вариантов. Ты пока свободен, можешь отдыхать. В городе всего одна белая «шестерка» с номером 87—49. Владелец — Головаха Евгений Семенович. Сейчас беру эксперта — и прямо к нему». «Я с вами», — сказал я. Он недовольно выпятил нижнюю губу, и я, набывчившись, упорно повторил: «Я поеду с вами. Если надо получить разрешение начальства...» Аржанцев еще сильнее оттопырил губу и сказал презрительно: «Плевать мне на разрешение. Ты там бузить не начнешь? Ну, тогда черт с тобой, поехали!»

Не знаю, какие чувства я надеялся испытать, поглядев в глаза убийце, но сделать этого мне не удалось. В квартире Евгения Семеновича Головахи шел, судя по всему, грандиозный скандал. Уже через дверь мы слышали грохот, звон и глухие крики. На наш звонок открыла худенькая женщина лет сорока двух в домашнем халате. Была она вся какая-то растрепанная, а поперек щеки у нее багровела длинная свежая царапина. Увидев в руках Аржанцева красную книжечку, хозяйка вяло кивнула головой и пробормотала: «Соседи вызвали... Идите посмотрите, что он вытворяет!» Вслед за ней мы прошли в гостиную и остановились на пороге. Головаха бил посуду. Это был тощий жилистый мужчина под пятьдесят, всю одежду которого составляли в настоящий момент сильно несвежие сатиновые трусы. Его длинные седеющие волосы были распатланы, и при виде этой нечесаной шевелюры мне сразу стало ясно, что именно она мелькнула тогда в заднем окне «шестерки». Волна удушливой ненависти захлестнула меня. Сжав зубы, я сделал шаг вперед, но вовремя вспом-

нил про обещание не бузить и остановился. А Евгений Семенович между тем, не обратив на нас особого внимания, подскочил к серванту, выгреб оттуда новую порцию тарелок, перенес их на середину комнаты, где уже валялась груда осколков, высоко поднял над головой и отпустил, приговаривая: «Она со мной разводится, да? Имущество делит, да?» «Уймись, Евгений, — скорбно сказала жена. — Люди пришли». Головаха на одной пятке повернулся к нам, я увидел багровую оскаленную физиономию, налитые кровью глаза без зрачков, и понял, что он пьян в доску. И снова ненависть окатила меня до помутнения в голове. «Люди? — переспросил он угрожающе. — Какие-такие люди? Зачем пришли? — И вдруг догадался, и эта догадка перекосила его и без того искаженное лицо вурдалака: — Мебель выносить?» С этим криком он бросился к серванту, нечеловеческим рывком опрокинул его на пол вместе с остатками посуды, двумя прыжками выскочил в коридор, вернулся оттуда с ножовкой и принялся яростно кромсать ею поверженную мебель, на выдохе выплевывая: «Все... делить! Все... пополам!» «Делирий, — покачав головой, поставил диагноз Аржанцев. — Да здесь не милиция, здесь доктор нужен». «Женечка, остановись, Женечка, умоляю!» — рыдала теперь в голос женщина. Аржанцев обреченно вздохнул, шагнул вперед и схватил Головаху за руку с пилой. А когда тот вскинул на него свои злобные зенки, сказал добродушно: «Не волнуйтесь, Евгений Семенович, мы не насчет мебели. Мы насчет машины». «Машины? — замер, как громом пораженный, Головаха. — Машину хотите делить?!» Он ударил ножовкой в лицо Аржанцеву, но тот успел уклониться, выбил пилу из рук. А когда краснорожий вурдалак, шипя и брызгая слюной, бросился на него опять, заехал ему со всего маха кулаком в живот. Головаха согнулся пополам, заверещал тоненько и грохнулся задницей на груду битых тарелок.

Жена уже стояла рядом с мотком бельевой веревки, видно было, что это дело для нее не новое. Мы вдвоем связали хозяина, перетянули его на диван, и Аржанцев, отдышавшись, сказал женщине с осуждением: «Как же вы его в таком состоянии за руль пускаете?» «За руль? — испуганно спросила она. — Да он неделю из дому не выходит. Пьет мертвую». «Да? — сказал Аржанцев. — Ну-ну». «Истинный Бог! — перекрестилась женщина. — Он ведь у меня запойный, по полгода держится. А уж как уйдет в штопор, я его на люди не пускаю, сама ему водку ношу, отопьет свое, перебежится... А сегодня с утра решила, что хватит, дай, думаю, пугану! Уйду, говорю, разведусь, а он...» «Значит, говорите, со вчерашнего дня ваш муж из дому не выходил?» — перебил ее излияния Аржанцев. Она судорожно кивнула, глядя на нас тревожно. Очень мне хотелось сказать ей, что она ошибается, если, конечно, не врет, что дотаскалась она своему муженьку водочки, что не удержала его, выпустила на люди. А вернее, на людей. Многие хотелось мне ей высказать, но я помнил, что здесь командует Аржанцев. Его эмоции не волновали, он спросил деловито: «Где сейчас машина?» «Во дворе. Где ж еще! Идемте покажу». Хрустя осколками стекла и фарфора, мы пересекли комнату и подошли к открытому окну. «Вон за теми кустами стоянка. Паша крайняя в

первом ряду. А... А что случилось?» «Узнаете скоро», — пообещал Аржанцев.

Мы уже были на лестничной площадке, когда Головаха вдруг завыл. Страшно, по-звериному. Этот вой сопровождал нас и в подъезде, и внизу, когда мы вышли на улицу, и все время, что мы вместе с экспертом-криминалистом осматривали грязно-белую «шестерку» с номером 87—49. У нее были запыленные стекла и приспущенные шины. И никаких повреждений. Эксперт вытащил из своего чемоданчика лупу, внимательно осмотрел оба номера, тщательно исследовал головки винтов и даже подлез снизу, чтобы выяснить, не откручивались ли кронштейны. Наконец разогнулся, стряхнул грязь с колен и вынес вердикт: «В сегодняшнем наезде машина не участвовала. Номера с нее — тоже. Их сто лет никто не отворачивал: все винты ржавые...»

Я изо всех сил старался не встретиться взглядом с Аржанцевым. А он в упор смотрел на меня, и его рябое лицо было сейчас серо-свинцовым, как река под дождем. «Все четыре цифры, говоришь? — медленно процедил он, крутя головой. — И запомнил совершенно точно? Эх ты, мудила мученик! Сказал бы честно: мне показалось! Сколько времени зря потеряли, да еще в скандал въехали...» Он не договорил, плюнул смачно на землю и, не попрощавшись, пошел к своей машине. А я остался стоять, с ног до головы облитый его презрением, и под завывания несчастного Головахи, бьющегося в объятиях белой горячки, думал только об одном: неужели я действительно такой кретин?

6. ПИНТУРИКЬО

Из ближайшего автомата я позвонил в контору. Таракан уже куда-то отвалил, но Нелли в ответ на мой вопрос сказала высоким дрожащим голосом со слезой: «Артемущка у Склифосовского, в реанимации. Состояние критическое...» Я мысленно перевел дух: жив, слава Богу! И тут же совсем некстати подумалось, что, случись чего с любым из нас, именно эта стерва будет с траурной мордой собирать по редакции деньги на похороны. Вернувшись к машине, я увидел, что спустило заднее колесо. Прокляв все на свете, я вытащил из багажника запаску, но тут же оказалось, что заело домкрат. Через час изуверской борьбы с бездушной железкой на тридцатиградусной жаре я одержал наконец верх, но победа не принесла мне удовлетворения. Грязный, потный и злой я уселся за руль и обнаружил, что в баке нет почти ни капли бензина.

Как сказали бы астрологи — не то сочетание планет. Не зря они предупреждают, что есть дни, когда тебе с твоим гороскопом лучше всего посидеть на диване. Сегодня с самого утра бес вытащил меня из дому и теперь водит по этому треклятому городу, как по темному лесу: то яма, то коряга, то трясна болотная. Поэтому, когда уже в сумерках обнаружилось, что в довершение ко всему у меня исчез бумажник, я ничего, кроме дикого желания истерически захихикать, не испытал.

Отмаявшись в длинной очереди на заправку, я стоял столбом

перед кассой и судорожно охлопывал карманы. Когда это могло случиться? В то время, как меня выносили из «Интертура»? При сражении за мои щетки? У злосчастного «Эдема»? «Мужчина, будете платить или нет?» — нечеловечески рявкнул мне в лицо динамик. В отчаянии я выгреб из джинсов последнюю мелочь, которой едва хватило на пять литров, и через минуту стремительно покинул место своего очередного позора.

В бумажнике были все мои деньги до ближайшей зарплаты, паспорт, визитные карточки, свои и чужие, еще какие-то нужные и не очень нужные бумажки, но по-настоящему дорогим был для меня он сам. Старый дедовский бумажник из телячьей кожи, потертый, но еще крепкий, с медными заклепками на углах, со множеством отделений на черной атласной подкладке... Домой, домой, думал я, давя на педаль газа. Добраться до дома, залпом допить оставшийся после Матюшиной опохмелки коньяк, съесть какой-нибудь бутерброд, упасть на диван и зарыться в одеяло. Мой дом — моя крепость, моя спальня — мой бастион, мой диван... Мой диван — это моя багратионова флешь, последний рубеж обороны.

Наш двор в свете фар тоже смахивал на поле боя. Вдоль и поперек он был изрыт траншеями полного профиля, земля в обрывках проволочных заграждений, а на бруствере канализационного окопа замер подбитый еще прошлой осенью ржавый бульдозер. Кто с кем сражается, неизвестно, но позиционная война тянется уже четвертый год, и конца ей не видно. Подъезд соблюдал светомаскировку. Стальная дверь лифта, хоть и была рассчитана на прямое попадание фугаса, от беды не уберегла: он опять не работал. Держась за перила и считая пролеты, я добрался до своей площадки, в кромешной тьме ощупью нашел замочную скважину, отпер дверь и замер с ключом в руке.

В квартире кто-то был. По всему дому горел свет: в прихожей, в кухне, даже в туалете. Я сделал три осторожных шага и остановился на пороге комнаты. Подложив под голову мою подушку, задрал ноги за спинку моего стула, на моем священном диване удобно развалился с книжкой утренний строитель БАМа, мальчик Пинтуриккьо со справкой об освобождении.

К этому позднему часу у меня уже не осталось энергии для сильных чувств, поэтому я только устало прислонился к косяку и спросил: «Ты как сюда попал?» Не меняя позы, он одарил меня очаровательной улыбкой и любезно сообщил: «С вашего позволения, через дверь». То, что замок в моей квартире открывается ногтем, мне было известно и раньше. Собрав последние силы, я грозно рявкнул: «Ну положим, моего позволения ты не дождался! А как узнал, где я живу?» Поставив на пол пустую бутылку и небрежно отшвырнув книжку в угол дивана, он извлек из-за спины мой бумажник и, не говоря ни слова, протянул его мне. Все с той же прелестной улыбкой.

Несколько секунд я, утратив дар речи, размышлял о последовательности действий: сначала взять у него из рук бумажник, а потом заехать ему в морду, или наоборот. Наверное, мои сомнения явственно проступили у меня на лице, потому что он быстро отбросил свою улыбочку, вскочил на ноги и напы-

ценно закричал: «Только без рукоприкладства, прошу вас! Если вы набрались жестокости выгнать человека из дома на ночь глядя, скажите словами. Пожалуйста, я уйду! Да, уйду, а вы ложитесь спать и спите спокойно...» Я даже с некоторым интересом смотрел, как у этого комедианта вполне естественно дрожит гордо задранный подбородок, и охота дать ему в морду оставляла меня. В конце концов надо принять во внимание, что ко мне вернулся столь дорогой для меня дедовский бумажник, а весь ущерб ограничивается допитым коньяком. «Между прочим, — перехватив мой взгляд, сообщил он с видом оскорбленной невинности, — не имею такой дурной привычки допивать последнее». С этими словами он наклонился к не замеченной мною раньше новенькой спортивной сумке и принялся выкладывать на журнальный столик быстро растущую гору снеди. Тут были бокастые узбекские помидоры, хрустящие нежинские огурчики, целый букет из кинзы и регана, шмат тамбовского окорока в хрустящей воценой бумаге, круг румяного лаваша, а завершали все это благолепие две бутылки драгоценного грузинского «Енисели».

Ну и ну, только и смог я обалдело потрясти головой! При моей зарплате я не в состоянии был без достаточного повода позволить себе такое пиршество. Почувствовав, очевидно, некоторое потепление в моем настроении, гость, уже больше ни о чем не спрашивая, ринулся на кухню и вскоре вернулся оттуда с тарелками, стаканами и прочими приборами. Я вчуже отметил, что он, однако, неплохо ориентируется в моей квартире, но соображение это быстро вытеснилось запахами ветчины и коньяка. Все выяснения отношений я решил перенести на после ужина. Чокнулись, выпили по первой, и я поинтересовался: «Как тебя звать-то, прелестное дитя?» Дитя крепкими белыми зубами впилося в кусок окорока и с полным ртом ответило: «Стрихнин». «Это что же, фамилия или кличка?» Проглотив кусок, он пожал плечами и сообщил: «Мой дедушка с материнской стороны был иудейского вероисповедания. Фамилия ему была СтрЕхнин. Ну а простые русские люди ее переименовали в СтрИхнин. Дескать, хоть и горький я на вкус, а все одно пользы от меня больше». «Ну-ну, — сказал я, с интересом его разглядывая. — И какая же от тебя может быть польза?» «Иронизировать извольте, гражданин начальник, — осуждающе поджал он губы и плеснул в стакан коньяка. — Да если б я вам свою жизнь порассказал...» «А и не надо, — махнул я рукой. От выпивки и вкусной еды по всему телу бежали волны тепла, отпускало набившееся за день во все поры напряжение. — Сам все знаю, что ты расскажешь. Значит, отца своего ты не помнишь, а мать работала на фабрике и много пила. Так? Потом она умерла, и тебя отдали в детский дом. Как вырос, уехал ты работать на Север. Или на Дальний Восток? Трудился в поте лица, а тут как на грех несчастная любовь, она с другим, драка на танцах в клубе. Мерзавец-судья, дурак-адвокат, пять лет усиленного режима... А вообще-то ты парень работающий, честный, только надо помочь тебе снять судимость и подыскать какую-никакую работенку. Вот тут и поможет тебе лох, который, хоть и служит в газете, а даже за бумажником своим уследить не может».

Я замолчал выжидающе, а Стрихнин, повертев задумчиво перед глазами кусочек огурца на вилке, сказал: «Н-нда, здорово сочиняете. Только ни на Востоке, ни на Севере я никогда не был. Тутешние мы, московские, всех родственников могу перечислить аж до четвертого колена. И в лагерь меня окунули, между прочим, совершенно по делу. Потому что я не честный и не работающий. Я мазевый катала. И упорный вор. Просто меня здесь давненько не было, а так вот вышло, что мне покудова по старым адресам лучше не ходить. — Стрихнин дожевал, опрокинул стакан с коньяком, продышался и сказал: — Первый день в городе, денег пока ни копейки, вот и свалился тебе на голову. Извини, друг. Скажешь уйти — уйду». Я тоже хлопнул стопку, закусил ветчинкой и ответил, прямо-таки физически ощущая, как «Енисели» делает меня с каждой минутой все добрее и благороднее: «Если ты думаешь, что я зарыдаю и кинусь тебе на шею, то напрасно. Ложись в кухне на кушетке. Про жизнь будем завтра разговаривать. Кстати, если у тебя не было денег, как тебе удалось скупить весь рынок?» — я обвел руками стол. «В бумажнике взял», — легко сообщил он. Ветчина колом встала у меня в горле, глаза вылезли из орбит. «В долг, в долг! — замахал руками, испугавшись моего лица, Стрихнин. — День-два, и все отдам!»

60

Потом мы по очереди принимали душ, причем Стрихнин предварительно выпросил у меня для себя не только свежее полотенце, но и пару новых трусов. Затем ему потребовались бритвенный станок, одеколон, маникюрные ножницы и, наконец, зубная щетка, чтобы почистить зубы на ночь. Черт возьми, думал я, уже лежа под одеялом и слушая, как он там шурует потихоньку на кухне и в ванной, для бомжа этот паренек действительно чересчур цивилизован. Тут мне в голову пришла одна мысль, и я крикнул: «Эй, Стрихнин! А если ты и впрямь такой крутой, зачем тебе понадобились мои дворники?» Он появился на пороге комнаты, чистый, благоухающий, в новеньких хлопчатобумажных трусах сирийского производства и сообщил: «Дворники твои мне были не нужны. Мне, если честно, и бумажник твой на хрен был не нужен. Вся штука в том, что я простой советский парень, родился и вырос при социализме. А главный принцип социализма знаешь, какой?» «Ну-ка», — подбодрил я его. «Что не украдено — то пропало!»

«Енисели» тихо убаюкивал мой натруженный мозг, сон плыл мне в лицо клочьями, как туман над полем, и в этих клочьях мелькал, пропадая и вновь возникая, тупой зад грязно-белой «шестерки» с номером 87—49.

А может, 49—87? Или 47—89? Стоя в тумане посреди пустого поля, я уже не был уверен ни в чем. И с этой своей неуверенностью окончательно заснул.

7. ДЖАКУЗИ

Двойные, обитые кожей двери в кабинете Таракана были гостеприимно распахнуты. Это означало, что кабинет пуст, и редактора, которому я собирался доложить, как продвигается, а вернее,

не продвигается дело с его личным заданием, нет на месте. Установив этот факт, я хотел было быстренько ретироваться из приемной. Но локаторы Нелли уже засекали меня. Привстав за своей конторкой, она призывно взмахнула каким-то листком бумаги: «Максимов, сдай пять тыщ». Я автоматически сунул руку в карман и только потом спросил: «На что?» «На фрукты и цветы для Дашкевича». «Пошла ты к черту!» — сказал я с чувством, повернулся и вышел, оставив ее в бурном возмущении.

Сегодня с утра я еще перед редакцией заехал в Склиф. Стеклопанная дверь с надписью «Реанимация» была густо замазана изнутри белой краской, и перед этим рубежом неизвестности сидела на стуле Лилька с опухшим, некрасивым сейчас лицом, с помертвелым взглядом. Когда я появился в коридоре, у нее даже не нашлось сил заговорить, она только слегка прикрыла глаза, давая понять, что видит меня, что благодарит, а потом на мой молчаливый вопрос еле заметно покачала головой. Жив, понял я, но пока из всех радостей — только эта.

Затем я разыскал врача и узнал подробности. Гематома мозга, перелом берцовой кости и нескольких ребер, одно из которых проткнуло легкое. Кома. Гемопневмоторакс. Необходима нейрохирургическая операция. Прогноз неопределенный. Так что цветы и фрукты были сейчас Артему ни к чему. Ему сейчас было нужно одно: как-нибудь не помереть.

Погруженный в свои мрачноватые мысли, я чуть не налетел в коридоре на нашего парламентского корреспондента Веничку Орозова по прозвищу «Железный Веник». Веничка шел мне навстречу, на ходу читая какие-то листки, и, когда мы столкнулись, вместо «здрасьте» цепко ухватил меня за плечо и пробормотал, не отрываясь от чтения: «Игорек, как тебе фраза: «Политически подкованная блоха, которая засела под хвостом у демократии и там, под хвостом, кусает, не вызывая ничего, кроме раздражения». А?» «Политически подкованная блоха» — свежо. Остальное грубо и пошло», — сказал я. «Правильно, — благосклонно кивнул Железный Веник, отпуская мое плечо. — Я уже вычеркнул». «Ты Гаркушу не видел?» — спросил я в свою очередь. «Он у себя, — ответил Веничка и ухмыльнулся: — В страшных муках творчества».

Владик Гаркуша, похожий на замусоленный карандашный отгрызок, тосковал в своем кабинете над свежей полосой завтрашнего номера. Бог дал ему дар гениального репортера, великодушное чутье на все паленое и жареное, лишив за это элементарного чувства слова. Девочки в корректорской, случается, буквально рыдают над его материалами: ему, например, ничего не стоит написать что-нибудь вроде «с трудом пополам», «нанес делу пользу» или «роскошно обделанное помещение», а в сложноподчиненных он может запутаться до такой степени, что бывает проще вычеркнуть целиком весь абзац, чем разобрать, о чем там речь. Вот и сейчас всклокоченные волосы вокруг его криво отесанной лысеющей макушки и обкусанные до мяса ногти на руках говорили о том, что борьба с русским языком в полном разгаре. Когда я рассказал ему, что мне нужно, он с нескрываемым наслаждением оторвался от своей работы. «Значит, Квач Владимир

Олегович? — переспросил он, выходя из-за стола и останавливаясь перед своей картотекой, занимающей целую стену. — Процесс по делу «Меркурия», да? Я кивнул. Если память мне не изменила, именно там, на суде, лет пять или шесть назад я последний раз видел брыльки генерального директора «Интертура». Вернее, в предпоследний. «Пока я нишу, ты бы придумал мне заголовок для криминальной хроники, — небрежно попросил Гаркуша и не удержался, горько пожаловался: — Таракан ведет номер, что ни предложу — все ему не нравится!» Я взял полосу и стал читать. Видимо, у корректоров она еще не побывала, потому что в глаза бросилось начало одного из абзацев: «Пожилой пенсионер, который едва-едва влачил концы с концами...»

За прошедшую неделю в городе было все, как обычно: крали, грабили, насильовали, убивали. Имели место четыре взрыва и два похищения с целью выкупа. Но, пожалуй, гвоздем обзора следовало признать историю женитьбы вернувшегося из Западной группы войск армейского офицера на засидевшейся в девках поварихе. Ей была нужна чистая любовь, ему — квартира в Москве. Когда выяснилось, что с любовью дело плохо, повариха выставила офицера вон, заявив, что в качестве компенсации за понесенный моральный ущерб оставляет себе накопленное им за границей барахло. Но он этого так не оставил и вскоре, находясь в патруле, явился к бывшей супруге в сопровождении двух солдат, вооруженных автоматами с полным боекомплектом. Стали ломать дверь, повариха забаррикадировалась и вызвала милицию. Приехал ОМОН, началась перестрелка, в результате которой повариха ранена в живот, а два милиционера, солдат и случайный прохожий убиты. Господи, в каком сумасшедшем мире мы живем!

Гаркуша выложил передо мной средних габаритов папку, но когда я протянул к ней руку, прижал ее сверху коротким облоданным пальцем, черным от свежей газетной краски: «А заголовочек?» «Пиши, — сказал я ему. — **БРАК ПО ПУЛЕМЕТНОМУ РАСЧЕТУ**». Он вылупил на меня глаза, но я не стал ждать, пока до него дойдет, взял папку и пошел к себе.

Читал я долго, наверное, часа полтора. Дотошный Гаркуша тащил в свой архив все, что попадалось под руку: газетные вырезки, стенограммы допросов, жалобы адвокатов и копии приговоров. И чем дольше я читал, тем яснее вспоминал, что уже тогда, много лет назад, нам, журналистам, писавшим о махинациях в Бюро молодежного туризма «Меркурий», дело казалось темным. Были большие манипуляции с крупными суммами в валюте, с гостиницами, с деньгами на питание, шла речь даже о взятках от иностранных фирм за предоставление более выгодных контрактов, а на суде, кроме нескольких мелких клерков, главный обвиняемый оказался всего один — заместитель генерального директора бюро Иван Федорович Аркатов, за все про все получивший одиннадцать годков. Квач тоже был зам. генерального, но проходил всего лишь свидетелем. Тогда-то мне и запал в память высокомерный вид, с которым он давал показания...

Зазвонил телефон, и я сначала решил не отвечать, чтобы не отвлекаться, но потом вспомнил про Артема и снял трубку. Голос

был тихий и глухой, какой бывает, когда говорящий прикрывает ладонью микрофон. «Максимов? Здравствуйте... Это Роза...» «Роза? Какая Роза?» — не понял я. «Вы приходили к нам вчера... Секретарша... Артура Николаевича...» «Где вы находитесь?» — заорал я. «Внизу. У вас на проходной». Прыгая через ступеньки, я слетел по лестнице и уже полминуты спустя был рядом с ней. Сегодня она была совершенно без всякой косметики, в простенькой блузке и застиранных джинсах, оказавшись симпатичной, но довольно ординарной девчонкой. Мы вышли на улицу, завернули за угол, отыскали на бульваре свободную лавочку, сели, и Роза начала рассказывать.

Она, конечно, была его любовницей. Забывшись, она иногда называла Шиманского Ариком, а про его жену неизменно говорила «мадам». Так вот, сначала после драновской статьи Артур Николаевич был весел, самоуверен, говорил, что все будет хорошо. В общем, петушился вполне искренне. А три дня назад что-то случилось. Арик не пришел на работу, а ближе к вечеру позвонил и сказал, что он в аэропорту, что только что отправил мадам с обоими детьми к родственникам на Украину, что в гостиницу он больше не придет и дома пока жить не будет. И чтобы она ни в коем случае не вздумала его искать, потому что он, когда сможет, сам с ней свяжется. И голос у него был совсем чужой, нервный и какой-то напуганный...

Я спросил: «А что его так напугало, вы не знаете?» Роза подняла на меня огромные, как у коровы, глаза, похлопала ресницами и промямлила: «Мне кажется, он за детей боялся. Да, все время повторял: я спасаю мальчиков». «Ну и что было дальше?» «Дальше... Дальше пришли вы, наговорили всякого, и я решила, что мне надо к нему поехать». «Поехать? — поразился я. — Куда?» Лицо ее густо залила краска. «Есть квартира... Арик купил недавно... Почти никто не знал... Я знала... Мы туда ездили иногда, чтобы отдохнуть. Понимаете?» Ездили отдохнуть. Чего ж тут не понять? «А почему было просто не позвонить? Зачем обязательно ехать?» «Это в новом районе, поэтому пока без телефона. Арик был там, конечно, и он ужасно ругался. Я думала, он меня убьет. Но потом успокоился, подумал немного и сказал, чтобы я нашла вас». «Зачем?» «Передать вам, что вы, если хотите, можете туда к нему приехать. Сегодня после пяти вечера...» Она как-то неуверенно замолчала, и я спросил: «Все?» «Нет. Он еще просил, чтобы вы приезжали один и были очень осторожны». «В каком смысле?» — не понял я. «В том смысле, чтобы за вами никто не увязался. Так он сказал». Я еле удержался от улыбки, подумав, что brutальный мужчина Шиманский, похоже, сильно перетрухал не только за детей, но и за себя самого. «Давайте адрес», — сказал я.

До пяти часов было еще полно времени, и, распрощавшись с Розой, я вернулся в редакцию. Первым делом я позвонил в больницу и узнал, что Артем уже в операционной, а больше мне ничего сказать не могли. Потом я разыскал телефон Аржанцева, соединился с ним и спросил, как дела. Он весьма сухо сообщил мне, что вчера группа работала на Малой Бронной до позднего вечера, что нашлись еще свидетели, которые помнят в номере

всякие семерки — восьмерки, что розыск идет, но конкретных результатов пока нет. Наконец я набрал свой домашний номер, и Стрихнин, подняв трубку после шестого звонка, крайне недовольным голосом попросил дать ему выспаться хоть один раз за пять лет, после чего швырнул ее обратно.

Я посидел за своим столом, размышляя, стоит ли идти обедать в такую жару, посмотрел на папку с делом «Меркурия» и решил, что нечего лениться, надо не откладывая начать искать компромат на Квача. Тем более что лишние знания отнюдь не помешают мне в разговоре с Шиманским.

Дом, в котором проживал до посадки командир молодежного туризма, был не чета моему инвалиду социалистического труда. Тройные застекленные двери, мраморные лестницы, плющ на стенах подъезда говорили о том, что строился он в расчете на самых лучших, самых ценных членов общества. Из засады под пальмами в кадушках выскочил мне наперехват привратник, коротенький, как обрез, но с мощной старшинской грудью, ласково поинтересовался, обнажив стальные фиксы: «Куда путь держим?» «К Аркатовым», — ответил я как можно небрежнее, глазами судорожно отыскивая в зарослях зеленых насаждений лифт. Спрятав клык и, наверное, втянув когти, он убрался обратно, милостиво буркнув: «Проходите».

Массивную резную дверь с бронзовой ручкой открыла на мой звонок маленькая женщина в поблекшем застиранном сарафане. Лицо у нее было такое же, как сарафан, застиранное и невыразительное. Интересно, кем она приходится Аркатову? Горе иногда удивительно меняет людей... «Мне бы поговорить с родственниками Ивана Федоровича», — ответил я на ее вопрос и вдруг услышал уверенный мужской голос: «Это почему же с родственниками? Я и сам пока, слава Богу, не преставился».

Вот те на! Не позвонив предварительно по телефону, я рассчитывал на эффект неожиданности и, надо признать, получил его в полной мере. Вместо того чтобы, согласно моим расчетам, валить лес где-нибудь в Мордовии, гражданин Аркатов собственной персоной стоял передо мной в прекрасном белом костюме, высокий, гораздо более полный, чем во время суда, с розовым, пышущим здоровьем лицом, на котором красиво выделялись густые, черные с проседью брови. Протянув ему заранее приготовленное удостоверение, я пробормотал: «Прошу прощения, я не знал... Мы писали о вас, тогда...» «Помню, помню, — перебил он меня и повернулся к женщине, которая все еще стояла в открытых дверях: «Лиза, вы на рынок? Идите и долго не задерживайтесь, вечером у нас гости».

Когда домработница удалилась, мы прошли в кабинет Ивана Федоровича, огромную комнату, полную света и импортной мебели, уселись в пышные кресла, и Аркатов спросил наконец: «Чем обязан?» В голове моей вертелись по меньшей мере три варианта беседы, разной, так сказать, окольности, но на меня глядели глаза умные, спокойные и немного ироничные, поэтому я решился излагать свою программу в лоб, без обиняков. Ровно через три минуты он меня прервал: «Стоп, стоп! Вы хотите опять раскрутить эту историю?» Я с готовностью кивнул. «И вам надо, чтобы я

теперь заложил Квача и всех, кто шел со мной по делу?» «Всех, кто не шел с вами по делу», — поправил я его. Он вынул свое грузноватое тело из кресла и встал надо мной. «Этого не будет».

И тон, и поза, в которой он стоял, ясно говорили, что разговор окончен. Мне предлагали выйти вон. Я тоже поднялся, но спросил, стараясь дозированно вложить в свой тон легкую смесь горечи и насмешки: «Неужели вам не обидно?» В этот момент дверь кабинета открылась, и нашему взору явилось нечто в смоляных кудряшках и розовом купальном халате. «Зайчик, — томно сказала оно, — мы...» «Я занят! — рывкнул Иван Федорович, а после того, как дверь в испуге захлопнулась, снова обратился ко мне: — Значит, обидно, говорите?» «Да, — подтвердил я с напором. — Любому человеку должно быть и горько, и обидно, если с ним поступают несправедливо! И я уверен, с помощью газеты ваше прошение о пересмотре дела...»

Аркатов остановил меня движением руки, и я замолчал. Он сдвинул свои пышные брови так, что его глаза смотрели теперь на меня, как звери из чащи. «А почему, собственно, вы решили, что со мной поступили несправедливо? И что я мечтаю о пересмотре дела? — он помолчал, словно раздумывая, продолжать или нет, потом сказал: — И с чего мне вдруг вам верить, что вы хотите разрыть все это дерьмо исключительно из благородных побуждений?...» Я понял, что мне здесь больше ничего не светит, но напоследок решил испробовать крайнюю меру и спросил, глядя ему прямо в лицо: «Иван Федорович, скажите честно, вы боитесь?» Можно было ожидать, что в ответ он рывкнет на меня не хуже, чем на ту кудрявую, и выставит вон, но хозяин только провел рукой по лицу, одним движением разгладив и брови, и морщины, хмыкнул и сказал: «Молодой человек, в лагере меня научили отличному правилу. Никому не верь, ничего не бойся, никого не проси. Так что бояться я не боюсь, а вам не верю и никаких прошений подавать не хочу. До свидания». Пожав плечами, я повернулся уходить, но услышал уже в спину: «И мой совет: не суйте нос в это дело, останетесь без носа».

Только оказавшись на раскаленной улице, я почувствовал, как я зол. В сущности, мне не ответили ни на один вопрос, выставили вон да еще прочли нравоучение! Кипя негодованием, я сел в машину, доехал до ближайшего телефона-автомата. Найдя в записной книжке нужный номер, я позвонил своей давней приятельнице Ангелине в архив городского суда. «Подожди у телефона, — сказала она. — Я быстро. — И через минуту уже докладывала мне: — Вот, дело передо мной. Да, там была кассация в Верховный суд, одну статью сняли, приговор пересмотрели с одиннадцати лет на пять. А потом еще раз скостили срок, за примерное поведение, так что отбыл он в общей сложности два года и четыре месяца». «Больше никаких подробностей?» — спросил я. «В деле — нет, — хмыкнула Ангелина. — Но я эту историю помню. Там было столько звонков от разного начальства, что председатель дергал трубку, как редиску». «Во время процесса или потом, когда он уже сидел?» — уточнил я. «Да всю дорогу», — буркнула Ангелина.

Выезжая из тихих арбатских переулков на грохочущую

жаровню Садового кольца, я размышлял об Иване Федоровиче Аркатове и о том, что нравственные идеалы легче формулировать, чем по ним жить.

Квартира, которую купил Шиманский, находилась в Митине, действительно, новом районе уже за кольцевой дорогой. По дороге туда я вспомнил предостережение, переданное мне губастой секретаршей, и решил уважить просьбу, так сказать, клиента. На Волоколамском шоссе я несколько раз ускорился, иногда, рискуя попасться на глаза гаишнику, даже выскакивал на встречную полосу, потом уходил вправо, медленно тянулся вместе со всеми за какими-то автобусами и снова разогнался. Все это время я не упускал из виду зеркало заднего обзора, но не заметил, чтобы кто-то повторял за мной мои маневры. В конце концов мне это надоело, я плюнул и, обругав себя вместе с Шиманским за дурацкую мнительность, поехал, как все люди.

Было уже около шести, когда мелькнул указатель поворота на Митино, а вскоре я добрался и до нужного мне переулка с красивым названием — Ангелов. Апартаменты рестораника располагались на пятнадцатом этаже. Я позвонил в обитую бордельно-розовым кожаменителем дверь и стал ждать. Прошла минута, затем другая. Не дождавшись ответа, я еще раз нажал на звонок. Никого.

Соседняя квартира была распахнута настежь. Очевидно, там шел ремонт: в прихожей стояли ведра с раствором и заляпанные краской строительные козлы, а в глубине, заглушая все вокруг, назойливо визжала электропила. Решив, что это она мешает услышать звонок, я еще раз настойчиво надавил на кнопку, одновременно прильнув ухом к двери, и на этот раз мне показалось, что я слышу признаки жизни: как будто какие-то голоса, смех и даже музыку. Первая досадливая мысль была — начать колотить по розовому кожаменителю ногой. Но потом я решил подойти к проблеме с другой стороны. В буквальном смысле.

Осторожно, чтобы не запачкаться о козлы, я перешагнул ведра и через коридор соседней квартиры попал сначала в комнату, а из нее на лоджию. Оттуда открывался потрясающий вид на все окрестности, но мне было не до видов. Мое предположение оправдалось: лоджии были фактически смежными, их разделяла лишь тонкая перегородка от пола до потолка. Перегнувшись через перила, я попытался заглянуть к Шиманскому, но увидеть что-либо без риска наверху с пятидесятиметровой высоты мне не удалось. Зато удалось услышать. В квартире разговаривали, причем довольно громко, двое или трое: различался по крайней мере один низкий мужской и один пронзительный женский голос. Тогда, сложив ладони рупором, я крикнул: «Артур Николаевич! Ау!», но ответа не дождался. Зато, прислушавшись, стал различать отдельные слова и даже целые фразы. Складываясь вместе, они наводили на мысль, что за стенкой имеет место скандал. Вот что-то глухо пробубнил мужчина, а женщина закричала, почти визжала: «Нет, нет, только не это!» Снова угрожающе прокаркал мужской голос, а женщина отчаянно зарыдала. До меня донеслись звуки звонких оплеух, и сразу вслед за ними грохнули подряд два выстрела.

В общем-то плохо отдавая себе отчет в своих действиях, я в мгновение ока перемахнул через перила, сделал по карнизу два шага над пропастью и перевалился на лоджию к Шиманскому. Много позже, в спокойной обстановке проводя разбор полетов, я вынужден был признать, что действовал так, как нельзя было действовать ни в коем случае. Одна только мысль о безумной вольтижировке на высоте пятнадцатого этажа еще долго потом вызывала у меня дрожь и неприятную ватность в коленках. Не говоря уж о том, что нормальный человек, если он без бронези-лета, услышав выстрелы, должен бежать не к ним, а от них. Но я сделал то, что сделал, и поскольку путь отступления лежал опять через те же перила, мне не оставалось ничего иного, кроме движения вперед. Я двинул. И обнаружил себя стоящим с бешено бьющимся сердцем в абсолютно безлюдной комнате. Из мебели здесь имелась лишь огромная белая с золотом псевдоампирная койка на две персоны, а напротив нее тумба с телевизором. Именно из него и неслись все эти безумные крики и выстрелы, в данный момент сменявшиеся звуками погони. Дурак дураком, ваш покорный слуга оторопело постоял чуть-чуть посреди чужой спальни, в которую проник столь экзотическим способом, и, решив, что теперь больше терять нечего, отправился на поиски хозяина.

Нашел я его в ванной. То есть я резонно предположил, что он именно там, во-первых, поскольку больше нигде в квартире его не было, а во-вторых, потому, что оттуда были слышны звуки льющейся воды и еще какие-то, похожие на рокот стиральной машины. Неожиданная этическая проблема заставила меня остановиться посреди коридора, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Мало того, что я влез в дом не как положено приличным людям, практически в окно. Так теперь еще врываться к голому человеку? Пойдя по пути компромисса, я решил для начала обнаружить себя голосом и позвал: «Артур Николаевич!» Нет ответа. «Артур Ни-ко-ла-е-вич!» Ответа нет.

Тогда, удивившись и обеспокоившись, я тронул одним пальцем дверь ванной, и она легко отворилась. Объединенный по последней моде санузел заливали пронзительно-ярким светом галогенные лампы на зеркальном потолке, в котором, сверкая, отражались тусклый хром, голубеющий кафель и белоснежный фаянс. Весь противоположный от двери угол занимала огромная гидромассажная ванна, так называемая джакузи. В ванне, полной воды и розовой мыльной пены, плескался человек. Агрегат мерно работал, выбрасывая мощные водяные струи из многочисленных отверстий, и тело купальщика неторопливо поворачивалось под их воздействием туда и сюда. Его голова то пропадала под водой, то снова выныривала, и тогда можно было разглядеть, что горло у него перерезано от уха до уха. Не было никаких сомнений, что человек мертв. С трудом преодолевая себя, я сделал пару шагов вперед и заглянул ему в лицо. Это был Шиманский. Я вдруг понял, что бурлящая передо мной пена розова от крови, инстинктивно отвел глаза, наткнулся на ту же картину в потолочном зеркале и еле успел подскочить к унитазу. Меня вывернуло. Стараясь не глядеть больше в сторону трупа, я опрометью выскочил сначала из ванной, а потом из квартиры.

Слава Богу, на лестнице мне никто не встретился. Прежде чем выйти из подъезда, я осторожно высунулся наружу, чтобы оглядеться по сторонам. Улица, если, конечно, стоило считать улицей эту сильно пересеченную местность, тоже, на мое счастье, была пустынна, но я прошмыгнул по ней стремительно, как заяц, даже, кажется, уши прижав.

Отыскав свою машину, я подкрался к ней, плюхнулся, стуча зубами, за руль и, отъезжая, увидел в зеркале свое зверски перекошенное лицо.

Только отмахав по трассе километров десять, мне большим усилием воли удалось заставить себя остановиться возле автомата и позвонить по 02. Когда меня соединили с отделением, я дал им адрес и сказал: «Труп в джакузи». «Где-где?!» — раздраженно переспросил дежурный, но я уже повесил трубку.

В этом деле ни мне, ни тем более моей газете реклама пока была ни к чему. Окажись я в милиции в качестве свидетеля смерти Шиманского, неизбежно всплывет наш конфликт с «Интертуром», а уж если до этой информации доберутся друзья-коллеги из других изданий — от нас только клочья полетят. Да, похоже, и с точки зрения собственной безопасности мне лучше до поры до времени не высовываться. История оказывается гораздо серьезней, чем мне представлялось...

Я ехал обратно в город и думал о Шиманском, о том, что Артур Николаевич, выходит, боялся не зря. И о том, что я, выходит, зря не боялся. Ведь это я, в сущности, его убил. Я влез к этой лупоглазой секретарше, грудастой, как корова, и такой же умной, я наврал ей, что есть пленка, я задурил ей голову и фактически заставил поехать туда, где он спрячется. И за ней, по выражению Шиманского, увязались.

Итак, какие же у меня успехи по выполнению специального задания редактора? Шиманского нет, пленки нет, надежды получить компромат на Квача нет. Короче, ничего нет.

До дома я добрался в сумерках. Стрихнина след простыл, только грязные тарелки и чашки в раковине напоминали о нем. Совершенно обессиленный, я решил до завтра ничего не мыть, проглотил бутерброд с холодным чаем и завалился спать. Но едва, как мне показалось, приклонил голову, зазвонил телефон. В почти полной темноте я с трудом нашарил трубку. «Игорь Владимирович? — услышал я вежливый, но холодный женский голос. — Вам просили кое-что передать». «Что? Кто просил?» — Плохо соображая, я поднес к глазам часы и при свете законных фонарей определил, что сплю, оказывается, уже часа четыре. «Вам просили передать, — не отвечая на вопрос, продолжала женщина, и теперь ее тон показался мне не просто холодным, а нагло-издевательским, — что на сегодня уже два человека в морге и один в реанимации. Что вы получили хороший совет, но им не воспользовались. И еще вам просили передать, что больше советовать и предупреждать не будут». «Погодите!» — крикнул я, но в ответ услышал только короткие гудки.

Включив свет по всей квартире, я пошел в ванную и долго держал там голову под струей холодной воды. По мере охлаждения мысли тяжелели и обретали форму. Во-первых, ясно, что

Аркатов с ними в шайке. Или он у них на крючке, что для меня одно и то же. Во-вторых, связался я с людьми крутыми и решительными. Эвона, как ловко и нахально они выследили и пристукнули Шиманского, как быстро разыскали меня — при том, что мой телефон давно уже ни в редакции, ни в горсправке не дают. В-третьих...

В-третьих, самое невероятное. Как сказала эта холодная стерва: двое в морге, один в реанимации? Шиманский, толстый тотошник и Артем. Но ведь мне до сих пор даже в голову не приходило — да и с чего было приходиться, — что между кафе «Эдем» и Митиным, точнее, между бегами и «Интертуром» может быть хоть какая-то связь! И тем не менее эта связь есть. Очень странно. Очень любопытно. Очень страшно.

8. МЯСО

Рассвет я встретил, как поэт или влюбленный — без тени сна и в состоянии нервической возбужденности. Что было немудрено: гора окурков в пепельнице напоминала верещагинский «Апофеоз войны», а кофе я выпил столько, что, если бы умел гадать на кофейной гуще, к утру наверняка знал бы точно, что было, что будет и чем сердце успокоится. Но гадать я не умел, сердце не только не успокаивалось, а, наоборот, колотилось в бешеном кофейно-табачном ритме, и к тому времени, когда багровое солнце пошло привычно карабкаться на частокол окрестных многоэтажек, о том, что было, я знал не больше, чем тремя часами раньше, а о том, что будет, и того меньше.

Вопрос первый — как убитый рестораник оказался связан с убитым на день раньше тотошником? — оставался без ответа. Впрочем, не слишком долго поломав голову над этой загадкой, я благоразумно решил до поры до времени оставить ее в покое. Эти два дела пришли к нам с Артемом из слишком уж разных источников, так что фантазировать здесь можно было хоть до одури. Чистая случайность? Нечистая?

Значительно актуальней сейчас было другое. На вчерашнее утро мы имели два задания. Одно — персонально от шефа, второе надыбали сами. Результаты: оба с треском провалены, причем в ночи печальной они как-то оказались связаны между собой, что не позволяет хоть частично высвободить руки, отложив беговые проблемы в долгий ящик. На фоне того, что Артем вышел из строя, это вдохновляло мало.

Какие остались в запасе ходы? Аркатов, как говорится, мягко, но твердо меня послал, посоветовав не совать нос, куда не надо. Я пренебрег и остался с носом (каламбур, вполне достойный такого неудачника, как я). Второй раз мне к нему идти пока что не с чем.

Брутальный рестораник умер среди своей роскоши, алкаш-тотошник откинул тапочки на грубой мостовой, выражаю, как говорится, глубокое соболезнование родным и близким покойных, но применительно к моим делам существенно одно: оба теперь представляют совершенно никудышные источники информации.

Предпринять еще одну атаку на «Интертур»? Побьют лицо, если не хуже. Ловить шансы на бегах? Но шансов вот так, с

наскока, разобраться в этом гадюшнике, кто кому Николай, у меня, пожалуй, не больше, чем у полевой мыши угадать фаворита, перебегая скаковую дорожку под копытами участников заезда. Я с отвращением в который раз за эту ночь пролистнул несколько испещренных собственными каракулями листков — наскоро сделанную расшифровку пленки из разбитого диктофона.

За время неоконченной беседы с Артемом тототшник вывалил кучу самой разной информации о современных способах мошенничества вокруг тотализатора. Имен и даже лошадиных кличек он старательно избегал, и хотя Артем всячески его к этому подводил, тот каждый раз отделялся каким-то хмыканьем или хрюканьем, тут же начиная рассказывать новую историю с безмянными героями. У меня сложилось впечатление, что он отнюдь не оставил надежды поторговаться насчет оплаты своих знаний и пока набивал им цену, самое сладкое приберегая напоследок.

Но общий смысл сводился к следующему. Практически девять десятых наездников, а вместе с ними бригадиров, тренеров, конюхов, прочих служащих ипподрома, включая высшее руководство и даже судей, так или иначе повязано с беговой мафией. Крупные тотот, которых называют «мясниками», имеют в своем подчинении до десятка, а то и более «шнурков», осуществляющих связь с конюшнями, кассами, судейской бригадой. Как выразился наш собеседник, все схвачено, за все уплачено. Каждый второй заезд кто-нибудь «ляпает». Информация держится в тайне до последней секунды и даже позже: если надо, «свои» кассирши пробьют бидеты и после звонка, возвещающего о начале заезда.

Когда наш тототшник, сам, по собственному признанию, бывший наездник, рассказывал, как это делается, то даже сквозь попавшие на пленку шорохи, шумы и гул большого города я различал в его сипении нотки сладострастных воспоминаний.

Не минует чаша сия почти никого. Один наездник попадает на картах, другой на водке, третий сам лезет с распростертыми объятиями — вот он я, возьмите с потрохами! Совсем честных просто нет — система отторгает. Ну а если кто-то решит, что ему важен сегодня спортивный результат — для звания, для карьеры, это пожалуйста. Но только до той поры, пока его не отведут в уголок конюшни, куда-нибудь за денники, и не скажут три заветных слова: «Тебя не надо».

«Тебя не надо! — старым патефоном хрипло реготал багровый тототшник. — И все! И все! И никого не гребет, на каком «фонаре» ты едешь!» «А как наездник может не приехать... э... на явном «фонаре»? Ведь за такое могут и дисквалифицировать?» — поинтересовался в этом месте Артем, и я оценил его терпение и выдержку: он не гнал собеседника, а наоборот, собирал неторопливо детали, «мясо», которое потом придаст будущему материалу вкус достоверности. «Его проблемы, — буркнул в ответ «красная шапочка» и добавил: — Ты за них не волнуйся, учить не надо, все ученые. Не так собрал, перепейсил, не на ту дырочку чек застегнул, кобуры не надел, удила другие... Да мало ли что! Воробей перед носом залетел! Сказали «не надо» — значит, «не надо». «А если он откажется?» — гнул свое Артем. «Откажется? — в голосе тототшника послышалось большое сомнение насчет такого разви-

тия событий.— Ну так выплатит «мяснику» все потерянные деньги, да еще и штраф на него повесят». Что будет, если наездник откажется платить, Артем даже спрашивать не стал.

Короче, деталей было в избытке, но сами по себе они сенсацией не являлись. Сенсацией они должны были стать в конце рассказа — но рассказчик до кульминации не дожил. И вот теперь я должен был мучительно размышлять, есть ли у меня хоть какой-нибудь материал, годный в дело. На поверхности оставалось, пожалуй, одно: чем, кроме алкогольных паров, объясняется столь отчаянное поведение «красной шапочки»?

Как раз эту тему наш тотошник особо не педалировал. Но и не слишком скрывал причины. Долгие годы он сам был «мясником». Имел под собой конюшню или две, «ляпал» в свой черед заезды, делился, с кем положено. Но пьянство, как водится, сыграло с ним обычную шутку. Утратил былую реакцию, притупилось чутье, и вдруг ощутил однажды, как в затылок ему жадно и горячо дышит кое-кто помоложе и пошустрее. Бросился было к заступникам, к тем, кому честно платил все эти годы, но понимания не встретил. «Все, — сказали ему, — отъездился. Тебя не надо».

Другой бы принял давным-давно придуманные правила игры, опустил бы ступенькой ниже, скажем, на подхват к другому «мяснику», имел бы свой кусок хлеба на старости лет. Но наш герой пошел другим путем. В сущности, если каждый день с утра принимать пару стаканов, можно самому себе казаться очень храбрым. «Красная шапочка» опрокидывал свои «фронтовые» и шел в атаку. Он шляется по ипподрому и громогласно заявлял, что «всех посадит на жопу», причем, как я понимаю, называл своих супостатов поименно. И вот наконец пару дней назад кончилось тем, что тотошнику позвонили домой и сказали: если не захлопнешь пасть, тебе ее зашьют. Суровыми нитками.

Собственно, из всего сказанного было ясно, что перед Артемом сидел живой покойник. Только покойники могут быть такими смелыми: им терять нечего. Потому что, на мой взгляд, человек его профессии и образа жизни мог позвонить в редакцию с предложением разоблачений разве что в перерыве между приступами белой горячки.

Итак, итоги. Красномордый тотошник возглавил на ипподроме комитет народного контроля, его сперва пугнули, а когда он не унялся, убрали. С мужественным рестораником произошла точно такая же история...

Стоп. Такая же, да не совсем. Когда Шиманскому пригрозили, он в отличие от перманентно хмельного тотошника тут же понял что к чему и поднял лапки: отправил детей, а сам позвонил в газету, от всего наотрез отказался и спрятался в Митине. Рассуждая хронологически, его убили только после моего визита в «Интертур» и двух моих встреч с Розой. До этого больше недели после публикации его не трогали. Не был опасен? Если да, то почему опять стал? Из-за встречи со мной? Возможно. Но ведь с ним уже беседовал Дранов, записал все на пленку. Не могли же они знать, что экономный Митенька запись стер... Ох!

Я вспомнил вдруг пренебрежительную обвислую морду генерального бульдога «Интертура», вспомнил издевательские

ухмылки его холуев, их наглую уверенность в успехе судебного иска, и в этом пустом и темном деле мне вдруг забрезжил отдаленный свет. Был этот свет тусклым и безрадостным, как засиженная мухами лампочка в солдатском нужнике, но другого маяка не имелось. Похоже, в «Интертуре» знали, что в нашем распоряжении больше нет той кассеты с записью.

9. ГЕРБАЛЙФ

Стрихнин явился утром, часов в девять, как на службу. После бессонной ночи я не был способен на слишком сильные эмоции, но все-таки вид его меня потряс. На нем были кремовый костюм от Версачи, лакированные туфли от Валентино, а также соответствующие рубашка и галстук.

«Где ты это все украл?» — слабым голосом спросил я. «Обижаетесь, начальник, — довольно ухмыльнулся он, — не украл, а выиграл. Чудеса! Сел на кучу при социализме, откинулся при капитализме. А пока я чалился, тут умные люди время даром не теряли — вся Москва, как один большой катран. Плюнь — обязательно в казино попадешь!» С этими словами Стрихнин вывалил на стол здоровенную пачку денег: рубли, марки и доллары вперемешку, отделил из них две кучки поменьше, пояснив: «Это я брал в долг, а это на харч и прочее». «Мы что, ведем теперь общее хозяйство?» — вяло поинтересовался я. «И не мечтай! — отрезвил меня Стрихнин и добавил так, словно делал мне огромное одолжение: — Временное явление переходного периода, уже ищущее себе персональный апартамент». Потом он с хрустом зевнул во весь рот, сообщил, что всю ночь работал, как папа Карло, и теперь хочет вздремнуть, для чего просит освободить кухонный диван, а заодно и кухню. В другой раз это дитя социализма получило бы у меня достойную отповедь, но сейчас я не стал отвлекаться на борьбу с мелким коммунальным хамством. У меня появилась мысль, и я ее начал не только думать, но и претворять в жизнь.

Дом Мити Дранова похож на стадион. Он стоит на горке, круглым бастионом возвышаясь над окрестностями. Внутри, в огромный двор, ведет с десяток исполинских арок. Типичный памятник эпохи позднего тоталитаризма, обломок так и не построенного образцового коммунистического города. Во дворе размером с футбольное поле строители светлого будущего планировали первоначально разбить сад, а в нем чтоб были всякие качели, турники, песочницы, грибки и прочие аксессуары счастливого детства грядущих поколений. Но жизнь, как любят писать в газетах, рассудила по-своему. Сейчас на этом месте пустырь, посреди которого свободно раскинулось нечто, при первом взгляде напоминающее лагерную зону: высокая решетка забора, сторожевые вышки по углам. Это автостоянка. В бывшем образцовом городе воруют так, что, как говорится, не до грибков. Где-то там, под постоянной охраной, укрытый отдельным металлическим навесом, живет своей элитарной жизнью и знаменитый драновский «мерседес».

Если кто-то по неведению задает вопрос, как скромный журналист стал обладателем такого чуда техники, Митенька рассказы-

вает бородатый анекдот. Вызывают Рабиновича в КГБ. Спрашивают: откуда у вас деньги на новую «Волгу»? Рабинович отвечает: у меня раньше были «Жигули», я их продал, немножко добавил... А откуда, спрашивают, у вас деньги на «Жигули»? Так ведь у меня раньше был «Запорожец», я его продал, немножко добавил... А откуда деньги на «Запорожец»? Знаете, говорит Рабинович, вообще-то это довольно давняя история. В тридцать втором году у меня был велосипед. Но за него я уже отсидел!

Роскошный драновский «мерседес» явился из пены наших дней примерно таким же образом. Давным-давно, еще во времена развитого социализма, Митя соорудил большой хвалебный очерк о начальнике городского торгового центра, заработав таким способом право купить в специальном магазине слегка подержанный «мерседес» по весьма умеренной цене. С тех пор вылизывать его, кажется, главный смысл Митино существования. Дранов лижет машину, как только что оценившаяся сука своих щенят: уже и не надо больше, полный ажур, а он все лижет, лижет... На голом рефлексе. Так что все эти годы ему не составляло большого труда продавать старую модель, слегка добавлять, покупать новую. Да и времена меняются: в отличие от Рабиновича из анекдота, Митя за свое прошлое не испытывает не только гонений, но даже элементарных угрызений.

Выйдя из лифта на площадку, судить о достатке соседей можно по дверям. Самой красивой дверью на лестничной клетке была, безусловно, драновская. Благородная бордовость импортного винила, туго перетянутого золотыми струнами, и тусклая латунь таблички: «Г-н Дмитрий Николаевич Дранов». Я позвонил, где-то далеко в квартире, как в весеннем лесу, раздались соловьиные трели, после чего прошла, наверно, целая минута, а г-н Дранов открывать не торопился. Правда, мне показалось, что стекло «глазка» потемнело на какое-то мгновение, а за дверью послышался будто бы даже невнятный шорох, но голову на отсечение я бы не дал. Куда его черт унес в такую рань, ведь он же вроде как болен, с досадой подумал я, еще раз с силой дав на звонок. И тут услышал по ту сторону двери тяжелые шаркающие шаги. Вслед за этим она медленно отворилась, и передо мной предстал Митенька — все сто пятнадцать килограммов. Вид у него был ужасающий. Вероятно, боль заставляла его согнуться глаголом, но этому, в свою очередь, мешал огромный, выпирающий из-под резинки тренировочных штанов живот. Лицо Дранова, объемное и рельефное, все испещренное впадинами, холмами и расщелинами, как лунный глобус, виденный мною однажды в планетарии, выражало крайнюю степень страдания. «Чего не позвонил?» — вместо приветствия поинтересовался он хмуро. «Был тут по делам рядышком, решил навестить больного», — готовно соврал я.

Митя нехотя посторонился, его исполинские волосатые груди и живот слегка качнулись в такт движению, и я прошел в квартиру. Посреди гостиной лежали два распахнутых чемодана, кругом, на стульях, на диване, на полу, валялись приготовленные к упаковке вещи. «Отваливаешь?» — поинтересовался я. «В санаторий», — все так же хмуро подтвердил он. «На воды, значит, — кивнул я. —

Вовремя заболеть — большое искусство. Когда у человека неприятности...» «Какие-такие у меня неприятности?» — совсем хмуро спросил Дранов, а я ответил ему бодро, не в такт: «Ну, у тебя-то теперь никаких. Неприятности у меня. У Таракана. У Темы Дашкевича очень крутые неприятности. Раз уж я заехал, можно заодно задать тебе пару вопросов?» «Валяй, — проворчал Митя. — Заодно. Только я, пожалуй, прилягу, если не возражаешь».

Возражений с моей стороны не последовало, и Дранов с тяжким кряхтением опустилсЯ на диван, сопя устроился на подушках и натянул до подбородка плед. Некрасов в период «Последних песен», только поупитанней. Я огляделся. Кроме ризинных чемоданов, других явных примет скорого отъезда не наблюдалось. Светился экран компьютера, мигала разноцветными огоньками стойка радиоаппаратуры, горой лежали на полках кассеты и компакт-диски. Возле дивана стояли две пудовые гири и штанга кило на шестьдесят. В редакции Митя любит рассказывать, какие титанические усилия прилагает, чтобы согнать лишний вес, и все безрезультатно. При этом он туманно намекает на неправильный обмен веществ, вечно сидит на каких-то зверских диетах, неделями голодает, тоннами поглощает «гербалайф» и прочие снадобья для похудания, но однажды мы с Артемом застали его в буфете за пожиранием пирожных с кремом, и Дашкевич саркастически заметил: «Бедный Митенька! Хочет взять себя в руки, но не может обхватить...»

74 «Ты когда последний раз видел Шиманского?» «Дня через два после выхода статьи. Он заехал за экземплярами». «Какое у него было настроение?» «Нормальное, — Митя пожал плечами, от чего в толщах его жировых отложений произошли тектонические сдвиги, заметные даже под пледом, и предложил: — Да не верти ты, спрашивай прямо, чего нужно». Я вздохнул. Чего, действительно, вертеть. Прямо так прямо. «Ему угрожали?» «Не-ет, вроде...» — протянул Дранов. Но по тому, как он это сказал, по легкой тени, скользнувшей в его глазах, по еще черт знает чему, что и называется, наверное, интуицией, я понял, что нахожусь на верном пути, и спросил в лоб: «А тебе? — И чтобы не дать ему опомниться, стал сыпать вопросы один за другим: — Что обещали? Паяльник? Утюг? Или что-нибудь новенькое?» — Дранов молчал, и я понял, что пора. Спросил, понизив голос: «Ты действительно стер кассету? Или отдал им?»

Митя приподнялся на локте, лицо его страшно исказилось, глаза от возмущения вылезли из орбит, рот перекосило так, что свело, кажется, губы. Совершенно взбесившийся лунный глобус. Брызжа в мою сторону слюной, он заорал: «Пошел отсюда к...»

Закончить он не успел, потому что в самый кульминационный момент входная дверь открылась, и в квартиру на рысях влетела драновская жена Сима. Швырнув на пороге какие-то сумки, она с ходу завопила: «Господи, за что мне такое наказание? Через час придет машина, а он валяется на диване! Чемоданы не собраны! В квартире бардак!»

Меня она как будто даже не заметила, волной ее напора я был отброшен куда-то в угол комнаты, откуда с интересом наблюдал за происходящим. Сима была худа почти до изможденности, пло-

скогруда и плоскозада, к тому же вооружена парой очков с толстыми стеклами. Поскольку всей редакции было известно о многолетнем Митином романе с таракановской секретаршей Неллей, оставалось только восхищаться устойчивостью его вкуса. Сима между тем продолжала надсаживаться, начав к тому же загибать пальцы: «Я просила убрать в кладовку эти чертовы гири вместе с этой идиотской штангой! Я просила свернуть ковер и вытрясти его на улице! Я просила отнести горшки с цветами в кухню! Я просила снять с антресолей...»

Воистину, если Бог хочет наказать человека, он лишает разума его жену. Митенька кидал на нее совершенно неистовые по силе взгляды, но она их не замечала. Я выдвинулся на середину комнаты, и только тут, увидев меня, она замолкла. «Люмбаго, говоришь? — спросил я, постаравшись вложить в свой вопрос максимум сарказма. — Может, помочь тебе с гириями? Или сам справишься?» Дранов не ответил, с нескрываемой ненавистью глядя на меня из-под пледа. Я выждал еще секунд десять, ничего нового не дождался и вышел вон.

10. АЙХАНА

Город млеет, как сыр на сковородке. Он плавился, потел, исторгал миазмы, растекался огромной амебой. Жара в десятиллионном городе — это кошмарная смесь парилки с газовой камерой. Каждый камень источает жар, каждый автомобиль — сизую вонь. Кондиционеры в «Жигулях» не предусмотрены. Если открыть окно машины, становится нечем дышать, если закрыть, нечем смотреть: пот заливает глаза. В прохладном холле управления ГАИ я почувствовал заметное облегчение, но лишь в смысле физическом. В моральном плане мне предстояла очередная тягостная беседа с презирующим меня теперь Аржанцевым.

Случилось, однако, непредвиденное. Аржанцев встретил меня радушной улыбкой, в которой сквозило даже некое смущение. Больше того — он встал из-за стола и вышел мне навстречу, чтобы пожать руку! Я был потрясен. Вскоре все объяснилось.

Нашелся свидетель, вернее, свидетельница, которая точно запомнила номер белой «шестерки». И этот номер был — 87—49! Таким образом, я оказался реабилитирован. Но поисков это не продвинуло. Аржанцев объяснил, что теперь есть два варианта: либо машина была иногородняя, либо номера на ней — фальшивые. «И часто такое бывает?» — спросил я. «Фальшивые номера?» «Нет, что свидетели номер помнят, а машину найти нельзя?» «Бывает...» — меланхолически ответил Аржанцев, уже уходя от меня в какие-то текущие бумаги.

Но я не собирался так просто его отпускать. Меня внезапно пронзила одна мысль, которая, я знал по опыту, теперь не отпустит, станет навязчивой идеей до тех пор, пока я сам себе не докажу, что все это бред, плод моего разыгравшегося воображения. Либо не выясню прямо противоположного. И я судорожно забормотал что-то насчет своего желания написать про работу наших славных сыскников, что надо бы показать читателям

изнанку розыска, не одни, так сказать, удачи, но и пот, так сказать, и кровавые мозоли, что...

Аржанцев, не дослушав, встал, открыл шкаф, выдвинул ящик с карточками. «Вот тебе все «висяки», можешь над ними работать. До кровавых мозолей». Я принял ящик в свои слегка дрожащие руки и уселся за свободный стол. Впрочем, в процессе лихорадка поутихла. «Висяков» было много, полна коробочка, а меня интересовали вполне определенные. В стеклах офисных зданий на той стороне Садового уже разлился густой багрянец заходящего солнца, когда я перевернул последнюю карточку. В блокноте у меня было пять адресов наездов автомашин на людей. Пятьtrupов. Пять случаев, когда свидетели согласно указывали и номер машины-убийцы, и цвет, и марку. Пять раз, когда отдел розыска ГАИ так и не смог по этим данным никого обнаружить.

К себе в контору я приехал как раз к подписанию завтрашнего номера. Народ потихоньку расходился. Из дверей фотолaborатории, небрежно размахивая своим «Кэноном» с длинноствольным телевиком, вывалился сильно нетрезвый пушкарь Пыпин. Его багровое угреватое лицо напоминало внутренность переспелого арбуза. Слова он с трудом переплевывал через губу, как семечки. Рубашка на груди была расхристана, почему-то расстегнут брючный ремень. Увидев меня, он широко раскинул руки, примерно на метр промахнулся в попытке обнять и заорал со слезой в голосе: «Игоряща, я на травку хочу, к водичке, а никто меня не поддерживает! Поехали купаться в Сыр-Бор...» Я молча отмахнулся от него, а всегда угрюмый юморист Чепчихов, проходя мимо, заметил: «Пускай едет. Пьяных и дураков Бог бережет. А тут двойная гарантия». Почему-то вспомнился жирный тототник. Уж он-то точно был и пьяным, и глупым. Но Бог не уберег его. Он не уберег Артема, рестораника Шиманского и еще по крайней мере пятерых, записанных в моем блокноте. Складывалось впечатление, что Бог здесь вообще ни при чем. Что тут замешаны люди.

Таракан в редакции уже отсутствовал, держать отчет было не перед кем. В полутемной приемной Нелли, гремя связкой запасных ключей, запирала свою конторку. Я остановился в дверях, воодушевленный внезапно возникшей идеей. «Куда это Митенька укатил лечиться?» — поинтересовался я как бы между делом. «В санаторий под Рузу», — машинально ответила Нелли, щелкая сумочкой. «Один или с супругой?» «С супругой», — на этот раз с чувством процедила она сквозь зубы. «А тебе, как обычно, доверили цветочки поливать?» У меня не было цели задеть или обидеть ее. Но так уж вышло. «Твое какое дело?» — прошипела она, а ее бифокальные очки угрожающе сверкнули, как наставленный на меня снайперский прицел. «Абсолютно никакого, — замахал я руками. — Собственно, я только зашел сказать... Там Пыпин сильно поддавай выступает. Зовет всех в Серебряный Бор купаться. Но, похоже, уже начал раздеваться. Уборщица грозит охрану вызвать».

Нелли — выдающийся борец за нравственную чистоту рядов. К тому же, по-моему, почитает себя чуть ли не вторым человеком в конторе после Таракана. Отсюда — высокое чувство ответствен-

ности. За все. Короче, дважды повторять не пришлось: она опрометью бросилась в коридор наводить порядок. Я же воровато огляделся, подобрался к ее сумочке, открыл и заглянул внутрь. Ключей было две связки. На одной был потертый пластмассовый брелок с надписью «Фестиваль молодежи и студентов в Праге», другая крепилась на массивном стальном кольце с тремя стрелами внутри — символ фирмы «Мерседес». Еще раз убедившись, что никто меня не видит, я быстро сунул вторую связку к себе в карман и защелкнул сумочку. Немного позже мне снова предстояла дальняя дорога через весь город.

На дело я вышел, как положено, глухой и темной ночью. Уголовный кодекс отнюдь не приветствовал то, что мне предстояло совершить, поэтому я принял меры предосторожности. В драновский двор заезжать не стал, припарковался на одной из близлежащих улиц. Дальше отправился пешком. В окнах огромного дома почти нигде не было огней, население мирно почивало. В подъезде мне не встретилась даже кошка, но на всякий случай я поднялся на лифте этажом выше, прислушался и дальше на цыпочках спустился пешком по лестнице. Тьма на площадке была египетская, пришлось подсветить себе зажигалкой. Дальше все шло как по маслу: ключ повернулся в замке бесшумно, роскошная дверь не скрипнула, я с полминуты постоял на пороге, прислушиваясь, приглядываясь и принюхиваясь, а потом решительно нарушил неприкосновенность жилища Дранова.

Предусмотрительная Сима занавесила все окна плотными шторами — чтоб не выгорали обои. Поэтому я безбоязненно зажег в гостиной свет и приступил к поискам. В мои планы входило просмотреть все кассеты из драновской коллекции, заглянуть в ящики стола и комода, поискать какие-нибудь тайники... Вообще-то большим опытом делания обысков я похвастать не мог, но надеялся на удачу. Удача, однако, не торопилась. Примерно через час, с тоской оглядев груды уже разобранных кассет, в которых не оказалось ничего, кроме любимых драновских блюзов, я встал со стула, чтобы размять затекшие ноги, закинул руки за голову, с хрустом потянулся и... замер в самой нелепой позе. Из прихожей послышался отчетливый звук, от которого мороз наждаком пошел у меня по коже. Кто-то возился в замке, пытаюсь его открыть.

Не больше секунды находился я в состоянии ступора, а потом очнулся, в два прыжка оказался у выключателя, погасил свет и прижался к стене. На этом моя дееспособность исчерпалась. Мыслей не было. Инстинкты тоже не давали о себе знать: я просто стоял, вжимаясь в стенку, и тряся мелкой дрожью. Впрочем, какие-то безумные обрывки пронеслись в голове, как гонимый ветром мусор. Дранов вернулся посреди ночи?! Нелли?! Господи, ключи-то у меня...

Дверь медленно отворилась. Вероятно, пришелец, как и я, слегка помедлил на пороге, а потом шагнул в квартиру. Вспыхнув, заскользил по стенам узкий луч фонарика, и я вдруг испытал невероятное облегчение: это не Дранов, не Нелли, это вообще никто из своих. Но облегчение, едва возникнув, мгновенно обернулось своей полной противоположностью.

Это не свои. Это чужие.

Сразу вернулись и мысли, и инстинкты. Инстинкт требовал затиснуться куда-нибудь в шкаф или под диван. Мысль билась в узком пространстве между страхом и суровой необходимостью немедленно стать храбрым. Луч фонарика обежал прихожую, уткнулся в зеркало рядом с вешалкой, и я увидел смутные отражения двух фигур, габариты которых не оставляли мне ни малейших шансов уйти отсюда целым и невредимым. Единственным моим союзником могла стать темнота. Ну, может быть, еще внезапность. По легкому движению воздуха я понял, что входная дверь пока не закрыта. Когда она защелкнется, я окажусь в ловушке. Отчаяние, как известно, придает смелости. Я прыгнул вперед и со всей силы ударил носком ботинка по руке с фонарем.

Эффект неожиданности был на моей стороне. На их стороне была дверь. Еще на их стороне был количественный и качественный перевес. Фонарь со звоном отлетел в сторону и погас. Не теряя времени, я еще раз ударил ногой в темноту и попал во что-то очень твердое. Сначала показалось — в дверной косяк, потом понял, что это накачанный пресс. Невидимый противник хрипло крикнул и тоже наугад нанес удар кулаком в воздух. Наверное, это был отличный свинг, потому что он буквально просвистел перед моим носом. Второй удар оказался еще лучше: в грудь мне угодило пушечное ядро среднего калибра, я пролетел через всю комнату и с грохотом врезался во что-то спиной. Кажется, это была Митенькина стойка с радиоаппаратурой.

78

Можно было считать, что сражение вошло в новую фазу. Я очень боялся, что заключительную. Финал наступит, как только один из них нашарит на стене выключатель. Я судорожно пошлепал вокруг руками, нащупал легкую табуретку с металлическими ножками, выставил ее перед собой и бросился туда, где по моим представлениям должна была находиться дверь. Судя по глухим матерным крикам, металлические ножки нанесли прищельцам определенный урон, но конечного результата я, увы, не достиг. Табуретку вырвали и отшвырнули в сторону, а длинные и необычайно цепкие руки быстро нашарили меня в темноте. Через мгновение был применен профессиональный захват, голова моя оказалась зажата под мышкой у противника, одновременно мне бешено выкручивали кисти рук. Ничего столь же профессионального в ответ я противопоставить не мог, ибо в драке профессионалом не являлся. Я просто понял, что мне приходят кранты, последним почти нечеловеческим усилием извернулся и что есть силы вцепился зубами в руку, тисками сжимающую мою шею.

Ощущение было, что я укусил автомобильную шину. По всей вероятности, мне попался бицепс. Пропахшая потом, твердая, как камень, мощная деталь великолепно накачанной мускулатуры. Она была отлично приспособлена для того, чтобы наносить и выдерживать любые удары, но такого обращения с собой явно не предполагала. Ее владелец сдавленно охнул, захват ослаб всего на мгновение, но это мгновение я постарался не упустить и рванулся на волю. Сзади меня хватили за одежду, я выдирался, на этот раз успешно, едва не упал, зацепившись за порог входной

двери, больно ударился виском об угол и наконец понял, что выскочил на площадку. Пролетом ниже серело окно лестничной клетки. Не чуж под собой ни ног, ни ступенек, я кубарем полетел вниз.

Вероятно, они не сразу сориентировались в темноте, где выход и куда я делся, поэтому я получил фору этажа в полтора. К тому же по ночному времени света не было во всем подъезде. Если вам не приходилось кромешной ночью слетать по лестнице с девятого этажа, спасаясь от смертельной опасности, боюсь, я не в силах передать словами всю прелесть этого приключения. Правым плечом я врбался в бетонные стены, левым боком колотился о стальные перила, головой на полном ходу ударялся о чужие двери. Трижды или четырежды я растягивался на каменных ступенях, а одну дистанцию длиной в целый пролет и вовсе прошел кувырком, но темпа не сбавлял: смертельный страх отличный стимул для удачных выступлений во всех видах гонок.

Я с разгона плечом распахнул входную дверь, выскочил на улицу и успел пробежать метров двадцать по направлению к арке, когда услышал за своей спиной грохот и звон. Наверное, они повторили мой маневр, но не столь удачно, и бедный драновский подъезд окончательно дошел до кондиции, лишившись стекол в дверях. Я летел что было мочи, на ходу доставая из заднего кармана ключи от машины, сзади слышался топот моих преследователей, а прямо по курсу, явно по мою же душу, из припаркованного у тротуара «джипа» вываливались с обеих сторон еще два темных силуэта...

Собственно, это был та самая ситуация, когда от мук выбора ты счастливо избавлен. Вперед нельзя, назад нельзя, слева стена дома, справа забор автостоянки. Я резко рванул вправо, не помню, как взлетел на верхушку забора, зацепился за что-то полой куртки и камнем рухнул вниз, приземлившись на четыре точки. Дальнейшие мои передвижения так и проходили — на четвереньках. Дико саднили разбитые колени и содранные ладони. Я петлял между спящими на стоянке машинами, как подопытная крыса в лабиринте, крыса, которая не знает, где выход, которая не знает даже, есть ли он вообще. В конце концов я почувствовал, что силы на исходе, остановился, вернее, свалился возле какого-то аккуратно укрытого брезентом автомобиля, лег на спину и заполз ему под брюхо.

Охотники за моей головой тоже перемахнули через забор и были на территории стоянки. Обостренным от ужаса слухом я различал тихие невнятные голоса, хруст гравия под их подошвами. Затем неподалеку замелькали отсветы фонарей. Потом совсем уж, как показалось, рядом кто-то негромко, но сердито распорядился: «Под машины свети, козел, под машины!» Мне показался знакомым этот голос, еще совсем недавно пророчески грозивший, чтобы я, в случае чего, пенял на себя.

Нервы не выдержали. Мысль, что меня вот-вот застигнут в этой унижительной позе, лежащим на спине, жалкого и дрожащего, оказалась сильнее страха. Собравшись с духом, я рывком выкарабкался наружу, привалился к корпусу соседней машины и тут, на самой последней грани отчаяния, увидел свет, ведущий к

спасению. Свет был крошечным, но ярким огоньком, мерцающим под лобовым стеклом «тойоты», за капотом которой я прятался. Охранная сигнализация. Она есть практически на каждой машине. Развернувшись, я сжал зубы и со всей силы долбанул каблучком по колесу. С первого раза не сработало, я врезал еще раз, и тут началось! «Тойота» замигала огнями с четырех сторон, заорала на разные голоса. Пригибаясь, как под обстрелом, я перескочил в следующий ряд и рубанул ладонью по стеклу «девятки». В ответ оглушительно заверещало. Я метался между машинами, колотил куда попало ногами и кулаками, неизменно вызывая ответное возмущение потревоженных механизмов. Поэтому они ко всему прочему пошли заражаться друг от друга, потому что буквально через пару минут вся огромная автостоянка сверкала фарами, мигалками и прочими огнями, пронзительно при этом воя, свистя и улюлюкая.

В круглом доме, одно за другим, стали загораться окна. Вспыхнули прожектора на сторожевых вышках. Потом из подъездов посыпались автовладельцы. Прошло не больше пяти минут, как двор и стоянка заполнились разъяренными полуголыми мужчинами, вооруженными кто охотничьими ружьями, кто газовыми пистолетами, кто по-простому монтировками или топориками. Теперь надо было не попасть из огня да в полымя. Я быстро скинул куртку и рубашку, скатал их и сунул под мышку. Став таким образом малоотличимым от местного населения, я безбоязненно выскочил на середину, тоже что-то грозно крича и ругаясь. Так я бегал по стоянке, пока не нашел распахнутые настесь ворота, нечувствительно просочился в них, пятясь, отодвинулся подальше в темноту, а когда миновал наконец заветную арку, дал себе волю и бросился бежать так, как не бегал еще никогда в жизни.

Нацепив на ходу одежду, я долго плутал какими-то глухими переулками между мертвых слепых домов, сторонясь редких и тусклых фонарей, шарахаясь от любой тени. Напугали меня крепко. Наконец, уже окончательно решив, что заблудился, я чудом набрел на свой автомобиль и обрадовался ему чуть не до слез. Впрочем, от восторга до нового приступа отчаяния дистанция оказалась кратчайшего размера: обшарив все карманы, я убедился, что выронил где-то ключи от машины.

Я почувствовал себя потерявшимся в джунглях. От того, что джунгли, что называется, каменные, было не легче. Я не знал, стоять мне на месте или бежать. Если бежать, то куда. Опасность могла поджидать за каждым углом: я имел все основания подозревать, что меня еще ищут. Четверо на колесах против одного пешего. Вокруг ни людей, ни машин, метро в этот час закрыто, да я даже не знаю, в какой оно стороне. Помощи ждать неоткуда. С тоской окинув взглядом пустую и темную улицу, я уткнулся глазами в телефонную будку.

Телефон. Последняя соломинка цивилизации. Я выгреб из кармана мелочь. Луна колыхалась в кучевых облаках, как полуза-топленный баркас, и при ее неверном свете я обнаружил-таки телефонный жетон. Он был один, один-единешенек, как эта чертова полудохлая луна в небе, как я на этой чужой и враждебной

улице. Впору было заплакать от жалости к самому себе. Жетон всего один, и нужно распорядиться им оптимальным образом.

Кому позвонить? Артем в больнице... Домашних телефонов других сотрудников я в голове не держу. Кого из приятелей можно разбудить среди ночи и уговорить поверить в бредовую необходимость немедленно мчаться ко мне на другой край города? Кого из них выбрать, при условии, что жетон всего один, а шансов, что меня попросту пошлют спросонья куда подальше, много? Я решительно пересек улицу и вошел в телефонную будку. Есть в конце концов на свете человек, который в последнее время мне кое-что задолжал. Если же его не окажется на месте, я сохраню жетон и буду думать дальше.

Я уже протянул руку, чтобы снять трубку, когда в конце улицы блеснули автомобильные фары. Мне оставалось только выскочить наперерез, размахивая руками, любой ценой остановить эту случайную машину и обрести спасение, но ноги не послушались. Ноги оказались мудрее головы, они, голубушки, слушались сейчас не разума, а инстинкта. Они не дали мне двинуться с места, и в следующее мгновение я понял, почему. Автомобиль двигался по улице медленно. Слишком медленно. Или это милицейский патруль, или... Я упал на дно будки и скорчился там в три погибели за секунду до того, как «джип» проехал мимо. Мне показалось, что свет фар скользнул по моей макушке, и волосы на ней чуть не встали от этого дыбом. Разогнулся я и встал на ватные ноги только после того, как сверкающие кровавым блеском задние фонари исчезли за поворотом.

Итак, самые мои худшие опасения подтвердились. Теперь остается только надеяться на удачу. Я снял трубку и убедился, что телефон работает. Жителям нашего славного города не надо объяснять, какое это само по себе везение. Ободренный хорошим началом, я опустил жетон в прорезь, набрал свой собственный номер и стал слушать длинные гудки. Ну давай же, давай, если ты дома, просыпайся! Наконец жетон с лязгом провалился, трубку сняли, в ней что-то зашуршало и легонько загремело, как бывает, когда внезапно разбуженный человек не может сразу приладить ее к уху, а потом заспанный женский голос сказал: «Алло, кто это?» В первое мгновенье я настолько не поверил своим ушам, что по инерции тупо спросил: «А где Стрихнин?» «Вы не туда попали», — сердито ответил голос, и в трубке снова загромыhalo — ее прилаживали обратно на аппарат.

О боги! О московская телефонная сеть! Отчаяние, полностью овладев человеком, становится материальной силой. Только что я не был уверен, что найду понимание у кого-нибудь из множества своих добрых знакомых, а теперь что есть мочи заорал в микрофон: «Девушка! Де-вуш-ка! Не кладите трубку!» И голос вернулся. Это было невозможно, невероятно. Но это случилось. Она спросила раздраженно: «Чего вам еще надо?» И я, запинаясь от страха, что она, не дослушав, швырнет трубку, занкаясь от безумного желания коротко, но предельно ясно объяснить эту совершенно дикую для нормального человека историю абсолютно неизвестной мне заспанной девице, стал объяснять ей, чего мне надо.

Я уже изложил примерно половину сюжета, максимально

спрямленного, разумеется, когда, услышав название моей газеты, она перебила меня, иронически хмыкнув: «Может, вы еще сейчас скажете, что вы Дашкевич? Или Дранов?» «Нет, — пришлось честно признаться, — я Максимов». «Ну-ну», — протянула она с легким недоверием. А когда я стал диктовать ей свой номер телефона, отметила удовлетворенно: «Всего на одну цифру отличается». Это удовлетворение надо было, наверное, понимать в том смысле, что телефонная сеть допустила, конечно, ошибку, но столь незначительную, что и говорить не о чем. Свое особое мнение на этот счет я высказывать не стал.

Потом я продиктовал ей инструкции для Стрихнина. Отыскать запасные ключи от машины в ящике письменного стола, поймать такси, поехать в Ясенево, найти Соловьиный проезд, остановиться в условленном месте и попросить водителя три раза мигнуть дальним светом. Точкой randevу я назначил единственную на этой улице неоновую вывеску какого-то псевдовосточного заведения с тощими и бледными, словно дистрофики, буквами. Потеряв одну из них, она как будто тоже испугалась: «АЙХАНА».

Незапертый подъезд я отыскал быстро. В нем пахло кошками, мочой и неделю назад засорившимся мусоропроводом. Но я бы сейчас отсиделся и в выпрежной яме. Ай, хана мне, если Стрихнин не приедет! Я уселся на подоконник так, чтобы видеть кусок улицы с вывеской, оперся спиной на край стены и бдительно уставился в окно. Его-то я чуть и не вышиб головой, когда дернулся, внезапно проснувшись пятьдесят минут спустя. Под домом стоял «жигуленок»-фургон, который не только бешено мигал фарами, но еще и нетерпеливо гудел.

Когда я скатился вниз и вылетел из подъезда, мне навстречу уже была открыта задняя дверца. За рулем сидел плотный мужик в кожаной кепке, а прямо перед собой я с большим изумлением увидел коротко стриженный женский затылок. Больше в машине никого не было. «А где Стрихнин?» — второй раз за ночь задал я идиотский вопрос. «К телефону ваш Стрихнин не подходит, спит, наверное», — насмешливо сообщил затылок, и я сразу узнал этот голос. После чего мы так рванули с места, как будто участвовали в ралли «Париж — Дакар».

Водила попался до езды злой. По пустынному предрассветному городу он гнал машину с таким остервенением, словно ненавидел ее всей душой. Ямы и колдобины в недостроенном коммунистическом городе — единственное, чего здесь в избытке хватает, но ему было на них наплевать. Он только не забывал при каждом новом ударе глухо сквозь зубы материться.

В этом «жигуленке» скрипело и грохотало все, что можно. Свистел ремень. Гремела цепь. Страшно били амортизаторы, глушитель дробно колотился об днище. В редкие мгновения, когда мы притормаживали, машину сотрясала крупная малярийная дрожь. Водительское стекло было опущено, и в салон врвался свежий утренний ветер. Стриженный затылок перед моими глазами переходил в тонкую шею, и эта шея от холода покрылась гусиной кожей, вжимаясь в узкие голые плечи, прикрытые только майкой на узких ляпочках. Моя спасительница мерзла, но молчала. До этого мы вообще не сказали ни слова с самой моей посадки, а

теперь я попросил: «Нельзя ли прикрыть окно?» «Нельзя, — злобно отрезал водила. — Подъемник, сука, заело». «Может, печку включить?» «Сломана печка. Краник, сука, потек», — сообщил он еще более злобно. Тогда я снял с себя куртку и накинул ее девушке на плечи. «Спасибо, не стоит», — пробормотала она, но куртку оставила, плотно в нее завернувшись.

Наконец мы подъехали к моему дому. Стриженная вышла первой, но осталась стоять у машины. Я расплатился с водителем и напоследок все-таки спросил: «Ты чего такой расстроенный, друг?» Он обернулся ко мне, бешено вращая глазами из-под кожного козырька, и проорал — только что рубаху на груди не рванул: «Десять часов за баранкой, утро уже, а маруха в койке, сука, одна лежит! Все бабки, бабки... А любовь когда?!»

Я вышел, захлопнул дверцу, и он немедленно рванул прочь, взвизгнув лысыми покрывками и обдав нас облаком черного дыма. Кольца тоже залегли, автоматически отметил я.

Спасительница стояла напротив меня, но в предрассветном сумраке я не мог разглядеть ее лицо, понял только, что это почти девочка лет семнадцати, не больше. Кроме майки, на ней были короткие шорты, а также огромное количество всякой металлической бижутерии: кольца, браслеты, цепочки, а в каждом ухе не меньше трех или четырех разных серег. Я не знал, что должен сказать или сделать, и от смущения произнес какую-то банальность: «Спасибо, вы меня очень выручили». Словно речь шла о том, что она денек присмотрела за моей кошкой. «Что вы, не за что, — ответила она иронически и неожиданно спросила: — А вы правда Максимов?» Я достал из заднего кармана бумажник и протянул ей свою визитку. «Ну, — взмахнула она рукой, — вот мой дом, напротив вашего, можете не провожать».

Минуту спустя мы разошлись по своим подъездам, и я, каюсь, мгновенно перестал думать о стриженной девице. Поднимаясь по лестнице к себе в квартиру, я продолжал размышлять над тем же, о чем гадал всю дорогу в машине. Что они искали в драновской квартире? Вероятней всего, то же, что и я. Значит, Митенька все-таки не отдал им кассету? Может быть, заявил им так же, как Таракану, что стер запись? Я не поверил. И они, выходит, не поверили. Но откуда все-таки такая наглая убежденность в победе у этого мордастого Квача из «Интертура»?

Подойдя к двери, я вдруг вспомнил, что стриженная так и ушла в моей куртке. Во всех отношениях удачный денек, нечего сказать. В квартире было пусто, Стрихнином и не пахло. Я разделся, залез в душ и долго стоял, бездумно подставив лицо ледяным струям. Потом растерся до красноты махровым полотенцем, пошел на кухню, где у меня аптечка, и принялся, шипя от боли, мазать йодом ссадины и царапины. Когда я покончил с этой малоприятной процедурой, за окном окончательно наступило утро. Но оно не показалось мне мудренее вчерашнего вечера.

11. ЦУДРЕЙТЕР

Рабочий день начался с неприятной беседы в кабинете у Таракана. Собственно, беседы как таковой не было. Таракан выкаты-

вал глаза, шевелил угрожающе усами и задавал вопросы, на которые мне нечего было ответить. Все, что имелось в моем распоряжении, это пять сбитых ненайденными машинами людей. В разных местах и в разное время. Плюс убитый таким же способом тототник. Плюс ночной звонок, связывающий последний наезд с зарезанным директором, а следовательно, с «Интертуром». Таракана же сейчас интересовал один «Интертур», он разве что ногами не сучил от нетерпения, а у меня имелась только эта нить, слабая, провисшая, возможно, даже гнилая, готовая оборваться в любом месте.

Когда я покидал редакторский кабинет, Нелли в приемной не оказалось, и мне удалось походя пихнуть на дно ее сумочки драновские ключи — маленькая, но, увы, единственная удача. В своей комнате я уселся за стол и раскрыл блокнот на последней страничке. К сожалению, в картотеке Аржанцева относительно личности погибших, кроме адресов и фамилий, иных сведений не содержалось. Семейное положение, профессия и место работы случайных жертв дорожно-транспортных происшествий гаишников, естественно, не интересовало.

В кабинет заглянул пушкарь Пышин. С утра арбуз его лица выглядел, наоборот, абсолютно недозрелым: зеленым с редкими бледно-розовыми пятнами. Он торжественно заявил, что завязывает пить навсегда, с тоской поведал о полном отсутствии денег и поинтересовался, не надо ли мне нацелкать карточек к какому-нибудь материалу. Я честно ответил, что все мои герои пока безмянные, и он ушел удрученный. Потом в дверь просунул огрызок своей головы суперрепортер Гаркуша, сообщил, что мой заголовок отметили на планерке. Наконец позвонила Лилька и слегка окрепшим с последнего раза голосом рассказала, что операция прошла, тьфу-тьфу, успешно, Артем пришел в себя, через день-два его даже могут перевести из реанимации в обычную палату.

Последняя новость меня обнадежила. Значит, кругом не полный беспросвет, значит, есть в жизни и что-то хорошее. Заглянув в блокнот, я для начала остановился на Слюсаре Михаиле Савельевиче.

Выбор я сделал по географическому принципу: покойный проживал в Конькове, на Профсоюзной улице, откуда рукой подать до оставленной в Ясенево машины. Затребовав для такого случая у Таракана разгонку, я отправился в путь, отлично сознавая, что, если и эти пять адресов не принесут мне результатов, придется признать свое полное поражение.

Начало оказалось воодушевляющим: квартира Слюсара была опечатана. Я постоял немного, с тоской разглядывая уже успевшие покоробиться от дурного канцелярского клея бумажные полоски с неясными печатями, а потом решительно нажал на соседний звонок. Меня не рассматривали в глазок, даже не спросили, кто. Просто распахнулась дверь, и я увидел узкую спину в синем замызганом халате, убегающую от меня по коридору. «Пардон, у меня там каша горит, — пояснила спина на ходу. — Вы от Сили или от Егора?»

Я на всякий случай ничего не ответил, но зашел внутрь, в

крошечную прихожую, почему-то заваленную ячеистыми картонками из-под яиц. Через полминуты, вытирая руки несвежим кухонным полотенцем, передо мной предстал хозяин, едва достающий мне до плеча пожилой мужчина лет семидесяти. Внешность его можно было признать маловыразительной, если бы взгляд не наткнулся в изумлении на редкую по своему сочетанию колористическую гамму: из выреза перепачканного краской сатинового халата рвалась наружу косматая седая растительность, в то время как под носом-картошкой рыжела щетка ржавых усов, над глазами свисали огромные, словно с чужого лица, смоляные брови, а на лысой макушке торчал одинокий реликтовый кустик какого-то уж совсем немислимого мыльно-желтого оттенка. «Если вы от Сили, — продолжал он, — то все готово, осталось только упаковать. А Егору еще не закончил, пару деньков придется подождать». «Я не от Сили, — сообщил я, — и не от Егора. Я по поручению страховой компании». «Страховой компании? — одна бровь у него изумленно поползла вверх, другая недоуменно нахмурилась. — И что же вы предлагаете мне застраховать?» «Ну, например, самое ценное — жизнь». У меня родился некий план разговора, и я ему следовал. Хозяин иронически хмыкнул. «Подозреваю, юноша, вам только по молодости кажется, что это самое ценное. И потом, что может угрожать моей жизни, кроме склероза сосудов? «Да что угодно! — воскликнул я с тщательностью, как мне показалось, отмеренной долей патетики. — Человек способен сломать шею на собственной лестнице, свалиться под поезд в метро, попасть под машину, наконец...» Он удрученно покачал головой. «Вон Миша Слюсарь, мой сосед, попал под машину. И что, помогла ему ваша страховка? От чего она его спасла? От позора? От плевков на его несчастную могилу?»

Я внутренне сделал стойку, как гончая перед лисьей норой, но спросил, стараясь не показать своего интереса: «При чем тут одно к другому? От плевков на могилу мы, конечно, не страхуем. А, кстати, какой позор случился с вашим другом?»

Хозяин не ответил, только махнул безнадежно рукой и сделал приглашающий жест в комнату. Я шагнул и остановился на пороге. Она больше походила не на жилье, а на ателье художника. Вернее, ремесленника. В огромных рамах, занимающих почти все оставшееся от рабочего стола и узенькой кушетки пространство, висели на нитках сотни раскрашенных пасхальных яиц разной степени готовности. «Вот моя страховка, — сообщил он не без гордости. — Я, неверующий еврей Семен Купершток, зарабатываю себе на старость тем, что рисую православные храмы, Деву Марию и распятого Христа. И людям нравится, как я это рисую! Потому что необязательно верить, достаточно знать. Я знаю, что Мадонна прекрасна, иначе какая же это Мадонна?.. — он вдруг опустился на заляпанную краской табуретку, обхватил голову руками и неожиданно горько сказал: — А верить я никому и ни во что не обязан. Откуда мне, например, знать, что вы не мошенник?»

Я эпешил и промолчал, ибо отвечать мне было нечего. В определенном смысле Семен Купершток попал в точку. Но он, оказывается, и не ждал ответа, а разговаривал сам с собой. «Верить

нельзя, надо требовать доказательства, — бормотал он, горестно качая головой. — А я, старый цудрейтер, всю жизнь верил на слово. Ленину, Сталину, Горбачеву, Ельцину... Вот вы скажите, кто-нибудь может застраховать меня от страха? Перед жалкой, беспомощной старостью? В «МММ» сказали, что могут. Триста годовых, пятьсот, шестьсот! Я отнес свои деньги туда, и они сгорели синим пламенем. Потом я поверил концерну «Тибет», потом банку «Чара»... После этого я думал, что не поверю никому, даже Господу Богу, если он вздумает открыть свою финансовую компанию. Но тут зашел мой сосед Миша Слюсарь, и я снова купился, как последний потц!

Не вставая с табуретки, Купершток протянул руку и вытащил из-под кушетки груды бумаг. Сверху лежала пачка богато украшенных золотыми вензелями акций, смахивающих на рождественские открытки. «Инвестиционный фонд «Надежда», — произнес он, все так же горестно качая головой. — Миша служил там главбухом. Как я мог ему не поверить, ведь он должен был знать правду! А мы каждый вечер играли с ним в шахматы. Активы, пассивы, кредиты, депозиты... После того как его сбило машиной около их конторы на Сухаревке, я, конечно, пошел на похороны. Там было столько иностранных лимузинов, такие богатые люди приехали проводить бедного Мишу... Но когда настал срок, я явился за своими деньгами и, конечно, поцеловал замок! Нас, кретинов, было там человек пятьсот. А Слюсарь уже лежал в сырой земле, и мне даже спросить было не с кого...»

86

Мне так и не удалось уговорить застраховаться старого еврея Семена Куперштока, не верящего больше ни во что. Но сам я покидал его с крепнувшим подозрением, что двигаюсь в верном направлении.

Дальше мой путь лежал на Остоженку, в Савельевский переулок. Покойника с трогательной фамилией Ступенечкин я выбрал следующим номером потому, что, судя по датам, неопознанный автомобиль сбил его в районе Можайского шоссе около сорока дней назад, и я предполагал воспользоваться этим обстоятельством. Кошунственность подхода была налицо, но в моей работе сантименты хорошо смотрятся только на бумаге.

Подъезд доходного дома начала века был огромен, как готический собор. Его гулкие своды терялись в полутьме. С обшарпанных стен на входящих тарациях бесмысленными глазами лепные лебеди с отбитыми клювами.

Нужную мне дверь на пятом этаже хозяева поверх металла отделали красивыми узорчатыми филенками из разных пород дерева и снабдили мощными никелированными замками. Но сегодня забыли ими воспользоваться: дверь оказалась полуоткрыта, и в широкую щель мне был виден просторный холл с угловым диваном и парой кресел. Я потянул ручку на себя, шагнул в квартиру и, стоя на пороге, громко спросил: «Есть здесь кто-нибудь?» Никто мне не ответил, но в глубине следующего за холлом коридора звонко упало что-то стеклянное. Помешкав, я осторожно двинулся вперед и вскоре оказался перед широким проемом, ведущим в большую двухсветную комнату, вероятно, гостиную. Посредине стоял колоссальных размеров стол со стеклянной

столешницей. Раскинувшийся на ней натюрморт из пустых бутылок, грязных тарелок и рюмок говорил, что гости убралась совсем недавно. А стоящий в самом центре стакан с водкой, накрытый куском черного хлеба, подтверждал, что сороковины пришлись на вчерашний день. За дальним концом стола сидела маленькая женщина в пышном розовом пеньюаре. Лицо ее было красиво, но как-то совершенно безжизненно. Она слепо шарила рукой по столу, роняя бокалы в тарелки, и наконец нашла, что искала: расшитый бисером и серебром кисет. Высыпав на ладошку немного содержимого, она другой рукой нащупала рядом с собой квадратик папиросной бумаги, привычным движением лизнула его по краю и неожиданно ловко свернула самокрутку. Еще две рюмки упали с грохотом на пол, прежде чем она отыскала зажигалку и прикурила, распространив вокруг кисло-сладкий запах марихуаны. Потом она наконец увидела меня. Мысли в ее глазах было не больше, чем у лебедя из подъезда.

Будучи совершенно не уверен, что мои слова доходят до ее сознания, я пробормотал: «Простите за вторжение... В такой день... Примите, как говорится, соболезнования...» Жизни в ее лице не прибавилось, но она хрипло поинтересовалась: «Ты кто такой?» «У нас с Владимиром Григорьевичем были кое-какие дела», — ответил я туманно. И тут она вдруг разрыдалась. Теперь лицо ее перекосила отвратительная гримаса, она плакала громко и зло, слезы текли по щекам пополам с тушью и пудрой. «Дела-а-а,— захлебывалась она плачем и дымом.— Со всеми у Ступы были дела-а-а!.. А у меня что? У меня-то что, а?!» Порывав еще, она так же внезапно успокоилась. Загасила окурки в остатки салата. Утерла лицо рукавом пеньюара, оставив на том и другом грязные разводы, после чего безразлично сообщила: «Все дела теперь у Рикошета. Иди к Рикошету».

Я стоял, судорожно прикидывая, как продолжить эту увлекательную беседу, когда за моей спиной раздались грузные шаги. Обернувшись, я увидел перед собой весьма неприятную морду. Кирпича эта морда не просила — она сама была, словно кирпич: обожженная до красноты и такая же твердая. Взгляд был холодный и тяжелый, как ломик. Практически без посредства шеи морда крепилась на широких покатых плечах, переходящих в мощный торс штангиста-тяжеловеса. Глядя сквозь меня на девушку в пеньюаре, кирпичный поинтересовался: «Что за фрайер?» «Откуда я знаю? — дернула она плечами.— Пришел, про Ступу что-то болтает. Я говорю, иди к Рикошету. Рикошет теперь главный». «Больше ничего не спрашивал?» «Больше ничего». — Лицо ее снова стало пустым и бессмысленным. Я наконец собрался с мыслями и даже открыл рот, но произнести ничего не успел. Кирпичный нанес мне короткий удар в солнечное сплетение, я задохнулся, глаза полезли у меня из орбит, а потом в них потемнело, и я нырнул в эту темноту, как в ночную реку.

Вероятно, я пролежал на полу без сознания совсем недолго, потому что кирпичный только заканчивал изучать содержимое моих карманов и как раз рассматривал удостоверение с надписью «ПРЕССА», бормоча: «Вот еще крысу принесло на нашу голову...» Потом он небрежно сунул редакционную книжечку обратно мне в

карман, легко приподнял меня за шкурку, проволоком по коридору и выставил на площадку. Там он взял меня за плечи, повернул лицом к себе, сказав проникновенно и мягко, насколько может быть мягким кусок обжаренной в печке глины: «Забудь, что ты здесь был. Понял?»

В голове у меня все еще кружилась черная карусель, ноги держали плохо, адски болела грудь, а он стоял передо мной в хозяйской расслабленной позе, правой рукой держась за входную ручку, левую положив на стальную косяк. Я не ответил, тогда он переспросил еще раз, уже угрожающе: «Понял или нет?!» И тут на меня нашло. Накатило такое дикое бешенство, такая кровавая пелена встала перед глазами, что забылись разом и грудь, и ноги, и черная карусель. «Понял», — сказал я, стиснув зубы, и со всей силы шарахнул плечом стальную дверь.

Кирпичный не успел убрать пальцы с косяка. Это я знаю точно. Даже когда я был в самом низу, среди пустоглазых бессмысленных лебедей, его звериный неумолкающий рев все еще метался под готическими сводами подъезда. Только оказавшись в своей машине и дав газа с места в карьер, я в полной мере осознал, что сдуру наделал. Можно было только догадываться, кем был при жизни неведомый пока Ступа, кто такой Рикошет и какую роль при них играла эта кирпичная образина. Но ждать от этой компании ничего хорошего мне теперь не следовало.

12. НЕЛИКВИД

Как говорит мой друг Артем, минер ошибается дважды. Первый раз — когда подписывается на эту работу. Я подписался на эту работенку сто лет тому назад, когда, глядя из сегодняшнего далека, мины были не страшнее елочных хлопущек. Потом втянулся постепенно, а теперь вот выяснилось, что ничего другого, кроме как складывать слова в предложения, не умею, переквалифицироваться поздно. Я ехал по нашему городу развивающегося капитализма, с грустным недоумением размышляя, до какой жизни дошел. Человек интеллигентной профессии, с верхним образованием, прочитавший столько книжек гуманистически настроенных авторов, взял и прищемил железной дверью пальцы другому человеческому существу. Пусть бандиту, пусть в ответ на его, мягко говоря, некорректное ко мне отношение...

Впрочем, рефлексировал я не слишком долго. Минут через десять, при повороте с Манежной на Тверскую, совесть моя постепенно успокоилась, придя к компромиссу. Я, конечно, сделал это без удовольствия. Но с наслаждением.

У меня оставались один телефон и два адреса. Заглянув в блокнот, я отметил, что один из адресов у Белорусского вокзала, на Лесной, а другой буквально в двух минутах езды оттуда, в Самотечном переулке. Это решило дело, и я, отложив мысли о ледяной окрошке в прохладной редакционной столовой, решительно свернул с Тверской направо. Только бы не били больше по голове, думал я, выбирая место для парковки напротив нужного мне дома. Все остальное — пожалуйста.

На звонок первым выскочил огромный белоснежный лабрадор, подпрыгнув, лизнул меня в лицо, обнюхал и, не найдя во мне ничего, достойного внимания, удалился.

Передо мной осталась стоять хозяйка, крошечная женщина с пучком седеющих волос, ростом ненамного выше своей собаки. Дюймовочка в бальзаковском возрасте. Ее личико, мелкое, как пересошенная лужица, выражало минимум интереса к пришельцу, какой бывает разве что у глухонемых. Почему-то я не стал прикидываться ни налоговым инспектором, ни агитатором из партии зеленых, а сразу достал редакционное удостоверение и спросил, кем ей доводился Сергей Сергеевич Цыпляев. «Проходите», — предложила она неожиданно низким для ее комплекции голосом. И я прошел, а вернее, протиснулся сквозь прихожую, до потолка заваленную книгами. Книги занимали и большую часть пространства в комнате, где мы наконец оказались. Они были в пачках, в стопках, лежали подломившимися в основании грудями, просто валялись на полу. Все это напоминало место сражения, усеянное брошенной при отступлении амуницией. «Не обращайтесь внимания, это так, остатки, неликвид», — пробормотала Дюймовочка, разгребая для меня краешек дивана.

Вкратце история была такова. Ее муж, Сережа Цыпляев, в книжных кругах больше известный как Сережа-Памятник из-за своего особого пристрастия к собиранью серии «Литературные памятники», был рядовым книжным «жучком» начала восьмидесятых. Торговал, впрочем, не только «памятниками», а всем, что давало доход. Потом однажды были эти злосчастные четыреста экземпляров «Путешествия Нильса с дикими гусями», прямо из типографии и поэтому дешево. Путешествие закончилось в республике Коми, в исправительно-трудовой колонии общего режима, продлившись с зачетами два с половиной года. Дюймовочка ждала.

Сережа трудился и исправлялся, держась, как Стойкий Оловянный Солдатик, и вышел на свободу с абсолютно чистой совестью: как раз за время его отсидки спекуляция нечувствительно превратилась из уголовно-наказуемого деяния в солидный и легальный бизнес.

Выйдя, он сразу же включился в новую многообещающую жизнь. Сперва вместе со старыми приятелями образовал небольшой книготорговый кооператив, потом при нем появилось свое издательство, которое, быстро разбогатев, превратилось уже в торгово-издательский дом с красивым названием «Кентавр». Книжный бум шел полным ходом: изголодавшееся население самой читающей в мире страны мело все подряд: Чейза, Набокова, Чарскую и Генри Миллера. И тогда бывший книжный «жучок» Сережа-Памятник, бывший зек Цыпа, а ныне один из столпов отечественного книгоиздания Сергей Сергеевич Цыпляев, задумал проект века. Собрал все активы, взял в банке кредит и издал чудо полиграфического искусства: «Лучшие сказки всех времен и народов» в твердом золотом переплете, с цветными картинками на каждой странице, финская веленевая бумага, полтора кило чистого веса. На книжном рынке это была маленькая сенсация. Сто тысяч тираж, пять долларов себестоимость, оптовая отпу-

ская цена одиннадцать долларов. Минус накладные расходы — полмиллиона баксов дохода. «Теперь я тоже думаю, что его убили, — просто сообщила мне Дюймовочка, ставшая вдовой Оловянного Солдатика. — Я ведь не лезла в его дела, никогда не знала подробностей. Только недавно случайно узнала, как проходила эта сделка: по накладным одно, чтоб меньше шло в налоги, а все остальное на честном слове...» Восемьдесят процентов тиража взяли оптом две компании: «Старт» и «Полисигма». А ровно через пять дней после того, как книги вывезли со склада, Цыпляева прямо возле дома насмерть сбил неизвестный грузовик. «Убили, — почти без всякого выражения повторила Дюймовочка, — и никому ничего не докажешь...» Мне нечего было возразить ей. Я даже не мог утешить ее ни единым словом.

В Самотечном переулке стоят дома, похожие на праздничные торты: чистые, свежие, затейливо украшенные где многогранным эркером, где полукруглой лоджией, где стрельчатой башенкой. Не дома, а мечта из розового, как крем, кирпичца. Входные двери здесь стеклянные, трехметровые. Естественно, у окружающего пролетариата должно быть большое искушение шархануть булыжником, ан нельзя: стеклянный подъезд стерегут не старушка-консьержка, не дряхлый отставник, а молодые ядреные парни в пятнистой форме. Слева дубинка, справа револьвер в кобуре, посреди тельняшка в вырезе форменной куртки. Не хватает лишь пулеметных лент на груди. Попробуй сунься!

Я сунулся, но дальше турникета меня не пустили. Редакционная ксива произвела не больше впечатления, чем если б я предъявил пенсионную книжку. На вопрос, к кому, я неопределенно сообщил, что к Карымовым. На вопрос, ждут ли меня там, дипломатично ответил, что надеюсь. Полистали какой-то журнал, но моей фамилии там, разумеется, не нашли. Наконец смилостивились и позвонили в квартиру по телефону. Там никого не оказалось, после чего я стал подозрителен вдвойне и уже ясно увидел, что, если немедленно не уберусь, меня изгонят из этого кондитерского рая физическими методами.

Тем бы, наверное, и кончилось, но тут к стеклянному подъезду подвалила сверкающая черным лаком «Волга», из которой выкатился мужичок-колобок — маленький, но при этом ужасно широкий во все стороны. Его крепко посаженное на тройной подбородок толстое круглое лицо улыбалось ни к кому конкретно не относящейся улыбкой, от чего по нему, как по недопеченному караваю, шли бесчисленные ямочки. Войдя, он сделал пухленькой ручкой приветственный жест слегка подтянувшейся охране, после чего по начальственной привычке всегда как бы проявлять интерес к окружающей жизни, поинтересовался: «О чем сыр-бор?» — и, совершенно не нуждаясь в ответе, прошествовал к лифтам. Но один из сухопутных матросов, видать, недостаточно еще выдрессированный, пробормотал ему вслед, что я вот рвусь к Карымовым, а их, понимаешь, даже дома нет. И колобок вдруг остановился, как по команде «замри» в детской игре. Даже ногу, кажется, до конца не опустил на мраморный пол. Постояв недолго в такой позиции, он все-таки поставил ногу на место, после чего вернулся назад, к турникету, взял мое удостоверение и принялся его изу-

чать. Поскольку изучать там особенно нечего, я пришел к выводу, что голова колобка занята в этот момент не только осмыслением названия газеты, а также прочих содержащихся в документе скудных данных. Вывод оказался в целом правильным, потому что, вернув мне книжечку, он сообщил охране, что «молодой человек со мной», и мы вместе отправились наверх. В лифте колобок представился мне чиновником Фонда имущества Валерием Фаддеевичем Раскутиным. Он так и назвал себя — «чиновником», правда, с заметной долей иронии в голосе.

Всю жизнь я, как почтальон, хожу по чужим домам. Профессия такая. Но и меня можно удивить. Лестничная площадка, на которой мы оказались, была размером с теннисный корт. Первое, что бросалось в глаза, это полное отсутствие бронированных дверей: видно, местные жители будут побесстрашнее, чем рядовое население города. А когда мы зашли в квартиру и оказались в гостиной, я наметанным глазом определил, что отделка с обстановкой в этих апартаментах тянет не меньше, чем тысяч на шестьдесят долларов. Где ты, моральный кодекс строителя коммунизма?.. Раньше из всех видов чиновников жить в такой роскоши не стеснялись только члены Политбюро.

Раскутин слушал мою историю внимательно, не перебивая. Я заметил, что ямочки на его хлебулочных щеках могут образовывать самые разные сочетания: выражать не только улыбку, но и горестное изумление, а также иные сильные чувства. Когда я закончил, он откинулся в кресле, сложив припухлые младенческие ручки на выпирающем из-под рубашки животе. Ямочки сурово сошлись вокруг первого подбородка. «Так вы считаете, это было убийство?» В ответ я только развел руками. «Хорошо, что попали на меня, бедная Маша до сих пор не в себе. Да к тому же дети... А мы были ближайшими друзьями еще с комсомола. — Он помолчал и спросил без особой надежды: — Кто, за что, конечно, не знаете?» «Я в общем-то не знаю пока даже, где он работал».

Раскутин тяжело вздохнул, ямочки на его лице образовали сложный рисунок, и он произнес, явно нехотя, словно подчиняясь суровой необходимости: «Алик Карымов занимался в Фонде имущества главным образом распределением подрядов на реконструкцию старых особняков в центре города». «Полагаю, для строительных компаний это прибыльное дело?» — спросил я осторожно. «За этим стоят колоссальные деньги. Банки, тресты, иностранные инвесторы. Очень легко, знаете ли, наступить кому-нибудь на хвост...» «А кто теперь, после Карымова, занимается этим распределением?» — спросил я, вытаскивая блокнот. Но записывать мне ничего не понадобилось. Колобок со скорбным видом кивнул — первый подбородок опустился на второй, второй на третий. Скорбный этот кивок должен был, видимо, означать, что ему вполне понятно, что стоит за моим вопросом. Потом он посмотрел мне прямо в глаза и печально ответил: «Я».

13. ЛИБИДО

К моему возвращению столовая в редакции уже закрылась, и мне пришлось довольствоваться холодными сосисками и простыв-

шим чаем в буфете. Туда же забрел выпить лимонаду всегда мрачный сатирик Чепчахов, считающий угрюмость лица отличительным признаком работников своего цеха. Окинув хмурым взглядом мою скудную трапезу, он поинтересовался: «Каков гастронологический прогноз?» «Если экспромт, то ничего, — отозвался я с набитым ртом. — Хотя лежит близко. Хочешь, продам незадорого фразочку? Бюрократия — заорганизованная преступность». Он благосклонно кивнул и полез за блокнотом.

Увидев меня в другом конце коридора, гений репортажа Гаркуша выкинул вперед обглоданный под самый корень палец и заорал: «Заголовочек!» Так матрос в бочке на верхушке мачты кричит: «Земля!» «Классную заметку забачал, газету завтра с руками рвать будут, — пожаловался он, — а заголовочек что-то не идет...» «Баш на баш,» — отрезвил я его, вывалил перед ним все свои накопившиеся за день вопросы, взял полосу и отправился к себе в кабинет.

В принципе я чувствовал, что материала и так хватает, остались детали. Но пятый адрес, вернее, телефон, оставшись неразъясненным, все равно болтался бы на моей совести. Я набрал его и после долгих гудков услышал стандартный текст автоответчика. Рассказав, зачем звоню, я продиктовал рабочий телефон, подумал и добавил домашний. Потом покорно вздохнул и принялся за чтение Гаркушиной заметки.

Если оставить в стороне такие изумительные пассажи, как «падеж нравственности» и «останки уважения», материал и впрямь был неординарный. В двухкомнатной коммунальной квартире на Пресне проживали две семьи. Старик со старухой и студент-заочник, перебивающийся случайными заработками, который, собственно, полноценной семьи из себя не представлял, но собирался вскорости жениться, что для сюжета немаловажно.

92

Старик пил смертную. Пенсию пропивал за три дня, дальше собирал бутылки вокруг коммерческих ларьков. У него был принцип, который он не раз громогласно декларировал: «Как ни крутись, как ни бейся, а к вечеру хошь не хошь, а напейся». Напившись, он приходил в квартиру и устраивал драку со старухой. Старуха страдала гипертонией и после каждого скандала отлеживалась, глотая клофелин. Два-три раза в неделю она вызывала милицию. Являлся участковый, привычно грозил упечь старика на десять суток и уходил. «Доведете до смертоубийства!» — отчаянно кричала ему вслед старуха. И у студента-заочника родился дьявольский план. Ставив у бабки пузырек с клофелином, он после очередного скандала подсыпал в портвейн старику лошадиную дозу лекарства. К утру деда нашли на полу возле сортира уже окоченевшим, и путь к овладению квартирой для готовившегося создать новую ячейку общества студента был открыт: дедушка отправлялся на погост, бабушка — в каталажку.

Все шло по-задуманному, но нашелся местный Порфирий Петрович, который раскрутил дело, и студента раскололи на перекрестном допросе. Все получилось в точности наоборот: несостоявшийся жених угодил в кутузку, а овдовевшая старуха осталась

тихо, спокойно жить одна в двухкомнатной квартире. Возможно, покойный Федор Михайлович и нашел бы здесь повод для романа, но Гаркуша ограничился тем, что извалял заметку в рубрику «Криминал». Он явился минут через двадцать, по обыкновению скаречно прижимая к груди папочку с материалами.

Вдохновение, однако, не снисходило. Я предложил было «Чисто советское убийство», но сам же и отверг: старо, где-то, кажется, было. Потом пришло в голову «Агата Кристи русского разлива». Это было уже лучше, но Гаркуша принялся ныть, что в тексте нет никакой Агаты, читатель сам не дотумкает, а вставлять уже некуда, все заверстано... Заголовок, как часто бывает, влетел в голову, как шальной голубь в форточку. Я спросил: «У тебя есть, чем записать?» Он отрицательно помотал своей башкой. «А чем запомнить?» — разозлился я, но Гаркуша от страстного желания получить название для заметки даже не заметил моей язвительности. Тогда, пододвинув к себе полоску, я крупными буквами вывел на ней фломастером: «НАПРАСНЫЙ ТРУП». Это даже ему оказалось доступно, и я получил вожделенную папку.

Содержалось в ней сильно меньше, чем мне бы хотелось.

«Старт» и «Полисигма» как таковые нигде не фигурировали. Но дотошный Гаркуша подсунил мне большую статью о книжном бизнесе, кажется, из «Комсомолки», в которой, в частности, уверенно говорилось, что с самого начала книжного бума, который приносил в первое время огромные проценты, очень многие крупные коммерческие издательства и книготорговые центры попали под контроль организованных преступных группировок.

Ступенечкин, он же Ступа, фигурировал в доступных архивах всего один раз, да и то давно. Летом восемьдесят девятого он был задержан сотрудниками МУРа за попытку рэкета, провел около года в следственном изоляторе и, как водится, был в конечном итоге отпущен: все свидетели почему-то постепенно отказывались от своих предыдущих показаний. Упоминаний человека по кличке Рикошет не встречалось.

Карымов Александр Зиновьевич ни в каких скандалах замешан не был. На последних выборах баллотировался в городскую думу как независимый кандидат, но не прошел. О Валерии Фадеевиче Раскутине даже и таких скудных сведений не имелось.

Как я и думал, больше всего материалов оказалось об инвестиционном фонде «Надежда». От первых скандальных сообщений о прекращении выплат вкладчикам до ставших уже привычными экономических и уголовных комментариев к подобным историям. Президентом фонда был некто Василий Сатанов, председателем совета директоров — его жена Елена Полле. В настоящее время неизвестно нахождение ни этой парочки, ни трехсот миллиардов собранных у населения денег. О бывшем главбухе Слюсаре упоминалось глухо, следствие не выдвигало против него обвинений, а заменившая его в последний месяц молоденькая девчонка, вчерашняя выпускница «плешки», умела только горько плакать на допросах и твердить, что ни в чем не успела разобраться.

Короче, все как будто укладывалось в схему, но «мяса», подробностей, не хватало. Время было позднее, но я на всякий случай брякнул на Петровку своему старому знакомцу Шурику Невмя-

нову. На мое счастье, он оказался у себя. «Борешься с преступностью, не сходя с рабочего места?» — поинтересовался я. «Дежурю,» — проворчал он недовольным голосом. «Ясно, — сказал я. — Значит, пытаешься обыграть компьютер в преферанс». В ответ он неопределенно хмыкнул, и я задал ему свои вопросы.

«Ступа? Рикшет?» — переспросил он. — «Какие-то у тебя интересы нездоровые. На кой хрен они тебе понадобились?» «Для общего образования», — ответил я туманно. Невмянов помолчал, собираясь с мыслями, потом начал монотонно выдавать, словно читал давным-давно надоевшее досье: «Ступа был очень крупным воровским авторитетом. Особенно у ореховской и у солнцесовской группировок. По некоторым данным, контролировал часть игорного бизнеса в городе, игральные автоматы в аэропортах, два или три рынка, палатки по левую сторону Ленинского и вплоть до Черемушек. Ну, еще всякое разное. Отличительная черта — ненавидел всех кавказцев, пытался объединить «славянские» группировки на борьбу с ними. Рикшет был его правой рукой, ближайшим другом, но в вопросе с «черными» всегда держался более мягкой политики, предлагал договориться. После того как Ступу сбило машиной, принял группировку на себя. Хватит для начала?» «Хватит». Я еле успевал записывать. «Ну, раз хватит, тогда напоследок еще кое-что полезное. Особенно тем, кто так настойчиво интересуется Ступой и Рикшетом. Для общего образования. Профессиональные киллеры чаще всего работают довольно стандартно. Ждут у подъезда, когда объект выходит из машины или садится в нее. Еще могут стоять на площадке у лифта или около двери. Время — обычно утро или вечер. Поэтому советую ставить автомобиль в стороне от подъезда, а дальше идти пешком. Осторожненько. Да, еще. Перед тем как сесть в машину, настоятельно рекомендую заглянуть под днище и в салон. Нет ли посторонних предметов, веревок, проволоки... Особенно бойся вроде бы пустых жестянок из-под пива или там «Фанты». Это, впрочем, можешь и не записывать. Это сейчас каждому школьнику известно...»

К дому я подъехал, когда уже стемнело. Наш военно-полевой двор вдруг представился мне под новым углом зрения. Тут, если захотят кого убить, то можно сразу и закопать — никто даже не заметит. Очень сильно пересеченная местность.

Лампочка над подъездом не горела. Но в отсвете фар мне почудились очертания двух человек у самой стенки в тени черемухового дерева. Страх заячьей лапкой легко пробежался между лопатками, после чего поплыл теплым комком от желудка к горлу. Очень медленно, безуспешно пытаюсь разглядеть что-нибудь в темноте, я проехал мимо своего дома и завернул в соседний двор, остановившись метров через сто.

Может, показалось. А может, нет. В конце концов нет ничего плохого в вечернем моционе на свежем воздухе — так я оправдал для себя свою внезапно возникшую фобию. Тихонечко-тихонечко, по газонам вдоль стен домов, прячась за деревьями, я подобрался поближе к подъезду и с легким нервным смехом разглядел наконец то, что меня так напугало. Открытый мусорный бак, доверху набитый всяким хламом.

Все еще слегка трепеща, я вошел в подъезд, поднялся на свой этаж и, как ни странно, остался жив. Тем не менее зачем-то зажег свет по всей квартире, заглянул в ванную, в стенной шкаф и даже под диван. Нервы, нервы, нервы-стервы... Успокоившись, я прошел на кухню, зажег газ, поставил чайник, разбил над сковородкой пару яиц, и в этот момент грянул звонок в дверь. Дальше помню плохо. Кажется, я чуть не опрокинул на себя сковородку с яичницей. Заметался судорожно по кухне, хватаясь то за деревянный ухват со стальным крючком, то за алюминиевый молоток для отбивания мяса. Один за другим выворотил ящики кухонного стола, пока не вооружился огромным ножом-секачом. Тут только до меня доехало, что если это т е, то им ничего не стоит вышибить мою хлипенькую дверь одним ударом. От этого откровения я впал в другую крайность и, даже не поинтересовавшись, кто там, просто отпер замок.

За дверью, глядя на меня с большим изумлением, стояла вчерашняя стриженная девица. Похоже, видок с этим секачом был у меня действительно не совсем нормальный. «Капусту шинкуете?» — поинтересовалась она.

Под мышкой у нее была моя куртка. Я довольно неуклюже попытался спрятать секач за спину. «Вы вот тут забыли вчера. Так я принесла. У нас и квартиры номерами почти не отличаются: у меня сорок шесть, у вас шестьдесят четыре». Последнее она произнесла, так широко раскрыв от удивления глаза, словно у нас совпали не цифры в номерах квартир, а все сочетания планет в гороскопе.

В комнате я наконец-то смог разглядеть ее. Во-первых, она была рыжая. Во-вторых, с длинным смешным носом, который, впрочем, не слишком ее портил. В-третьих, у нее были большой рот и маленький подбородок, что лично для меня окончательно делало ее похожей на Буратино. В-четвертых, она вся-вся была в веснушках, словно кто-то в шутку обрызгал ее оранжевой краской. Сегодня на ней было нечто вроде легкого хлопчатобумажного хитончика, державшегося на двух тонюсеньких бретельках. Открытая шея и худенькие плечи тоже были рыжими. Она повернулась к свету, и я увидел ее глаза. Строгий эксперт, вероятно, отнес бы их к разряду карих. Но я, не раздумывая, и их признал рыжими.

«Вы пригласите девушку сесть или так и будем торчать посреди комнаты?» Я отметил про себя, что раскованности ей не занимать, и указал на кресло возле журнального столика. Впрочем, тут же подумалось, что для поездки глубокой ночью через весь город неизвестно куда, неизвестно за кем, неизвестно на чем раскованность является определяющим качеством.

Попутно скинув легкие сандалии, она плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу. Ноги были длинные, молочно-белые, с хищными, окрашенными в клюквенный цвет коготками. Одна бретелька съехала с плеча, хитончик плотно обтянул ее фигуру, и стало ясно, что больше под ним ничего нет. «Меня для сведения зовут Тина, — сообщила она и уточнила: — А вы, выходит, Игорь Максимов». Я кивнул и услышал следующее признание: «Жутко фанатею от вашей газеты. А статьи ваши аа-ба-жаю». Я испу-

гался. Мне хорошо знакома эта порода девиц. На праздниках во Дворце молодежи, которые устраивает наша газета, они лезут на любую знаменитость — от рок-певцов до журналистов с известными фамилиями. К счастью, первых предпочитают больше. В массе да еще в общественном месте они не слишком опасны. Но вот так, один на один мне еще не приходилось...

Тут я вовремя вспомнил, что она все-таки моя спасительница, взял себя в руки и, как мог любезно, осведомился: «Хотите чаю или, может быть, кофе?» Пронгнорировав мой вопрос, Тина медленно обвела взглядом комнату и остановила его на диване. «Значит, вот на этом вы и спите? На вид жестковат», — произнесла она с иронической усмешкой. Это был настолько прямой намек, что я, ей-Богу, растерялся. Но больше всего меня почему-то покорило пренебрежительное отношение к моему любимому дивану. «Послушайте, дитя, — сказал я строгим голосом. — Сколько вам лет? Семнадцать?» «Допустим, двадцать два, — надула она губы. — Но я считаю, все равно можно меня называть на «ты». «Разумеется, ведь я тебе почти что в папочки тожусь», — заметил я. «Ага, — хохотнула она, — я со своим папочкой тоже всегда была на «ты»! Кстати, он мне был неродной и однажды, когда мамочка ушла в магазин, чуть меня не трахнул». Легким движением плеча она добилась того, что слетела и вторая бретелька. Теперь хитончик держался буквально на честном слове. А лицо ее вдруг приобрело какое-то особенное выражение. Наверное, она пыталась изобразить что-нибудь из того, чего нагляделась по видуку. Так сказать, секс апил. Выглядело это, как раздувание ноздрей и легкое выпячивание нижней челюсти. Мне же по роли, надо думать, полагалось немедленно взять на руки ее трепещущее от страсти тело и впиться устами в уста.

Я не знал, смеяться или плакать. Наконец решил, что лучше смеяться, и сказал с серьезным видом: «Милая девочка, ты меня, конечно, вчера здорово выручила и теперь предполагаешь, что в благодарность за это я должен тебе отжаться. Так?» В одно мгновение позабыв про роль кинодивы, она выпучила свои рыжие глаза, звонко хлопнула себя ладошками по голым коленкам и залилась веселым детским смехом: «Ты — мне — отжаться?! Что-то я торможу... Ну, прикол!» Отсмеявшись, она спросила озабоченно: «У тебя чего, проблемы с этим самым?»

Мужчину задеть легко. Мгновенно позабыв, что мне должно быть смешно, я совершенно постыдным образом стал оправдываться. Занудно разъяснять свои взгляды на взаимоотношения полов, плести какую-то чушь про атмосферу интимности. Употребил даже слово «либидо». «Во-во, — поддакнула она, — я уж давно заметила: как мужику под сорок, так начинаются эти самые проблемы с интимностью. Как будто тяга в дымоходе пропадает. Если только не по пьяному делу, то обязательно подавай им, понимаешь, цирлих-манирлих, дай созреть, дойти до кондиции, а иначе — никак. Хоть фейсом об тейбл».

Я стоял перед ней как оплеванный, совершенно не зная, что сказать или сделать, и тут, на мое счастье, зазвонил телефон. «Э... Игорь... простите, не знаю, как вас по батюшке...» — услышал я в трубке густой баритон с явными начальственными нотками.

«Владимирович». «Здравствуйте, Игорь Владимирович. Моя фамилия Фураев. Я тут на автоответчике прослушал сегодня ваше сообщение...» «Да-да, — подтвердил я. — Насчет Александра Михайловича Фураева». «Саша... это мой сын. — При этих словах баритон слегка дрогнул. — Вы сказали, что хотите поговорить со мной относительно его гибели. Вам что, известны какие-то новые обстоятельства?» «В некотором роде, — ответил я уклончиво. — Может, нам с вами стоит встретиться, побеседовать?» «Когда?» «Зависит от вас, — сказал я и, кинув быстрый взгляд на раскинувшуюся в кресле Тину, малодушно добавил: — Хоть прямо сейчас». «Сейчас... — задумался мой собеседник. — Видите ли, я еще на службе, бумаг гора скопилась... Если хотите, подъезжайте ко мне. Могу прислать за вами водителя». «Спасибо, я на колесах, — сказал я, отметив про себя, что и ему, похоже, не терпится меня увидеть. — Говорите адрес, записываю». «Э... адрес? Охотный ряд знаете? Собственно, это прямо напротив Кремля. Государственная Дума. Но лучше заехать с другой стороны, через Георгиевский переулок, к служебному входу. Охрану я предупрежу».

Пока я записывал номер подъезда, этаж и комнату, краем глаза мне было видно лицо Тины, которое по мере моего разговора уже без всякой игры становилось все более обиженно-надутым. Еще чуть-чуть, казалось мне, и она жалобно замычит, как недоенная корова. Когда я положил трубку, она резко поднялась из кресла, решительно нацепила опавшие бретельки и сказала язвительнейшим тоном: «Это уж точно: если ночью больше нечем заняться, надо хоть дров наколоть».

14. ТРУДОТЕРАПИЯ

В коридорах власти на паркетных полах лежали ковровые дорожки, было прохладно и пусто. В своем кабинете Михаил Анисимович Фураев при виде меня встал из-за стола и вышел навстречу пожать руку. Бог знает почему, по толстому начальственному голосу в трубке он представлялся мне мужниной дородным, даже осанистым. Оказалось, что фигура у него самая субтильная, и серый импортный костюмчик, хоть и сидел на нем вполне элегантно, был явно подросткового размера. О возрасте говорило только лицо. Кто-то когда-то скомкал бумажный клочок, потом не слишком тщательно расправил, и получилось лицо Михаила Анисимовича. С годами листок желтел, в складках копилась тяжелые тени, от времени бумага местами корбила, обретала свойства картона, превращалась в негибкое папье-маше, в котором застыло нажитое за долгую жизнь в руководящих креслах привычное начальственное выражение. Странно, но глаза, наоборот, были ясные, живые, смотрели открыто и приветливо и казались поэтому, что называется, не от той собаки.

К себе за огромный стол Фураев не вернулся, жестом пригласил в кожаные кресла у журнального столика. Предложил чаю, что-нибудь выпить. Я поблагодарил, отказался. Стало ясно, что церемонии закончены, пора переходить к делу. Коротко изложив свою теорию, я закончил традиционным вопросом: чем занимался его сын?

Но Михаил Анисимович не спешил мне ответить. Прикрыв глаза ладонью, как будто защищаясь от яркого света, он пробормотал: «Как странно, как странно...» Выдержав вежливую паузу, я спросил: «Странно — что именно?» Фураев провел рукой по лицу в тщетной попытке разгладить давным-давно измятый бумажный клочок. Потом сказал: «Все странно, с самого начала. Это случилось зимой. Саша поехал к какому-то школьному приятелю. Один. Без машины. Без охраны. Когда возвращался, стал ловить такси. Это было поздно ночью, но милиция, кажется, отыскала каких-то свидетелей. Он вышел на проезжую часть, поднял руку, и тут его сбила проезжающая «Волга». Ее не нашли. Первой нашей мыслью было — это убийство. Слишком многим была нужна его смерть. Слишком выгодна. Но потом меня разубедили. Да и сам я себя разубедил. Он поехал к этому приятелю, никому не сказав ни слова, куда едет. Никто не мог знать, что он там, сколько пробудет, когда выйдет. Мы все уговорили себя, что это случайность... И тут приходите вы. Дорого я бы дал за то, чтобы узнать, как было на самом деле...»

«Чем занимался ваш сын?» — повторил я свой вопрос. Михаил Анисимович с видом потер ладонями лицо, и мне показалось, что я слышу, как оно шуршит и хрустит под его пальцами. «Нефтью, — сказал он наконец, — Александр был генеральным директором компании «Нео-Нефт». Квоты, таможенные льготы... Вы имеете об этом представление?» «Приблизительно», — кивнул я. «Приблизительно... — с горечью повторил Фураев. — Господи, сколько раз я просил Сашу уйти в какой-нибудь другой бизнес! Одного его партнера подорвали вместе с автомобилем, банкира, который был с ним связан, застрелили из снайперской винтовки. И вот такая странная смерть...» «А кто теперь стал генеральным директором компании?» — задал я свой второй сакраментальный вопрос. «Что? — переспросил он, поднимая на меня глаза, и я увидел, как по застывшим морщинам стекают самые настоящие слезы. — Что? Кто стал директором? Дианочка, его жена. Но она, слава Богу, ничего больше не делает без совета со мной. Ведь у нее двое детей, это мои внуки...»

Неловко да и незачем было дальше терзать вопросами пожилого плачущего человека. «Спасибо и извините», — сказал я, поднимаясь, но он остановил меня движением руки и сказал: «Это вы извините старика. Разнюнился. Я, как видите, депутат, работаю в Думе, в Комитете по законности и правопорядку. Если вам нужна помощь, то мои связи...» «Нет-нет, — быстро отозвался я. — Пока не надо». Не хватало только сейчас, на стадии подготовки материала, вмешать сюда организации, ведающие у нас законностью и правопорядком. Да еще на уровне Госдумы. Полные кранты всему делу.

Машину я уже привычно загнал в чужой двор и поэтому, подходя к своему дому, еще издали увидел, что в моих окнах полно света. А поднявшись в квартиру, обнаружил, что в ней к тому же полно народу.

Стол на кухне был завален выпивкой и закуской. Табачный дым висел в воздухе осежаемыми клочьями, как утренний туман. Во главе стола восседал Стрихнин, одесную от него примостился

на краешке стула мой верхний сосед Матюша Клецкин, а ошуюю громоздился мясной горой великолепный женский экземпляр примерно шестьдесят второго размера. Вцепившись пальцами в край столешницы, откинувшись всем телом назад и прикрыв глаза, Стрихнин пел протяжно и жалостно:

— *Весь город спи-ит, не спи-ит одна тюрьма,
Тюрьма не спи-ит, она давно-о просну-улась...*

Матюша внимал пению с умильной и бессмысленной улыбкой на лице. Женский экземпляр слушал, подперев огромным, как у молотобойца, кулаком съехавшую на сторону щеку, похожую на большую несвежую подушку. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, насколько все трое наклюкались. Приоткрыв слегка один глаз, Стрихнин увидел меня, открыл оба, после чего внезапно оборвал песню, заявив: «Нет, так не пойдет. Надо что-нибудь повеселей». И неожиданно заорал:

— *Гоп-стоп, Зоя,
Кому давала стоя?
Начальнику конвоя,
Не выходя из строя!*

«Охальник», — жеманно пробасил женский экземпляр. Я звучно прочистил горло, так, чтобы все обратили на меня внимание, и громко сказал: «С вашего позволения, концерт объявляется закрытым. Стрихнин, быстренько объясни гостям, что пришли хозяева, которые дико устали и хотят спать». Стрихнин покорно кивнул и, повернувшись к даме, игриво сообщил: «Алевтиночка, нам пора бай-бай». Сразу догадавшись, какой оборот примет беседа в следующее мгновение, я сказал твердо: «На мой диван можешь не рассчитывать». Стрихнин в испуге оглянулся на узкую кухонную кушетку и буквально зашипел: «Смерти моей хочешь? Она ж меня тут заспит!» «А так она заспит мой диван, — парировал я и жестко подтвердил: — Не дам».

Он дотянулся до ее уха и принялся шептать что-то то ли страстное, то ли яростное. Алевтина послушала немного, после чего решительно встала. Ее слегка качнуло, и, чтобы не упасть, она широко расставила ноги, как матрос на палубе во время шторма. Шелк платья, обтягивающий ее телеса, хрустел и трещал, как флаг на ветру. Стрихнин тоже поднялся, оказалось, что его макушка едва достает ей до плеча. Он продолжал бормотать ей в ухо какие-то нежности, но она теперь обращала на него не больше внимания, чем любое крупное парнокопытное на жужжащих вокруг насекомых. Толстыми пальцами в бесчисленных перстнях Алевтина небрежно поправила химическую завивку на голове, бросила уничтожительный взгляд сначала на хлипкую кушетку, потом такой же на Стрихнина и, перед тем как уйти, тяжелым басом без всякого выражения произнесла единственную фразу: «Меня задушил смех». Потом она направилась к выходу, Стрихнин бросился за ней, а я ухватил за ворот рубахи Матюшу и сказал: «Все. С завтрашнего дня не пьешь, только лечишься. Курс трудотерапии. Будем ставить мне железную дверь». «Благодетель! — умильно всхлипнул Матюша и попытался меня поцеловать. — Нинка со свету сжила с этой дурой!..»

Стрихнин вернулся, когда я уже спал, и, конечно, меня разбудил: принялся хлопать дверцей холодильника, греметь бутылками, хрупать огурцом. Минуты две я лежал в темноте, зверея, потом накинул халат и пошел к нему на кухню для решительного объяснения. «Долго еще это будет продолжаться?» — грозно спросил я. Поперхнувшись недопитой водкой, он поставил рюмку на стол и вместо ответа полез куда-то под кушетку. «Немедленно прекрати паясничать!» — заорал я, но сам чуть не поперхнулся, когда он вылез обратно с газетным свертком и вывалил его на клеенку среди объедков и окурков. Там оказалась толстенная пачка долларов, на глаз тысяч двадцать — двадцать пять. «Осталось всего-то чуток, примерно вот столько», — сказал Стрихнин просительным тоном, при этом большим и указательным пальцами показывая мне, на какую толщину должно увеличиться его состояние. «Осталось — до чего?» — спросил я, изрядно пораженный. «Ох, начальник, — вздохнул он, небрежно сгребая доллары в сторону, ставя передо мной рюмку и берясь за бутылку, — сядь, выпей с рабочим человеком, глядишь, все и узнаешь». Я сел и узнал.

В климан Стрихнин угодил, по его словам, отнюдь не случайно. Но не в том смысле, что сколько веревочка ни вейся, а в том, что его грубо и целенаправленно туда окунули. Домушничество, рассказывал он, никогда не было главным делом его жизни. Так, хобби, легкая развлекуха время от времени. По основной своей специальности Стрихнин был катала, профессиональный игрок. И однажды один крупный бизнесмен, хозяин торгово-закупочного кооператива, попал ему на триста тысяч рублей — огромную по тем временам сумму.

Попал — надо отдавать, таков закон. Но бизнесмен, жадный, как все фрайеры, пошел другим путем. Когда Стрихнин понял, каким именно, под стальным полом «столыпина» уже вовсю стучали колеса.

Кооператор крутил, вертел, тянул время, отдавал какие-то крохи, а сам, оказывается, вынашивал коварный план. И вот как-то к Стрихнину пришел его давнишний знакомец, старый скокарь по кличке Воруи-Нога. Когда-то, еще до войны, он работал ширмачом в трамваях, «катался на марочке», но однажды пришлось из этой самой «марочки» спешно выпрыгивать на полном ходу, и это стоило ему изрядного куска левой нижней конечности. Пришлось переквалифицироваться в скокари, домушники, но и тут, оказалось, на одной ноге далеко не ускачешь. Последний раз он откинулся из зоны, харкая кровью, и всем вокруг было ясно, что долго он не протянет.

Воруи-Нога предложил Стрихнину ковырнуть скок, быстро взять на хапок по наводке богатую хату, пока хозяйка отдыхает на югах. Принес даже план квартиры, на котором крестиками было помечено, где, в каком ящике что лежит. Говорил, что дело — верняк, что ни в жисть не отдал бы никому такой сладкий кусок, но нету здоровья, зато обещал лично стоять на шухере. И уговорил. Купился Стрихнин, как последний баклан. Повязали его на дармовой квартире прямо с полчиным, дали только вещички упаковать, как вломились менты — чуть ли не сразу

вместе с понятиями. И поехал Стрихнин в тундру ждать своего часа.

«Ну просто граф Монте-Кристо», — заметил я с иронией. «Твой граф — дешевка, — серьезно отозвался Стрихнин. — Ему бабки сами упали на голову, а мне, чтоб свое вернуть, надо еще погорбатиться».

Единственное, чем из бурной жизни страны интересовался Стрихнин во время отсидки, были темпы инфляции. Картина, само собой, вырисовывалась безрадостная: за пять годков триста тысяч рублей постепенно превратились из суммы колоссальной в почти что мизерную. Но Стрихнин какими-то своими собственными методами произвел подсчеты, и в результате у него получилось, что на нынешний день бизнесмен должен ему все те же триста тысяч, но уже долларов. Тем паче что тот тоже, как говорится, рос вместе со страной и теперь имел два ресторана, сеть продуктовых магазинов и антикварный салон, ездил на пятисотом «мерседесе» с двумя охранниками, отгрохал трехэтажную виллу в Малаховке. Короче, накопил некий жирок, который Стрихнин и собирался маленько подрастрясти.

«Каким же это образом?» — заинтересовался я в этом месте. Стрихнин хлопнул рюмочку, занюхал огурчиком. Почесал задумчиво переносицу, словно размышлял, говорить — не говорить. Но водки к этому часу было выпито много, и он начал, правда, издавка: «Чалился со мной вместе один комик, артист эстрады, юморной мужик — тещу топором зарубил. Так он говорил, что у них в эстрадном искусстве была такая поговорка: чтобы купить костюм, надо иметь костюм. Вот я и ишачу ночами по всем московским каталкам, складываю галье в пачечки одну к одной». — Он презрительно мотнул подбородком в сторону долларов. «Зачем?» — настаивал я. Он еще сильнее потер переносицу, но, видать, распирало его, кому-то же надо было открыть свою сокровенную тайну. И он открыл мне. «Покуда я отдыхал, тут у вас игра пошла по новым правилам. И я эти правила уже маленько наколол. Всякий, кто не отдает бабки больше определенной суммы, знает, как «Отче наш»: или заплати, или умри. Можно еще, конечно, в бега податься, но куда он уйдет от своих магазинов-то?» «Да-а, — рассмеялся я едко, — великий секрет. Ты вот зря газет не читаешь, а там даже расценки киллеров публикуют: за обычного человека тысяч пять — десять баксов, за бизнесмена до полтинника, за банкира от пятидесяти и выше, за воров в законе, крупных политиков, уголовных авторитетов и госчиновников — цена договорная». Стрихнин сумрачно посмотрел на меня исподлобья. «А я и не говорю, что это — секрет. Я говорю, что я этой гниде сегодня уже позвонил и дал три дня, чтоб собрал бабки. А не соберет — сказал, гасить буду. Для этого и коплю все эти хрусты, не самому же мне на мокруху идти».

И тут я вдруг понял, что мне засветило получить ответ на очень важный вопрос. Я не торопясь, чтоб не спугнуть, налил себе полрюмочки, хлопнул, закусил грузинской травкой реган и как бы между делом поинтересовался: «А как ты будешь выходить на исполнителей? Есть, наверное, какие-то специальные люди, к которым можно обратиться? Вроде диспетчеров, да?» Теперь не

менее едко расхохотался Стрихнин: «А вот это как раз и есть секрет! — Он протянул руку и покровительственно похлопал меня по плечу. — Если тебе лично понадобится, свистни, я подмогну, есть кое-какие возможности».

Ишь, болван, раскатал губу, думал я про себя с досадой, укладываясь обратно на свой диван. Вот взяли и все тебе рассказали, юный следопыт! Последней перед забытьем мыслью была такая: правильно ли, что в наше многотрудное время среди моих широких в общем-то связей нет ни одного профессионального убийцы? Так и не найдя ответа, я уснул. Мне приснился Стрихнин с дуэльным пистолетом Лепажя в руке. Он целился в кого-то, мне невидимого, а я решительно командовал: «Сходитесь!»

15. КАЛЬКУЛЯЦИЯ

Проснулся я с той же, как показалось в первый момент, мыслью, только вывернутой шиворот-навыворот. Вскочил с дивана и бросился на кухню. Стрихнин пробудился мгновенно, как только я схватил его за плечо, широко раскрыл глаза и прошептал: «Что, шмон?» «Шмон, шмон, — ответил я. — Скажи-ка мне быстро, что ты будешь делать, если клиент откажется платить?» Мысль, разбудившая меня, состояла в следующем. Навязался мне в жильцы домушник и катала — это еще Бог с ним. Но убийца... Хорошо я буду выглядеть у него в укрывателях!

«Мать твою, перепугал до смерти. — Стрихнин откинулся обратно на подушку. — Не откажется он. Я ж с ним стирь гонял не один день, мне ли не знать! Знаешь, что такое блеф?» «Блеф? А на кой тогда доллары копишь?» «Как «на кой»? А если пугнуть понадобится? Взорвут ему его «мерседес» поганый или дачку спалят!» «Не-ет, — сказал я, схватил его за плечо и крепко тряхнул, так, что у него зубы клацнули. — Ты мне вчера не то болтал. Ты болтал, что копишь хрусты, потому что сам не хочешь идти на мокруху. Еще раз спрашиваю: что будешь делать, если он не заплатит?» Стрихнин вырвался из моих рук, отодвинулся подальше в угол кушетки и мрачно проговорил: «Что ты заладил одно и то же: «будешь» — «не будешь»! Может, эти бабки мне для куражу нужны! — неожиданно заорал он. — Чтоб он, падла, уверенность мою чувствовал!»

Через полчаса, когда мы оба, мытые, бритые и надутые, сидели за столом и пили кофе, он проворчал с обидой в голосе: «Ты слышал когда-нибудь, чтоб профессиональное заказное убийство раскрывалось? Я — нет. И бабки, и заказ идут аж через третьи руки, пока доберутся до главного диспетчера. А уж тот находит исполнителя». Я промолчал. Что я мог ему объяснить? Рассказать, как утром меня с некоторым запозданием осенило, что моей конформности как раз хватает для того, чтобы жить под одной крышей с вором, но маловато, чтоб с убийцей? Он, видимо, по-своему истолковал мое молчание, потому что вдруг наклонился ко мне и, понизив голос, доверительно сообщил: «Ладно, скажу тебе, зачем мне эти баксы. Чтоб этот крысятник не сделал мне оборотку раньше, чем я ему. Я его предупредил, что уже оплатил вперед. И если в течение трех дней не приду забрать бабки назад, заказ

начнут выполнять. Чтоб он не вздумал мне какую-нибудь поганку завернуть». «Но ты ж еще не оплатил, опять блефуешь», — сказал я, кивнув на доллары, которые все так же сиротливо валялись в углу кухонного стола. Стрихнин сгреб их в одну кучу, сложил пачкой и ловко стасовал, как карточную колоду. Потом с мрачным видом решительно заявил: «Завтра оплачу».

Перед тем, как заняться работой, я заехал в Скифф. Тут меня ждала наконец приятная новость — Артема из реанимации перевели в обычную палату. Больничная обстановка, этот запах лекарств, хлорки и дешевых котлет, всегда наводит на меня необъяснимую тоску. Но сегодня я шел по коридору травматологического отделения в приподнятом настроении. В холле рядом с телевизором три пожилых мужика, составив костыли, как винтовки, в пирамиду, звонко шлепали костяшками домино. Женщину со сломанной ногой увезли на каталке в перевязочную, растерянный муж остался стоять с туфлей в руках, словно принц, потерявший Золушку. Все говорило о том, что здесь страдают, болеют, но самое страшное, непоправимое осталось где-то там, за мутно-белыми стеклами реанимации.

Артем встретил меня улыбкой, которую в равной мере можно было принять за гримасу боли. Голова у него была забинтована от подбородка до макушки, лицо без единой кровинки казалось одного цвета с бинтами. Когда я осторожно сел на стул в изголовье кровати, он дотянулся своими пальцами до моих, сжал их легонько, сколько хватило сил, и с трудом проговорил: «Везунчик. Ты тогда сказал: везунчик... А я с тех пор, как очнулся, все боюсь — не сдохнуть бы...» «Не бойсь, паря, раньше смерти не помрешь!» — прогудело у меня за спиной, как из водосточной трубы. На соседней койке сидел патлатый и бородатый, похожий на лешака мужик в больничных кальсонах и рубахе. В густой шерсти на груди запутался маленький алюминиевый нательный крестик. Сломанную правую руку с помощью специальной шины он держал на отлете, будто демонстрируя постоянную готовность хлопнуть стопку на гусарский манер. Я обернулся к нему, увидел, что один глаз у него залеплен марлевой повязкой, а другой смотрит на меня совершенно безумным образом, и мне вдруг стало не по себе. Неожиданно весело подмигнув нам этим самым глазом, он тяжело поднялся со своего места и, шаркая разбитыми шлепанцами, поплелся к выходу. На пороге оглянулся и пробасил наставительно: «Люди мрут, нам дорогу трут, передний заднему — мост на погост. А кто все время смерти боится, тот сам покойник среди живых». «Не обращай внимания, — слегка похлопал ладонью по моей руке Артем, когда за одноглазым ведьмаком притворилась дверь. — Это кровельщик, хороший дядька, только маленько с приветом. Он с колокольни упал, но каким-то чудом жив остался, с тех пор все время про смерть говорит. Его сегодня в неврологию переводят». Но меня напоследок еще раз зябко пере-дернуло.

Я не стал грузить бедного Артема описанием всех своих приключений. Только коротко рассказал, как обстоят дела с личным поручением Таракана: про мой визит в «Интертур», про наглого Квача, преуспевающего Аркатова, несчастного Шиманского и

про то, что я думаю о Митеньке Дранове с его кассетой. Во время моего рассказа у него устало опустились веки, я подумал было, что он отключился, и замолчал. Но Артем пробормотал: «Извини, свет глаза режет. Я вот думаю... Не хочешь попробовать узнать у Ангелины, кто именно звонил тогда в суд, просил за Аркатова? По крайней мере будешь знать, с кем он связан, кто за ним стоит. Люди-то все по большей части только в другие кресла пересели...»

Мысль показалась мне разумной, захотелось ее немедленно обсудить, но тут в палату одновременно вошли невыспавшаяся Лилька с черными кругами вокруг глаз, молодой усатый доктор и давешний утомленный смертью кровельщик. Стало тесно, меня энергично принялись выставлять вон, я послал Артему воздушный поцелуй и поехал работать.

Посещение места последнего успокоения инвестиционного фонда «Надежда» следовало считать скорее ритуальным, я даже не вылез из машины. Дверь была заколочена, вывеска сорвана, нетронутой осталась только видная издали неоновая реклама на крыше трехэтажного особняка: слово «НАДЕЖДА» огромными, двухметровыми буквами, а ниже надпись помельче — «Мы ведем честную игру». Я подумал, что, небось, пока шли баснословные дивиденды, вкладчикам фонда почему-то не приходила на ум двусмысленность этой прокламации: ведь игра, даже честная, подразумевает, что в конце будут и проигравшие...

А вот книготорговая фирма «Полисигма», наоборот, в вывеске, похоже, не нуждалась. Я с трудом нашел ее офис, довольно долго покружив в переулках между Сретенкой и Цветным бульваром. Зато внутри здесь жизнь бурлила. Народ беспрерывно сновал туда и сюда. У подъезда стояли сразу две фуры с длинными брезентовыми кузовами: с одной сгружали пачки книг, в другую загружали. Я прошел мимо сидящих за конторкой на проходной двух юношей в штатском, не привлекая к себе их сонного внимания, и оказался в холле, где половину стен занимали стеллажи с образцами новой продукции. В глазах зарябило от обилия пышных красочных обложек, на которых преобладали золотое тиснение, пучеглазые чудовища и обнаженные женские тела. Я поймал за рукав углубленную в растрепанную кипу накладных пожилую женщину и спросил, где найти коммерческого директора. Она махнула в сторону лестницы, ведущей куда-то вниз, и, спустившись по ней, я вскоре отыскал нужную комнату.

Коммерческий директор относился к тому типу современного менеджера, который пока чаще можно увидеть в телевизоре, нежели в жизни. Молодой красавчик с парикмахерским лицом и улыбайкой, почти не отличимой от настоящей. Когда я вошел, он говорил по телефону и радостно, как будто узнал во мне старого знакомого, указал на вертящийся стул напротив себя. Договорив, положил трубку, поправил съехавшие слегка на нос очки в тонкой оправе и осведомился любезно, но с достоинством: «Чем могу быть полезен?» «У меня вопрос относительно книги «Лучшие сказки всех времен и народов», — сказал я. «Отличный выбор! — Он классическим жестом ткнул пальцем в направлении моей груди: видеть, наглядывая голливудских фильмов. — У вас отменное профессиональное чутье, книга идет прекрасно! Сколько экземпля-

ров хотите взять?» «Почем она?» «Зависит от количества. В пределах двенадцати — четырнадцать долларов в рублях по текущему курсу». «А почему вы сами ее брали?» «Простите?» — Очки снова съехали, но на этот раз он забыл их поправить. «Чего тут непонятного? — спросил я резко. — Мне интересно, почему вы сами покупали эту книгу у ее издателя». Я не рассчитывал получить хоть сколько-нибудь удовлетворительный ответ, мне была интересна реакция. И я ее получил. «Это коммерческая тайна... — игриво начал он, все еще улыбаясь по инерции. Но тут до него доехало, и тон сделался совершенно иным: — Вас, собственно, почему это интересует?» Ответ я попытался сформулировать так, чтобы не сказать правды и одновременно не соврать: «Меня, если хотите, занимают вопросы, связанные с наследством Сергея Сергеевича Цыпляева».

В следующее мгновение мы трое стали бесконечно чужими друг другу — я, коммерческий директор и его улыбка. Видимо, ему не по силам было вот так просто взять и отлепить ее, но, лишившись своего прямого назначения, она смотрелась теперь, как оскал. За неполных две минуты он сообщил мне всю диспозицию: это не в его компетенции, генеральный директор в отпуске, заместитель в командировке, главный бухгалтер болен. Сегодня контактировать не с кем. Короче, хочешь вчерашние щи — приходи завтра. Парикмахерский красавчик перепугался не на шутку — он даже не сообразил, что хорошо бы спросить, кто же я такой: адвокат, следователь или, например, налоговый инспектор. Это было серьезным подтверждением рассказа Дюймовочки. А большего мне пока и не требовалось. Я встал, поклонился и сказал, стараясь быть не менее любезным, чем он в начале беседы: «Благодарю вас, вы мне очень помогли».

Все-таки он был из новой породы, сориентировался быстро. Когда я находился уже у самого выхода, сонные юноши в штатском, получив по телефону указания, очнулись от своей летаргии. Они выскочили мне наперерез, но за руки хватать не стали, лишь загородили дорогу, и один из них поинтересовался, где мой пропуск. Я с сожалением должен был констатировать, что пропуска у меня нет. На вопрос, как в таком случае я сюда попал, пришлось дать не лишенный язвительности ответ, что просто прошел прямо мимо их носа. Здесь материальные ценности, у нас пропускная система, доверительно сообщили мне, поэтому придется предъявить документы. Вздохнув, я вытащил из бумажника паспорт. Неожиданно пробужденные к активности юноши растерянно переглянулись. «Это все, что у вас есть?» — уныло спросил один из них. «А чего вам еще надо, членскую карточку Пен-клуба?» — задал я встречный вопрос. Тогда они сделали то небольшое, что было в их силах, переписали мои паспортные данные в свой журнал, и я наконец с облегчением покинул это культурно-просветительское заведение.

В разгар рабочего дня в тесном дворике Фонда имущества было не повернуться. Автомобили сгрудились вокруг небольшого старинного особнячка, как поросята под свиноматкой. Рябь дрожала в воздухе над их раскаленными спинами, и мне на миг почудилось, что они даже отталкивают друг друга своими рыльцами,

стремясь пробиться поближе к вымени. Сосцы полны, они источают сладчайшее молочко под названием «собственность».

Внутри особняка все было как будто нарочно перепутано, чтобы враги не смогли разобраться в местной топографии. Лестницы уводили в никуда, коридоры неожиданно заканчивались тупиками. Побродив по этим лабиринтам, я методом тыка в конце концов обнаружил комнату, где сидели люди, работавшие под началом покойного Александра Зиновьевича Карымова. В тесном полуподвальном помещении узкие зарешеченные окна были распахнуты настежь, и казалось, что испарения раскаленного города, оседая, сливались сюда потоками, как сточные воды. Неработающий вентилятор с бессильно опавшими лопастями свисал с потолка умирающим лебедем. Под его сенью томилась в собственном соку пара тусклых служащих — молодящаяся дама лет пятидесяти с горчичными, крашенными хной волосами и пенсионного возраста мужчина, обладатель давным-давно вышедших из моды кустистых бровей.

106

Первым делом я представился, вторым выразил негодование по поводу жары и духоты («Что ж вам кондиционер не поставят?») «Все кондиционеры наверху, у начальства», — едко сообщила крашеная, третьим с застенчивой улыбкой сообщил о цели своего визита: готовлю материал о реконструкции старого Центра, мечтаю получить информацию из первых, так сказать, рук. Посочувствуйте, польстите, улыбнитесь — и вам вернется сторицей. Через полминуты, слегка поднаправив беседу в нужное мне русло, я уже получал эту самую информацию в полном объеме. «Всего в Центре к реконструкции с выселением пока намечено две тысячи домов, — говорила хнойная женщина, азартно стуча по клавишам калькулятора. — Поправьте, Павел Егорыч, если я ошибусь в цифрах». Но кустистые брови только согласно кивали. В чем, в чем, а в цифрах здесь, похоже, толк знали. «Средний дом... возьмем пятиэтажный, двухподъездный... примерно три тысячи квадратных метров полезной площади. Положим, половину надо потом отдать мэрии, городу. Остается полторы тысячи. Реконструкция стоит... миллиона полтора-два. Долларов, разумеется. Берем по максимуму — два. Но зато в таком доме квартирки после реконструкции сейчас идут на рынке примерно по три тысячи за метр. Долларов», — снова подчеркнула она. Я еле успевал записывать. «Теперь перемножаем эти три тысячи на полторы тысячи метров, получаем... получаем четыре с половиной миллиона долларов. Минус затраты на ремонт — остается два с половиной миллиона чистой прибыли. Это в среднем». У меня уже голова шла кругом от этих миллионов. А она еще не закончила. «Осталось последнее: умножить эту прибыль на две тысячи предназначенных к реконструкции домов. Это будет... это будет... — дама никак не могла сосчитать нули на экранчике, — пять миллиардов долларов!»

Кажется, ее саму поразили результаты калькуляции, она уставилась на счетную машинку как замороженная. Мы с кустистым господином точно так же уставились на нее. «Да-а, — протянул я. — Впечатляет. А как распределяются эти подряды?» «На конкурсной основе, разумеется. Есть специальная комиссия, в нее

входят, во-первых, наши представители, затем из строительного департамента, из архитектурно-планировочного... Она определяет победителя». «Определяет — по каким критериям?» — спросил я, выжидательно заноса авторучку над блокнотом. Горчицная дама изломала губы в тонкой улыбке. «Ну, это, видите ли, вопрос деликатный. Здесь важно...»

Но дослушать, что важно в этом деликатном вопросе, мне было не суждено. Дверь открылась, и на пороге явился мужичок-колобок. Может, жара была виновата, но казалось, что с его булочными щеками произошла какая-то неприятность. Сегодня они были серые, будто их сляпали из третьесортной муки грубого помола, и давешние ямочки-бугорки теперь белели на этом фоне, как головки нарывов. Не щеки, а какие-то вчерашние марципаны. «Пал Егорыч, Марина, какого черта... — начал он резко, но тут заметил меня, запнулся и дальше продолжал иным тоном, даже попытавшись выдавить сквозь зачерствевшую корку лица добродушную ухмылку: — А, господин репортер! Что же вы не сразу ко мне? Пойдемте, пойдемте!» И я пошел за ним, подчиняясь его дружелюбным, но требовательным жестам. Валерий Фаддеевич стремительно семенил, почти бежал передо мной по лестницам и коридорам, через плечо бросая какие-то обрывки фраз: «Всегда с руководства... самая полная информация... к вашим услугам...»

Неожиданно колобок остановился, и я понял, что мы стоим у выхода на улицу, а Раскутин трясет мою руку. «Не надо будоражить людей, не надо, — повторял он. — У нас с вами еще нет полной картины, нет картины, да. Жду в любое время, готов к сотрудничеству. А сейчас, извините, мне в поликлинику, что-то сердце прихватило, жара, духота, знаете ли... Вас подвезти?» Меня элементарно выставили из этого богоугодного заведения и теперь намекали, чтобы я не пытался в него сейчас же вернуться. Колобок стоял в дверях на вершине лестницы до тех пор, пока не убедился, что я сел в свою машину и отчалил со двора. Только ручкой мне вслед не помахал.

16. АБДУЦЕНС

Что-то изменилось в природе, когда я вновь оказался на улице. Грозовая туча, отечно-серая, как щеки Валерия Фаддеевича, грузно напозлала с запада, занавесив полнеба. Словно огромная баба на сносях, она тяжело ворочала необъятным животом, вот-вот готовая разродиться ливнем. Но, видно, срок еще не пришел.

Порывистый ветер грубо мял верхушки деревьев на Тверском бульваре, когда я свернул на него с Большой Никитской. Внезапно у меня тоже нехорошо сдавило сердце. То ли духота, то ли неясное дурное предчувствие? Остались за спиной Страстной, Петровка, я ехал по Каретному Ряду и вдруг, тормозя у светофора на пересечении с Садовым, осознал, что вон та пыльная белая «ауди» отъехала от Фонда имущества сразу вслед за мной, а теперь все еще трется левее на два корпуса сзади меня. Я запомнил ее потому, что у нее почему-то белым днем горели подфарники: наверное, водитель не выключил их после какого-нибудь

тоннеля. Вряд ли это было совпадение. И, в сущности, такого оборота вполне следовало ожидать.

На Селезневке я довольно резко, не показывая сигнала поворота, взял вправо и остановился у тротуара, с интересом наблюдая в зеркало, что предпримет «ауди». К некоторому моему разочарованию, она, не замедляя ход, проехала мимо. Стекла у нее оказались тонированные, непрозрачные, сквозь которые ни черта нельзя было разглядеть: кто за рулем, есть ли пассажиры, — и эта безликость еще больше напрягла мне нервы. Через полминуты теперь уже задние фонари этой машины мелькнули передо мной в последний раз и скрылись за поворотом. Господи, глупость какая, с недоумением подумал я, неужели все-таки совпадение? И тут же сообразил, что скорее всего никакого не совпадение и никакая не глупость.

За полтора десятка лет на должности криминального репортера в моей жизни бывало всякое: следил я, следили за мной, так что с азами оперативной работы я кое-как знаком. В городе очень трудно долго пасти кого-то с помощью всего одной машины. Вот такой мой примитивный маневр — и вся слезка насмарку. То, что «ауди», проехав на моем хвосте через половину Центра, не затормозила вслед за мной, рискуя привлечь внимание, а покатилась себе спокойно дальше, означает: меня ведут вполне профессионально. Кто-то, возможно, даже и не один, остался сзади. Они будут сменять друг друга за моей спиной, поочередно удаляясь и приближаясь, стараясь не примелькаться ведомому, делая все, чтобы он ничего не заподозрил. Я бы и не заподозрил, дабы не эти забытые подфарники. Минут через десять, уже на Пресненском валу, я со злорадством обнаружил «ауди» на две машины впереди себя. Хотя, собственно говоря, радоваться было абсолютно нечему. Злиться, впрочем, тоже. Просто я получил еще одно убедительное подтверждение своей версии. И указание на то, что с этой минуты надо начинать вести себя крайне осторожно.

Гром грянул, когда я уже подъезжал к редакции. Бабахнуло так, что моим напряженным нервам показалось, будто выстрелили у меня над ухом. Похоже, природе это тоже не понравилось, она гневно потемнела лицом: сумерки ступились почти мгновенно, словно осветитель за кулисами сдвинул реостат аж до упора. Молния развалила небо пополам, и из трещины хлынуло мне на лобовое стекло так, что щетки перестали справляться с потоками воды. Конечно, на площадке перед конторой как на грех не видно было ни одного свободного места. Пришлось приткнуть машину на самом краю, метров за сто от входа. Не знаю, продолжали меня пасти или нет, но твердо уверен, что последнюю спринтерскую дистанцию по пузырящимся лужам от стоянки до дверей редакции я прошел в полном одиночестве.

До своей комнаты мне удалось добраться почти незамеченным: в голове уже складывались первые абзацы будущего материала, а в такие минуты неохота с кем-либо общаться, особенно с начальством. Ливень за окном не то чтобы выдохся, а взял более спокойный, размеренный темп, как марафонец, перед которым впереди еще большая, трудная дистанция. Капли уютно барабанили по жестяному подоконнику. Я запер дверь, зажег настольную лампу,

положил перед собой стопку чистой бумаги и взял ручку. Начало и конец — две необычайно важных вещи в материале. Но начало всегда дается труднее. Если не первой фразой, то хотя бы первым абзацем надо дать читателю по мозгам, привлечь его внимание. Начало и конец. Посредине, как в жизни, может быть все, что угодно, но начало и конец — это то, что останется, то, что запомнится. Ручка довольно долго совершала бессмысленные пируэты над пустынным пространством белого листа, прежде чем вывести первую букву. Потом я начал писать:

«Смерть от пули в нашем городе теперь дело обычное. Мы привыкли к ней, как солдаты на фронте. Каждый день, то ближе от тебя, то дальше, строчат автоматные очереди, рвутся мины и бомбы, гранаты из противотанковых базук дупят по автомобилям и окнам домов. Заказные убийства стали таким рутинным явлением, что газеты порой уделяют им не более нескольких строчек: размер заметки зависит от положения, которое занимала в обществе жертва, да еще, пожалуй, от изобретательности киллеров, дающих репортерам пищу в описании новых подробностей.

Все это похоже на игру с хлапштосом. Есть такой термин у игроков на бильярде, от немецкого «удар с хлопком». Хлапштос — это не просто удар, точно направленный в цель. Хлапштос — это когда шар влетает с оглушительным грохотом, когда кость шара угрожающе трещит, сталкиваясь с железной окантовкой лузы, сотрясая весь огромный мраморный стол на толстых дубовых ножках, вызывая дрожь у пораженных зрителей.

Но профессионал играет на хлапштосе, только когда нужно напугать противника, морально разложить его. Профессионал не станет с треском класть шары, если не хочет до времени обнаружить своего профессионализма. Тычок кия будет в этом случае тихим, почти неуверенным, а шар упадет в лузу как бы случайно. Однако это тоже будет удар профессионала.

Мы привыкли к смерти на хлапштосе. В назидание другим, слишком жадным или слишком самонадеянным, железо и кость то и дело с шумом и грохотом бьются друг о друга. С наших улиц, как с полей сражений, выносят трупы банкиров, журналистов и политиков, преступных авторитетов и воров «в законе».

Киллеров поймать трудно, найти заказчиков еще труднее. Найти нельзя, зато вычислить можно. По принципу «кому выгодно». А вот это уже не всем нравится. На войне как на войне, юридическими доказательствами никто себя не обременяет. На гангстерской войне тем более. Если тебя «вычислили», последствия могут быть вполне определенными...

Поэтому, коли нет задачи продемонстрировать силу, профессионал не станет просто так что есть силы лупить по шарам. И тогда в город войдет другая смерть: как бы случайная, малозаметная. Похожая на несчастный случай. Но не переставшая от этого называться убийством. Умышленным убийством в корыстных целях, совершенным на заказ руками умелых киллеров.

Ваш корреспондент провел собственное расследование, изучив обстоятельства ряда «случайных» смертей, произошедших за последнее время в нашем городе. Результаты оказались ошеломляющими».

Я перечитал написанное. Не слишком ли напыщенно с этим хлапшотсом? Подумал и решил пока оставить так: в крайнем случае потом подредактирую. Пожалуй, все это можно будет пустить как врезку к материалу. Тогда имеет смысл остальное разбить на главки. Может, придумать к каждой по маленькому заголовку? Это всегда читается лучше, чем слепой текст.

Например, про главбуха исчезнувшего инвестиционного фонда: «НАДЕЖДА» УМИРАЕТ ПЕРВОЙ». Или о судьбе обворованного книгоиздателя: «САМАЯ СТРАШНАЯ СКАЗКА ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ». Больше с ходу ничего не придумывалось.

Правда, по поводу убийства молодого нефтяного магната само собой просилось «ДЕЛО ПАХНЕТ КЕРОСИНОМ», но я отверг этот вариант: слишком близко лежало.

Зазвонил телефон, и я с удовольствием снял трубку. Русские журналисты любят, когда их отрывают от работы. В трубке был Стрихнин. Сердитым голосом он сообщил мне, что ему, конечно, не раз приходилось кемарить в рабочей зоне под стук топоров и визг пил, но сейчас он свободный белый человек и требует, чтобы я немедленно убрал этого придурка, который буравит дрелью стены и вколачивает туда кувалдой железные штыри. Пусть выберет для своих упражнений время, когда он, Стрихнин, выспится, а еще лучше, уйдет из квартиры. Я ответил, что выражаю ему свою полную солидарность, а также глубокое сочувствие, но, учитывая его, Стрихнина, профессиональные наклонности, полагаю, что к тому времени, когда он наконец выспится, а тем более уйдет из квартиры, домой вернутся и лягут спать все остальные жильцы дома. Поэтому, делая этот нелегкий для меня выбор, я все-таки никак не могу дать Матюше указание приостановить установку железной двери. Стрихнин швырнул трубку.

Едва я положил свою, телефон зазвонил снова. Холодным тоном Нелли сообщила, что меня требует к себе редактор. От Таракана я вернулся со слегка потрепанными нервами. Хорошо еще, что в последний момент я вспомнил совет Артема попытаться разработать Аркатова через тех, кто за него хлопотал во время суда, и бодро представил это Таракану как весьма перспективное направление, над которым тружусь дено и ношно в поисках выхода на «Интертур». Таракан, по-моему, не слишком поверил, но отпустил с миром, потребовав докладывать ему ежедневно.

Вернувшись к себе, я первым же делом позвонил в городской суд Ангелине. Мои вопросы энтузиазма у нее не вызвали. «Столько лет прошло, — сказала она с сомнением в голосе. — Два председателя с тех пор сменились, а замов поменялось человек шесть. Это ж надо им всем звонить, в бумагах копать... Тебе когда нужно?» Имея в виду иск «Интертура» к газете, я ответил, что это как раз тот самый случай, когда время — деньги. Она тяжело вздохнула и пообещала заняться.

Только я пододвинул к себе текст, как телефон снова затренькал. Приятно, когда тебя отрывают от работы, но всему должен быть предел. «Да!» — рявкнул я в трубку, но ответа не получил. В эфире что-то шуршало и потрескивало, как бывает, если тебе

дозваниваются из автомата. «Слушаю!» — повторил я еще громче, и тут возле моего уха возник голос: глухой стариковский, но очень отчетливый тенорок. «Не кричи, сынок, — произнес он, как мне показалось, с некоторой строгостью. — Ты же не в лесу. Я тебя хорошо слышу». Тенорок разговаривал так, будто мы давно и хорошо знакомы, но я был уверен, что слышу этот голос впервые, и сказал: «Извините, вы, наверное, ошиблись». «Нет, Игорек, — ответил он, на этот раз с явственной усмешкой, — я-то не ошибся. А вот ты делаешь ошибку. Ба-альшую ошибку». Сказано было вполне буднично, но почему-то от этого раздраженного старческого голоса у меня мурашки побежали по спине. Как часто со мной бывает в таких случаях, испугавшись, я разозлился. Главным образом, на эти чертовы мурашки. «Вы, собственно, кто такой, чтоб мне «тыкать»? — спросил я грубо. — Какой я вам Игорек?» «Извини, сынок, не представился, — хихикнул он, и я от этого хихиканья еще больше похолодел: неужели почувствовал, гад, мою слабость, мой испуг? — Друзья зовут меня дядя Гриша. И ты зови. А «тыкаю» я всем, по-стариковски, потерпи уж». «Долго терпеть еще?» — поинтересовался я хмуро. «От тебя зависит, сынок. Я же сказал; совершаешь большую ошибку. Исправляться надо».

Я уже потихоньку взял себя в руки. Если ему охота ходить вокруг да около, чтобы меня первого спровоцировать на откровенность, мы ему этого удовольствия не доставим. «Не ошибается только тот, кто ничего не делает», — заметил я философски. «Вот это мне и не нравится, — проговорил он сварливо. — То, что ты делаешь. А главное, зачем? Господи, до чего же люди глупы, у них есть свобода мысли, а им подавай свободу выражения!» — Последняя фраза была произнесена с горестной патетикой. «Если уж воруете расхожие цитаты, так по крайней мере не перевирайте, — ответил я злорадно, получив наконец шанс отбрызнуть нахального старикашку. — В оригинале, если мне не изменяет память, сказано «люди нелепы». «Глупы» и «нелепы» — разные вещи. Классик относился к людям снисходительнее».

На мое удивление, уличенный в плагиате дядя Гриша вместо того, чтобы смутиться, удовлетворенно крикнул: «Всегда любил работать с интеллигентами...» «Набирались культуры?» — съязвил я. «Да нет, своей хватало, — ответил он с добродушным смешком и добавил, вздохнув: — А интеллигентов я любил, потому что быстрее ломаются». Я на мгновение онемел, и дядя Гриша снова захватил инициативу: «Ладно, сынок, хватит чесать языки. Ты, я думаю, уже все понял. Как говорил другой классик, если враг не сдается, его уничтожают. Я ничего на этот раз не переврал, а? Читателям, конечно, будет жаль потерять любимого автора...» «Ну, наконец начали пугать, — обрадовался я. — Думаете, вы первый? Убить меня можно, но материалы-то, которые я собрал, останутся! Всех не перевешаете». «Верно говоришь, — тяжело вздохнув, подтвердил он. — Это очень нехорошо, что материалы останутся. Абдуценс». «Что?» — переспросил я. «Абдуценс, — повторил дядя Гриша. — Выбор из двух зол. Чего только не наберешься от интеллигентов!.. Материалы останутся — плохо, но если останешься и ты, и материалы — еще хуже. Из двух зол обычно

выбирают меньшее. Поэтому давай так: ты есть, а материалов нет. Договорились?» «На пушку берете. Вам невыгодно убивать журналиста. Слишком много шума», — сказал я, стараясь убедить то ли его, то ли себя. Как будто до меня ни одного журналиста не убивали.

Он, наверное, тоже об этом подумал, потому что заорал почти радостно: «Может, не выгодно, а может, и выгодно! Это уж какой расклад выпадет! Хочешь рискнуть, а? Как в русскую рулетку? Бах, трах! — Дядя Гриша зашелся меленьким стариковским смешком, а отсмеявшись, спросил серьезно: — Ну так что?» Ничего, кроме желания выкрикнуть ему в ответ какое-нибудь оскорбление, у меня на этот момент не было, и я промолчал. «Вижу, что договорились, — отдуваясь, как после трудного подъема в гору, констатировал дядя Гриша. — И запомни: с этой минуты шаг вправо, шаг влево будет считаться за побег. — Он помолчал чуть-чуть и произнес напоследок с доброй такой, отеческой интонацией: — Не рискуй, сынок, береги себя. Все, отбой».

После чего этот подлец действительно отключился, а я еще долго слушал короткие гудки, тупо глядя в противоположную стенку. Хороша русская рулетка, где, похоже, в барабане нет пустых гнезд и все патроны — боевые! Положив наконец трубку, я придвинул листок с началом статьи и пробежал глазами первые строчки. Ни бодрости, ни былого энтузиазма я в себе, сколько ни копался, сейчас не ощущал. Только думалось: вот ты уже и ломаешься, интеллигент несчастный!

И снова заверещал телефон. Я посмотрел на него с омерзением, как на скользкую жабу, которую отвратительно взять в руки. В эту минуту мне ни с кем не хотелось разговаривать. Но он все трещал и трещал, звенел вызывающе мне прямо в лицо, и я наконец пересилил себя, взял трубку. «Здравствуйте, мне нужен Игорь Максимов», — услышал я глубокое, низкое контральто с легкой хрипотцой. Голос был незнакомый, а у меня в последнее время появились веские основания с осторожностью относиться ко всякого рода незнакомцам и незнакомкам. На всякий случай я полуприкрыл трубку ладонью и поинтересовался сиплым басом, кто его спрашивает. Диана Фураева, ответило контральто.

Диана Фураева... Вдова убитого зимой президентом компании «Нео-Нефт». Если я сейчас заговорю, а потом встречу с ней, это будет означать, что я продолжаю собирать материал. Но ведь можно и не встречаться, а только побеседовать по телефону, так? В конце концов это не я звоню ей, а она мне... Все эти мысли все еще прыгали в моей голове, как резиновые мячики, а я уже, не дожидаясь, пока они успокоятся и улягутся, отводил ладонь от трубки и говорил: «Да, слушаю вас». Через несколько минут, закончив разговор, я сидел, снова глядя в стенку и меланхолически размышляя о своей жизни. Причем в буквальном смысле: сколько она, моя жизнь, стоит, и надо ли мне ею рисковать по такому, в общем, незначительному на фоне человеческой биографии поводу, как написание или ненаписание очередного материала. Мадам Фураева узнала обо мне от свекра, Михаила Аписимовича, и теперь изъявляла желание непременно со мной встретиться. Ей есть о чем мне рассказать и есть о чем спросить.

Голос с хрипотцой казался таким жалобным, почти умоляющим, что я сказал «да», не успев, собственно, даже в общих чертах прикинуть последствия. Прикидывать я стал, уже положив трубку.

Мое согласие, безусловно, было шагом. Вправо или влево — не важно, важно, что его вполне можно считать за побег. Дяде Грише это наверняка не понравится. Дожили: я должен думать о том, что понравится, а что не понравится дяде Грише! То, что хорошо для него, плохо для меня, при этом, как сказал бы Артем, верно и обратное. Абдуценс.

С чувством глубокой безнадежности я понимал, что из двух зол выбираю большее.

17. ЦВЕТОЧКИ

Дождь перестал, но тучи все еще лежали, тяжело навалившись на самые крыши. Стоя у окна, я наблюдал, как, прыгая через лужи, бежит на край стоянки водитель нашей «разгонки» Генка Троицын, отчасти из-за созвучности фамилий, но главным образом в связи с его крайней неразборчивостью в любовных делах прозванный в редакции «проституткой Троицким». Прежде чем я сумел объяснить ему, что от него требуется, он успел начать взахлеб рассказывать об очередном приключении. («На перекрестке лезет мне под колеса одна, сисястая такая, я окно открываю, грю, куда прешь, дура, машина не гребет, а давит, а она мне, представляешь?! Лучше, грит, давить, чем как вы нас гребете! Ну, грю, падла, садись в тачку, разбираться будем! Поехали мы в Сыр-Бор, я там одну полянку знаю...») Но в конце концов мне все же удалось заставить его подобрать слюни и втемашить ему, что требуется.

Генка все сделал в точности, как было велено, тем более что это вполне соответствовало его темпераменту. Оказавшись у моей машины, быстро открыл ее, сел за руль, завел двигатель и рванул с места в карьер. Поднимающая фонтаны воды, автомобиль с ревом промчался под окнами редакции в сторону ворот нашей типографии, которые распахнулись перед ним (я по телефону предупредил ребят из охраны), а пропустив его, немедленно снова закрылись. Спустившись на служебном лифте, я секунд через сорок уже был во внутреннем типографском дворе, принял у Генки машину, а еще через полминуты выезжал через пожарные ворота на соседнюю улицу с другой стороны квартала. Если кто-то и собирался продолжать за мной слежку, сомневаюсь, чтобы они смогли среагировать в такой ситуации. Но я для верности покрутился знакомыми проходными дворами, никого за собой не обнаружил и только тогда двинулся на встречу с нефтяной вдовой.

Решил, что чем позже дядя Гриша узнает о моих новых телодвижениях, тем спокойнее мы оба будем спать, я на всякий случай отказался от предложения мадам Фураевой приехать к ней в офис, и мы договорились встретиться в городе, у ресторана «Бабочка» на Ордынке. Без двух минут девять я подъехал ко входу, но мне пришлось изрядно поманеврировать среди джипов,

«БМВ» и «мерседесов» посетителей этого модного ресторанчика, прежде чем удалось найти такое место, где можно было бы выйти из машины, сразу не угодив по щиколотку в разлившиеся по всей мостовой мутные потоки.

Я всматривался вперед, в сторону чугунной решетки у входа в ресторан, и поэтому вздрогнул, когда кто-то довольно резко постучал мне костяшками пальцев в боковое стекло. Обернувшись, я едва не содрогнулся: на меня смотрела рожа, которая может прийтись разве что с тяжким похмельем. Вся покрытая морщинами, как у бульдога, с выпученным правым глазом, одно ухо прижато, другое оттопырено. Это было все, что я успел разглядеть, пока негнушейся рукой судорожно крутил ручку стеклоподъемника. Опустив стекло пальца на два, я из предосторожности остановился и услышал высокий и резкий, как звук ржавой циркулярной пилы, голос: «Вы Максимов? Диана Константиновна вас ждет, пойдёмте». «Куда это пойдёмте?» — спросил я с опаской. Идти в темень с обладателем этакой физиономии мне не слишком улыбалось. — «Где она меня ждет?» Но он, казалось, не слышал моих вопросов, потому что повторил на той же ноте с той же интонацией: «Пойдёмте. Вас ждут». При этом он взялся за ручку моей двери и совершенно бесцеремонно распахнул ее, так что мне не оставалось ничего другого, как либо ждать, пока похожий на французского бульдога урод начнет выволакивать меня из машины, либо вылезти наружу самому. Из чувства собственного достоинства я выбрал последнее и был крайне удивлен, когда ощутил, что это порождение ночного кошмара мягко поддерживает меня под локоток, чтобы я не оступился на мокрой мостовой.

Очутившись с ним лицом к лицу, я смог рассмотреть его получше, но это не доставило мне никакого удовольствия. Голова у этого Франкенштейна сидела набекрень, словно он оценивающе присматривался к тебе, куда лучше вмазать, морщины на физиономии оказались многочисленными шрамами, был он брит наголо и, хотя ростом не выше меня, чрезвычайно широк и плотен в плечах. При всем при том эта образина была в темной двойке, белой рубашке и при галстуке. «Сюда». — Циркулярка коротко взвизгнула у меня над ухом, и я было самостоятельно устремился вперед, но тут же понял, что меня отнюдь не просто поддерживают под локоток, меня держат за локоть, да так крепко, что не выдраться. Впрочем, возмутиться я не успел, потому что через три шага мы оказались на тротуаре, возле темной громады «кадиллака», задняя дверца которого отворилась, а из нее легким движением выскочила, надо полагать, сама хозяйка.

Первым моим чувством при виде ее было неприятное удивление. Я всегда неприятно удивляюсь, когда оказываюсь рядом с женщиной на голову выше меня ростом. Это странно, потому что сам-то я природой не то чтобы обделен — сто семьдесят пять сантиметров, что называется, в холке. Скорее всего какие-то глупые неосознанные комплексы. Но все равно удивляюсь каждый раз пренеприятнейшим образом. Все дальнейшие впечатления, надо думать, я получал уже исключительно в этом свете.

Мадам Фураева была похожа на огромную куклу Барби. Глаза в пол-лица, щеки — яблочки, фигура стройна и пропорциональна.

Но почему-то не отпускала мысль, что все пластмассовое. Барби была наряжена в строгий шелковый деловой костюм, впрочем, не без разреза, при каждом шаге дающего полюбоваться красотой ног. Больше всего я боялся, как бы она не протянула мне руку для поцелуя, но, слава Богу, обошлось без этого. «Боже, Петрик вас, наверно, напугал!» — с легким смешком сказала Диана, глядя на меня сверху вниз, и я разозлился от того, что мой испуг так явственно заметен. — Вот в такого уroda его Афган превратил, но это внешнее, на самом деле он добрый и мягкий. Не волнуйтесь, он ничего не слышит, — добавила она, опережая мое удивление, и предложила: — Давайте прогуляемся». Я не успел опомниться, как она уже держала меня под руку и мы шагали по мокрому тротуару, при этом Диана говорила, не давая вставить слова: «Когда дети с няней на отдыхе, я обычно ужинаю здесь. В обществе Петрика. Он у меня и водитель, и охранник. А после ужина люблю прогуляться, мой дом тут неподалеку. Брожу старыми московскими переулками, а Петрик тихонько едет сзади. Такова участь одинокой женщины», — вздохнула она горестно, но мне послышалось в этом еще и легкое кокетство. Я оглянулся: «кадиллак», еле слышно урча, действительно следовал за нами шагах в десяти. Учитель одинокой, но очень богатой женщины.

«О чем вы хотели поговорить со мной?» — поинтересовался я. «О чем? — удивленно переспросила она. — Об убийстве моего мужа. Потому что если это действительно убийство, то мне известно, кто его убил». «Вот так прямо и известно?» — Я остановился как вкопанный. Но получить разъяснения немедленно мне не удалось, причем по причине нелепейшей. По Ордынке со стороны Кремля в нашем направлении неслась вереница огней. Они приближались на огромной скорости — красные, синие мигалки, слепяще-желтые фары дальнего света. Мы даже не успели отпрянуть, как три черных «мерседеса» промчались мимо, обдав нас холодным и мутным душем из-под колес. «Ах, мать твою, слуги народа!» — с неожиданной яростью потрясла им вслед пластмассовым кулачком прелестная вдовушка: весь ее элегантный туалет был напрочь заляпан грязью. Впрочем, она тут же взяла себя в руки и расхохоталась, разглядывая испорченные юбку и жакет: «Так мне и надо, нечего прогуливаться в такую погоду!»

Моим джинсам и куртке тоже досталось. Диана махнула рукой, подкатил «кадиллак», мы нырнули в его натурально-кожаную утробу, Петрик рванул с места, буквально пару минут покрутился переулками и дворами, после чего притормозил перед мраморными ступенями подъезда, вход в который сторожили два бронзовых льва.

Следует признать, что этот домик превосходил, пожалуй, все виденные мною за время сбора нынешнего материала. Да что уж там — вообще все виденные. С ним не шли в сравнение последние земные прибежища ни крупного госчиновника, ни даже вора в законе. Начать с того, что, кроме львов, подъезд сторожили также два молодых человека в костюмах и при галстуках, с пистолетами в кобурах на поясных ремнях. Третий сидел в маленькой комнате для охраны перед мониторами — похоже, телекамеры здесь стояли не только над входом, но и на крыше. Молодые люди

были коротко стрижены, подтянуты и даже под пиджаком видно, как накачаны, что сообщало об их прошлом не меньше, чем бронзовые львы о прошлом охраняемого объекта.

В постперестроечные времена мне уже приходилось видеть парадные, где новые жильцы отделяли стены каррарским мрамором, но чтоб натуральным мореным дубом — первый раз. Поспешив вперед, Петрик ткнул пальцем кнопку, и бесшумно разверзся лифт, весь в зеркалах. Если б мне сказали, что венецианских, поверил бы не моргнув глазом. Перед выходом из лифта на площадке лежал роскошный ковер ручной работы, по которому мы все, оставляя грязные и мокрые следы, прошлепали к двери в апартаменты. Я уже был готов ко всему: гранитный фонтан посреди квартиры размером с тот, что на Страстном бульваре, меня не слишком удивил бы. Но фонтана не оказалось. Зато имелось что-то вроде зимнего сада, где среди пальм и свисающих с потолка лиан летал даже один разноцветный попугайчик.

Диана скрылась за похожим на гигантский лопух папоротником и через минуту вернулась с одежной щеткой для меня. Пока ее не было, Петрик все время стоял возле двери и молча безотрывно на меня пялился; наверное, смотрел, как бы я чего в этом лесу не стибрил. Но Диана быстро положила этому конец. «Домой! — резко махнула она ему рукой. — Свободен! Вали в гараж!» — Я вообще заметил, что она с ним не очень-то церемонится. Но он стоял, глядя на нее исподлобья и никуда не думая двигаться. Диана обернулась ко мне со смешком: «Бойся оставить меня с вами без присмотра. Между прочим, он прекрасно умеет читать по губам. Когда хочет». Она нетерпеливо выхватила из кармана жакета миниатюрный блокнотик с розовыми страничками и ручку, нервным стремительным почерком написала: «Человек из газеты, он меня не съест. В гараж. Завтра 8.30», — резким движением вырвала листок и сунула его в руки Петрику. Он опустил на него глаза, потом сложил и спрятал в карман. По-военному повернулся через левое плечо, но, прежде чем входная дверь захлопнулась за ним, циркулярка дважды взвизгнула: «Спокойной ночи».

116
Может, мне показалось, но не только я, а и сама хозяйка вздохнула с облегчением, когда он ушел. Моему воображению было недоступно, как можно целый день проводить в обществе этого кадавра. «Проходите в каминную, — сказала Диана. — Я сейчас».

Это была не столовая, даже не гостиная, а именно каминная. Кроме украшенного старинными изразцами очага, почти все убранство состояло из широкого дивана карельской березы и пары низких кресел с удобными подушками. Стены украшало несколько полотен с буколическими пейзажами, уходящие вправо и влево высокие резные двери намекали на наличие анфилады. Господи, куда меня занесло?! Но тут же я постарался взять себя в руки, вспомнив мысль старика Хэма о том, что богатые люди отличаются от прочих только одним: у них много денег.

Диана вернулась минут через пять — в белоснежном с редкими бледно-розовыми цветами кимоно, упала в кресло напротив меня и поинтересовалась, не хочу ли я разжечь камин. Правда, горничная уже ушла, но в кладовке, кажется, есть наколотые дрова и

лучины... В такую промозглую погоду было заманчиво посидеть у огня, но я почему-то упрямо решил не поддаваться на всякие буржуазные штучки (комплекс мальчишки с рабочих окраин, как говорит Артем) и твердо отказался. По той же причине я последовательно отверг предложения коньяка, вина, сигары, трубки и согласился лишь на сигареты. Да и те вытащил из собственного кармана. Диана тоже закурила, уселась поудобнее в кресле, поджав свои ненормально длинные ноги, и спросила, с чего ей начать. Я посоветовал ей начать прямо с того, кого она считает убийцей своего мужа. Она согласно кивнула, выпустила в потолок длинную задумчивую струю дыма и, поскольку была женщиной, начала с совершенно другого.

Диана начала от печки. В переносном смысле и отчасти — в прямом. От той печки-буржуйки, дым которой много лет назад вышибал слезы из глаз обитателей вечно сырой палатки где-то рядом с Полярным кругом. Их было трое — двое парней и одна девушка, выпускники «керосинки», пять лет отсидевшие на одной скамье в институте, все молодые, здоровые и честолюбивые. Они искали нефть и, хотя пока не находили ее, верили, что все у них впереди. Рассказ изобиловал массой ненужных, как мне казалось, подробностей, но я слушал, не прерывая: я понимал, что между той печкой и этим камином не могло быть прямого накатанного пути, где-то должен был быть крутой поворот, и мне не хотелось его пропустить. Насколько я понял, имел место банальный любовный треугольник: Диана — Саша — Кирилл. Барби нравилась обоим, но место Кена мог занять только один. Диана выбрала Сашу, но все трое остались друзьями — до той поры, пока год назад в компании «Нео-Нефт» не разразился скандал, в результате которого один из учредителей, а им был Кирилл, откололся и создал собственную фирму. То, что не смогли сделать с людьми чувства, сделали деньги (если, конечно, не считать, что любовь к деньгам — это тоже очень сильное чувство): друзья стали врагами. Диана утверждала — смертельными. Я вдруг сообразил, что пропустил все-таки крутой поворот, которого ждал, вернее, это Диана ловко проскочила его, не уделив никакого внимания тому, каким образом вчерашние геологи превратились в преуспевающих бизнесменов-миллионеров. Ну, хорошо, решил я, оставим этот вопрос на потом, в конце концов не это сейчас главное. И спросил: «Так вы считаете, это он убил вашего мужа?» Она не торопясь загушила сигарету в бронзовой пепельнице на полу рядом со своим креслом и молча кивнула. «Но откуда такая уверенность?» «Он сам сказал мне об этом», — просто произнесла Диана. «Но почему же вы...» — начал я в полном изумлении, но она не дала мне договорить: «Потому что его больше нет. Он умер. В его загородном доме взорвалась газовая колонка, все погибли: сам Кирилл и два охранника».

Теперь я вспомнил эту историю. С полгода назад в газетах промелькнуло сообщение о гибели крупного нефтяного дилера, разумеется, ни фамилии, ни особых подробностей в памяти у меня не осталось. «Если не ошибаюсь, — начал я неуверенно, — тогда писали, что это был несчастный случай». На этот раз она покачала головой отрицательно: «Это было самое настоящее са-

моубийство». «Откуда вы знаете?» И она повторила все так же просто: «Он сам сказал мне об этом». Короче, Кирилл позвонил ей поздно вечером на сороковой день после гибели мужа. До этого она не видела и не слышала его очень давно — он не явился даже на похороны. Тогда ей показалось, что он был сильно пьян. Сперва нес какую-то околесицу про то, что все эти годы любил ее, сообщил, что жизнь без нее не имеет для него никакого смысла, потом заявил, что ее он тоже теперь видеть не сможет. Она ничего не могла понять, да и не было на это сил, только что из дома ушли люди, приходившие на сороковины, и тут он вдруг замолчал, а потом почему-то шепотом произнес: «Я убил Сашку». Она сперва не поняла, о чем это он, хотела что-то спросить, но он не дал. Так же шепотом сказал: «Убил и сам теперь умру», — после чего сразу повесил трубку. В тот вечер Диана еще перед звонком Кирилла приняла большую дозу снотворного, чтобы как-то уснуть, и потому была не в состоянии всерьез думать над его словами, решила, что он или напился, или сошел с ума. А когда утром проснулась, было уже поздно...

Сказать по-честному, вся эта история меня здорово огорчила. То есть понятно, что радоваться здесь и так, в общем, было нечему: считая охранников, четыре трупа за неполных полтора месяца. Но меня огоршило другое — моя еще час назад казавшаяся такой стройной теория дала первую трещину. Этак если у каждого наезда найдется своя вполне бытовая подоплека, я останусь без темы. А тут еще Диана подбросила дров в огонь, сказала с печалью в голосе: «Теперь, надеюсь, вы понимаете, что мне очень не хочется, чтобы вся эта грязь вылезла на публику. Не может быть, чтоб мы с вами не нашли общий язык...»

Я очень старался сохранить хладнокровие, обдумывая ответ, но, наверное, на моем лице все-таки что-то отразилось, потому что Диана не стала дожидаться моих слов и перешла в наступление. Я сразу понял это по тому, как ласково она улыбнулась мне, заглядывая прямо в глаза: «Думаете, поди, сейчас эта богачка начнет предлагать мне деньги... Представьте, нет. Просто надеюсь, что вы тоже человек, что и вы способны на нормальные чувства...» Все это звучало благородно и вполне могло обескуражить незадачливого репортера, если бы слова не сопровождались некоторыми действиями. Говоря, Диана доверительно наклонялась ко мне, вследствие чего полы и ворот ее кимоно распахивались все больше и больше. Сначала на передовые позиции ударным орудием выдвинулось роскошное ренуаровское колено, а вслед за ним пораженному наблюдателю на следующей линии укреплений приоткрылись сразу две неких недоступных покуда стратегических высотки. Честно говоря, в свете этих событий понятие «найти общий язык» приобретало совершенно новый смысл, а высказанная надежда на наличие у меня «нормальных человеческих чувств» выглядела и вовсе двусмысленной. Я пришел к выводу, что Дианочка моя не столько умна, сколько хитра и самоуверенна.

Надо признать, искушение было довольно сильным. Не помню, когда в последний раз (наверное, в глубоком детстве) мне случилось интересоваться, что там у куклы под платьем. Но в данном

случае не приходилось сомневаться: меня ждет не холод шероховатого пластика, а теплая, ласковая плоть. Стоит только протянуть руку и положить ее на это прекрасное колено... Все говорило о том, что Барби... то есть Диана, вряд ли отбросит ее с возмущенным негодованием. Но я удержался. Хотя, честно сказать, для этого пришлось откинуться в кресле как можно дальше. Разумеется, не целомудрие руководило мною. Просто я осознавал, что в противном случае мне довольно трудно будет потом писать о делах этой семьи. Чего, подозреваю, и добивалась столь немудрящим способом моя прелестница. Я встал и сказал с улыбкой, призванной смягчить впечатление от только что проявленного отсутствия, если будет позволено так выразиться, жантильности: «Разумеется. Сделаю все, что в моих силах». И тут же увидел: смягчить не удалось. Улыбочка все еще играла на губах Дианы, когда она вслед за мной поднялась из кресла, но сквозь человечески черты опять проступило безликое личико миллионами растиражированной пластмассовой куклы.

Минут через пять я шагал полутемными замоскворецкими переулками, стараясь ненароком не угодить в лужу и саркастически размышляя, не сел ли я в нее только что — в фигуральном смысле. Пожалуй, без более тщательной проверки, на которую у меня уже нет времени, писать про смерть Фураева мне так и так не с руки. Вот только, боюсь, задним числом мне за мою сдержанность уже никто ничего не предложит.

Моя «копеечка» сиротливо стояла под фонарем у тротуара одна-одинешенька: ресторан, как видно, закрылся, все разъехалось. В окрестных домах почти во всех окнах погас свет, улица словно вымерла. На ходу доставая из заднего кармана ключи, я подошел к машине, взялся за ручку дверцы — и замер от изумления. На ветровом стекле под ближнюю ко мне щетку кто-то засунул букетик незабудок. Боже, как трогательно, подумал я о неизвестном доброжелателе, извлекая цветы. Но что бы это значило? И тут увидел под второй щеткой листок бумаги. Ага, решил я, протягивая за ним руку, вот тут-то все и разъяснится. Но разъяснилось все гораздо раньше.

Не было звука, который бы меня испугал, даже дуновения воздуха, которое бы я почувствовал. Было чисто звериное ощущение опасности, возникшее внезапно, в доли секунды. Я не успел даже повернуть головы, только скосил чуть-чуть вправо глаза — на меня неслась темная масса ни единым огнем не освещенного автомобиля. На меня неслась моя гибель, и мне совершенно некуда было от нее деваться. Некуда?! Я что есть силы прыгнул вперед, на капот собственной машины, последним отчаянным движением поджимая ноги...

Меня-таки здорово шлепнуло по подошвам. Только крепко ударившись об асфальт с другой стороны капота ладонями и коленом, я понял, что это скорее всего воздушная волна. Моему безгласному Россинанту пришлось солонее: об этом можно было судить по дикому скрежету металла о металл. Мгновенно вскочив на ноги, готовый немедленно дать отсюда деру, я увидел, что убийца стремительно летит прочь. Ни огня, ни номеров. Единственное, что я заметил, вроде бы это была «Волга», но, разуме-

ется, голову на отсечение я бы сейчас не дал. Первые несколько секунд какая-то часть моего сознания еще трепыхалась в обычном режиме, пытаясь что-то запомнить, даже оценить, но, как только стало ясно, что непосредственная опасность миновала, остались только дрожь, тоска и дикий страх. Господи, ведь я был всего на волосок от того, чтобы теперь уже мой труп лежал в луже крови посреди грязного асфальта, а Аржанцев или кто-то еще ходил бы сейчас вокруг, деловито измеряя рулеткой обстоятельства моей смерти. Потом я почти зримо увидел этот труп и содрогнулся еще больше: в сущности, мне надлежало не просто погибнуть — меня должно было размазать по борту собственного автомобиля, раздавить, разорвать на части.

Вдруг я понял, что все еще судорожно сжимаю в левой руке эти идиотские незабудки. Кстати, а что за записка? Я буквально вырвал листок из-под щетки — он был пуст. Вот, значит, как. Элементарная ловушка. Требовалось, чтобы я немного постоял в недоумении возле машины — больше ничего.

Прежде чем отшвырнуть их прочь, я еще раз посмотрел на эти чертовы цветы от неизвестного доброжелателя. Цветы-то зачем? Пожалуй, они всего лишь изощренная садистская шутка. Это были как бы цветочки на мою могилу.

18. ФУЗТЕ

Если вас утопят раз, вы, наверно, вскрикнете, утопят раз, утопят два, а потом привыкнете.

Эта дурковатая присказка вертелась у меня в голове всю дорогу домой. Больше никаких иных мыслей и чувств практически не было. Ступор как последствие шока. Вероятно, я, отчасти инстинктивно, отчасти осознанно, не давал ходу эмоциям, надеясь, по возможности, в максимально неразобранном виде донести себя до дома, до родного дивана, до стакана с коньяком. Главное — ни о чем до тех пор не думать, ничего не чувствовать, автоматически довести машину, машинально подняться по лестнице, привычно отпереть дверь. И только тогда, оказавшись наконец в безопасности, разрешить себе испугаться. Не так испугаться, как в тот первый миг, когда я понял, что только что едва не превратился в мертвый кусок окровавленного мяса, а по-настоящему. Испугаться отнюдь не как жертва несчастного случая, чудом избежавшая гибели, а как наделенное сознанием существо, понявшее, что его целенаправленно хотели убить. Нет, «хотели» — еще не вся правда. Хотят. Продолжают хотеть.

Все это мне в основном удалось. Почти не расплескавшись, я повернул к дому, с облегчением обнаружив, что сегодня подъезд освещен. Примерно раз в неделю какой-нибудь добрый самаритянин вкручивает под козырьком лампочку, и она горит день-два, пока ее не разобьют или не сопрут. Этим вечером был, как видно, тот самый случай, и я возблагодарил Бога, что мне не придется снова пробираться к парадному, шараясь каждой тени. С моими-то нервами. Тем не менее я усилием воли заставил себя вспомнить об осторожности, проехал мимо и запарковал машину метров через сто пятьдесят где-то в глубине чужого двора. Еще

несколько минут, и можно будет расслабиться, перевести дух и начать спокойно обдумывать ситуацию... Но, как любит повторять Артем, жизнь сложнее наших представлений о ней. Ничего из этого мне не светило ни в ближайшие минуты, ни в ближайшие часы. Зато казавшаяся бессмысленной дурацкая присказка оказалась точно в яблочко.

Я брел по дорожке к ярко освещенному подъезду, когда шагах в десяти передо мной из-за темных кустов сирени появился человек, развернулся лицом ко мне, профессионально слегка расставил ноги и поднял руку с пистолетом. Я все еще брел, хотя вернее сказать, что брели мои ноги: сам-то я замер. Застыл. Оцепенел. Окаменел. Человек поднял другую руку, привычно подпер ею для твердости ту, что держала оружие, нацелив пистолет мне в грудь. Как в тире. Сознание расслоилось: я все отчетливо видел, фиксировал каждое движение своего убийцы, но мозг вопреки явной очевидности почему-то не рождал ни одной мысли о бегстве, о спасении — вероятно, за полной бесперспективностью. Грохнул выстрел, а я все еще брел, вчуже удивляясь лишь отсутствию боли. Я понимал, что убит, что двигаюсь только по инерции: так продолжает бежать и хлопать крыльями петух с уже отрубленной головой. Сейчас я, наверное, упаду, чтобы больше никогда не подняться. Вместо меня упал почему-то человек с пистолетом. Он резко крутанулся вокруг оси на одной ноге и прямо из этого изящного фузте рухнул обратно в сирень, из которой явился. А я все брел и брел. Полагаю, за это время я сделал шага два. Ну, не меньше, чем полтора.

Все, что происходило дальше, вообще не лезло ни в какие ворота. Во-первых, я наконец почувствовал боль, но совсем не там, где ожидал: что-то со страшной силой ударило меня по загривку, придав мне невиданное ускорение, в результате которого я головой вперед влетел все в те же кусты сирени, оказавшиеся холодными, мокрыми и очень колючими. Во-вторых, стрелять начали теперь уже со всех сторон, и у меня не было сомнений, что все пули метят именно в мою бедную голову. Ну а в-третьих, в неверном свете этой трижды проклятой лампочки непосредственно перед своим носом я увидел давешнего человека с пистолетом. Впрочем, теперь этот тип был уже без пистолета, зато со зверски искаженным лицом и с развороченным плечом, из которого всю хлестала кровь. Сидя в кустах на траве, он шипел от боли и ярости, сверля меня совершенно бешеными глазами, и, быть может, от этого ненормального зрелища ко мне вернулась способность если не соображать, то хотя бы двигаться. Хотелось бы утверждать, что я отступил с поля боя с достоинством, как бывалый солдат, слегка пригибаясь к земле, короткими перебежками. Но следует признать честно: я ломанул оттуда на карачках, не разбирая дороги.

Вероятно, я показал отличную резвость, потому что газон с кустами кончился мгновенно, меня вынесло в открытое море нашего вдоль и поперек перекопанного двора, мои подошвы и ладони заскользили на размокшей после дождя глине, удержать равновесие мне уже не удалось, и я на полном ходу плюхнулся в лужу на дне канализационной траншеи. Там бы мне и лежать

спокойненько, никуда не рыпаться. Но чертово любопытство, как всегда, пересилило.

Удивительная картинка открылась взору, когда я робко высунул голову над краем канавы. На подступах к моему безымянному подъезду шел натуральный бой. Лампочка под козырьком пала одной из первых жертв, но, насколько можно было судить по вспышкам от выстрелов, палили с трех точек: от кустов и со стороны ржавого бульдозера бухали одиночными, а из-за мусорных контейнеров у въезда во двор поливали очередями. Кто против кого, я не знал и даже в эти мгновения не задумывался, но, как тот классический заяц во время маневров Киевского военного округа, был уверен, что вся эта безумная деятельность направлена исключительно против меня.

Баталия прекратилась так же неожиданно, как началась. Где-то за домом взревел двигатель, завизжали на крутом развороте покрышки, а после наступила тишина. Прошла целая вечность, прежде чем мне показалось, что можно перевести дыхание. Потом миновала еще одна и, наверное, половина третьей вечности до того, как я выкарабкался из своего окопа и замер на бруствере, готовый в любое мгновение скатиться обратно. В ватной тишине теперь только мое собственное сердце колотилось короткими прерывистыми очередями. Переходить в решительное контрнаступление не было ни малейшего желания. Присев на корточки, я попытался рассмотреть что-нибудь в темноте, однако в неверном свете горящих над головой окон, далеких и холодных, как звезды, ни черта, кроме смутных силуэтов привычных атрибутов нашего двора, не высмотрел. Воображение, однако, работало продуктивнее зрения. Что, если раненный в плечо озверевший мужик все еще валяется у подъезда? Похоже, ему удалось отыскать свой пистолет, и это он палил из кустов. Что, если кто-то до сих пор прячется возле бульдозера или за мусорными баками?

Короче, мне недолго пришлось уговаривать себя, что к дому сейчас идти нельзя, и я, поднявшись на не слишком твердых ногах, решительно заковылял в противоположном направлении. Нужно только перебраться на ту сторону двора, пройти вдоль длинной кирпичной девятиэтажки, и, миновав арку с чугунными воротами, я окажусь на троллейбусном круге, рядом с входом в метро, где светло, полно народу и всегда стоит наготове патрульная милицейская машина.

Все шло по плану. Спустя две или три минуты мне сквозь ажурные ворота уже были видны фонари на площади, ярко освещенные палатки, толпы людей перед ними. До них оставалось не больше полусотни шагов — я чувствовал себя почти в безопасности.

Почти... Помню, что в арку я все-таки вошел. А дальше не помню ни черта: ни зашедшего мне за спину человека, ни чудовищного удара, ни как меня тащили волоком, ни как швыряли кулем. О том, что все это, видимо, имело место, я узнал позже и из косвенных, так сказать, данных — когда очнулся лицом вниз, придавленный тремя парами ног к тряскому полу едущей куда-то машины. У меня дико болел затылок, и, исхитрившись дотянуться до него пальцами правой руки, я обнаружил за ухом желвак размером с хорошую сливу. Не буду врать, будто у меня в голове было полным-полно разных полезных соображений — там плавали сплошные муть и туман, а если сквозь редкие разрывы в

них и пробивалась скорченная от страха и боли мыслишка, назвать ее не только продуктивной, но даже просто отчетливой было никак нельзя. Только много позже мне удалось ее сформулировать: человеку с моей профессиональной следует крепко зарубить себе на носу, что, как нельзя быть «почти беременной», так невозможно оказаться «почти в безопасности».

Вероятно, несколько раз я терял сознание — ничем иначе нельзя объяснить, что мне показалось, будто мы приехали очень быстро. Машина остановилась. Без особых церемоний по мне прошли в последний раз три пары тяжелых ботинок, после чего мое отнюдь не бесчувственное тело вытащили наружу, проволочили пятками по гравию и прислонили к холодной и шершавой кирпичной стене. Я сейчас же съехал по ней вниз — ноги плохо держали меня. Ничего вокруг себя я разглядеть не мог: автомобиль развернули фарами ко мне и включили дальний свет. Я попытался закрыться от него ладонями, но это оказалось слабой защитой, он все равно проникал в мой мозг, как острый нож в воспаленную рану.

Правда, заслоняясь от света, я сумел разглядеть хотя бы силуэты своих мучителей. Они стояли на самом краю светового барьера. Их было четверо или пятеро. Один из них шагнул вперед и, коротко размахнувшись, со страшной силой ударил меня по рукам дулом пистолета. Брызнула кровь. Боль была такая, что мне показалось, будто он перебил мне все сухожилия. Но страх был сильнее, страх не дал оторвать от лица ладони, закрывающие глаза. Тогда он снова замахнулся, и я весь сжался от ужаса, потому что по замаху мне стало ясно, что этот удар будет еще сильнее. Но его не последовало. «Отвали от него, Каток», — приказал чей-то уверенный баритон, и от меня действительно тут же отвалили. Правда, сказав с обидой: «Так я ж не с дурными намерениями, только грабки ему перешибить. Он-то мне, сука рваная, вон как руку изувечил!» Я узнал голос обладателя кирпичной морды, которого давеча столь недальновидно прищемил дверью, и, хотя казалось, что дальше уже некуда, испугался еще больше. «Успеешь, — пообещал баритон, и на этот раз мне от его уверенности легче не стало. — Посмотрите-ка лучше, что у него в карманах».

Надо мной нагнулись сразу двое, проворно и ловко обшарили меня и все, что нашли, передали своему боссу. Не было похоже, чтобы он изучал мое имущество чересчур внимательно: вскоре и бумажник, и ключи полетели на землю. После чего хозяин баритона вошел в освещенное пространство и склонился надо мной. В руках он держал мое редакционное удостоверение. Свет бил из-за его спины, и невозможно было разглядеть выражение лица, но тон был миролюбивый.

«Хочу тебя кое о чем спросить. Ты зачем это приходил к Ступе, а?» Я молчал. Если эти бандюги прикончили своего подельника Ступу, то рассказывать им, что я пытаюсь раскрутить эту историю, — значит просто подписать себе смертный приговор. А никакие другие правдоподобные объяснения сейчас не приходили в мою ушибленную голову. Так при общем молчании прошло секунд десять. «Рикошет, дай я его загашу!» — с неудовлетворенной яростью попросил наконец кирпичный Каток. — Говорил ведь, не будет от него толку!» «Перетопчешься, — не оборачиваясь, пренебрежительно бросил Рикошет, — твои грубые методы

всему городу известны. А человек, как животное, на ласку откликается...» При этих словах он склонился ко мне еще ниже и, видимо, чтобы продемонстрировать, на какую именно ласку откликается обычно человек, так врезал мне по уху, что в черепной коробке зазвенело, будто враз лопнули струны целого ансамбля бандуристов. После чего все тем же спокойным тоном поинтересовался: «Ну тогда, может, скажешь хотя бы, кто тебя сегодня за ка за л? Кстати, учти заодно, что, если б я в последний момент не двинул тебе по сопатке, ты бы уже сейчас был с биркой на ноге. Так как, поделишься со мной, а?»

Я не отношу свои мозги к числу продуктов, которые перед употреблением надо взбалтывать. Поэтому, наверное, мои мыслительные процессы были сейчас не в лучшей форме. Но тут и до меня дошло. Если Рикошет не только не хотел меня убить, а, наоборот, спас от неминуемой гибели, то, вполне вероятно, он не убивал и Ступу. Я открыл рот, чтобы ответить согласием поделиться, но тут кольнуло за грудиной от очередной неясности: «А как вы у моего дома оказались?» «Оказия вышла», — скаламбурил Рикошет, единственный во всей компании отметив шутку смешком, коротким, как плевком. И пояснил, не скрывая на этот раз раздражения: «Говорят же козлу: искали тебя, чтобы выяснить, зачем ты ходил к Ступе! А вместо этого влетели в крутую разборку. Ну?» Я медлил с ответом, «Ты что, язык в жопу засунул?! — снова начал яриться Каток. — Рикошет, скажи слово, мы ему сделаем комментарии для прессы!» Тут я наконец сообразил, что, пока не поздно, надо кончать ломаться, и стал рассказывать. Но очень скоро, к ужасу своему, увидел, что мне попались на редкость неблагодарные слушатели. Рикошет не мог скрыть разочарования: как, и это все?! У меня на руках нет ничего — ни заказчиков, ни исполнителей, короче, ни единого козыря. Одни догадки да предположения. Все то, чего мне с избытком хватало, чтобы поставить в газете «общественно значимый вопрос», а заодно, разумеется, пощекотать нервы охочим до чернухи обывателям. И чего, видимо, было совершенно недостаточно моей нынешней прагматично настроенной аудитории. «Барин, — проговорил больше себе под нос Рикошет. — Если так, то больше некому. — И, отвесив мне легкую затрепину теперь уже по другому уху, поинтересовался без всякой надежды в голосе: — Про Барина-то слышал чего-нибудь?» Мне ничего не было известно про Барина. Все больше холодея, я буквально кожей ощущал, как с падением интереса к имеющейся у меня информации падают мои шансы выжить. Ощущения поддреплялись тем обстоятельством, что из-за спины Рикошета, плотоядно скалясь, все ближе выдвигался ко мне кирпичный дружок с ласковой кличкой Каток. Я снова весь сжался и закрыл голову руками, когда он широко замахнулся своим пистолетом, но тут опять прозвучал ленивый баритон: «Сказал же, отвали от него. Пускай себе пишет. А Барин... пускай читает».

Что случилось сразу вслед за этим, помню плохо. То ли Каток все же врезал мне по башке, то ли я самостоятельно отрубился в результате нервного перенапряжения. В памяти осталась темная по смыслу последняя фраза Рикошета: «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан», а за ней — ничего.

Окончание следует.

Ридерз Дайджест

Reader's Digest

5 ЛЕТ В РОССИИ

Когда в 1922 году американцу Девитту Уоллесу пришла замечательная идея основать журнал, который ориентировал бы читателя в безбрежном море информации, разбросанной и зачастую недостаточно выверенной, мало кто мог предположить, что «Ридерз Дайджест» завоеует весь мир и даже попадет в Книгу рекордов Гиннесса как самый читаемый журнал. Сейчас существует 48 изданий, выходящих на 19 языках общим тиражом свыше 27 миллионов экземпляров.

Пять лет назад в августе 1991 года вышло русское издание «Ридерз Дайджест». Сегодня можно с уверенностью сказать, что и в нашей стране журнал нашел своего читателя. Все эти годы число подписчиков журнала постоянно увеличивается.

«Ридерз Дайджест» — это фактически идеальное чтение для тех, кто любит читать, но ограничен во времени. Оттачиваемое десятилетиями искусство отбирать лучшее из того, что предлагает мировая пресса, и излагать это в сжатой форме позволило в одном журнале охватить столь широкий круг тем, что иначе для этого потребовалось бы множество различных изданий.

В основу журнала положены три основных принципа: вдохновлять читателя, информировать его и развлекать. В каждом номере читатель может почерпнуть для себя что-то полезное, например, как извлечь урок из неудачи, есть ли у вас ген полноты, как сохранить живость ума, почему супруги ссорятся, как начиналось кино, откуда произошел человек, кем был Джеймс Бонд...

И в каждом номере — ожерелье мудрых мыслей...

Человек — существо, состоящее из надежды и изобретательности; оба эти понятия опровергают представление о том, что ничего нельзя изменить.

Том Клэнси. «Долг чести»

Доброта важнее мудрости, и признание этой истины есть начало мудрости.

Теодор Исаак Рабин, М. Д., «Один к одному».

Мудрость не всегда приходит с годами. Иногда годы приходят одни.

Том Уилсон, «Юниверсал Пресс Синдикейт»

Мы сами чувствуем, что все, что мы делаем, — это только капля в море. Но море стало бы меньше без этой недостающей капли.

Мать Тереза

ЖИЗНЬ ВНУТРИ ВЗРЫВА

Сакре-Кёр

В августе Париж, как обычно, опустел. Все, кто мог, уехали за город. Знакомых почти не осталось и после работы в библиотеках Вернадский много ходил по залитым вечерним солнцем улицам. Однажды забрел на вершину Монмартра, к величественной громаде собора Сакре-Кёр.

Владимир Иванович, человек неверующий, обычно стеснялся заходить в церкви, опасаясь нарушить чувства прихожан праздным любопытством. Но на этот раз вслед за туристами вошел. Начиналась служба. Все гигантское внутреннее пространство собора казалось заполненным звуками органа. Музыка проникла все его существо и, как это не раз с ним бывало, захватила, отрешила от всего окружающего. Он почувствовал себя невесомым, полностью растворенным в органых волнах. Его несла некая сила, в лоне которой он ощущал покой и полную, абсолютную безопасность.

Вернадский прослушал всю мессу. Вместе с верующими, лица которых умиротворенно просветлели, вышел на площадь. Внизу перед ним, насколько хватало глаз, расстилались крыши великого города, тронутые сиреновой дымкой заката.

Как будто все обыденное, вся суэта существования унеслась от него там, под воздушными сводами собора. И все, что с ним происходило в последние годы и месяцы, наполненные страданиями и смертями, нищенством и скитаниями по развороченной

гражданской войной далекой России, казалось, осветилось сейчас новым, духовным светом. Во всей своей неотвратимости перед ним предстал его выбор, не имеющий до конца расчисленного логического решения. Нравственный выбор.

Да, уже три года они с Натальей Егоровной живут в Париже. Это их город, который они полюбили сразу и навсегда еще в первый приезд сюда. Он стал свидетелем их молодого супружеского счастья. Приезжая сюда, они всегда попадали в обстановку широких европейских интересов, в биение культурной жизни, на перекресток научных идей.

Почти четыре года назад, в декабре 1921-го, в заочневшую, замерзшую и замершую на своем Васильевском острове, обессиленную голодом и лишениями Академию пришло неожиданное и спасительное письмо из Сорбонны. Ректор профессор Поль Аппель сообщал, что Ученый Совет университета избрал академика Владимира Вернадского своим профессором и приглашает его прочесть курс лекций по новой созданной им науке геохимии.

Только через полгода Вернадский смог выехать по приглашению, зато вывез жену и дочь Нину (она учится в Праге), да два чемодана своих записей. И, кажется, никогда ранее он не жил так интенсивно и насыщено. Все, о чем только мечталось в голодной, разоренной революцией стране, где приходилось употреблять в десять раз больше усилий для достижения самого простого результата, где введена цензура и травят старую профессуру, где не выходят книги, куда не поступают заграничные научные журналы, где прекратилось всякое общение с иностранными коллегами, — все переменялось по прибытии в Париж.

Он прочитал в Сорбонне курс лекций, написал две книги, множество статей, провел по просьбе мадам Кюри в ее институте исследования удивительного минерала кюрита из Конго. Съездил в Ливерпуль, на ежегодную сессию Британской ассоциации наук, где завязал отношения с известнейшими физиками. Он печатался в самых престижных научных журналах Европы. Никогда ранее его изголодавшийся по общению мозг не работал так бурно.

Самым плодотворным оказался прошлый, 1924 год. В октябре коллега профессор Жангиль пригласил его прогуляться в Булонский лес и сообщил, что ученый комитет фонда, учрежденного «жемчужным королем» Розенталем, присудил ему стипендию для научных исследований — 30 тысяч франков. Учредитель фонда был несколько смущен тем, что его желание способствовать развитию французской науки обернулось так странно — помощью русскому ученому. На что члены ученого комитета резонно возражали, что для французской науки будет великой честью, если русский ученый Вернадский именно здесь, во Франции, сделает свою новаторскую работу.

Помощь подоспела вовремя. Теперь целый год можно было не думать о том, на что жить. Вернадские уехали на север от Парижа, в крохотный городок под Медоном, сняли маленький домик, и началась спокойная жизнь. Вернее сказать, спокойной она была внешне, а для ученого же — полной необыкновенных приключений и драм. Никогда прежде он не испытывал такого умственного подъема. Вернадский погрузился в свои идеи. Весь

мир будто отодвинулся. Днями он не отрывался от вычислений.

И теперь этот год подошел к концу. Отчет ученому комитету фонда сдан. Российская Академия забрасывает его негодующими заявлениями. Она формально давно исключила его из числа своих членов и не шлет денежного содержания. Вернадского отпустили только на полгода, а прошло уже три. В связи с новыми замыслами командировку несколько раз продлевали. Затем Академия перестала это делать, предъявив настоящий ультиматум.

Возвращаться или не возвращаться? Давний друг семьи, всеобщая мама русской эмиграции вот уже полвека, Александра Васильевна Гольштейн с прямою старой народницы заявила ему: «Возвращаться — безумие! Подумайте, кому вы дали слово приехать — убийцам и бандитам, захватившим Россию! Подумайте о Наталье Егоровне — на что вы ее обрекаете — на жизнь впроголодь, подумайте, чем вы рискуете сами. С вашим кадетским прошлым вам несдобровать! Будь она проклята, эта ваша наука, это ваше «живое вещество» — как будто здесь им нельзя заниматься. Да еще лучше, чем в Совдепии!» Уговаривает старый друг геолог Агафонов, Жантиль предлагает место профессора в Сорбонне, но с условием принятия французского подданства.

И, если здраво рассуждать, они совершенно правы. Какой ужасный выбор заставляют его делать большевики: наука или родина, личная безопасность или Академия. Еще недавно этого выбора не существовало. Он каждый год приезжал в Европу. Границы не были препятствием для той части человечества — научной элиты, — к которой он принадлежал. Ученые ощущали себя одним великим целым, интернационалом Науки.

Но все же, думал он, если рассуждать уже не с точки зрения здравого смысла, а имея в виду духовные интересы, прикосновение которых он ощутил в соборе Сакре-Кёр, граница есть, и лежит она именно в недостижимых далях истины, справедливости и мечты. Она проходит между земным и небесным мирами, между наукой и обществом, между государственными интересами и интересами личности — глубочайшими и всеобъемлющими. За последние годы он осознал, что вся его жизнь и была таким выбором между двумя движениями человечества: к свободе и к счастью. Между стремлением к истине и стремлением к справедливости. Как оказалось, эти два направления не совпадают. Он понял это в момент крупнейшей социальной катастрофы двадцатого века, к которой привело одно из них.

Вернадский оглянулся на громаду собора, и мысли его унеслись далеко отсюда, в Россию, в душное крымское лето. Когда это было? Наверное, в июне 1893 года...

«Четыре апостола»

За день керченские дома раскалялись так, что ночь не приносила прохлады. После утомительных полевых маршрутов Вернадский возвращался в гостиницу и пытался заснуть, однако это не удавалось. В одну из таких ночей он написал тогда целый трактат о политической обстановке и о том, что делать им, земским деятелям.

Вся Россия в конце века — как душная ночь, не приносящая облегчения. Повсюду шло наступление на прежние реформы и завоевания свободы. Главное противостояние развернулось между властью и земствами. В губерниях и уездах за двадцать лет выросли и окрепли земские собрания. В них приходили самые образованные, самые неравнодушные, самые совестливые. Они превратили эти органы, созданные в период реформ для поддержания местного хозяйства, в настоящие органы самоуправления.

Здесь сосредоточился весь потенциал изменения и модернизации. Земства сосредоточились на просвещении народа, здравоохранении, агрономии, строительстве дорог. Появилась замечательная земская статистика. Вся лучшая наука России устремлялась сюда через Вольное экономическое общество. Вернадский сам знает по Моршанскому уезду и Тамбовской губернии, где выбран гласным и занимается образованием, что, добывая ассигнований на школы, на библиотеки, они незаметно переводили стрелки на часах истории. Всеобщее начальное образование, к которому стремились земства, отрывало Россию от ее великих азиатских соседей и приближало к Европе.

Но самое главное, что в земствах все и любые вопросы решались совершенно новым для России путем. В отличие от традиционного насаждения начальственных распоряжений земства действовали гласно и демократически. Каждую инициативу нужно было подготовить, правильно оформить, привлечь на свою сторону единомышленников, найти компромисс и соглашение с политическими противниками и лишь тогда выносить на решение собрания гласных. Это была настоящая школа законности.

130

Через земства прошли все известные политические деятели России: князя Павел и Петр Долгоруковы, Дмитрий Шипов, Вячеслав Якушкин, Иван Петрункевич, граф Петр Гейден, друг Вернадского князь Дмитрий Шаховской. И все хотели одного — распространения принципов самоуправления и демократии на центральные государственные органы. Душной керченской ночью Вернадский писал, что только этот путь наиболее правильный: постепенное улучшение и частные реформы.

Через год воцарился Николай Второй. Разумеется, разгорелись новые надежды. Но сразу, на приеме представителей земств и городов по случаю восшествия на престол, он заявил — первым в истории всей династии, — что не будет вводить никаких перемен, а будет править по заветам «покойного родителя». Он назвал «бессмысленными мечтаниями» выраженные в адресе тверского земства пожелания конституционных перемен и возможность влияния земских деятелей на управление государством. По всей стране его самонадеянные слова вызвали стон разочарования и досады. В век самолетов и телефонов молодой царь намеревался править, как в средние века.

Конфронтация самодержавия и земств нарастала как гроза в душную ночь. Ну что же, заявил тогда Дмитрий Шаховской, если власть не хочет соглашения с обществом, земства соберутся однажды самочинно и потребуют конституцию. И ровно через десять лет после заявления новокоронованного царя это предсказание сбылось в точности.

В ноябре 1904 года Вернадский и Шаховской ехали в Петербург как делегаты своих собраний на общерусский земский съезд. Это было удивительное событие бурной истории начала века. Царь не разрешил съезд, так как в повестке его значилось: обсуждение общих условий течения государственной жизни. Еще никто в России за всю ее тысячелетнюю историю не осмеливался публично обсуждать начала самодержавия.

Но царь не смог и отменить съезд, потому что собирались не подпольщики-социалисты, не бомбометатели и террористы, а известнейшие, авторитетнейшие люди страны. И когда Вернадский и Шаховской приехали в Петербург, они узнали, что съезд не разрешен и не запрещен. Сто земцев собрались как частные люди. Тем не менее решили не разъезжаться.

Собрание выработало резолюцию с требованием демократических свобод: слова, собраний, союзов, рабочего законодательства, судебной защиты прав граждан. Проголосовали за введение народного представительства. Парламент должен обладать законодательными правами, формировать бюджет и контролировать министров. Он должен быть избран на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов.

Неслыханное решение, по которому российская неограниченная монархия должна стать ограниченной, было послано в правительство.

И на другой день после закрытия съезда в Россию пришла гласность. Обвалом, сразу, будто открыли шлюзы. Несмотря на запрет, газеты печатали сообщения о съезде. По всей стране прокатилась грандиозная волна банкетов, на которых все говорили о том, о чем раньше только шептались в гостиных среди своих, — о конституции, о народном представительстве, свободе и демократии. Земцы-конституционалисты стали знамениты, их портреты и книги с решением съезда продавались во всех книжных лавках. С того момента, собственно, и началась революция. Только понимали ее одни как насилие, а другие реформами пытались насилие предотвратить.

Вернадский на гребне волны. Он участвует в собраниях земских деятелей, профессоров высшей школы, требовавших академической автономии и гражданских свобод. И наконец, в октябре 1905 года он среди делегатов учредительного съезда партии конституционалистов-демократов, которую вскоре по первым буквам назовут кадетской. Вернадский участвует в разработке всех главных документов, прежде всего программы. Это была первая открыто собравшаяся политическая партия, состоявшая из очень образованных людей (в ее Центральном комитете большинство представляли, как Вернадский, профессору Московского университета).

И, как бы венчая их съезд, 17 октября 1905 года опубликован знаменитый манифест, который Витте вырвал у царя. Провозглашались все требования земцев: политические и гражданские права, за которые они боролись двадцать лет. Началась горячка выборов в Первую Государственную Думу. В эти месяцы Вернадский входит в руководство партии, пишет многочисленные статьи в кадетских газетах «Речь» и «Новь».

Его избирают в Государственный Совет от Академии и университетов, и он проводит партийную линию в этом органе, ставшем верхней палатой российского парламента. Вернадский входил в него, пока не рухнул старый порядок. Его подпись стоит под обращением членов Государственного Совета к царю с требованием отречения и передачи власти Временному комитету Государственной Думы.

Как неизменный член руководства кадетской партии он участвует в выработке всех ее решений в самое трудное время — весной и летом семнадцатого года. Его назначают заместителем министра просвещения, а когда министр С. С. Салазкин арестован большевиками, заседает во Временном правительстве от его имени.

После 25 октября целых две недели Временное правительство работает в подполье, пытаясь овладеть положением. Подпись Вернадского стоит под последним его обращением к гражданам, опубликованном во всех еще сохранившихся газетах. В резких выражениях большевики объявлялись узурпаторами, власть передавалась Учредительному собранию. В ответ большевики объявили кадетов врагами народа.

Пришлось скрываться и бежать из Питера. Начинается трехлетний период скитаний Вернадского по охваченной гражданской войной стране. В минуты передышки и вынужденного отдыха от научной и политической деятельности он глубоко переосмыслил роль интеллигенции и народных масс в трагической судьбе России.

Да, это была народная революция. Интеллигенция своей критикой существующего строя спровоцировала народ, думая, что он поддержит демократические преобразования. Но это была иллюзия, прекраснодушная иллюзия. Как ученый, он должен признать, что реальность оказалась иной. В химических реакциях, зная конечный результат, всегда можно узнать, какие вещества вступили во взаимодействие. Так и по происшедшей катастрофе можно увидеть, какие чувства, а не намерения на самом деле владели участниками событий.

«Русская интеллигенция заражена маразмом социализма, — писал он в дневнике. — Народ невежественный. Идеалы чисто материалистические. Стал решать как слепой сложные мировые вопросы с миропониманием семнадцатого века. Результаты такого решения мы сейчас видим... Странное впечатление дает русская интеллигенция и русский народ. Дряблость и слабость. И нетронутые силы. Все серо. Нет личностей. Но те вожди, которые выступают, — из интеллигенции. Она дала мало личностей и ни одной крупной, а народ — и того меньше... Надо в корне разобрать и основы, и идеалы социализма. Они не научны. Они противоречат свободе человеческой личности. Идеалы жизни Тит Титычей... Нельзя отложить заботу о вечном и великом на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения своих нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет — «хлеба и зрелищ». Есть, пить, ничего не делать, наслаждаться любовью...»

Ошибка кадетов заключалась в союзе с этой «зараженной

маразмом интеллигенцией», то есть преследование социальных интересов вместо отстаивания социальных идеалов, прежде всего свободы. Народ стремился к немедленному получению выгод от революции. Его вековая ненависть к обеспеченным классам выразилась в разгроме всей культуры, в уничтожении дворянских усадеб, всей сельской культурной среды: агрономических, плодородческих, семеноводческих, животноводческих станций. Большевики победили потому, что потакали его грубым инстинктам. Однако это пиррова победа, ибо разрушением и сломом всей старой культуры новую не построить. Несправедливость нельзя устранить новой несправедливостью, а только медленным и долгим творческим устроением жизни.

«У лучших людей были идеалом любовь к человеку и к страждущему, — рассуждал он. — Во имя этого вырос социализм. Проповедь его проводилась среди тех, которые страдали. Для них элемента любви не было. Осталась только схема лучшей жизни, т. е. такой, которая была недоступна этим людям, а доступна другим... Любовь к человечеству — маленький идеал, когда живешь в космосе. Он охватывает слишком узкую базу жизни. Им нельзя охватить то, что является самой основой жизни, то, из-за чего стоит жить. Социализм основан на известном состоянии техники. Ученый стремится выйти за ее пределы. Овладеть источниками энергии, сделать их доступными всем людям, избавить их от элементарного голода и холода можно иным путем».

Стремление к безудержной демократии, которое было записано в программе кадетской партии, ошибочно, оно должно получить поправки, считает он. Русский народ для жизни в формах, выработанных демократическим человечеством, еще не дорос. Он мало просвещен, его материальные интересы преобладают над стремлением к свободе. Поэтому результаты социального движения столь неожиданны и разрушительны.

И Вернадский сжег мосты. Он вышел из кадетской партии, отрекаясь от своего политического прошлого и от своей политической деятельности, приведшей к таким пагубным последствиям. Он провел грань между политикой и своей земской деятельностью, просветительством, которому отдал двадцать пять лет. Только здесь заложен фундамент перемен, здесь на самом деле шло положительное строительство, не уничтожаемое никакими режимами.

Уже отсюда, из Парижа, писал в Женеву своему старому другу Ивану Ильичу Петрункевичу: «Я думаю, что Вы и я были белыми воронами в русской жизни, мы совсем никогда не были затронуты социализмом — всегда видели в нем проявление насилия над человеческой личностью. И, осматривая свою жизнь, я вижу, что я не понял в пережитом, что ни в каком случае нельзя было соединяться в действиях с социалистической по партийности или социалистической по существу толпой. «Демократия» социализма и «демократия», о которой мы говорили, была разная. Уважения к человеческой личности нет и не может быть в социализме, так же как его не может быть в якобинизме... В политической борьбе, какую мы переживали, те из нас, которые понимали варваризацию, вносимую в жизнь социализмом, и для которых уважение и

признание человеческой личности не позволяло идти по пути якобинизма, как, например, я, не оказались достаточно стойкими. Я вижу в своей политической деятельности большие ошибки: видел опасного врага культурной работе не там, где он был...»

За семь прошедших с революции лет Вернадский много передумал и понял, что в общественных движениях и объединениях, преследующих некие идеалы, главное не «что» мы хотим провести в жизнь, а «как» мы желаем это сделать. Какими методами. И есть только один критерий, отличающий правильные методы от неправильных: отношение к человеку. Если ставят что-нибудь выше человеческой личности: государство, благо народа, интересы классов, то можно твердо сказать: результат будет прямо противоположный тому, который провозглашается.

Кадетская партия, которую он с друзьями создал, с самого начала в первом пункте своей программы провозгласила права личности неотчуждаемыми и основными. И это совпадало с его убеждениями. Но последовательно мирными средствами провести их в жизнь партия не сумела. Лидеры кадетов рассчитывали использовать народное движение, социальные лозунги для борьбы против царизма. Народ же хотел разом изменить, исправить вековые несправедливости. И привело это к обвалу. А он, Вернадский, и другие не смогли его предотвратить.

Еще в молодости он увидел в берлинском музее картину Дюрера «Четыре апостола» и поразился интуиции художника, изобразившего путь идеи в человеческом обществе. Первый апостол — с чистым и просветленным лицом — провозвестник прекрасной истины. Он «считал» ее с небес, добыл бескорыстным усилием ума и чувства и несет людям. Но она непонятна массам. Второй — более трезвый и приземленный мыслитель — делает истину более простой и понятной, соединяет ее с уже известными учениями. Третий и четвертый апостолы — уже не мыслители, а деятели. Один во имя учения создает организацию, поднимая людей на борьбу. А четвертый — нерассуждающий и убежденный палач — карает людей за инакомыслие. Для него уже нет истины, а есть свои и чужие, которых надо уничтожать. Первого не узнать в четвертом, который наиболее силен и опасен. Таков путь идеи, которая «овладевает массами». Нечто подобное происходило сейчас в России, где к власти приходили уже не провозвестники справедливости, а каратели за нее.

Им он и дал слово вернуться, когда уезжал в мае 1922 года. Здесь, в Париже, в столице русской эмиграции, политическая жизнь все еще в разгаре. Кипят страсти в газетах, собираются съезды. Но за все три года он ни разу не принял в них участия. Однажды его пригласили на заседание ЦК кадетской партии. Он вежливо, но твердо отказался.

Как ни ненавистен ему новый строй, а придется возвращаться. Участвуя в революциях, он, в сущности, несет ответственность за то, что в стране произошло. Он не имеет права отстраняться, наблюдать со стороны и, следовательно, обязан способствовать исправлению ошибок.

Вместо опасных дорог социальной борьбы желанных целей можно достичь другим, более прочным путем. Он примыкает к

другой, разворачивающейся на его глазах великой, не такой шумной, но более могущественной революции — научной. Революции не разрушающей, но созидающей, ведущей в невероятное и прекрасное будущее.

Разум — сила космическая

Перед каждым ученым и вообще творческим человеком однажды встают с беспощадной неотвратимостью вопросы: а кто он такой? Что сделал? Каков масштаб его мышления и осуществления?

В скитаниях и бездомности времен гражданской войны такие вопросы задавал себе и Вернадский.

Долгое время он считал себя средним ученым, рабочей лошадкой, везущей вместе с другими коллегами по Московскому университету неудобную колымагу российского просвещения и образования. Затем, после избрания членом Санкт-Петербургской Академии наук, он стал тащить нелегкий воз научного обслуживания необъятной территории России, описания ее недр, живой и неживой природы. Эту ношу русские ученые несут со времен Петра. Она требует отличной квалификации и даже большой доли самоотверженности и гражданского мужества.

Но собственное творчество? Где полет научной фантазии? Неужели он забыл свои задушевные «детские вопросы», которые задавал себе на студенческой скамье: что такое жизнь, одними и теми же законами управляется живое и неживое? Как быть с ними? За время его преподавания и академической работы они, казалось, надолго ушли в глубину, в подсознание.

Однако это творчество шло, пока не выразилось в создании нового учения о космической сущности жизни. Вначале была робкая, но неотвязная догадка, что те минералы и горные породы, которые он изучает, имеют совершенно другую историю, нежели общепринятая. Догадка укрепилась, когда он от геологии и минералогии перешел к атомному уровню строения вещества. Так создалась новая наука — геохимия, курс которой прочитал в Сорбонне. Минералов — десятки тысяч, а атомов значительно меньше, и пути их земных превращений в камнях, газах и жидкостях легче проследить. И постепенно выяснилось, что в этих путях есть нечто общее. А именно: при всех запутанных перемещениях химических элементов они когда-нибудь проходили через живой организм. Еще в прошлом веке это заметил великий русский натуралист Карл Бэр: каждый атом неопределенно долго вращается в живых телах, переходя из одного в другое.

Но явление оказалось еще богаче. Атомы не просто бродили из одного организма в другой, но выходили из них измененными, обогащенными энергией солнечного луча. Под ее влиянием они сливались в разнообразные соединения, которые, захораниваясь, уходя вглубь, образовывали все земные пласты, изучаемые в геологии. Он обнаружил, что слои, составляющие каменную летопись Земли, ее прошлое, есть на самом деле не что иное, как история жизни организмов прошлых эпох — бывшие биосферы.

И когда Вернадский представил себе в целом неслышимый, но могучий однонаправленный процесс во времени, то есть на протяжении всей геологической истории планеты, и в пространстве, то есть в планетарном масштабе, он понял смысл работы этой гигантской машины. Миллиарды и миллиарды лет тонкая поверхностная живая пленка планеты пропускает через себя массы химических соединений, обогащая их энергией и захоранивая в недрах. Размеры пленки жизни огромны, в тысячи раз превышают географическую поверхность планеты Земля. Она определяется площадью растений. Любое дерево своими листьями превосходит занимаемую площадь многократно. И через них, через нежные зеленые ладошки деревьев, трав, кустарников, водорослей, через тела бесчисленных больших и малых организмов биосферы пробегает каждую секунду мириады атомов.

Великие натуралисты прошлого пытались охватить единым взором, понять в целом назначение живой природы. Но только теперь, в двадцатом веке, после открытия атомов как химических элементов суть стала проясняться.

Если работа живого вещества шла всегда, во все прежние геологические эры, значит, оно не слабое и не случайное создание, понял Вернадский, а имеет космический смысл. Жизнь — явление космическое.

Так Вернадский в охваченном войной Киеве, где власть менялась чуть не каждый месяц, осознал, что построил новое, неслышанное научное учение, согласно которому жизнь, живое вещество, населяющее поверхность планеты, является не случайным порождением игры земных сил, а вечным, глубоко закономерным явлением, создающим планету как согласованное целое. Трудно представить менее подходящую обстановку, в которой пришлось развивать учение. На случайных пристанищах, среди смертей и болезней, не зная, что будет с тобой и твоими близкими завтра, Вернадский, где только мог, записывал свои мысли. Как Архимед, пытавшийся защитить от гибели свои чертежи, он хотел передать грядущим собратьям по науке свои мысли и переживания.

Их крутило и несло вместе со всей Белой армией. Ростов, Новочеркасск, Екатеринодар, Новороссийск. На одном из последних переполненных беженцами пароходов он переправляется в Крым, и здесь судьба ставит его на грань последнего унижения. Он заболевает тифом и три недели находится в беспомощности, в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Но как только приходит в себя, начинает диктовать Наталье Егоровне программу научных опытов, которые необходимо поставить для анализа живого вещества. Выздоровливая, он описывает чудесное видение, посетившее его во время болезни. Он наконец осознал весь масштаб учения, которое ему поручено. Оно выходит за рамки частной теории или гипотезы, а представляет собой новое строение мироздания, в котором жизнь занимает подобающее ей центральное место, приводящее в целесообразное движение мир вокруг себя. И еще он понял, что учение спасло его. Оно еще не оформлено, не приведено в систему, и он не имеет права умирать. Вот в чем смысл его жизни: в подготовке великого открытия, а

отныне в изложении его на строгом и однозначном научном языке. Случайна и непредсказуема его земная доля, подверженная чужим человеческим страстям, опасностям и болезням, но неслучайна духовная и умственная жизнь. У нее свои законы, свое время течения.

В три недели болезни его мозг, под угрозой смерти, с бешеной скоростью работал, разбираясь во всех лабиринтах нового знания. Теперь он понимал, как это бывает, когда наступает откровение. На пороге гибели духовные силы человека напрягаются и проникают не только в прошлое, но и в будущее. Так нарождались все великие учения древности. Пророки и великие учителя человечества оставляли нам свои видения. Так Иоанн Богослов, укрываясь от преследователей на острове Патмос, создал пророчество о будущей судьбе мира и христианской церкви, которое названо Апокалипсис. Уже две тысячи лет человечество разгадывает его смысл.

Вернадский знал, что теперь его учение целиком, во всех подробностях записано в мозгу. Оно построено, и его последующая жизнь должна была быть посвящена «вспоминанию о будущем», расшифровке нового откровения о Космосе, но откровения не философского или религиозного, а научного, выраженного общепонятным научным языком. И еще он понял, что он остался в живых именно с этой целью. Он ощутил великое чувство безопасности. Его присоединила к себе и несла какая-то огромная, мягкая, могучая волна, и он знал, что его жизнь обрела неуничтожимый смысл.

Ему представилось, как он должен поступить, чтобы сохранить, развить далее учение. Он должен эмигрировать в Англию и распространять новое мировоззрение, а в конце концов создать институт Живого вещества на берегу Атлантического океана с международным составом ученых.

Однако в реальности произошло иначе. Когда он уже договорился с английской миссией о выезде, накануне захвата большевиками Крыма, его избирают ректором Таврического университета в Симферополе. Он не считает своим долгом отказываться. Снова столкнувшись с узурпаторами, вынужден спасать от них профессоров, студентов, налаженный строй учебной работы. И только отстраненный новыми властями от ректорства, возвращается в родную Академию.

В опустелом, притихшем, вымирающем Петрограде, усмиренном большевиками, только что покорившими мятежный Кронштадт, в мае 1921 года он выступил перед творческой интеллигенцией в Доме литераторов. Впервые ученый рискнул изложить новое учение. Свою лекцию назвал вдохновенно и загадочно — «Начало и вечность жизни». В противовес существующему общераспространенному мнению о случайности и недавности жизни Вернадский утверждает, что никогда на планете не было безжизненных времен. Всегда в геологическом прошлом жизнь в виде биосферы закручивала движение материи и энергии на поверхности планеты. Таковы бесспорные и неопровержимые факты, которым никто не придает значения. Их не замечают, поскольку они противоречат основной догме «начала» жизни. Но если эти

факты неопровержимы, они позволяют утверждать: Земля всегда была оживлена. И никакого начала жизни нет. Она могла появиться на Земле, но не образоваться, не «произойти» из инертной материи планеты.

Отсюда следовал твердый логический вывод: «Жизнь вечна постольку, поскольку вечен Космос, и всегда передавалась биогенезом (т. е. только от одного живого организма к другому. — Г. А.). То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекших от архейской эры и до наших дней, верно и для всего бесчисленного хода времени космических периодов истории Земли. Верно и для всей Вселенной».

Теперь, приехав в Париж, поработав здесь, исполнив ничем не связанный свободный научный полет на деньги жемчужного коммерсанта Розенталя, Вернадский углубил догадки и наброски. За месяцы упорного труда он в отчете ученому комитету фонда вывел твердые числовые закономерности. А цифры — не описание, не слова, хотя бы и самые убедительные. На цифрах и фактах построена написанная, но еще не изданная книга «Биосфера».

Конечно, он не мог не думать и о месте человека и человечества в системе природы. Если живое вещество в целом не является случайностью, так же мало случаен в Космосе и человеческий разум. Его появление имеет такое же значение для судьбы планеты, как и ее первое оживление. В системе природы разум занимает необходимое место.

Только что, в августе 1925 года, вышел номер журнала Французской Академии естественных наук с его статьей, в которой он пытался донести до ученой общестственности новый взгляд на человеческую цивилизацию: «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о Космосе. Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного. Общество становится в биосфере, т. е. в верхней оболочке нашей планеты, единственным в своем роде агентом, могущество которого растет с ходом времени со все увеличивающейся быстротой».

Человек никогда не сопоставлял себя с природой, он не задумывался, а что же собой в целом представляет он на Земле. Выдающиеся ученые прошлого считали человека существом познающим. А от познания, от невесомой мысли во внешнем мире ничего не меняется. И только в середине прошлого века стало заметно: созданная совокупной работой, особенно такой огромной, как, например, отвоеванные у моря голландские пolders или веками возделанные китайские рисовые поля, — это уже не природа, а находящаяся в сложном равновесии с ней управляемая часть Земли. Здесь навсегда изменено течение всех химических процессов, водный и минеральный режимы.

Захват природы происходит, заявил Вернадский, благодаря науке. За последние триста лет, как создана наука в нашем современном понимании этого слова, могущество ее возрастает стремительно. Знания проникают во все сферы жизни. Наука все активнее участвует в формировании окружающей действитель-

ности. Человек не столько познающее существо, а прежде всего действующее. Он не стоит особняком как что-то чудесное, но чуждое природе. Человек становится ее нервами. Наука есть инструмент формирования мозга планеты.

Совершенно изменилось ее положение, говорит Вернадский, на рубеже веков. Появились телефон, радио, авиация, автомобили. Еще большие перемены, по его мнению, несли с собой новые грандиозные открытия: радиоактивность, строение атома. Но важны даже не эти отдельные достижения, а изменение всего общественного климата в результате распространения образования. Наука становится не просто одной из форм сознания или познания, наравне с религией или философией, художественным творчеством или обыденным знанием, и не просто максимально известной силой в мире, но и образом жизни, повседневностью. Человек думает, оценивает происходящие события и строит свою жизнь на основе научного знания. Современное мировоззрение становится мерилем его понимания мира.

Перед отъездом сюда, во Францию, Вернадский собрал и опубликовал свои дореволюционные статьи по истории знания и по организации научной работы. В предисловии писал: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравниться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он хочет». Вернадский сравнил научное освоение мира со взрывом, настолько быстро оно идет.

Собственно говоря, социальные бури, сотрясавшие Россию с 1905 по 1917 год, совпали с этим взрывом. И если первые громы хали стачками и восстаниями, то вторая шла тихо, зато прочно. В Крыму, после болезни, Вернадский размышлял над этими двумя потоками: «Меня не смущает, что сейчас те лица, в глубь духовной силы которых совершается огромная, невидная пока работа, как будто не участвуют в жизни. На виду большей частью не они, а другие люди, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскроется тот не видный во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового человеческого сознания. Он зреет, время его придет, и последнее властное слово скажет он, а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно...»

Он имел право заявить о грядущей перестройке научного человечества, потому что держал руку на ее пульсе. В 1915 году произошел перелом в положении русской науки. По инициативе Вернадского Академия наук обратилась в правительство с предложением создать Комиссию по изучению естественных производительных сил России.

Проект был грандиозный. Вся территория страны должна быть охвачена научными исследованиями по единому плану. Должны быть созданы территориальные институты по исследованию полезных ископаемых, рек, лесов, почвы и других ресурсов. В самой Академии должны быть образованы институты по проблемам. В Закавказье, Средней Азии, Сибири и на Украине планировалось организовать Академии наук, университеты.

Его сразу поддержали в правительстве, и комиссия пошла широко. Ее как будто ждали. В работу включились военные и гражданские ведомства, лишившиеся зарубежных источников сырья предприниматели, профессора высшей школы. В самое, казалось бы, трудное время начались исследования, создавались новые институты, открылись университеты в Тифлисе, Ташкенте, Ростове, Перми. Разрабатывались проекты новых Академий наук. Всю весну и лето бурного 1917 года Вернадский как товарищ министра просвещения готовил съезд по реформе высшей школы. Он открывался в ноябре. Большевики прервали работу на самом взлете, на разбеге. Но и даже после переворота по инерции замысла, энергией мысли преобразования продолжались. В 1918 году на Украине Вернадский создает Академию наук. Его избирают первым ее Президентом.

Наука — самый странный феномен во всей истории человечества. Недаром Вернадский называл ее геологическим явлением, то есть стихийным, неподвластным человеческому произволу. Она распространяется и держится совсем иначе, нежели все другие общественные силы, — свободой и ненасилием. Она никого не заставляет в себя верить, как фанатичные религиозные проповедники, никого не подчиняет силой оружия, как завоеватели, и побеждает. На ее стороне есть некая вселенская правда. Вот почему наука развивается только по восходящей. Никогда в истории не было падения и забвения научных знаний.

Так же и большевики, несмотря на всю свою зловредную идеологию, не в силах задержать научную мысль. А она вернее и могущественнее решит те задачи, которые ставили перед собой все революционеры, вместе взятые, и вместе с тем будет способствовать изменению самого бесчеловечного строя в России.

Вот чего не могли понять его друзья и оппоненты здесь, в Париже, даже умнейшая Александра Васильевна. Они не видели великого научного стихийного процесса, в который вовлечена и Россия, несмотря на большевизм. Множество ученых эмигрировало, но русская наука осталась в России. Здесь, в отрыве от научных станций и лабораторий, обслуживающих огромную территорию страны, ничего сделать нельзя. Ему казалось, что на него с надеждой смотрят сотни глаз его бывших учеников — геологов и химиков, физиков и кристаллографов, людей высочайшей научной квалификации, талантливых, но не устроенных, не уживающихся с новым строем. Он должен быть там, с ними.

А личная безопасность?.. Но ему же предсказано, что с ним ничего не может случиться.

Через два месяца, в октябре 1925 года, Владимир Иванович Вернадский выехал из Франции сначала в Прагу, а затем в Петроград, ставший за время его отсутствия Ленинградом.

Эпилог

Странными путями сбываются наши мечты. То, что явилось Вернадскому в феврале 1920 года как решение его судьбы, оказалось в реальности другим, а по сути тем же самым. Институт

Живого вещества на берегу Атлантического океана не был создан, зато он сумел открыть на родине биогеохимическую лабораторию, которая развернула изучение живого вещества — первой в мире. Он действительно стал во главе, в центре освоения гигантской территории страны по единому плану. Всех последствий его замысла даже мы, потомки, еще не в состоянии оценить.

С его трудов и созданного им Радиевого института начинается национальная программа атомных исследований, производства ядерной энергии и вместе с тем развитие величайшей важности методов изучения возраста горных пород с помощью естественной радиоактивности.

С него начинаются десятки новых наук, институтов и лабораторий, экспедиций и музеев. За него спорят, к нему возводят свои родословные плодотворнейшие научные направления. Крупные русские ученые нашего века благодарны ему за спасение, за избавление от большевистского насилия и изгнания. В его домашнем кабинете плелась невидимая сеть сохранения научных сил. И тайный смысл этой работы, которая велась в самые темные годы сталинского режима, только сейчас начинает проясняться.

Судьба в точном согласии с предсказанием хранила его, когда его арестовали вместе с питерскими интеллигентами, расстрелянными в 1921 году. Хранила в годы сильнейшего нажима, травли в журналах и газетах «мистика и идеалиста», не сделавшего навстречу идеологическим насильникам ни одного шага в своей жизни, не изменявшего принципам гуманизма ни на один градус. В тридцатых годах в недрах НКВД фабриковалось дело мифической Национально-демократической партии, во главе которой якобы стоял Вернадский. Готовился арест нескольких десятков научных работников. Но кто-то провел в списке черту, выше которой он и еще шесть академиков уцелели, а ниже — арестованы, среди них ученики и сотрудники.

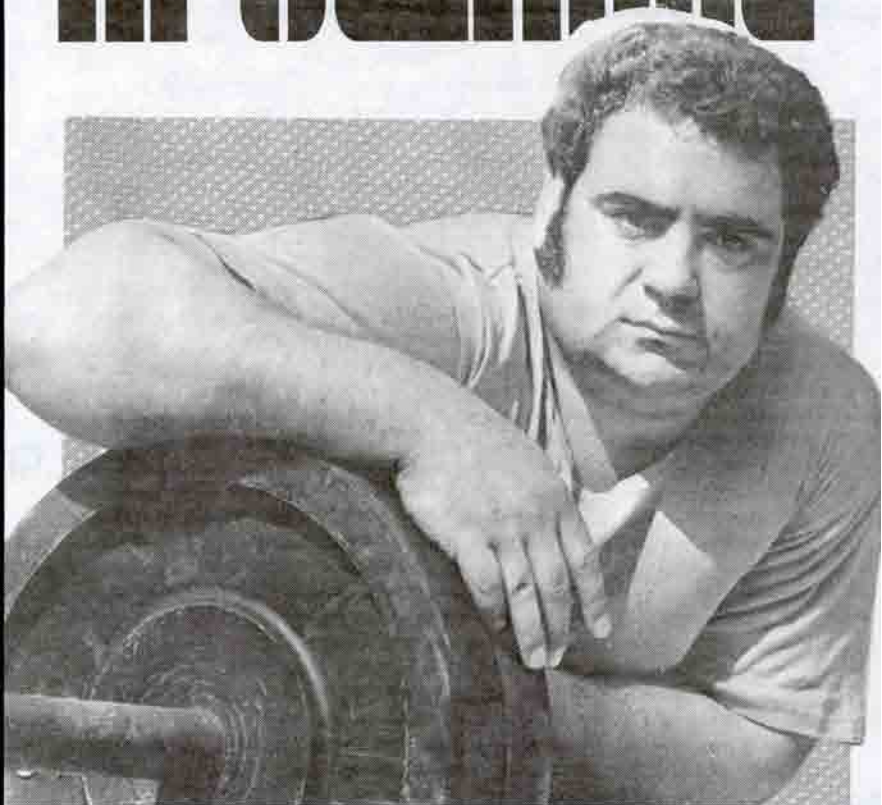
Международная известность тоже состоялась. Все главнейшие книги Вернадского переведены на английский, французский, японский. Сегодня создатели грандиозного проекта «Биосфера-2» в американском штате Аризона пишут, что строили свою станцию по идеологии Вернадского. Они мечтают, что их искусственная биосфера явится моделью для поселений на Луне, Марсе, на спутнике Юпитера Ио, на бесконечном пути человечества в глубины Космоса. Организацию этой модели им открыл Вернадский.

Знаменитая ныне на Западе «геофизиология», то есть наука о Земле как едином организме, как особом живом космическом теле, имеющем свой мозг, нервы, органы дыхания, питания, реагирующем на изменения внешней среды, тоже возводит свои идеи к Вернадскому. Да и вся область наук о взаимоотношениях человечества и природы основывается на фундаменте, заложенном в написанной в 1925 году классической «Биосфере».

Для нас же бесценным памятником является судьба мыслителя и мудреца, оставившего нам свои духовные творения и прозрения. Для нас важно, что написаны они по-русски и являются великим деянием, оберегающим и развивающим нашу душу, и, значит, сохраняющим нас как нацию.

Такова цена одного человеческого выбора.

ПРОЩАНИЕ

С «ЖЕЛЕЗОМ»

легендарного "супертяжа" ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВА

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВ, 54 года. Заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР. Чемпион XX и XXI Олимпийских игр по тяжелой атлетике в супертяжелой весовой категории; восьмикратный чемпион мира и Европы, семикратный чемпион СССР; обладатель 79 рекордов мира и 81 рекорда СССР. Завоевал на крупнейших мировых турнирах более 50 золотых медалей. С 1989-го по 1992 год был главным тренером сборных СССР и СНГ, которые при нем побеждали на всех соревнованиях.

Сейчас пенсионер, живет в городе Шахты Ростовской области.

*-Василий Алексеев — пенсионер...
Даже не верится...*

— А ведь я мог получить пенсию по инвалидности еще в 1970 году, когда врачи поставили диагноз: стерлись межпозвоночные диски. Позже к этому добавились три компрессионных перелома позвоночника и другие болячки. Где только не лечился... Провел десять дней в немецкой клинике, но и там ничем не порадовали. Вердикт медиков: наследие тяжелейших спортивных нагрузок лечению не поддается. Единственный способ — «растаскивать» позвонки штангой... В последние годы непрерывно болит травмированная нога. Нынче в январе хотел приехать в Москву на новогодний бал, но на костылях далеко не уедешь...

— После неудачи на Московской Олимпиаде вы, Василий Иванович, надолго исчезли из поля зрения любителей спорта. А в 1989 году возглавили национальную сборную. И команда добилась феноменальных результатов: были выиграны абсолютно все соревнования, включая чемпионаты мира и Олимпиаду в Барселоне! Тем неожиданнее прозвучало известие о вашей отставке. Что же произошло?

— Меня втихаря сплавляли в архив за постоянную борьбу с допингом. Я называл конкретные имена. Это, естественно, не понравилось начальникам из Госкомспорта. Формальный повод для моей отставки отыскался удобный — расформирование, по известным причинам, сборных СНГ, когда реальную власть приобрели национальные спортивные федерации. Главным тренером российской команды келейно сделали рядового специалиста, не воспитавшего ни одного известного штангиста, Владимира Масляева. И меньше чем через год разразился грандиозный скандал, когда в употреблении допинга были изобличены сразу три молодых спортсмена из сборной России. Пришлось заплатить штраф в 50 тысяч долларов, чтобы команде разрешили участвовать в чемпионате мира. И ведь неприятности на том не закончились.

— Говорили, что у вас были проблемы с российским спорткомитетом и в «союзные» времена...

— Там собрались деятели, которые, кроме амбиций, за душой ничего не имели. Спортсмены России употребляли анаболиков намного больше, чем штангисты из других республик. Но в Москве им все сходило с рук. Когда я возглавил команду, то не делал исключений ни для кого. Тех, кто «засвечивался» на допинге, из команды гнал безжалостно. Аналогично поступал с тренерами-аппаратчиками. Большинство их тусовались в столице, а точнее, в российском спорткомитете. А теперь решайте сами: могли ли они упустить шанс расквитаться со мной?.. Ситуация осложнялась еще тем, что до назначения на должность главного тренера я помогал Медведеву, который вел сборную до 1989 года. Я был в курсе того, кто и какие препараты принимает. Но какой смысл

выдавать секрет полишинеля: средства на приобретение запрещенных стимуляторов федерация тяжелой атлетики получала из кассы... Госкомспорта. Все круто изменилось после Олимпиады 1988 года, когда возникла реальная угроза грандиозного скандала с болгарской командой. До этого 20 лет фундамент подготовки закладывался на анаболиках, а руководству международной федерации оставалось лишь закрывать глаза на это... И так получилось, что я взял сборную в переходный период для всей мировой тяжелой атлетики — конфликты были «запрограммированы».

— Тем более учитывая ваше нежелание «лавировать»...

— Я всегда считал и считаю до сих пор, что анаболики должны жевать или все, или никто. Хуже всего, если одних уличают в допинге, чтобы расчистить дорогу другим. Причем весь юмор в том, что «вторые» глотают стимуляторы даже больше, чем пойманные сличным штангисты. Когда я возглавил команду, в ней руководили три человека: Курлович, Захаревич и Храпатый. Известные чемпионы, они устанавливали мировые рекорды и... каждый принимал анаболики. Я пытался объяснить им реальную опасность этого. Увы, все оказалось бесполезным. «Зубры», понимая, что команда без них не обойдется, продолжали употреблять анаболики, практически не таясь. Дурной пример заразителен, и мне было очень тяжело работать с молодыми штангистами, которые стремились «облегчить» тренировки за счет таблеток. Несколько раз внезапно приглашал на подольскую базу спортивных медиков. И это почти всегда заканчивалось ЧП... Объявив войну анаболикам, я не ограничивался разговорами. Было дело — возил сборную на

чемпионат Европы без супертяжа из Краснодара Евгения Сыпко. Многие тогда недоумевали: как можно было подарить соперникам верную золотую медаль? Но как я мог рисковать, если врачи обнаружили у парня 130 условных единиц при норме шесть?! К сожалению, мне не позволяли так же поступить с Курловичем, Захаревичем и Храпатым...

— Но ведь не секрет, что нередко спортсменам удавалось «обойти» допинг-контроль. Возможно, именно надежда на это и придавала им уверенность в своей незаменяемости.

— Способов обмануть допинг-контроль существует немало. Анаболики принимаются с таким расчетом, чтобы организм очистился от них к определенному сроку, когда уличить спортсмена в применении запрещенных стимуляторов практически невозможно. Некоторые, к примеру, накачивают в себя перед анализом... мочу другого человека. Для этого даже придумали соответствующий прибор... Но сколько же у меня было мороки с тем же Курловичем, который постоянно выступал, накачанный анаболиками! Я отстоял его, когда он попался на допинге в 1990 году, заступался за него и в дальнейшем. А что же Курлович? Вместо благодарности он после Барселонской Олимпиады обвинил (через газеты, радио, ТВ...) меня в десятке грехов. Жизнь все же показала, кто из нас был прав. В прошлом году Курловича уличили в употреблении допинга в очередной раз, дисквалифицировав на длительный срок.

— Ну, а вам самому приходилось прибегать к допингу?

— Вся штука в том, что официальных запретов в этой области до 1976 года не существовало. Врачи на сборах давали нам разные пре-

параты, и лишь много лет спустя выяснилось, что они зачастую не ведали, какая имеется в лекарствах «изюминка». Впервые допинг-контроль ввели на Олимпиаде-76. Освободить от них организм по желанию тогда еще не научились, и в результате все штангисты подняли намного меньше обычного. Второго призера немца Бонка я в Монреале обошел на 35 килограммов потому, что он выступал, как и я, «чистым». Уже после Монреальской Олимпиады выяснилось, что мой организм, привыкший за долгие годы работать в определенном режиме, не сможет перестроиться на употребление анаболических стероидов. Конкретно это проявлялось в сильнейшей боли в суставах рук. Они после приема «волшебных» таблеток буквально «отваливались». Вдобавок отечественная медицина привыкла иметь дело не со здоровыми людьми, а с больными. На Западе же давно делают акцент на восстановители, помогающие организму после больших нагрузок. Ничего об этом не подозревая, мы расслаблялись проверенным народным методом — шли в парилку после тренировки и... сам понимаешь, выпивали.

В общем, от допинга я отказался, можно сказать, добровольно. Тем не менее на Московской Олимпиаде меня элементарно подставили. Первоначально я не планировал на ней выступать. Но затем, решив стать трехкратным чемпионом Игр, набрал хорошую форму. Должен был обязательно выиграть, но тут выяснилось, что я путаю кое-кому карты. Ко мне заявили гонцы из спорткомитета и в категорической форме предложили принять подозрительные стимуляторы. На мои возражения ответили: «Анаболики уже принял ваш коллега Султан Рахманов. Тренерский совет заставил его пойти на это, чтобы он

наверняка занял второе место. Но Рахманов может ненароком обойти и вас. Вы должны находиться в одинаковых условиях, и потому без стимуляторов вам не обойтись». В общем, загнали в угол. И как закономерный итог — «баранка» на турнире, где я обязан был победить.

— *Вернемся, Василий Иванович, на три десятка лет, раскрутим назад ленту вашей спортивной судьбы...*

— Мне приходилось нелегко в спорте с самого начала. По сравнению с другими супертяжеловесами у меня, по мнению экспертов, тонкая кость, нет больших мышц, да и весил я значительно меньше признанных лидеров. В общем, «не смотрелся». Тем не менее в 1967 году в двадцать лет я впервые набрал в сумме троеборья заветные 500 килограммов. А в следующем году на первенстве страны в Луганске стал бронзовым призером вслед за Жаботинским и Батищевым. Причем, если Жаботинский, олимпийский чемпион, весил тогда 170 килограммов, то я — на полцентнера меньше.

Еще в 1966 году я с семьей переехал в город Шахты. В то время на шахте «Южная» сформировали коллектив тяжелоатлетов, который возглавлял прославленный штангист, олимпийский чемпион Рудольф Плюкфельдер. Сделали это ради участия в Спартакиадах народов СССР: тогда от каждой союзной республики требовалось выставить именно коллектив физкультуры. Так я стал «шахтером-горняком». (Им, кстати, остаюсь до сих пор — получаю шахтерскую пенсию...)

После переезда зарплата моя была 105 рублей. На них нужно было содержать жену и двоих сыновей. Выручали мировые рекорды. За них платили 750 рублей, но

до 60 процентов забирал Спорткомитет. И еще действовало правило: если устанавливалось в день несколько рекордов, за них платили как за один. Не зашикуешь.

— Зато от почитателей не было отбоя?

— Ох, это точно... Жена открывала и закрывала за мной ворота, когда я выезжал на машине, пройти по городу спокойно пешком было невозможно, вся местная шпана рвалась со мной пообщаться. В конце концов мне это изрядно осточертело: особо настырных «обожателей» ставил на место «силой». Разборки такого рода продолжались в Рязани, куда мы переехали из Шахт и где зажили в обычном доме. Увы, без ворот...

— Самый памятный день в большом спорте?

— Конечно, 18 марта 1970 года. Я тогда первым в мире в сумме троеборья поднял 600 килограммов! Это было невероятно... Все вокруг будто с ума посходили — что творилось! Разве такое забудется...

— Странно, что среди ваших близких друзей нет и не было супертяжей. Более того, в компаниях вы явно избегаете друг друга. В чем тут дело?

— Некоторые «корифеи» до сих пор делят славу — считают: если стали олимпийскими чемпионами, можно никого не замечать и говорить гадости про бывших соперников. Ни спорт, ни болельщики от этого не выиграли...

— Это что же, специфика тяжелой атлетики?

— Думаю, да. Штанга воспитывает в людях эгоцентричность. Мол, есть я и «железо» — остальное ноль, пустота... Это болезнь, от которой не вылечиваются.

— Но вам-то удалось избежать печальной участи.

— Просто я не зациклился на штанге — даже не помню точно, в каких городах устанавливал рекорды...

— А как поступаете, когда вас узнают?

— Всегда радуюсь за этих людей — как же еще! А если серьезно, то стараюсь быть со всеми на равной ноге, не выпячиваться. Кстати, в людях больше всего не терплю жлобства. Как и скупости...

— Что поделяете в Шахтах сейчас?

— Без дела не сижу ни дня. В большом доме работа найдется всегда...

— Сколько у вас внуков?

— Трое, а сыновей двое. Мы с женой ими очень довольны.

— За соревнованиями тяжелоатлетов следите регулярно?

— Не угадали. От большого спорта я отошел окончательно. Спортивных изданий не выписываю, по телевидению турниры штангистов почти не показывают, а всю информацию черпаю от друзей... Когда-то я, к слову, очень обиделся на знаменитого летчика Михаила Громова. Он был в двадцатых годах известным штангистом, чемпионом, а потом переметнулся от «железа» к лошадям. Но прошли годы, и теперь я его понимаю...

**Беседу вел
ВАЛЕРИЙ РАДЖАБЛИ.**

ИСЛАНДСКАЯ ДЕВИЦА СЛАВЫ НЕ БОИТСЯ

Бьорк. Эта хрупкая девочка из Исландии ворвалась на западную музыкальную сцену столь стремительно, а ее альбом «Дебют» так быстро попал в поле зрения критиков и меломанов, что порой начинает казаться, что и путь этой очаровательной исландки так же легок и прозрачен, как и ее песни. Кажется, Бьорк с рождения обречена быть в центре внимания. Популярность неумолимо преследовала ее. Первый раз она «засветилась»

на местном ТВ в пятилетнем возрасте в документальном фильме о родной музыкальной школе, к которой Бьорк в отличие от большинства детей, экстремистских чувств не испытывала. Впрочем, и подарком для семьи ее назвать нельзя. Уже в девять лет закружила, завертела девчонку хипповская романтика. Исландские хиппи в то время слушали ту же музыку, что и их собратья в дальних больших странах, и Бьорк плотно «подсела» на музыку «Битлз», Хендрикса, Джоплин и других. При этом любила она и «Аббу» — не чужд ей был мелодизм скандинавов. Надо сказать, что с пониманием со стороны родителей у Бьорк все было в порядке. Ее отчим имел статус «исландского Джимми Хендрикса» и сам договорился с местной студией звукозаписи о выпуске альбома падчерицы.

Ей предложили записать сборник эстрадных шлягеров, от которых Бьорк с души воротило. Выручили друзья-хиппари. Они дали свои песни, и в канун Рождества 1977 года на прилавках Исландии появился ее полноценный альбом, моментально ставший платиновым. Сейчас у коллекционеров он стоит около 500 фунтов стерлингов.

Не стоит считать Исландию страной музыкально отсталой. На том маленьком пятачке, что природа отрядила маленькой трудолюбивой стране для жизни, мирно сосуществуют группы самых разных стилей и направлений. Все они имеют необычные названия, но музыке играют веселую и грамотную. S.H. Draumer (Black and White Dreams), Sogblrtir (The Lovebites), Bleiku Bastarnir (Pink Bastards), Dasi Hill Pirru Farm. В Исландии существует даже свой Брюс Спрингстин — непримиримый «левак» Бэбби Мортонс, бывший рубщик рыбного завода, а ныне музыкант, чьи пла-

стинки на родине продаются активнее, чем диски U—2.

А тогда Исландию настигла волна панка. Ну, кому как не Бьорк подхватить, расширить, углубить и закрепить завоевания сердитых коллег на родине? Бьорк играла в группах «Exodus» и «Tappi Tíkarak», Сама характеризует эту ситуацию так: «Панк в Исландии не борьба против власти, как в Англии, а лишь революционный протест против дискотезы». В 1984 году она работает в «Kukl» (исландское слово, означающее «чернокнижник»), авангардной группе со своим агрессивным шоу. Одним из любимых трюков участника «Kukl» Эйнара Эрна считалось самоповешение. Бьорк рассказывала, что пару раз, под шумок разошедшись, он чуть на самом деле «не дал жмурика» — вошел, видите ли, в роль, еле остановили. Бьорк никогда нельзя было упрекнуть в нелюбви к эпатажу. Однажды, еще в раннем детстве, когда идти в школу желания не наблюдалось и вылезти из-под одеяла тоже, она просто прорезала в нем дырку для головы и в таком виде явилась на урок. Именно в «Kukl», о которых в родной Исландии думали как о дебилах и наркоманах, наша лирическая героиня знакомится с участниками будущей группы «Sugarcubes», исполняющей несколько другую музыку. Работа в этой команде — один из наиболее значительных этапов в «трудовой вахте» Бьорк, потому что именно она привлекла к себе внимание западного музыкального мира. Первый удар нанес альбом «Life's Too Good». Для того чтобы финансировать выпуск сингла, группа напечатала открытки, посвященные встрече Рейгана и Горбачева тиражом 5000 экземпляров, и торганаула их туристам. Упрямство — национальная черта исландцев, и когда западные воротилы предложили группе сменить

родной исландский на более проходной английский, музыканты лишь язвительно рассмеялись. «Sugarcubes» устраивали грандиозные шоу, рядились в безумные шмотки и парики, шокировали публику ерническими текстами.

Что там на самом деле произошло с группой и почему она все-таки распалась — покрыто мраком тайны. Видимо, Бьорк стало тесновато в рамках группы, но они остались друзьями. В 1990 году Бьорк записывает джазовый альбом «Glin-Glo», хорошо принятый критикой и слушателями. Поздравления с выходом альбома ей прислали все без исключения исландские политики.

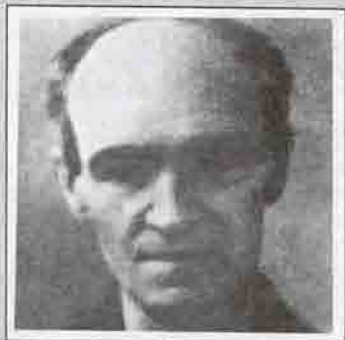
Но все же главный успех пришел к Бьорк с выходом альбома «Debut». Альбом — чрезвычайно личный и разный, своего рода дневник маленькой девочки, болезненно реагирующей на жестокость большого мира. Это и тоска по родине, и наивные рассуждения о смысле бытия, и глубокое чувство действительности. Как обычно, Бьорк совершенно не обращала внимания на мольбы продюсеров с просьбами добавить хитовости и «проходных» номеров. «Я все делала сама, а собственно говоря, я и делала пластинку только для себя. Главное — честность перед собой. Захочешь понравиться всем — не понравишься никому, а сделаешь пластинку для себя, — она понравится всем», — говорила Бьорк. Между тем она сама не очень ожидала такого успеха. Всемирная популярность альбома подстегнула интерес меломанской общественности ко всем предыдущим ее творениям. Следующий «большой» альбом «Best Mixes» оказался несколько странным — он сохранил техно-рэп версии песен с «Debut». «Я сделала их для тех, кто не покупает пластинки, выпущенные на мажорных лейблах», —

комментирует ситуацию Бьорк. Следующий альбом Бьорк «Post» — своего рода телеграмма в родную Исландию в ответ критикам, которые предвещали ей успех «певицы одного альбома». А в прошлом году в крупнейшем в Лондоне концертно-выставочном центре Earls Court состоялась ежегодная церемония награждения премиями Британской звукозаписывающей промышленности Brit Awards, и Бьорк была названа лучшей певицей года.

Сейчас она живет в Лондоне, но при малейшей возможности берет билет «на самолет с серебристым крылом» и дует домой. А если дела одолевают, то вызывает к себе друзей или часами болтает с ними по телефону, невзирая на многозначные цифры телефонных счетов. Любит на досуге посидеть над романами Германа Гессе и современного французского писателя Жоржа Батайя. «Я — дура чрезвычайно романтичная и до безумия все драматизирующая», — говорит о себе Бьорк. Несмотря на это, она все так же любит позатировать народ то храбрым высказыванием, то высунутым языком, то гортанным криком в самом неподходящем месте. Ее внешность девочки-школьницы обманчива. Любому протянувшему повелительную руку, чтобы погладить, приласкать, грозит быть мягко (или не очень) отштытым. Любой, сказавший пакость про ее музыку, «умоется» от хорошей едкой шутки. Бьорк — северянка, и теплое течение Гольфстрим не всегда влияет на холодный климат.

АЛЕКСЕЙ ПЕВЧЕВ

МИХАИЛ ЛЕБЕДЯНСКИЙ

ФИЛОНОВ

150

Когда говорят, что искусство создается традицией, то это верно лишь отчасти, потому что тогда трудно объяснить творческие явления, выходящие из ряда им подобных, а самобытность художника во многом вообще необъяснима. Следует признать, что в необычайных явлениях творчества есть неразгаданная тайна, а поиски источников рождения неповторимых явлений искусства только лишь чуть приоткрывают завесу таинственного.

Самобытность художника надо принимать и воспринимать такой, какова она есть, и исходить в своих суждениях, оценках и размышлениях о нем и его творчестве в первую очередь из нее самой. Именно так надо относиться к такому художнику, как Павел Николаевич Филонов, чье искусство сегодня, уже освобожденное из-под строжайших запретов и огульной критики, все еще недостаточно известно, мало изучено и мало понято.

Среди всемирно известных русских художников, начавших свою деятельность в первые десятилетия XX века, таких, как В. Кандинский, К. Малевич, В. Татлин, пожалуй, самую трудную жизнь прожил П. Филонов. Даже К. Малевич, оставшийся навсегда в России, как и П. Филонов, был при жизни более признан и имел большие возможности работать. Он удостоился персональной выставки в Третьяковской галерее в 1929 году и выхода приуроченной к этой выставке брошюры о его творчестве, написанной известным искусствоведом А. Федоровым-Давыдовым.

Филонов такой чести при жизни удостоен не был. Почти в это же время, в 1930 году, в Русском музее была собрана и подготовлена к открытию персональная выставка П. Филонова, но она

Мужчина и женщина. 1912—13 гг.

так и не открылась. Так что К. Малевич в этом смысле оказался счастливее П. Филонова.

В конце 20-х годов ученики Филонова хлопотали перед Луначарским о пенсии для художника. Но поскольку они боялись просить Филонова написать собственноручное заявление с такой просьбой, все хлопоты оказались напрасными. Филонов ходил в куртке, скроенной из военной шинели, спал на досках, на железной кровати, ел на двадцать рублей в месяц.

Филонов прошел классический путь «чудака от искусства», правда, с драматическим акцентом. Когда А. Эфрос описывал этот путь по отношению к знаменитому русскому граверу В. Фаворскому, он отмечал, что у истории есть для этих случаев одна обязательная схема: «Она приготавливает им некую жизненную пещеру, запрыгивает их туда, плотно укрывает вход, трещит морозом и метет метелицей, засыпая дорогу... Потом наступает положенный историей срок и час. Из пещеры выходит нелюдим, поднимая над собой свое искусство, как отшельник — крест. Мир сразу гулко и кряжисто ахает. Его потрясает столько же косматость пещерника, сколько и сияние его мастерства. Грохочет и трубит слава».

У Филонова была своя жизненная пещера в виде одной комнаты с двумя окнами, где он работал, жил и умер. У него была многочисленная школа с учениками. Но когда он вышел из пещеры со своим искусством и создал свой раздел на выставке «Художники РСФСР за XV лет», мир гулко и кряжисто ахнул, но труба славы не загрохотала и сияние не было. Встала неодолимой силой стена глухого официального негодования, неодобрения и осуждения. Она поднялась так высоко, что на долгие годы, на целое тридцатилетие, закрыла напрочь всякое упоминание имени Филонова, его школы, его метода аналитического искусства.

Официальные власти отвергли Филонова и его учеников от советского искусства. И это было трагично. Но еще более трагично и печально, что его вместе со школой отвергли и многие художники, тем самым способствуя недостойным действиям властей. Дать возможность работать собрату так, как он хочет, не мешать ему, даже если он провозглашает отличные от многих принципы и художественные приемы, не травить его, особенно с помощью властей, — особый урок, когда мы раздумываем о судьбе художника Филонова.

Сейчас, возможно, в это трудно поверить, но даже в начале 80-х годов, не говоря уже о долгом периоде 30—70-х годов, не только картины, но и имя художника Павла Николаевича Филонова было у нас в России под официальным запретом. Публиковать репродукции его работ в печати, в книгах и альбомах было негласно запрещено, так же, как и рассказывать о нем самом и его творчестве. Кстати, многие из тех, кто этот запрет с усердием осуществлял, благополучно здравствуют и поныне.

Писать о Павле Николаевиче Филонове очень трудно. Его внешний облик сохранили малочисленные фотографии. Его жизнь и судьба поистине драматичны. Его живопись почти не поддается литературному описанию. Ее надо видеть, чтобы соста-

вить представление, причем, конечно, не по репродукциям, а в музеях и на выставках. Редкие сохранившиеся фотографии представляют Филонова высоким, худощавым, со строгим, сосредоточенным выражением лица. В нем не было ничего от богемного представления о художниках-футуристах, с которыми он начал свой путь в «Союзе молодежи». Есть фотография 1913 года, где сняты участники постановок оперы «Победа над солнцем» и трагедии «Владимир Маяковский»: М. Матюшин, А. Крученых, И. Школьник, К. Малевич и П. Филонов. Если прибавить к ним поэтов-футуристов, и в первую очередь В. Хлебникова, В. Маяковского, В. Каменского, то будет ясно очерчен круг единомышленников П. Филонова в годы его формирования и становления.

Есть фотография П. Филонова во время гражданской войны. Он сидит за столом, исхудавший, коротко стриженный, в солдатской шинели. Тогда он был председателем исполнительного военно-революционного комитета Придунайского края. Несколько фотографий с женой Е. Серебряковой, политкаторжанкой. Если к этому прибавить десяток-два фотографий еще, то и составит его скудный фотоальбом, который можно закончить фотографией его могилы, снятой уже в 70-е годы, где видна надпись: художник Филонов, 1883—1941.

Родился П. Филонов в Москве, в семье кучера и прачки. Семья переехала в Петербург в 1897 году. Он учился в малярно-живописных мастерских, в частной мастерской академика Л. Е. Дмитриева-Кавказского, был вольнослушателем Высшего художественного училища при Академии художеств. Систему академического образования отверг, ушел из училища и начал самостоятельный творческий путь. Выставлялся в Союзе молодежи. Служил в 1916—1918 гг. в действующей армии на Румынском фронте. Вернулся в Петроград. Работал над проектом реорганизации живописного и скульптурного отделений Академии художеств. В 1930—1931 гг. в залах Русского музея была развернута его персональная выставка, которая так и не была открыта. Он умер в декабре 1941 года, в начале блокады Ленинграда.

Сейчас о Филонове многое известно, о нем писали и пишут русские и зарубежные писатели и искусствоведы, вышли отдельные монографии и книги, прошли выставки. Но и сейчас он представляется достаточно камерно, как это было на давних небольших выставках в Новосибирском академгородке и в Доме культуры Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, когда о нем после долгих лет опять заговорили вслух и Андрей Вознесенский написал в конце 60-х годов известное стихотворение «Художник Филонов».

В 1966 году, в Праге, вышла книга Яна Крыжа «Павел Николаевич Филонов». Дошла эта книга и до России, ее продавали в магазине «Дружба» в Москве. Искусствовед Г. Игитян, который впоследствии встречался с Я. Крыжем в Праге, писал в одной из статей в «Известиях», что Я. Крыж не видел в оригинале ни одной работы художника: ему удалось раздобыть слайды. Удивительная история, как нельзя лучше характеризующая отношение к Филонову в то время: хотя и был запрет показывать его картины

публике и даже специалистам, однако желание познакомиться с его искусством и рассказать о нем читателям было так сильно, что, даже используя только слайды, в Праге выпустили в свет монографию о нем.

Одна из лучших книг-альбомов о Филонове на русском языке была издана в 1990 году в Москве. Ее авторы, американские искусствоведы Николетта Мислер и Джон Э. Боулт, который окончил искусствоведческое отделение МГУ, взяли за основу для русского издания свою работу о Филонове, вышедшую в США в 1984 году. Это большой труд, включающий публикацию архивных теоретических работ Филонова, а также собственные исследования его жизни и творчества. Авторы рассматривают искусство Филонова классическим методом, который состоит в поиске источников творчества художника в предшествующем и современном ему искусстве, воспроизведении биографической канвы его жизни, последовательной хронологии, где Джон Э. Боулт осветил революционный период, а Николетта Мислер — послереволюционный, и где в итоге творческая манера Филонова была определена как, по большей части, «смещение абстракции и фигуративности» (Николетта Мислер).

Постепенно, к середине 80-х годов, все запреты на Филонова отпали, о нем заговорили в газетах и журналах, а Государственный Русский музей, где хранится основной состав его художественного наследия, открыл в 1988 году его персональную выставку. Так утвердилось общественное признание Павла Николаевича Филонова в России.

Но общественное признание и даже почитание еще не означают понимания и проникновения в существо искусства художника. Филонов оказался неуместен при жизни. Его бессребреничество, его фанатизм, его убежденность в правде своего искусства были не поняты и не приняты. Только сейчас, признав его имя, как гонимого и отвергнутого во времена расцвета социалистического реализма, его приняли и стали воспринимать как уже известное и несколько странное явление.

Для автора этих строк он стал как бы вновь открытым на выставке «Москва — Берлин» в марте 1996 года. Среди двух тысяч экспонатов выставки, среди многочисленных картин о войне, написанных русскими и немецкими художниками, вдруг поразила и выделилась картина Филонова «Германская война» (1915), совершенно по-особому и неповторимо выглядящая среди массы фигуративных картин. По своей неожиданности это впечатление было сродни впечатлению от картины Филонова «Пир Королей» (1913) на выставке «Москва — Париж», когда хранители высшей власти над людьми и всем миром предстали, изображенные художником, как гнилые, смрадные трупы.

Филонов был удивительно чутким художником к важнейшим общественно-политическим событиям. Но эта чуткость не имеет ничего общего с художественной конъюнктурой, так распространившейся в советское время. Его творческий отклик на волновавшие его душу и разум такие общечеловеческие события, как война и революция, был глубоким, вдохновенным и ни на кого не похожим. Выработанная им система художественных приемов, с

его точки зрения, отражала адекватно современные ему события, то есть соответствовала уровню мировоззрения его современников, уровню научного и художественного мышления XX века.

В отличие от предшественников Филонов поставил перед собой задачу написать не героев, не эпизод, не сражение, а на одном холсте дать картину всей войны, как он ее понимал. Это значит, что множество мыслей и горьких переживаний, которые ежедневно тревожат личность, от сводок с фронтов, сообщений об убитых и раненых, рассказы о битвах, схватках, уничтожении людьми друг друга, о слезах и стонах на фронте, в тылу, в госпиталях и семьях, планы высших генералов о наступлениях и контрнаступлениях, о самой философии войны и мира — все это и многое другое, порой мимолетное и трудноуловимое, хотел пере-

дать Филонов на своей картине. Для выполнения такой задачи художник считал вполне приемлемой ту систему художественных приемов и образов, которую он выработал к этому времени. Уже создан большой холст «Пир Королей».

Общий колорит обеих картин имеет некоторое сходство: темная цветовая гамма, разряженная яркими синими, красными и желтыми красками. «Пир Королей» наполнен реальными, видимыми зрителю, фигурами. В «Германской войне» уже цельных реальных образов нет. Есть только, порой с трудом различимые, части человеческих фигур, выступающие как намеки на очертания лица, рук, ног, но никак не связанные с реальными образами. «Пир Королей» полон символов и метафор. В «Германской войне» уже вся картина в целом является символом и метафорой, и надо весь холст воспринимать и расшифровывать как единую метафору.

«Пир Королей» жутковат всем своим колористическим и композиционным строем, обрисовкой фигур — полутрупов, полускелетов, чудовищ, высасывающих плоть и кровь из всего живого и чувственного в мире. «Германская война» лишена такого подтекста, и можно только ощущать расколотый и раздробленный на мелкие частицы реальный мир образов и природы. В «Пире Королей» зрители видят композицию картины и различают конкретные образы и предметы. На картине «Германская война» нет цельных, четко очерченных реальных образов — только ассоциативное мышление может прийти на помощь зрителю для понимания ее сути.

156 Филонов свои картины писал маленькими кисточками и начинал работу там, где подсказывали ему его интуиция и душевный настрой, и тщательно и скрупулезно выписывал каждый миллиметр поверхности. Картина создавалась, как растет и создается мир природы, в вечном движении от рождения до исхода и замены одной формы вновь рожденной другой формой материи.

Если сравнить картину «Германская война» с огромным количеством самых различных картин на военную тему, то будет очень трудно представить себе, почему Филонов именно так назвал свою картину. Ничего конкретного, даже отдаленно напоминающего тему войны, в ней нет. Скорее мы почувствуем космические колебания материи во Вселенной с мифологическими проблесками очертаний человеческих лиц или частей фигур, почти так же, как изображал в небесных сферах еле различимые личики херувимов на некоторых своих больших алтарных картинах Рафаэль.

Так, как Филонов написал «Германскую войну», он напишет все свои наиболее крупные и знаменитые работы: «Ввод в мировой расцвет», «Формулу петроградского пролетариата», «Формулу комсомольца», «Формулу весны». На протяжении своей творческой жизни он не будет колебаться в выборе художественного метода. Филонов окончательно сложился как художник в 1914—1915 годах, и вся его дальнейшая судьба будет самовыражением найденных им приемов на его холстах и рисунках и передачей этих открытий своим ученикам.

Время от времени, по просьбе своей сестры или под влиянием

каких-либо иных обстоятельств, он будет писать реалистические портреты, демонстрируя свою академическую выучку и умение. Но это будет не демонстрация профессионального умения, а желание доставить радость своим родным и близким, своим друзьям: «Портрет Е. Н. Глебовой, урожденной Филоновой», «Портрет Армана Францевича Азибера с сыном», «Семейный портрет», «Портрет М. Н. Филоновой, сестры художника», «Портрет Е. Н. Серебряковой».

Эти работы, написанные в разные годы, только укрепляют наше мнение о мастерстве Филонова, если понимать под этим выражением академическую выучку. Но не эти работы определяют художественную индивидуальность мастера, его неповторимый творческий облик. Его создания: «Пир Королей», «Коровницы», «Трое за столом», «Крестьянская семья (Святое семейство)», «Цветы мирового расцвета», «Формула космоса», — вот, что составляет сущность его творческой жизни, его вклад в русское и мировое искусство.

Свой творческий метод Филонов назвал аналитическим, а себя — мастером аналитического искусства. Уже в 1914—1915 годах он сформировал свои взгляды, написал теоретические и литературные работы, определил свое отношение к кубизму и футуризму, критикуя оба течения. На его картинах и рисунках жизнь проступает, как прорастают цветы, деревья, различные растения в природе, поражая яркостью красок и необычностью форм.

Филонов считал себя исследователем, организатором, аналитиком. В своих программных статьях «Канон и закон» (1912), «Сделанные картины» (1914) он прямо, резко и недвусмысленно заявлял, что его искусство не имеет ничего общего с прошлыми традициями, взглядами, установками так же, как и с современным ему изобразительным искусством. Он — революционер, создавший теорию и практику аналитического искусства, выбравший свой творческий путь в десятые годы двадцатого столетия и твердо следовавший по нему до конца своей жизни. В статье «Канон и закон» он писал: «Мне дают понять, что кубофутуризм и Пикассо не могли так или иначе не повлиять на меня в моей теории. Я знаю очень хорошо, что делает Пикассо, хотя картин его не видел, но должен сказать, что лично он влиял на нас не больше, чем я на него, а он меня не видел даже во сне... Из нашего учения что могли бы мы взять у кубофутуризма, пришедшего в тупик от своих механических и геометрических оснований? Вот сущность кубофутуризма: чисто геометрическое изображение объема и движения вещей во времени, а следовательно, и в пространстве, механических признаков движения предметов, т. е. механических признаков жизни, а не органически создающей движение жизни, пронизывающей, видоизменяющей и сказывающейся такой в любой момент покоя или движения».

Путь восприятия творчества Филонова предложен им самим и заключается этот путь в том, что зритель должен почувствовать картину или графический лист как часть материального мира самой природы, но сделанного художником с помощью рисунка и цвета. Филонов считал, что белое поле холста или бумаги — это

невидимая часть природы. Художник-мастер аналитического искусства, исследователь и изобретатель, каким считал себя Филонов, должен на этом чистом поле взрастить, прорисовать, прорасти видимую и невидимую духовную сущность окружающего нас мира линией, цветом и формой. При этом не только видимая, но и незримая сущность мира, вплоть до биологических, химических и других процессов, ежесекундно совершающаяся в природе, а также самые отвлеченные и постигаемые только мысленно процессы, например, космические движения светил или ток крови в наших сосудах, — в общем, все видимое и невидимое должно владеть чувствами художника и передаваться его руке, работающей на холсте или бумаге.

Изображение создается художником от частного к общему, хотя общий замысел может интуитивно ощущаться им в процессе работы. Но главное — можно начать изображение в любом месте поля холста или бумаги и доводить его до совершенства выражения интуитивной и аналитической мысли и чувств художника. При этом к уже написанному квадратному сантиметру изображения можно возвращаться бесчисленное количество раз, чтобы выразить самую сущность того или иного явления. Поэтому целый ряд работ Филонова носят название «формул» — «Формула мирового расцвета», «Формула империализма», «Формула петроградского пролетариата», «Формула весны». Здесь конкретное, по представлению художника, превращается во всеобщее и имеет абсолютное значение. Например, Филонов создает «Формулу весны» — как квинтэссенцию переживаний, чувств, зрительных восприятий весеннего времени года. И, глядя на его картину, вы не увидите конкретного мотива весеннего утра или дня, а увидите живописную композицию сродни музыкальной, где цвета, их ритмы, гармония согласования между собой, линейные переплетения или переходы одной краски в другую должны создать в душе зрителя состояние весны, а сама картина должна предстать перед вами как поросль мирового духа, охваченного ощущением весны. Если вы почувствуете это, то можно считать, что художник Филонов вами понят и принят.

У Филонова в отличие от многих его современников не было деления на дореволюционный и послереволюционный период творчества. Он целен в своем искусстве. В 1916 году Филонова призвали в действующую армию. В 1918 году он вернулся в Петроград. Прошли уже две революции, февральская и Октябрьская, и художник полон сил и творческих желаний: ввод в «мировой расцвет» может и должен осуществиться. Его дело, долг и призвание — реализовать собственные идеи в живописи и графике.

Кажется, сейчас его время. Он вышел из самых низов общества, революция — его стихия. Планетарные, космические, социальные идеи, которые должны сделать человека всевидящим и счастливым, — ему особенно близки. Он стремится отразить в своих картинах не частное, а всеобщее — идеи «мирового расцвета», близкие всемирному единству, равенству и братству.

Вместе с Малевичем, Татлиным, Матюшиным он работает в Институте художественной культуры. Он открыл свою мастер-

Цветы. 1912—13 гг.

скую всем, кто хочет у него и вместе с ним учиться аналитическому искусству. В 1925 году он создает и возглавляет Коллектив Мастеров аналитического искусства. В период наибольшей активности Филонова и благоприятных обстоятельств, когда он еще не превратился в «столп формализма», отца «филоновщины» и в «помешанного врага рабочего класса» (критик Н. Богораз в статье «На фронте искусств. Классовая сущность филоновщины», 1931), у него училось до 40 учеников.

Уже в конце своей жизни, в 1940 году, он писал начинающему художнику Басканчину об аналитическом искусстве: «Работать надо так: веди в работу весь свой ум, все свое умение верно соображать и точно рассчитывать... Работай только маленькой кистью с острым концом. Не мажь, не пиши непродуманно — широко. Все время рисуй кистью, вырабатывая цветом форму, будто ты работаешь остро очиненным карандашом и боишься его затупить и сломать, и вырабатывай цвет в цвет, форму в форму на каждом прикосновении кисти; умея работать таким способом, поймешь, что значит писать наверняка. Тогда из-под твоей кисти на холсте останется не дурацкий лживый мазок, как вас, учеников, приучили работать ваши невежды преподаватели, а кусок того материала, той материи, из чего состоит все в природе... Поэтому работай так: начинай и веди работу от частного к общему, от частного до последней степени хорошо сделанного и развитого к общему, до последней степени хорошо сделанному и развитому».

160 Так же, как он советовал ученику, он работал сам, поэтому он считал и всегда так и держался со своими учениками, что, работая вместе, но каждый над своим листом бумаги или холстом, все они представляют из себя содружество мастеров. У них нет подготовительных штудий, этюдов, набросков, рисунков с гипсовых муляжей. Сразу — за дело. Главное — усвоить аналитический метод, понять, что есть «глаз видящий» и «глаз знающий», то есть различающий и воспроизводящий линиями и красками всю совокупность знаний о внешнем и внутреннем облике и строении того, что изображаешь.

Живопись самого Филонова ни абстрактна, ни фигуративна. В ней есть и то, и другое. Но такое соединение происходит не потому, что художник задается той или иной манерой. Его холсты строятся и растут как органический мир природы, и художник подчас сталкивается с неожиданным для него самого результатом своего труда на холсте или на бумаге. Так, Пушкин, создавая «Евгения Онегина», не знал, что в конце концов Татьяна решительно отвергнет любовь Онегина. Так же и мастер аналитического искусства, создавая свою работу, строя ее из мельчайших атомов — мазков кисти или движений остро отточенного карандаша — и руководствуясь своей интуицией, в конце концов приходит к результату, который порожден самим творческим процессом работы художника. Сам Филонов считал, что над своими картинами он работает всю жизнь и к каждой из них он может вновь вернуться и что-то доделать, дописать и дорисовать. Кстати, поэтому он и не хотел расставаться с ними, продавать их или дарить.

Запад и Восток. Фрагмент.

Мужчина и женщина. Фрагмент ▼

▲ Масленица. 1913—1914.

Крестьянская семья (Святое семейство). 1914.

Портрет Е. Н. Глебовой. 1915.

В зрелые годы Филонов, высокий, худой, почти лысый, бедно и неказисто одетый, производил впечатление на окружающих своей убежденностью, почти фанатизмом, в правильности избранного им пути в искусстве. Стойко следуя своим принципам, под усиливавшимся давлением жестокой критики в своей адрес, неприятия его искусства официальными властями и официальными художниками, он все более походил на пророка новых, неведомых еще областей творчества.

В своей автобиографии, написанной в апреле 1929 года, он, именуя себя в третьем лице, писал: «С 23 г., будучи совершенно отрезанным от возможности преподавать и выступать в печати, под планомерно проводимую на него кампанию клеветы в печати и устно, Филонов ведет исследовательскую работу в развитие ранее данных им положений... редактируя ранее написанное для печати; «делает» картины и рисунки, ведет подпольную революционную работу в области изо, «делает» революцию в искусстве и во всех его взаимоотношениях... Заказов Филонов не берет, за педагогику платы не берет. От двух предложений издать его монографию отказался... На выставках участвовал с 1910 года двенадцать раз, включая Берлинскую. С 23 г. не выставляется. От участия на выставках Парижа, Америки, Дрездена, Венеции отказался. Текущим летом Русский музей устраивает выставку его работ. Он имеет более 300 «сделанных» картин и рисунков, являющихся решающим фактором в советском, в пролетарском и в мировом масштабе. Картин он не продает — он решил их подарить Советскому государству, сделать их выставку в городах Союза и в Европейских центрах и сделать из них отдельный музей аналитического искусства».

В этом отрывке автобиографии Филонова мы читаем о его трудном положении, и о его надеждах, и о его непреклонной воле — все свое художественное наследие оставить Советскому государству для показа его работ и создания постоянного музея. При его жизни все это оказалось неосуществимым.

Вокруг собранной в Русском музее в начале 30-х годов его персональной выставки разбушевался скандал. В это время формировались принципы искусства социалистического реализма, и работы Филонова с их недоступной поверхностному глазу символикой, труднообъяснимыми для зрителей художественными приемами, стали не образцом для подражания, а готовой мишенью для беспощадной критики. Среди критического дружного хора чуть слышно звучали голоса поддержки, но даже одобрительный отзыв официально признанного в то время И. Бродского, с которым Филонов короткий период вместе учился, ничего изменить в его судьбе не мог. А Бродский тем не менее написал в редакцию «Красной газеты»: «Я считаю — и это не одно только мое мнение, что Филонов как мастер-живописец является величайшим не только у нас, но и в Европе и в Америке. Его производственно-творческие приемы — по краскам, по подходу к работе и по глубине мысли — несомненно наложат отпечаток на мировую живопись и наша страна может им вполне и заслуженно гордиться». В 1930 году Бродский еще мог написать такой отзыв.

Филонову ничто не помогло. Выставка так и не была открыта.

А дальнейшее развитие официального искусства на принципах социалистического реализма сделало его творчество примером того, как не надо писать картины. Филонов не изменил себе, но каких это стоило ему сил и лишений. Именно тогда его, порой с насмешкой и издевкой, стали называть «пророком», «апостолом». В середине 30-х годов стало даже опасно числиться его учеником или поддерживать с ним контакты. Близких ему людей вызывали в карательные органы. Судьба некоторых его учеников после этого развивалась трагически. Особенно остро пережил Филонов трагическую кончину своего талантливейшего ученика В. Купцова, чьи работы сейчас имеются в экспозициях Русского музея и Третьяковской галереи.

Сам Филонов, иногда выполняя случайные заказы ради «хлеба насущного», работал, ни на что не отвлекаясь, до конца своих дней. Сумрачный характер его работ, чудовищные образы людей и зверей, жуткие, мрачные очертания улиц и площадей фантастических городов в его живописи и в его графике можно объяснить суровым и беспощадным отношением к нему, как к художнику. Он был в мышеловке. Если бы он схватил приманку официальных заказов, то был бы немедленно убит, как самобытный и неповторимый мастер. Не прикасаясь к ней, он мог с трудом жить и работать, но выйти из созданной вокруг него железной клетки недоверия и критики он не имел никакой возможности. Так и прожил он последнюю часть своей жизни, ежедневно упорно работая, делясь принципами своего искусства со всеми, кто не боялся их принять, ограничивая и отказывая себе ради этого во всем самом необходимом.

Признание к нему пришло через десятки лет после его смерти. Он разделил драматическую судьбу некоторых великих художников, например, Ван-Гога и Модильяни с той лишь разницей, что признание к нему шло значительно дольше, чем к ним. Даже появление восьми рисунков Филонова в начале 90-х годов в парижском музее современного искусства «Центр Жоржа Помпиду» было связано со скандалом, так как было обнаружено, что их выкрали из Русского музея и заменили там искусно сделанными копиями, чтобы не была замечена пропаша.

На пороге XXI века Павел Николаевич Филонов предстает знаменитым русским художником, проложившим свой неповторимый путь в искусстве для будущих художников и многочисленных зрителей и почитателей его таланта.

Читатель- смена- читатель

Пишет вам прапорщик Российской Армии, так же, как и героиня очерка «Шанель и шинель», «Смена» № 1—1996 г., «не от хорошей жизни» подавшаяся на армейскую службу.

Уже не первый раз читаю в центральных изданиях о жизни женщин-военнослужащих в Кантемировской дивизии. И удивляюсь: все-то им, оказывается, выплачивается, что положено; во все военное обмундирование они одеты, «включая даже нижнее белье»; какие-то страховки им армейское командование выплачивает за сломанные ноги... И офицеры-то входят в их непростое положение и берегут, создавая им щадящий режим службы!

Да вы, дорогие журналисты, оторвитесь хоть один раз от Златоглавой, поезжайте в какой-нибудь военный гарнизон подальше от Москвы!..

Меня, как и героиню «Шанели и шинели», зовут Татьяна. Но место моей воинской службы не Подмосковье, а Урал. (Надеюсь, наслышаны про экологию нашего «Демидовского» края — «на болоте» живем.) Давайте-ка вместе посчитаем «все минусы женской службы в армии», которых вы с Татьяной из Кантемировки

что-то маловато обнаружили.

Во-первых, никакой стабильности для нас, «солдат женского рода», в армии нет. Постоянно слышим: «Женщин в армии будут сокращать, оставят лишь три процента». Во-вторых, «задержки с выплатами», на которые сетуют мои подмосковные коллеги. Для нас это слишком мягко сказано: в пору на паперть выходить из-за этих задержек. В-третьих, о страховании жизни и здоровья военнослужащих я вообще впервые в вашем очерке прочитала. «Пайковые» деньги нам еще и за прошлый год не выплачены. Не полученные нами санаторно-курортные за 1994 год мы, как у нас здесь говорят, армейскому начальству уже «простили». В этом, 1996 году, видимо, «простим» и за прошлый. В-четвертых, положенный военнослужащим бесплатный проезд на общественном транспорте — это наша постоянная битва за свои права. Ну и наконец, военное обмундирование. Нижнее белье никто из нас в глаза не видел, обувь по десять лет не получаем. Но при этом командование требует, чтобы одеты мы были по Уставу, — вот и покупаем все на собственные деньги. Камуфляж-

ную же форму у нас носят только отцы-командиры.

Тяжелым получается и сравнение «щадящего, бережного отношения к женщинам в полигонах» в Кантемировской дивизии с нашим положением. У нас режим службы такой: дежурство по трое-четверо суток, потом два дня дома. И каждый раз — в поле, на «КамАЗах» по сорок минут тряски. А подъемы по тревоге, когда за окном минус двадцать... А стояния на плацу, когда штабное начальство только приезжает на работу...

«Мужской взгляд на женские погонны» у наших мужчин-офицеров один: «Почему мы — должны, а вы — нет? Получаете, как мы, значит, и служить должны на равных с нами!» Попытаешься напомнить, что на женщинах еще и дом, и дети, а в ответ: «Пишите рапорт на увольнение, если не можете служить». А тут еще начальники отыскивали в документах о положении женщин-военнослужащих «букву закона», разъясняющую, что женщины в армии — рядовые, а вот женщин-прапорщиков, оказывается, в нашей армии нет. И весьма удобна та «буква» для командиров: когда надо — напомнят тебе, что ты всего лишь женщина, а когда им требуется — грозно подчеркнут, что ты — прапорщик без права на принадлежность к женскому полу.

Жаловаться женщины боятся: уволят в двадцать четыре часа, куда потом денешься? Нам в открытую говорят: «Пожалуйста — уволим; соберем комиссию, докажем, что вы профнепригодны, не справляетесь со служебными обязанностями».

Придаться-то и к фонарному столбу при желании можно, это прописная истина...

В общем, наболело... О многом можно было бы и еще написать, но что толку, — не мы одни за Уральским хребтом в таком положении, вся Российская армия. Но ведь это — АРМИЯ! Зачем России ТАКАЯ армия? — вот в чем трагический вопрос.

Т. К.

От редакции. Мы не указываем полного имени автора письма, чтобы не причинить ей весьма возможных, увы, неприятностей.

Прочитала статью Яна Мишкулуса в пятом номере «Смены» за этот год и решила написать. Я благодарна вам за то, что печатаете советы психологов, сексологов, врачей «о самом интимном». Так это не похоже на времена моей юности, когда «секса в СССР не было», любовь могла быть только «возвышенной», а человеку, у которого возникали какие-то интимные проблемы, ниоткуда нельзя было получить совета.

Я знаю одну пару, которая благодаря помощи московского сексолога, о котором они узнали из публикации, смогла наладить свои «постельные» отношения, а во многом благодаря этому и семейную жизнь. Теперь живут душа в душу, растят сына, а были на грани развода.

Конечно, писать о сексе надо, и советы давать надо, но все-таки мне кажется, что редакции излишне увлекаются этой темой (сейчас еще поутихло, а раньше, когда «клубничку» толь-

ко разрешили, какое издание ни откроешь, там, извините, голая...). Журналисты как будто хотели перецеголять друг друга и написать позабористей (слава Богу, к «Смене» это не относится). Прямо искали, какой еще «порнухой» удивить читателей.

На заре перестройки все написали о проститутках. Потом — о «голубых». Потом — о проститутках-«голубых». Потом — о том, как мать живет с сыном, отец — с дочерью, брат — с сестрой; о нудистах, групповом сексе, мастурбации, зоофилии, сексуальных стимуляторах, съемках «русского порно» и так далее, и так далее... По-моему, хватит! Надо же иметь чувство меры! Стыд, наконец!

Когда сексуальная тема все время присутствует как фон на страницах газет и журналов, в телевизоре и видео, возникает ощущение, что все это: проституция, порнография, нудизм, групповой секс — не стыдно, вседозволено и, может быть, очень даже хорошо. И когда нет твердых моральных принципов — взяться им у безбожников было неоткуда, — а газеты, журналы, ТВ и видео искушают: попробуй, ведь разврат так забавен, так интересен, не прозевай моменты удачи, — тогда жизнь и отношения между мужчиной и женщиной перестают быть возвышенными, таинственными, светлыми. Они превращаются в механическое дерганье, в набор трюков, главная цель которых не понимание и нежность, а удовольствие. Любой ценой, как угодно, с кем попало!

Вот и психолог Я. Мишкулис советует «пробовать любовь на

вкус», собираться компаниями, есть сельдерей, чеснок и креветки, чтобы потом у парочек была «незабываемая ночь». Предлагает пользоваться продукцией секс-шопов и принимать «шпанскую мушку», чтобы, как он пишет, «от желания бегать по толпу».

Я согласна с врачами и сексологами — чувственная радость должна присутствовать в жизни, и тот, кто ее лишен, — несчастный человек. Такому, безусловно, надо помогать, и журнальными советами тоже. Но превращать жизнь в погоню за сексуальными удовольствиями не годится... И советовать людям, как изощренней действовать, не следует. Не по-христиански это.

В. Г.,
Липецкая область

ИГОРЬ ГАМАЮНОВ

СХВАТКА НАД БЕЗВНОЙ

Я знал: он сам, крупный милицейский чин, и все его сотрудники живут и работают в зоне постоянного риска. Бандитская пуля стережет каждый их шаг.

Но погиб Владимир Еремкин, руководитель Поволжского регионального управления по борьбе с организованной преступностью (РУОП), от собственной пули.

Незадолго до этой трагедии я был в Саратове, встречался с Владимиром Ивановичем, разговаривал с его сотрудниками.

В городе, поделенном бандитами на четко очерченные сферы влияния и тем не менее раздираемом постоянными бандитскими разборками, вдруг проявил себя Саратовский РУОП как влиятельнейшая сила, готовая навести порядок.

Но, видимо, это не понравилось не только одним бандитам. Вот что мне пришлось узнать после нескольких поездок в Саратов и хождений в Москве по кабинетам руководителей МВД.

«ПЛАСТИЛИНОВАЯ» МЕСТЬ

Эта банда не просто держала под контролем один из промышленных районов Саратова. Она терроризировала всех своими разборками. Не по ночам — днем. Вдруг появлялись люди в камуфляжной форме. Хватали бритоголовых парней у киосков и, зашелкнув наручники, утаскивали в машины. Иногда — без выстрелов. Но чаще — с треском автоматных оче-

редей, с криками: «Не двигаться!» Голоса резкие, лица в шерстяных масках с прорезьями для глаз. «Спецподразделение милиции, — предполагали те, кто оказывался неподалеку. — Но почему берут не всех, а выборочно?»

И в самом деле: известные здесь «сборщики дани» по-прежнему обходили коммерческие киоски и торговые ряды небольшого базара. В руках — график: когда, кто и сколько должен «отстегнуть».

А те, кого увозили, исчезали бесследно. Время от времени Волга выбрасывала обезображенные трупы с проржавевшими наручниками на заломленных руках.

Особенность же этой банды была в том, что все в нее входившие были молоды и выросли здесь, в микрорайоне. Училища в одной школе. А два ее лидера когда-то сидели за одной партой. Их здесь хорошо знали. Они безжалостно расправлялись с непокорными: «Плати, или от киоска завтра останется кучка пепла. А тебя не найдут». Любый предприниматель, начинавший свое дело, приходил к ним. Они давали «добро», потому что были хозяевами. Попытки возбудить против них уголовное преследование гасли сразу же, стоило с ними столкнуться. Было ясно — никто из обираемых не пойдет свидетельствовать против них, так как все знали: дашь показания — не проживешь и суток.

Милиция, уже собравшая сведения о структуре банды, распределении ролей, «подвигах», практически ничего не могла сделать. Каждый из бандитов на какой-то работе кем-то числился, у каждого в этом районе были своя квартира с железной дверью, «мерседес» или «вольво» в гараже. Они ездили по ресторанам, казино, а в сауне, отдыхая, «решали вопросы».

Однажды между двумя друзьями-лидерами возник спор: кому быть первым? Решение его затянулось. Вокруг того и другого уже были «свои» люди. И вот как-то появились никому не известные типы в камуфляжной форме, забравшие из окружения одного лидера двух его приближенных. Затем подобное повторилось, только уже с единомышленниками другого.

Не могла понять и милиция: что происходит? Откуда эти странные мстители? Потом, позже, когда

вместе с муниципальной милицией этой историей занялся Саратовский РУОП, стало известно: оба небедных лидера нанимали за немалые деньги таких же бандитов, но из другого городского района, кого ни по голосу, ни по походке нельзя узнать (местных, как ни камуфлируйся, неизбежно вычислили бы). У этих, ряженных, были распределены функции: одни умыкали людей, другие их пытали, выведывая планы и намерения враждебного лидера, докладывая потом нанимателю, третьи отправляли похищенных в мир иной.

Возможно, они таким образом самоистребились бы. (Есть такая циничная точка зрения — не трогать их, они сами в разборках прикончат друг друга. Только, раз начавшись, никак этот процесс — по всей России! — не закончится, рекрутируя на место погибших новых — молодых, необстрелянных...) Здесь-то и вмешались саратовские руоповцы, решившие положить конец этому, наводящему ужас на жителей района, соперничеству. Нанятые мстители, почувствовав, что их «пасут», стали отказываться от высокооплачиваемых просьб. И тогда один из соперников подослал к своему бывшему однокласснику ловкого человека, который подложил в печку, обогревающую автомобиль врага, гранату, облепленную пластилином.

Пластилин расплавился не сразу. Прошло два с половиной месяца, однажды на большой скорости автомобиль рвануло так, что весь он превратился в груды железа. А сидевший в нем человек — в истекающего кровью инвалида.

Стало ясно: теперь его фанаты-соратники, осатаневшие от затянувшейся разборки, начнут большую стрельбу. И автор «пластилиновой» мести, забрав жену и телохранителя, немедленно уехал в другой город.

В какой?

Ни его враги, ни милиция не могли это выяснить. Но терпеливые руповцы, знавшие, что его единомышленники непременно поедут к своему «вождю» за распоряжениями, продолжали наблюдать за их передвижениями. Момент настал: прошла информация — садятся в поезд. Оставалось несколько минут, но опергруппа успела — в хвостовой вагон, без билетов. Пришлось показать проводнику документы. А затем — из вагона в вагон по двое, заглядывая в купе, как бы по ошибке. Нашли тех, кого искали. Взяли под наблюдение. Высадились там же, где и соратники убежавшего. Пошли по следу, боясь лишь одного: спугнуть.

Они, говоря языком сыщиков, «установили» квартиру, где отсиживался беглый авторитет. Он не утруждал себя особой конспирацией — был уверен: в чужом городе «не достанут». Выходил с женой на прогулки, заходил в магазины. В тот раз опергруппа подстерегла его очередную прогулку. Было известно: телохранитель остался в квартире. Открывает на условный звонок — два коротких, один длинный.

Позвонили. Открыл. Схватка была короткой — через несколько минут, закованный в наручники, с заклеенным ртом, он лежал на полу в дальней комнате. Теперь ждали Самого. Ждали не только в квартире — на лестничных площадках, на случай, если что-то почует и кинется бежать.

Нет, не почуял. Поднимался по ступенькам с женой, с покулками в руках — это облегчило руповцам их задачу. Жена позвонила — два коротких, один длинный. Схватив ее за руку, дернули — в коридор, затем в ванную. И тут же несколько крепких рук вцепились в Самого.

Все произошло столь молниеносно, что он не успел оказать со-

противления — тут же наручники защелкнулись на его руках. Моргал, всматриваясь в лица: кто? Мстители?

Был потрясен, узнав, что он в руках милиции. Не мог даже предположить, что его найдут.

БАНДИТСКИЙ КАПРИЗ

Тогда, в ту свою саратовскую командировку, разговаривая с начальником Поволжского РУОПа Владимиром Ивановичем Еремкиным, я спросил: «Какая у вас главная трудность?» Он, подумав, уточнил: «Одна из главных: сделать так, чтобы в нас поверили». — «Но всем уже кажется, что бандиты вездесущи и всеильны». — «Надо показать людям, что это не так... Как в истории с пиратами».

...История эта весьма занятная: в один из воскресных дней от саратовской пристани в сторону островов отошел прогулочный теплоход. Он уже набрал скорость, когда в капитанскую рубку ворвались «стриженные», скомандовав: «Поворачивай на Астрахань». «Да вы что, ребята, — взмолился капитан, — топлива не хватит...» — «Не волнуйся, старый, — успокоили его, — по дороге заправимся».

Этих «стриженных» в Волжском районе Саратова знали в лицо не только продавцы коммерческих киосков и директора крупных предприятий, платившие им дань, но и рядовые, ничем не торговавшие граждане. Их вожак был тут же, при них, крепко навеселе, и ему «не ндравилось» ехать к островам. Он, как Стенька Разин, хотел в Астрахань.

И капитан повернул. Рядовые граждане, оказавшись заложниками бандитского каприза, обреченно сидели в салонах и на палубе, глядя, как теплоход разворачивается в другую сторону. Они знали:

протестовать бессмысленно. Вожак, вошедший в роль Стеньки, начнет швырять за борт всех. Но, поворачивая, капитан успел дать радиogramму, и вскоре вслед за теплоходом ринулся быстроходный катер.

Руоповцы брали судно, как в старину, на abordаж, зацепившись за борт крючьями. Бандиты поняли: так решительно могут действовать только парни из 6-го отдела (слово «руоповцы» тогда еще не было в ходу). И почли за лучшее сдаться. Теплоход пригнали к причалу, задержанных вывели на пирс, их было не больше десятка, включая вожака. Уложили в наручники на асфальт. Капитан теплохода шел вдоль ряда и показывал тех, кто врывался в рубку, кто угрожал пассажирам. А на другой день... ОТКАЗАЛСЯ ОТ СВОИХ ПОКАЗАНИЙ! Твердил, не поднимая глаз: «У меня — дети».

Он боялся. Как, впрочем, и пассажиры теплохода. Боялся, потому что знал: у банды длинные руки. «Мы вам дадим охрану», — предлагали ему в РУОПе. Нет, не соглашался. Напомнил: сколько раз против этого «Стеньки» пытались возбудить уголовное дело — не получалось. Свидетельские показания, данные по горячим следам, спустя сутки рассыпались в прах. Потому что свидетели получали «последнее бандитское предупреждение».

Так случилось и на этот раз. Бандитов вместе с вожаком выпустили — они ведь, оказывается, пошутили, спросив капитана, не сможет ли «прогулять» их в Астрахань, а он, такой нервный, взял да и повернул... За шутки разве сажают?..

— Мы подняли все дела, прекращенные по этому «Стеньке», изучили их, — рассказывал мне Владимир Иванович. — Одно нас особенно поразило.

Возбуждено оно было по факту

хулиганства: вожак «Стенька» был в тот вечер так же сильно навеселе, шел по улице в окружении своих «стриженных», от киоска к киоску, ловя подобострастные взгляды продавцов. Он чувствовал безраздельную власть над этой частью города, и ему захотелось это продемонстрировать, как-нибудь позффектнее. Как? В башке был туман от выпитого, и он не придумал ничего лучшего, как... справиться свою нужду на виду у всех. И, справляя ее, победно глядел по сторонам: неужели кто-то осмелится сделать ему замечание? Смелчаков не было. Он уже застегивал штаны, поскучнев, как вдруг услышал: «Пройдемте в отделение». Вот уж он обрадовался! Молодой милиционер, не разобравшийся еще в местной субординации, предлагал ему продолжить спектакль. Был составлен акт, сняты показания. «Стенька» ухмылялся, веселясь: пусть, мол, порезвится, не обстрелянный. Не знающий, что у любого уголовного дела, заведенного на вожака, здесь нет перспективы. Именно так и оказалось — дело прекратили «за недоказанностью».

— Тогда мы нашли постового, нашли людей, оказавшихся зрителями бандитского спектакля, убедили их, — продолжал вспоминать Владимир Иванович. — Или мы все опускаемся до уровня этого питекантропа, или идем в суд свидетелями, чтобы остаться людьми.

...Суд состоялся. «Стеньку» после приговора взяли под стражу в зале суда и отправили на несколько лет за колючую проволоку. В Волжском районе Саратова это событие произвело ошеломляющее впечатление. Оказывается, всеслие бандитов мнимо. Они ловко паразитируют на всеобщем страхе.

— Но свидетели же на самом деле подвергают себя опасности, идя в суд?!

— Мы взяли на себя их охрану.

Причем сделали это демонстративно! Был и такой случай...

Судили еще одного главаря, взятого руповцами, который на весь зал, заполненный народом, пообещал судье: «Ты, мразь, за меня заплатишься». Это было равносильно отданному распоряжению, потому что в зале сидели и его люди.

Судье и его семье тут же дали охрану. Его дети с охраной ходили в школу. Охрана сопровождала их по дороге в бассейн, на плавание, и обратно. Но руповцы знали: бандитский механизм мести уже заряжен и лишь ждет удобной минуты. Решили — опередить. По оперативным данным стало известно, кто именно должен осуществить расправу, где и когда. В подъезде дома, где жил судья, мстителей несколько вечеров стерегла засада, и однажды те появились. Их повязали в течение нескольких минут, обезоружили и отправили в следственный изолятор.

— Но способны ли вы всех свидетелей и судей брать под охрану?

— Да, трудно, но нужно, — ответил мне Владимир Иванович. — Особенно сейчас. Хотя закон о защите участников уголовного процесса, принятый Думой, все еще не действует: под его осуществление нужны бюджетные средства, с которыми у нас, как известно, большая напряженка. Но мы обязаны изыскивать на местах резервы. Потому что каждый судебный процесс, доведенный до победного конца, выпрямляет людей. Подымает с колен.

АВТОМАТ ДЛЯ ПРЕСТИЖА

Но почему так уверены в себе бандиты?.. Ведь и в их среде нет мира, никто из них не может поручиться за свой завтрашний день... Да, соглашались со мной в РУОПе, все так. Но то расслоение, которое

происходит в их среде, делит их на бандитов, условно говоря, временных и бандитов-профессионалов.

Временные — те, кто из рэкетиров превращаются в легальных охранных, регистрируют свою структуру и, накопив денег, вкладывают их в ту же коммерцию. Предпочитают меньше получать, но жить — дольше. Бандиты-«профи» развращены громадными суммами от перепродажи оружия и наркотиков. Легкость добычи, тяжесть автомата в руке, страх деморализованного населения и подкуп предателей в правоохранительных органах порождают у них иллюзию перспектив. Подпитывают ее полыхающие на окраинах бывшего Союза войны, анемия власти, отсутствие необходимых законов о борьбе с организованной преступностью.

Но в конце концов должна же подложенная в печку бомба, упакованная в пластилин, когда-то взорваться. Так может произойти и с терпением народа. Бандитский беспредел породит ответную агрессию. Да неужели Россия обречена на заколдованный круг: от рабского страха (то перед партикратией, то, как теперь, перед бандократией) — к бунту и хаосу, усмиряемому бронетехникой?

Есть, разумеется, и другой выход: разрушительную власть бандитов-«профи» должна остановить власть закона, осуществляемая профессионалами высокого класса. Создание в милиции РУОПа было попыткой поднять профессионализм защитников порядка. И их престиж. Три года назад, когда 6-й отдел милиции в Саратове лишь только был выведен из УВД в отдельную структуру двойного подчинения — Москве и местному руководству, город уже был поделен преступными группировками на зоны влияния. Лидеры всем были достаточно известны, их

боевики — тоже. К решительным действиям РУОП приступил, тщательно изучив ситуацию. И тут такие открылись бездны!..

В поселке Елшанка (пригород Саратова) предприятие «Трансгазурс» было ограблено ночью, достаточно традиционно, без затей: проникнув на территорию, бандиты под пистолетом связали сторожа. Затем взломали двери торгового помещения, загрузили стоявший рядом «КамАЗ» ценными вещами и выехали за ворота.

Установить, кто это сделал, удалось быстро — четверо молодых, ранее судимых, но взяли их не сразу: они не ночевали на одном месте больше одного раза, меняли автомобили. А товар тем временем ушел другой четверке «на реализацию». Когда трое гравивших были арестованы (предшествовала слежка, затем внезапное вторжение руоповцев и короткая, без потерь схватка), четвертый ушел. Петлял по городу, заматывая следы. Перепрятывал оружие, чувствуя: его настигают. Садясь в автомобиль рядом со своим водителем, он ввернул запалы в две гранаты «Ф-1» и положил рядом. Когда их догнали, бандит, рванув дверцу, кинулся в сторону, слыша за собой топот ног. Повернулся, кинул вначале одну, затем другую гранату. Тот руоповец, что бежал следом, уже отсчитывал секунды до взрыва, но не менял направления... Не мог!.. Граната чудом не взорвалась — бандит не до конца разогнул «усики» на запале.

После этого взяли и «реализаторов». Среди них тоже одного недосчитались. Стали искать. Выяснили: четвертый у них оказался чересчур жадным — утаил часть выручки от проданного. Ударом ножа товарищи-бандиты отправили его в мир иной, сожгли дом, а труп, чтоб скрыть следы навсегда, спрятали так: на кладбище, в при-

готовленной для похорон могиле, разрыли дно, закопали останки бывшего своего приятеля. А наутро там появилась траурная процессия, опустившая в ту же могилу гроб с умершей на днях старушкой. Казалось, никто никогда не узнает, что у этой могилы есть второе дно. Руоповцы узнали.

Но узнали они и другое. Арестовав еще 11 человек, выяснили — банда не гнушалась ничем. В горбольнице украли компьютер, со двора частного дома по улице Лагерной увели скотину и птицу, утопили в пруду владельца отобранной на дороге «Волги»... Это была банда «профи». Как и другая, взятая следом, только с иной специализацией: перепродажа оружия.

Автоматы шли на Центральном рынке по смешным ценам — 50 тысяч рублей за штуку. Продавали их парни двадцати с небольшим лет, успевшие побывать в колониях для подростков-преступников. Первыми покупателями были продавцы дрожжей. «А что делать? — оправдывались они потом перед руоповцами. — Нам угрожают, а покажешь автомат, отстают...» Вторыми — коммерсанты средней руки. Их оправдательная аргументация была примерно такой же, но случались варианты. «Нет, меня никто бы не тронул, — сказал один из них. — У меня охрана. Но я же знаю: у всех таких, как я, есть личные автоматы, а я, что, хуже?» То есть с автоматом — престижнее!

«Откуда дровишки? — допытывались у арестованных продавцов руоповцы. — Неужто сами на юг ездили?..» То, что автоматы с юга, говорили вырезанные на прикладах имена: Ахмет, Аскер. «Очень нужно куда-то ездить, — откровенничали продавцы, — одну дачу грабанули, а там оружие». Поехали на ту дачу. И — ахнули. Оружия лежало навалом: гора автоматов, пистолеты, боеприпасы, пулеметы...

Хозяина дачи взяли в городе. Он не долго упирался — назвал человека, делавшего удачный бизнес: тот отправлял в Армению сигареты саратовского производства, получая оплату оружием. Но дальше цепочка оказалась еще интереснее: рыночные продавцы автоматов были случайными распространителями оружия. А вот — не случайные: трое сотрудников муниципальной милиции и один... адвокат! Система перевозки и продажи была хорошо налажена и действовала так давно, что участники утратили бдительность: дачу, набитую оружием, никто не охранял.

НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

То, что «стриженные» запаниковали, руповцы почувствовали сразу: за автомобилями их руководителей стали увязываться «хвосты».

«Наружное наблюдение» уголовного мира действовало весьма профессионально. Преследовали издалека, меняли все — номера, машины и тех, кто сидел в них. Но лиц не спрячешь! А лица у них выразительные: самоуверенность и обиды читались на них. Разумеется, они понимали: профессионалы их так или иначе вычислят, но бандитам важно было не только изучить привычные маршруты руповцев — для последующих кровавых акций. Но и для профилактического устрашения.

Не рассчитали. Нервы у ребят из РУОПа оказались крепкими. Както, прибавив скорость и резко сменив маршрут, они вынудили преследователей, впавших в азарт, приблизиться и въехать вместе с ними в тупик. Хлопнули дверцы. Дать задний ход преследователи не успели — оказались «запертыми» другой машиной. Пришлось тоже выйти. Документы у них, как всегда, были в порядке, но рупов-

цы и не собирались их брать. Лишь посмотрели в глаза. «Да-да, — сказали, — мы понимаем, вы въехали сюда за нами случайно. Вы случайно за нами ездите несколько дней. Но однажды мы возьмем вас всех до последнего. И это не будет случайностью».

Преследователей отпустили. А вскоре в тюремной почте, в письмах, адресованных тем, кто представлял среди эзков крупные бандформирования, стали проскальзывать тревожные сообщения: «Жить на воле становится все труднее».

— И не было с их стороны попыток силового давления? — спросил я Еремкина.

— Открытых столкновений с нами они боятся, — сказал Владимир Иванович. — Знают: ответные меры будут беспощадными. Но это совсем не значит, что мы — в безопасности...

Да, совсем не значит. И проблема проблем таких работников милиции, живущих и работающих под прицелом мафии, — социальная их защищенность. «Ну, представьте, — говорил мне один из собеседников, — покालечили меня в операции — на какие деньги я буду существовать всю оставшуюся жизнь? На мизерную пенсию? На что будет жить моя семья, если меня убьют? Те единовременные пособия, что выдают в таких случаях, только поначалу кажутся большими... А вот в Америке или Канаде...»

Сравнение не в нашу пользу. Там, как известно, государство обеспечивает семью погибшего полицейского пожизненно. Там полицейский — личность неприкасаемая, и любое покушение на его жизнь карается электрическим стулом. Поэтому там нет проблем с кадровым составом — в затылок каждому полицейскому дышат еще двести человек, желающих занять его место.

У нас же, рассказывали мне, дельные работники из милиции бегут в службу охраны коммерческих структур из-за низкой оплаты и весьма низкого престижа. Потому и множится число предателей, которых набирают в милицию из-за кадровой нехватки в жуткой спешке, не проверяя людей как следует. Да и о каком престиже речь, если милицкий оперработник из-за нехватки бензина едет по срочному делу на трамвае... Да разве угонишься на трамвае за бандитским «мерседесом»?

Правда, из РУОПа не бегут. В это элитное подразделение милиции попасть нелегко — отбирают лучших из лучших. Работать здесь престижно. Но смертельная опасность нависает над каждым из них ежеминутно!.. И какой бы закаленной ни была нервная система, психологическая разгрузка и реабилитация им нужна соответствующая... Спрашиваю одного из своих собеседников, когда и куда ездил в отпуск.

Усмехается: «О чем речь?.. Третий год без отпуска, подумать о нем некогда...»

Но если бы руоповцам (и не только саратовским) приходилось противостоять только бандитам... Оказалось: они словно бы чужие среди своих... Муниципальная милиция относится к ним настороженно. Почему? Мне пришлось говорить об этой проблеме со многими. Вот что рассказывали мне в разных кабинетах разные руководители, кстати, просившие не называть их имена.

...Неприятнь, мягко скажем, к РУОПу возникла в милиции несколько лет назад, то есть сразу же, как только эти управления появились в системе МВД, образовав структуру вертикального подчинения. Затем начались конфликты. Протекали они скрыто. Но стоило РУОПу энергично проявить себя, в

Москву тут же шла информация: «Нарушают...»

Мне назвали города, где конфликты уже вышли за ведомственные пределы: Рязань, Ульяновск, Тюмень, Саратов, Хабаровск.

В одном случае это амбициозное столкновение руководителя местного УВД с региональным управлением. В других — взаимное уличение в злоупотреблениях. Причем, как правило, начиналось с того, что РУОП возбуждал уголовные дела по взяточничеству в милицйской среде. И тут же со стороны местной милиции следовал «ответный ход».

Острее всего развивалась ситуация в Саратове. Здесь «ответный ход» ошеломил всех: в течение нескольких месяцев было арестовано полтора десятка работников самого РУОПа. Почти всех потом выпустили из-под стражи. Остались в СИЗО двое.

Но пережить такое начальник Поволжского РУОПа Владимир Еремкин не смог — выстрелил себе в сердце...

«НЕ ВИЖУ ДРУГОГО ВЫХОДА...»

...Он бросил курить в год рождения своей Тани — 20 лет назад. Сейчас она студентка Саратовского юридического института.

— Отец последние дни был заметно подавлен, — рассказывала мне Татьяна, — хотя старался это скрыть...

...Владимир Еремкин не изменял своим привычкам ни на работе, ни дома. По вечерам все так же усаживался с женой и дочерью перед телевизором смотреть сериал «Санта-Барбара». Утром, когда за ним приезжала служебная машина, говорил дочери, уходя: «Будь внимательна. Если удержишься после занятий, позвони». В управлении был, как всегда, сдержанно-ровен, энергичен, напорист. Но спря-

тать свою тревогу не мог — она сквозила в его взгляде, в том, как он, чуть быстрее обычного, снимал телефонную трубку и напрягался, вслушиваясь... Ждал конца начавшейся против РУОПа кампании?.. Или — еще более масштабного ее продолжения?..

Кампания началась не сразу, исподволь. Владимир Еремкин и его сотрудники почувствовали это год назад, как только РУОП задержал бандитов, торговавших оружием, а с ним — нескольких работников муниципальной милиции.

Вначале, как водится, по Саратову поползли слухи, что сами руоповцы тоже не без греха. Затем, когда ими были задержаны заместитель начальника областной таможни и работники городской мэрии, прокуратура области стала санкционировать аресты самих сотрудников РУОПа.

Аресты следовали один за другим. Обвинения предъявлялись серьезные. Арестованные содержались под стражей от месяца до двух. Кого-то выпускали «подчистую», так как обвинения ничем не подкреплялись. Кто-то выходил из следственного изолятора по подписке о невыезде, и дамоклов меч следствия продолжал нависать над ними.

Таких, побывавших в тюремной камере, опозоренных на весь город неподтвержденными подозрениями, уже было четырнадцать человек!.. Но еще двое, начальник одного из отделов РУОПа и его заместитель, продолжали оставаться за решеткой, срок их содержания под стражей продлили как опасным преступникам. Звонки Еремкина в Москву, обращения в Прокуратуру России не дали результата.

И в один из сумрачных, дождливых дней Владимир Еремкин попросил у сослуживцев закурить. Ушел в свой кабинет, плотно закрыв двойные двери. Снял пиджак,

повесил его на спинку стула. Докурил сигарету. Смял окурочек в пепельнице, которую держал на приставном столике. И — выстрелил из табельного пистолета в левую часть груди.

Пуля пробила сердце, но он не упал, а только откинулся назад, уронив руки. Тем, кто увидел его первым, показалось, что он заснул — небольшое пятно крови на белой рубашке не сразу бросалось в глаза.

На столе нашли записку. В ней были слова: «...Не вижу другого выхода. Надо что-то делать, как-то бороться с этим беспределом. Надо спасти ребят...»

О нем скажут потом: «Не выдержали нервы — сломался». И добавят: «Очень переживал за своих и всех пытался защитить. Хотя не все этого заслуживали».

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Мне трудно было поверить в то, что случилось, — таким уверенным в себе казался в момент наших встреч Владимир Еремкин. И друзья его говорили: он был мужественным, сильным человеком. Только особые обстоятельства могли заставить его пойти на такой шаг.

Сейчас, после опубликованных в саратовских газетах неподтвердившихся версий о том, что Еремкин будто был «сам в чем-то замешан», что застрелился после того, как в его квартире произвели обыск (а обыска не было!), стало ясно: его выстрел в себя — это не только акт отчаяния.

Владимир Еремкин действительно не видел иного способа спасения чести своей организации. И рассчитывал: эхо выстрела докажется до Москвы, заставит МВД, Генпрокуратуру разобраться в саратовской ситуации.

Да и не только в саратовской. В

пяти регионах России конфликт между местными руководителями правоохранительных органов и руоповцами достиг апогея. Руоповцы считают: причина одна — месть за аресты работников муниципальной милиции и коррумпированных чиновников.

Как выясняется, это общая сейчас для России тенденция — попытка скомпрометировать, а затем «выдавить» из системы МВД недавно созданную (всего-то несколько лет!) структуру вертикального подчинения, задуманную по типу Федерального бюро расследований США.

Конечно, любые реформы в России (а в давно сложившейся системе органов внутренних дел — особенно!) идут с трудом. Инерция старых структур обычно отторгает перемены, какими бы благотворными они ни были. Но история создания РУОПа осложнилась еще и тем, что эта новая структура, по стутусу — независимая от местных органов, выростала в основном из муниципальной милиции.

В РУОП шли лучшие профессионалы. Их зарплата и престиж автоматически становились высокими. И все это в тот момент, когда авторитет милиции, не способной справиться с нарастающим валом преступности, стал резко падать, а число оборотней, сотрудничающих с уголовным миром, быстро расти. К тому же одной из главных функций РУОПа стало очищение милицейских рядов от предателей, без которых организованная преступность обойтись не может. Но именно эта задача РУОПа вызвала в милицейской среде глухую неприязнь, а затем и открытую ненависть.

Один из работников Московского РУОПа, начальник отдела по борьбе с коррупцией Валерий Казаков, единственный из моих собеседников, не пожелавший быть ин-

когнито (кстати, не раз бывавший в США и хорошо знающий, как организована служба ФБР), согласившись на беседу, попросил: «Отметьте: все мои высказывания по этой теме — личное, субъективное мнение. И еще: избавьте себя от мысли искать однозначно категорические ответы».

Одно из обстоятельств, спровоцировавших конфликт милицейских структур, как сейчас выяснилось, — отнюдь не полная независимость РУОПа от местных властей. РУОП зависим от областного УВД в решении и кадровых, и финансовых вопросов. То есть фактически находится в двойном подчинении.

— В США Федеральное бюро расследований создано в рамках министерства юстиции и подчиняется напрямую министру, — рассказывает Валерий Казаков. — Таким образом, эта вертикаль никак не зависит от местных властей. Но там социально-экономический строй позволяет содержать подобную структуру. У нас другое: если нас сейчас вывести из-под двойной зависимости, сразу станем нищими. Ведь городские власти нам помогают и транспортом, и в решении социальных вопросов. Да, двойное подчинение, конечно, несет в себе положительные моменты. Но — в сложившейся ситуации — больше отрицательных...

«СВОИХ САЖАЮТ!..»

...Началось с элементарного: с зависти. В РУОП, когда он создавался, уходили из криминальной милиции лучшие профессионалы. Их места занимали менее подготовленные. Поэтому результаты работы РУОПа были несравнимо выше. К тому же за специфику работы руоповцам стали платить на 50 процентов больше. Не ахти какие деньги, потому что проценты

исчислялись только от оклада (то есть в эту сумму не входили доплаты за звание и премиальные). У начальника отдела столичного РУОПа, например, оклад около 300 тысяч рублей, значит, 50 процентов — 150 тысяч.

— Но психология бывшего советского человека такова, — комментирует В. Казаков, — что раз кто-то чуть больше получает, он и должен работать.

В конце концов, чтобы снять конфликт, оклады уравнили, прибавив спорные 50 процентов всем оперативным службам милиции. Но остался апломб у некоторых руководителей УВД, уязвленных успехами РУОПа.

— Для нормальной работы нужны умные, грамотные, тактичные люди, — замечает В. Казаков. — В нашей же нынешней ситуации проблема РУОПа — это иногда проблема личных взаимоотношений начальников криминальной милиции с руководителями РУОПа. Но главная причина конфликта, конечно, в одной из основных функций РУОПа. Мы выявляем коррупционеров, работающих в милиции. А у криминальной милиции подобных полномочий нет. Возникает настроение: как же так! Милиционер, а сажает своих!

— А если бы такие полномочия дали?

— Представим: выявили в своих рядах «берущего» сотрудника — осталось взять с поличным. Начальник криминальной милиции, он же заместитель начальника ГУВД, приходит к своему руководителю: так и так, опросили людей, все задокументировано. Будем брать? У обоих выбор: дать делу ход и, значит, потом быть вызванным «наверх», где начальнику УВД дадут трепку за плохое воспитание кадров, или по-тихому избавиться от проколовшегося сотрудника. Обычно выбирают второй вариант.

— Как именно это делается?

— Вызывают виновного на «профилактику». «Ты че, — говорят, — хочешь сесть сам и нас посадить?» Тот: «Извините, ребята, осознал...» И — подает заявление. Год-два работает где-нибудь, выжидая, когда сменится руководство. Затем возвращается: «А за что меня вынудили уйти? Я не согласен». И — пошел по судам. Так как «профилактика» была устной, суд не только восстанавливает «профилактируемого», но и заставляет милицию оплатить вынужденный прогул.

— Но можно представить оперативные данные...

— Суд их вряд ли примет во внимание. Прошло время, «задокументированные» свидетели не захотят повторять свои показания, потому что взяточник на них наверняка «наедет», а с поличным его поймать в свое время не решились. И такой человек снова становится работником милиции. Результат известен...

О результатах говорит статистика. Только за 10 месяцев 1995 года против работников милиции возбуждено 773 уголовных дела. По сравнению с 1994 годом число дел по коррупции в милиции возросло на 20 процентов.

Именно поэтому министр внутренних дел России Анатолий Куликов вынужден был начать свою работу в конце минувшего года с операции «Чистые руки»: снял с должностей несколько крупных руководителей, объявил о решительном неприятии малейших отступлений от служебных и этических норм, начал борьбу с так называемым уличным взяточничеством, которым грешат работники ГАИ.

Операция выявила многое. Вот лишь один, московский, пример: главарь банды по прозвищу Король почти полгода терроризировал Щелковский рынок, собирая дань с

торгующих. Причем часть суммы (за 5 месяцев — 45 миллионов рублей) ежедневно передавал работникам милиции, обеспечивая тем самым себе милицейскую «крышу». Когда Короля арестовали, предъявив видеозапись его поборов, он признался, что регулярно платил семи офицерам муниципальной милиции.

Можно ли в подобной ситуации обойтись без энергичного вмешательства извне?!

С ПОЛИЧНЫМ

...Чем разнятся функции РУОПа и уголовного розыска, тоже «выходящего» на оргпреступность? «Угрозыск расследует уже совершенные преступления. Мы же — оперативная служба, — рассказывает В. Казаков. — Получены, например, данные: такой-то готовится к тому-то... Внедряемся в его окружение. Готовимся взять с личным...»

В момент выезда московских руоповцев на одну из операций в головном автомобиле оказалось свободное место. И мне разрешили поехать.

Мы петляли по московским улицам, неслись по широким магистралям — торопились к назначенному времени, а на заднем сиденье в этот момент чиркал молнией куртки явно штатский человек. Краем глаза я видел, как сидевшие рядом с ним оперативники помогали ему укреплять на поясе какую-то коробку. Говорили: «Войдешь — не торопись. Дождись, пока сам о деньгах спросит. Чтоб нам потом не сказали, будто это провокация. Понял?»

Человек в куртке пришел в РУОП примерно месяц назад, рассказав: его брат случайно ввязался в драку, был задержан криминальной милицией, после чего начальник следственного отдела с глазу

на глаз объяснил ему: «Можем квалифицировать по такой статье, что сядешь года на три, а можем обойтись условной мерой... Дошло?»

До него дошло. Он дал знать старшему брату. Тот сам наведалься в милицию. Начальник повторил уже сказанное и назвал крупную сумму. Такие деньги собрать, в общем-то, можно было, если поднять на ноги всех родственников, но старший брат успел вникнуть в суть происходящего. И поразился: парня взяли только потому, что был в толпе, разнимая дерущихся... За что сажать?..

И вот сейчас он, предварительно позвонив (разговор записывался на пленку) и услышав «приезжай, как договорились», вез меченые деньги в автомобиле руоповцев.

Возле милиции стояли служебные машины, и наша, обогнув их, остановилась у торца здания. Человек в куртке вышел. Скрылся за углом. Через минуту в салоне руоповского автомобиля зазвучали его шаги по ступеням крыльца, по коридору. Вот стукнула входная дверь... Другая... Техника работала безукоризненно: слышны были даже отдаленные голоса стоявших в коридоре людей... Наконец прорезался голос человека в куртке: «Можно?» — «Входи». — «Здравствуйте, Семен Васильевич». — «Садись. Принес?» — «Вся сумма, как вы сказали». — «Ну и лады. Сделаю, как обещал: выпустим твоего по подписке о невыезде, а потом — все остальное... Давай повестку отмечу, чтоб тебя на службе не дергали...» — «Я пошел?» — «Да, пока... Позвони завтра...» — «Ну, теперь у меня от сердца отлегло. До свиданья».

Последняя фраза была контрольной: для группы захвата она означала, что начальник следственного отдела милиции взял деньги. Двое в штатском, стоявшие возле дверей его кабинета (им че-

ловек в куртке сказал негромкие слова: «...Положил деньги во внутренний карман плаща»), быстро вошли.

Один оказался между висевшим на угловой вешалке плащом начальника, второй — возле его стола. Вслед за ними вошли еще несколько, рослых и крепких. «Мы из РУОПа», — развернул перед хозяином кабинета удостоверение тот, кто подошел к столу первым. «А в чем, собственно, дело?» — «Вы взяли только что у посетителя деньги?»

Была пауза. Но уже тихо жужжала видеокамера на плече одного из вошедших, снимавшая, как хозяин кабинета нервно барабанил пальцами по столу, затем торопливо закуривал, глядя в окно. «Да, взял, — ответил наконец и тут же добавил: — Для адвоката. Сам последственный просил...» — «Это мы установим... Где деньги?» — «Там», — глубоко затянувшись, выдохнул начальник, кивнув в сторону вешалки.

Я смотрел потом видеозапись: затравленный взгляд, в руках дрожащая сигарета, груды денег на столе, прибор, высвечивающий на купюрах слова: «Взятка для Кузнецова»*. Невыносимо жалко было этого немолодого уже человека, проработавшего здесь почти 20 лет, пойманного на взятке незадолго до выхода на милицмейскую пенсию...

Случай не исключительный. Только за 11 месяцев 1995 года в Москве изобличены во взяточничестве более полусотни работников милиции. Большинство из них — следователи из отделов милиции муниципальных округов столицы. Они вымогали деньги за освобождение от уголовной ответственно-

сти или за переквалификацию дела на более «мягкую» статью Уголовного кодекса.

Но эти данные — только то, что удалось выявить. Об истинных же масштабах взяточничества в милиции остается только догадываться. Может ли РУОП, изобличающий в среде своих коллег взяточников, двурушников, состоящих на службе уголовного мира, тайных «крестных отцов» в погонах, рассчитывать на хотя бы терпимое к себе отношение?

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Конечно, ни о какой терпимости к себе РУОП не мог и мечтать. Вокруг него и над ним бушевали споры. Предлагали отдать его Федеральной службе безопасности (с глаз долой — из сердца вон). Или переподчинить областным управлениям внутренних дел. Или же так загрузить, чтоб ни вздохнуть, ни охнуть.

— Нам хотели отдать все громкие заказные убийства, — рассказывает В. Казаков. — Но если, скажем, московский уголовный розыск с его 70-летними традициями и мощной оперативной службой не может их раскрыть, то мы пока — тем более. Хотя разделить ответственность вместе с МУРОм за происходящее должны. Готовы, как и раньше, работать в совместных бригадах по раскрытию этих преступлений. Но механически скинуть их все на РУОП — значит повязать нас по рукам и ногам... И еще одна затея: хотели переподчинить РУОП криминальной милиции. Не надо переподчинять. Чтобы мы были эффективнее, надо совершенствовать службы РУОПа, вникнув в наши проблемы...

И в самом деле: если общество всерьез хочет избавиться от организованной преступности, завербовавшей в правоохранительных ор-

* Фамилия в интересах следствия изменена. — И. Г.

ганах и управленческих госструктурах чиновников разного ранга, то на борьбу с коррупцией нужно бросить лучшие силы, обеспечив их независимость от уязвленного самолюбия коллег, от безденежья, от бесконечных попыток ослабить эту структуру.

Но, может быть, как раз кому-то очень невыгодно (не только с амбициозной, но и сугубо меркантильной точки зрения) укрепление РУОПа?

Тогда почему бы не дать тому же РУОПу задание вместе с налоговой полицией проверить нынешнее, вдруг резко возросшее благосостояние некоторых руководителей УВД и облпрокуратур, строящих роскошные коттеджи себе и родственникам?

Почему бы не выяснить, кто и как отпускает из-под стражи задержанных руоповцами уголовных авторитетов и крупных мошенников, успешно обобравших доверчивое население при постройке расчетливо рухнувших финансовых пирамид?

Без таких расследований начатая министром МВД России операция «Чистые руки» вряд ли будет доведена до победного конца: пожертвовав пешками, крупные коррумпированные фигуры, оставшиеся в тени, еще не раз сделают ответные ходы, результатом которых будет или расформирование РУОПа, или его растворение в старых структурах. А пока...

— Мы здесь, в столице, хоть с некоторым опозданием, но получаем зарплату, — рассказывает В. Казков. — А вот в центральных областях России руоповцы ее ждут по 2—3 месяца. В Сибири — еще дольше. Там в одной из областей милиция даже устроила голодную забастовку...

При всем этом руоповцы, обезвреживая банды и останавливая преступления крупного масштаба

(угон более десятка вагонов с нефтью, утечку за рубеж редкоземельных металлов), то есть возвращая государству его богатства на миллиарды рублей, не могут рассчитывать даже на премии (они обычно выдаются за операции по возвращению государству похищенного золота и других драгоценных металлов, хотя состав с нефтью тоже недешево стоит). В одном из своих интервью, кстати говоря, министр внутренних дел Анатолий Куликов сообщил: у преступных формирований только за 11 месяцев минувшего года изъято денег и материальных ценностей более чем на 570 миллиардов рублей и 4,4 миллиона долларов. Почему бы в законодательном порядке не определить процент от этих возвращенных государству богатств для дополнительного финансирования самой милиции?!

...И только полная независимость от местных властей и социальная защищенность работников РУОПа могут сделать эту службу максимально эффективной. Конечно, при условии разработки законодательства, дающего ей возможность полной самореализации.

Об этом мне говорили практически все работники РУОПов, с кем приходилось беседовать. Ссылались на странную медлительность российских парламентариев в принятии законов о коррупции, о защите свидетелей, о государственных служащих... (А ведь это законодательная база, без которой невозможна полноценная борьба со взяточничеством, пронизавшим почти все звенья государственного механизма нынешней России!) Сравнивали свою службу с работой ФБР в США, где в полицию, замеченную в коррупции, внедряют агентов, обеспечивая их не только нужными документами, разработанной легендой, достаточными командировочными и нормальным жильем. А

еще и — после сбора материала, переданного в суд, — дают агенту возможность самому предстать перед судом присяжных уже в качестве работника ФБР, свидетельствующего о преступлении.

В практике РУОПа такая «расшифровка агента» невозможна. И не только потому, что незаконна. Раскрытого агента, как и главного свидетеля, необходимо после суда взять под защиту государства, обеспечив другим именем и местожительством, охраной, работой и, если необходимо, другой внешностью, оплатив дорогостоящую пластическую операцию...

ЭХО ВЫСТРЕЛА

...А пока в российской милиции идет схватка с новой, только укрепившейся, только заявившей о себе структурой. На нее собирают компромат. И — находят.

Наивно было бы предполагать, что в РУОПе, выросшем из недр милиции, все без исключения сотрудники кристально честные люди. Наверное, не все. И тех, кто действительно перешагнул черту закона, нужно наказывать по закону. Именно по закону, в соответствии с доказательными фактами, а не под диктовку лишь отрицательных эмоций.

В Саратове же те 14 освобожденных из-под стражи руоповцев (из 16 арестованных!) как раз и свидетельствуют о таких эмоциях. О лихорадочной спешке, в которой началась антируоповская акция.

И выстрел в себя самого Владимира Еремкина, руководителя Поволжского РУОПа, стал логическим следствием этой акции.

Услышат ли отрезвляющее эхо его выстрела в просторных кабинетах Министерства внутренних дел и Российской прокуратуры?

Поймут ли, что эта схватка над

бездной только на руку бандитам, уже не скрывающим своего торжества?..

превращен Машкова

Владимир Машков сегодня, пожалуй, один из самых ярких представителей актерского поколения 30-летних.

А в детстве — бывает же такое! — он слыл заправским хулиганом и частенько бывал в милиции. Папа неизменно выручал из-под опеки участкового своего малолетнего бандита, так как в городе Новокузнецке Машков-старший слыл известной личностью: он работал в кукольном театре и играл роль Карабаса-Барабаса. После школы Владимир Машков какое-то время поучился в новосибирском университете, потом в театральном училище. Окончил свое театральное образование он уже в Москве — в Школе-студии МХАТ, после чего был принят в Театр Олега Табакова. В знаменитой «Табакерке» Машков сразу же обратил на себя внимание целым рядом интересных работ, в том числе исполнением роли Старика в пьесе Александра

Галича «Матросская тишина», роли трагической, возрастной, которую сыграл великолепно — в свои-то 20 с небольшим.

А далее последовали самые разнохарактерные роли — в «Ревизоре», в «Неоконченной пьесе для механического пианино», в пьесе «Билокси-блюз». Как режиссер поставил несколько спектаклей, идущих сегодня с неизменным успехом: «Звездный час по местному времени», «Страсти по Бумбарашу», на малой сцене МХАТ — «Смертельный номер» — блистательную пьесу о клоунах, потрясшую целым фейерверком чувств. Не случайно эта постановка была названа хитом театрального сезона 1994 года.

В кино за 10 лет работы Машков сыграл более десятка ролей, причем почти все они были главными. Особый успех у зрителей имели кинофильмы «Лимита» (режиссер Денис Евстигнеев) и «Подмосковные вечера» (режиссер Валерий Тодоровский). В них он представил два похожих по типажу образа, после чего журналисты и кинокритики окрестили его российским «секс-символом», назвав «жизнерадостным наглецом, невыносимым для женщин». Тем временем Машков вопреки своему имиджу супермена снялся в фильме Карена Шахназарова и Александра Бородинского «Американская дочь», но не эдаким очередным победителем, хозяином жизни, а простым смертным, музыкантом, который не то что разбивает женские сердца, а просто-напросто оставлен собственной супругой, которая увезла от родного отца в Америку его любимую дочь. И за эту работу, как и за предыдущие, Машков снискал симпатии критиков, коллег и зрителей, а призы чуть ли не всех театральных и киношных фестивалей посыпались на него как из рога изобилия.

И вот я беседую со звездным Машковым в Театре Табакова. Он несколько задумчив, но при этом безумно прост в общении.

— Сколько же у вас призов и премий на сегодняшний день?

— Не знаю, не считал.

— Как вы относитесь к своей популярности, всенародной славе?

— Нормально... нормально.

— Звездной болезнью еще не заразились?

— Нет, у меня выработан иммунитет.

— Каким образом?

— Работы много. Звездная болезнь может появиться, когда мало работы, а мне сейчас некогда болеть, здоровым должен быть.

— Как-то вы сказали, что обожаете веселиться и бездельничать, не считаете себя идеальным человеком и именно поэтому не понимаете, что такое звездная болезнь.

— В прошлом году я дал невероятное количество интервью, и было такое ощущение, будто все корреспонденты спрашивают об одном и том же. И я решил, что начну отвечать на один и тот же вопрос всем по-разному. Во мне живет несколько разных людей. С одним журналистом буду искренним, с другим буду шутить, а с третьим — буду до глупости серьезным...

— В таком случае для начала я подкину вам один очень серьезный вопрос: над чем вы работаете?

— Репетирую одну из главных ролей в спектакле по новой пьесе, которую ставит в нашем театре Олег Табаков. В театре «Сатирикон» ставлю «Трехгрошовую оперу» Брехта. Пьеса настолько известна, настолько замечательна, но и настолько еще не поставлена. Она — «моя». Я знаю, как ее делать, но сейчас говорить об этом не хочу, мы только приступили к репетициям.

— Вы ставите свой уже четвертый спектакль, а как актер вы не заняты в нем?

— Нет. Для меня невозможно быть режиссером и актером одновременно.

— Что вы больше всего любите: репетировать или играть в спектакле?

— Это все едино, это одно целое. Существует предчувствие работы: ты начинаешь читать пьесу, разбираешь образ, потом репетируешь, что-то получается, что-то нет, что-то уходит, а что-то и остается. Это единый большой процесс, он приводит к выходу на зрителя, к игре перед ним. Что-то одно вычленишь здесь нельзя, все едино.

Мне нравится, когда все получается быстро, когда артисты понимают, что они делают и зачем это делается.

Они «сговариваются», тогда все и получается быстро.

— В спектаклях, которые вы ставите, заняты ваши единомышленники и друзья?

— Да, конечно, иначе, по-моему, нельзя работать. В театре должны собираться люди, которые хотят помочь друг другу сделать спектакль. Люди, которых ты любишь и уважаешь и которые тебя любят и уважают. Это же не завод, и не фабрика, и не офис. Как только хотя бы в малой степени театр станет походить на производство, для меня он сразу же станет неинтересным.

— Как вы относитесь к тому, что массовый зритель сегодня практически лишен возможности сразу увидеть новый отечественный фильм на широком экране?

— Это плохо, если фильм не видит широкий зритель, ведь кино делается для того, чтобы его смотрели все.

— А как же элитарное кино?

— Я не понимаю, что это такое.

— Может быть, это кино для уз-

кого круга, для искушенных в кинематографе людей, для знатоков?

— Я не знаю, что вы подразумеваете под «узким кругом» и что из себя представляют «знатоки», я не понимаю этого термина. Наверное, можно называть какие-то фильмы элитарными. Но мне кажется, что это неприятно, обидно делить людей по принципу: вот это — элита, которая все понимает, а вот эти — все остальные — народ и быдло, который ничего не понимает. По-моему, это неправильно. Настоящее кино должно быть таким, от которого всем захочется плакать и смеяться, оно должно быть обращено прежде всего к чувствам.

— У вас есть любимые фильмы?

— Их много. Любимое кино зависит от состояния души. Вот сейчас я влюбился в этот фильм, а потом мне захочется посмотреть другой любимый фильм, и так далее, и так далее — под настроение. Как с книгами, ведь не будет же человек всю жизнь читать одну и ту же любимую книгу. Может, он прочитал ее один только раз и больше к ней никогда не обратится, так как боится испортить свои первые ощущения.

— Расскажите о своей последней работе в кино, об «Американской дочери».

— Если в двух словах — съемки прошли замечательно. Это явилось для меня настоящим приключением в Америке.

— Вы до этого побывали в США, что же нового увидели там во время съемок?

— Нам некогда было что-либо смотреть, существовал жесткий график съемок. Но вся эта история с фильмом — замечательная, так как съемки велись хронологически, от начала до конца сценария. И в этом была честность по отношению к чувствам, к развитию любви — она так и развивалась. С

этой американской девочкой Элисон Уитбек — «моей американской дочерью» — мы вначале привыкали друг к другу, потом влюбились, а потом не смогли жить друг без друга. И сейчас у нас сохраняются очень хорошие отношения, мы часто звоним друг другу, она как бы стала моей второй дочечкой.

— Какая будет очередная работа в кино, что вам предстоит?

— Догадываюсь, но сейчас не буду отвечать.

— Актерское суеверие?

— Да, и еще боюсь выговорить все. Вы знаете, когда начинают расспрашивать, то велико искушение выговориться. А как выговориться, то и самому становится неинтересно работать дальше.

— Вы снимаетесь в кино уже десять лет, в фильмах хороших и разных, а привлекли к себе всеобщее внимание совсем недавно. Чем вы это объясните?

— Все ведь зависит от того, как звезды располагаются, от актерской удачи, от того, что хочет смотреть зритель и что в конце концов к нему попадает. Время движется — все изменяется.

— Вы верите в удачу?

— А кто в нее не верит?

— Вы, верящий в удачу, верующий человек?

— Почему вы об этом спросили? Ведь это вещи настолько личные... Да, я человек верующий, я католик, и это нормально. Ведь неверие рождает отчаяние, а это самая плохая, самая жуткая вещь, которая может быть — человеческое отчаяние.

— Чего вам не хватает в жизни?

— Все, что мне нужно, у меня есть: друзья, любимое дело, любовь. Остальное... — это все сопутствующее. Мне ничего такого не надо.

— Вы любите шикарные машины?

— Да, я люблю автомобили,

люблю на них ездить. Автомобиль для меня — это как бы еще дополнительные четыре ноги, потому что я быстро перемещаюсь в пространстве.

— Любите скорость?

— Да, и не люблю медленных людей.

— Много путешествуете?

— Конечно. Быть путешественником очень интересно и ответственно. Ты уходишь из привычного мира, в котором постоянно живешь. Путешествующий человек как бы отрывается от всех и вся. Может быть, когда мне будет плохо, попытаюсь оторваться от всего привычного.

— Вы побывали во многих странах, городах. Какие из них больше всего привлекают?

— Венеция. Знаете, мне настолько нравится этот город, что я ненавижу его за безумное количество туристов, они мешают мне быть наедине с великим городом, наедине с собой. Мне кажется, что даже самый прекрасный храм превращается в какое-то общественное место, становится объектом индустрии туризма, а ведь он создавался совсем для других целей.

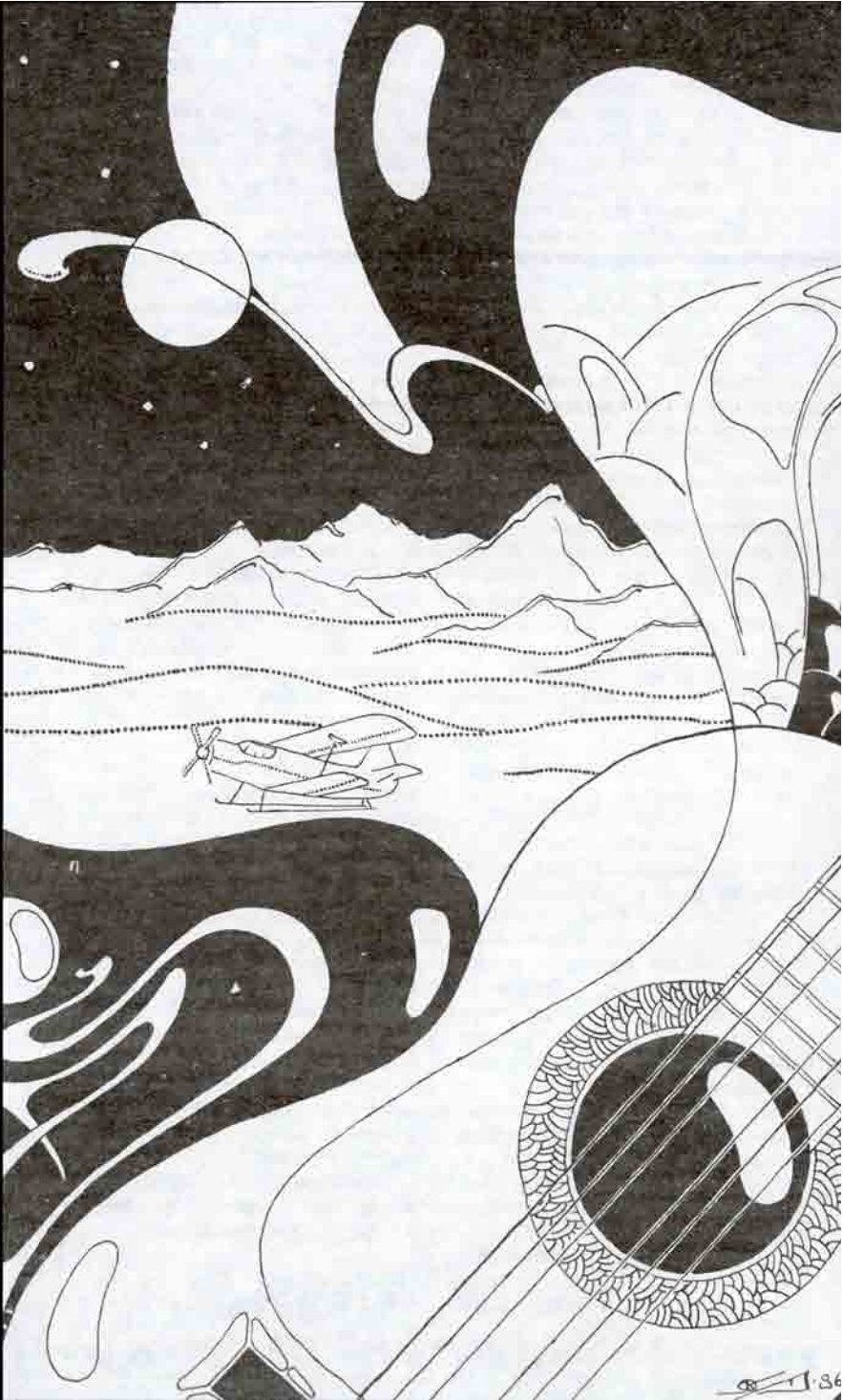
— Может быть, вы влюблены в Венецию не случайно? Может, это зов крови, ведь в ваших жилах течет итальянская кровь. Кстати, как ваши предки — итальянцы попали в Россию?

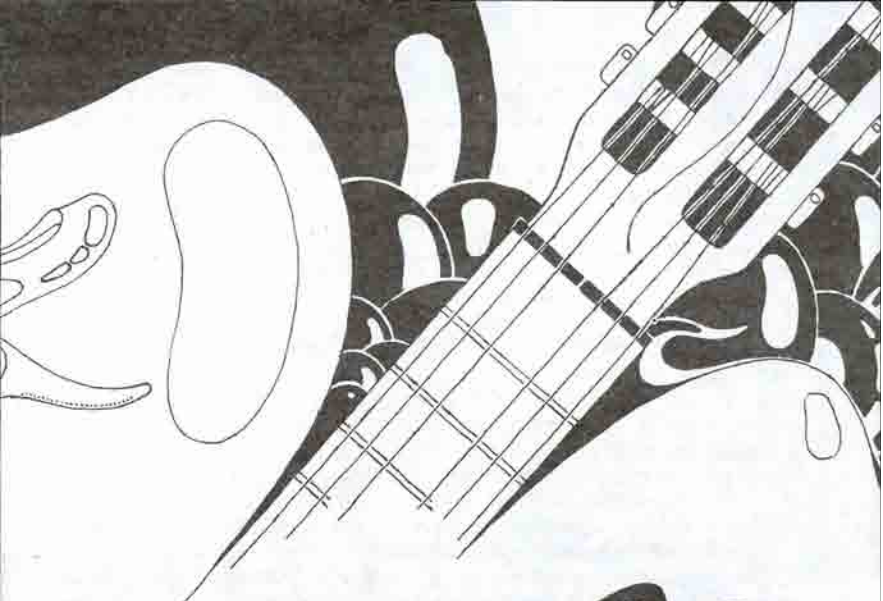
— Итальянкой была моя бабушка, она приехала в Россию когда-то учительствовать.

— Сейчас многие актеры или режиссеры становятся еще и продюсерами, бизнесменами. Вы занимаетесь бизнесом?

— У меня нет такого стремления, ибо нет коммерческой жилки, она отсутствует абсолютно.

**Беседу вела
АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА.**

” ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ЭЛВИ ПРЕСЛИ”

Он сидел на стуле, кутаясь в желтую мохнатую кофту, и, улыбаясь, смотрел, как я мою пол. Лицо у парня было черное, широкое, губы толстые, вывернутые наружу, волосы острижены налысо. Время от времени, показывая белки глаз, он косил в сторону канцелярии, и я, злясь на его улыбку, думал: надо обязательно написать домой, что среди курсантов есть негры и что им здесь жутко холодно.

В летном училище я находился третий день, но уже успел схлопотать несколько нарядов вне очереди. Наш старшина Умрихин попал в училище с флота и, видимо, желая показать вчерашним десятиклассникам настоящую службу, стал требовать, чтобы после команды «Подъем!» мы за одну минуту одевались и вставали в строй. Меня раздражала его ходульная, на прямых ногах,

походка, его, как мне казалось, показное умение с шиком отдавать вышестоящему начальству честь, и говорил он так, будто мы были его собственностью. Вообще подавать команду на подъем должен был дневальный, но старшина взял эту обязанность на себя, собственноручно включал свет и во всю мощь ревел:

— Па-а-адье-ем!

Досматривая сладкие домашние сны, я ошалел от этого дурного рыка, всеобщей толкотни, еще не проснувшись, начал суетиться, схватил чужие брюки, а потом и вовсе потерял свой завод.

Нет, не так я представлял себе учебу! Когда ехал в Бугуруслан, голова плавилась от счастья: мне казалось, попал в небожители. А тут на тебе — мой пол. Тоска, хоть на стену лезь. Все вокруг командуют: то нельзя, туда не ступи, молчи и поворачивайся, как оловянный солдатик. Чуть что, кричат — отчислим! И пожаловаться некому. Все мое существо протестовало: я ехал учиться летать, а не возить по грязи тряпкой.

Длина коридора — сорок девять шагов, и через час я его знал лучше своего лица. Был он покрыт коричневым линолеумом, но это несколько не облегчало работу. Стоял конец августа, каждый день шли дожди, дорожки в училище посыпаны песчаной глиной, и у меня сложилось впечатление, что глину привезли и рассыпали специально для наказания. Она была везде.

Закончив работу, я, как это и положено, доложил старшине. Он вышел в коридор и к первому наряду добавил еще — линолеум подсох и стал напоминать застывшую песчаную бурю.

188 Когда старшина исчез с горизонта, парень, оглянувшись, быстро подошел ко мне, молча взял тряпку, намочил ее, расстелил на полу и, не отрывая, потянул на себя. Получилось ровно, без желтых полос. Темнокожий показал, как без особых усилий можно выйти из этой ситуации. Я понял: не надо ждать, когда линолеум подсохнет, доложить, когда он еще мокрый. Сбегав за чистой водой, я принялся шлифовать тряпкой коридор. Но оттранпортовать не успел: после строевых занятий с улицы пришел взвод, протопал мимо меня, и все пришлось начинать сначала.

Вечером я неожиданно обнаружил парня в нашей комнате. Он стоял в окружении смеющихся курсантов и растерянно оглядывался по сторонам.

— Уона бабона, это лет-чиц-кие ша-ро-ва-ры! — размахивая перед ним огромными форменными штанами, по слогам разъясняли они. — Как видишь, спиты на индийского слона. Приедешь к себе в Африку, будешь, как запорожский казак. Ну а если станет жарко — снимешь. Мы попросим старшину, он тебе набедренную повязку с кантами выдаст.

— Да он ни бельмеса не понимает, — предположил кто-то.

— Хватит травить баланду, — громыхнул от двери голос Умрихина. — Чтoб через пять минут были в койках!

Кровати в казарме двухъярусные, и темнокожего поселили надо мной. Он аккуратно сложил на тумбочку выданную форму и, повернувшись ко мне, тихим, каким-то облегченным голосом на чистом русском языке сказал:

— Наконец-то добрался. Ну что, полотер, будем соседями. Ты откуда приехал?

Ответил я не сразу. Нет, меня не смутило знание нашего языка, говорили, наших разведчиков еще и не так натаскивают. Я был под впечатлением только что услышанного разговора, который вроде бы подтверждал: с нами будет учиться иностранец. Конечно, мне не понравилось, что он обозвал меня полотером. Но ответно грубить не хотелось, еще нарвешься на международный скандал. А там уже нарядами вне очереди не отделаешься. Как с ними себя вести, я не знал, но мысленно продолжил письмо домой: тот самый негр, которого зовут Уона бабона, будет спать надо мной.

Я начал размышлять, что сказать: из Сибири или с Байкала, откуда им там в Африке знать про наши города.

— Из Иркутска.

— Ой, земля! — свистящим шепотом воскликнул парень. — А я с Колымских золотых приисков.

«Решил прикинуться нашим! — мелькнуло у меня в голове. — Шутник. Язык можно выучить, но кожу не пересадишь. Тоже мне, земляк нашелся, от Иркутска до Колымы тысячи километров. Прокрал, да еще какой! Нет, здесь что-то не так».

— Мать у меня была якутка, отец — цыган, — словно прочитав мои мысли, шутливо и вместе с тем грустно сказал сосед. — Получился Тимофей Шмыгин — сын Севера. У нас зимой морозы под шестьдесят, а летом жара под сорок. Перепад сто градусов, не только почернеешь — посинеешь. Ну что, коллега, с низких начнем осваивать новые, более приятные высоты.

Одним махом Шмыгин взлетел на второй этаж. Металлическая сетка провисла под ним кулем, затем, поскрипывая, начала раскачиваться: сосед выбирал удобную позу. Старшина выключил свет, и мне вдруг показалось: сверху, через край, свесился круглый, с двумя дырками, темный котелок.

— Тебя за что наказали?

— Утром опоздал на построение, — шепотом ответил я. — Штаны перепутал.

— Ты, земля, меня держись — не пропадешь, — просвистела голова. — Шмыгина от Чукотки до Колымы каждая собака знает. Можешь называть меня Тимохой.

— А я думал: Уоной бабоной.

— Хочу заметить, дураки есть везде, даже среди летчиков.

— Разговорчики! Захотелось в наряд? — подал голос Умрихин.

— Ну, вот, далеко ходить не надо, — выждав секунду, шепнул сосед. — Недаром говорят: «Бог создал отбой и тишину, а черт — подъем и старшину».

Шмыгин спрятал голову и затих. А я, вновь оставшись наедине со своими грустными мыслями, смотрел в серое полукруглое окно. Кто-то из курсантов говорил: училище располагалось в бывшем женском монастыре. Казармы размещались в переоборудованных кельях, где раньше жили монахини. «Когда-то новый день здесь начинался с молитвы и заканчивался ею, — думал я. — А сейчас ревом. И так три года, каждый день».

Утром я проснулся от легкого толчка. Открыв глаза, в полутьме увидел одетого соседа, протягивающего мне брюки.

— Надевай, — шепотом сказал он. — А потом под одеяло, и жди команду. Через пять минут подъем.

Я натянул брюки, носки и вновь забрался под одеяло. Когда прозвучала команда «Подъем!» и загорелся свет, мы пулей выскочили на построение. Но провести старшину не удалось. Умрихин вкатил нам с Тимохой по наряду и, вспомнив сказанную вечером Шмыгинскую присказку о черте и Боге, предупредил: еще одно замечание — и он напишет рапорт на отчисление. Мы сделали для себя вывод: акустика в монастыре отменная.

Вечером старшина отправил нас прибираться в умывальниках и туалете. И только тогда я окончательно успокоился: Шмыгин — не иностранец.

Ничто не сближает так людей, как общая беда и совместная работа. С возложенным на нас заданием мы управились быстро, постарались сделать все на совесть. Но возвращаться в казарму не торопились, после ужина наш взвод отправляли на кухню чистить картошку для всего училища. Присев на корточки, Шмыгин доводил вмурованные в цемент унитазаы до первобытного блеска и рассказывал о себе.

Был Тимка старше меня на три года. Родители у него умерли рано, и он с детства скитался по северным интернатам и детским домам. Сбегал на волю, его возвращали. Два года назад судьба забросила его в Якутский аэропорт.

— Я ведь кем только ни пробовал работать: грузчиком, мотористом. А потом пристроился артистом в оркестре, — улыбаясь, говорил он. — Услаждал народ, пел, танцевал. Мне на тощую грудь кидали. Этим летом замаячила армия. Но я решил: пойду в летчики. Мужская профессия — не лакейская. На Севере летунов уважают. Там говорят: летчик просит, надо дать, техник может подождать. Вот, закрою глаза и представляю: дадут нам отпуск, я прилечу домой в форме, и в клуб. Попрошу своих ребят из джаза в честь моего прибытия сыграть танго. И валиком-кандебобером пройду по залу,

Шмыгин решил показать, как он это делает, соскочил на пол и, пританцовывая, двинулся по туалету, подпевая себе на ходу:

В саду, под гроздью зреющего манго,

Танцуем мы вдвоем ночное танго.

Мудатка тает от любви, как шоколадка,

В моем объятии посапывая сладко...

— Слушай, а у тебя есть девушка? — остановившись, неожиданно спросил он. Вопрос застал меня врасплох. Скажешь нет, подумает, какой-то недоделок, с ущербом. Но и придумывать не хотелось.

— Как говорят, первым делом самолеты, — усмехнувшись, буркнул я. — Все остальное успеется.

— Будь спокоен, найдем! — воскликнул Шмыгин. — У меня их было пропасть. А тебе я с отпуска рыбы привезу. У нас ее навалом: муксун, чир, нельма. А копченая кандевка — просто объедение.

Прибежал посыльный, мы были вынуждены прервать приятную беседу и отправиться на кухню чистить картошку. Когда узнали, сколько — ахнули: три тонны на взвод. Работы до утра,

Чтоб не было скучно, Умрихин прихватил с собой гитару, решил совместить приятное с полезным. Поочередно все, кто хоть немного брякал на гитаре, садились на особый, поставленный посередине стул и показывали свои таланты. Прослушав своих подчиненных, старшина поморщился и произнес лишь одно слово:

— Фуфло!

На флотском языке это, видимо, означало: береговая, никуда не годная, дворовая выучка.

— Товарищ старшина, спойте нам, — попросили курсанты, — просим!

Как и все люди, которым медведь наступил на ухо, Умрихин любил петь. Поломавшись немного для приличия, он взял гитару, бурча что-то себе под нос, подтянул струны и, притопывая левой ногой, хрипло запел песню, которую спустя много лет я помню подошвой своих ног. Особенно ее припев:

— За прочный мир, в последний бой. Летит стальная эскадрилья!

Летела в бачки очищенная картошка, изредка перемигиваясь, курсанты молча и сосредоточенно слушали своего начальника: пусть поет, все равно это лучше, если бы он смотрел за каждым и подгонял. Следом Умрихин исполнил песню про Зиганшина, который сорок девять дней со своими товарищами без еды плавал на барже по океану.

Развлекал нас старшина больше часа, затем, под стук ножей, которые должны были означать бурные аплодисменты, умолк и вышел покурить на улицу. Гитару взял Шмыгин. Он подстроил под себя струны и тихонько запел песню о том, как нелегко девушке ждать три года курсанта. Все, прислушиваясь, замолчали. Тимоха попал в самую большую точку. Многие впервые уехали из дому, и где-то там далеко остались лето, тополиный пух, возлюбленные. Пел Шмыгин легко, доверительно, и я видел, песня достаёт до самой глубины души. Но долго грустить Тимка не умел. Оглядев своих притихших товарищей, он, подражая Умрихину, хриплым голосом скомандовал:

— Па-а-дъем! Танцуют все!

Вскочил со стула, ударил по струнам, дергая плечами, дурашливо запел:

*На кукурузном поле
Взметая пыль,
Хрущев Никита
Ломает стиль.*

И, вращая вокруг себя гитару, со свирепым выражением лица, выделывая коленца, пошел по кругу.

*Умрихин буги,
Зиганшин рок,
Умрихин скушал свой сапог,
Он съел сапог, запил водой —
И перед нами он живой.*

— Нет, вы посмотрите, какая подвижность, — раздался от двери глуховатый голос. — Настоящий Элвис Пресли. Вот оно — тлетворное влияние Запада.

Шмыгин остановился и спрятал гитару за спиной. В подсобку столовой незамеченным вошел Джага, так за строгость курсанты меж собой называли начальника штаба училища Петра Ивановича Орлова.

— Товарищ начальник, второй взвод выполняет поставленную задачу, — влетев в подсобку, звенящим голосом начал докладывать Умрихин.

— Кто у вас сегодня прибирался в туалете? — хмуря брови, спросил Орлов.

У меня похолодело внутри. Что обнаружил Орлов в туалете после нашего ухода, я не знал, туалет не коридор, там могло все случиться.

«Как пить дать — отчислят, — подумал я. — Самое обидное, останется строка в биографии: выгнали из-за сортира».

— В туалете прибирался я, — тихо сказал Тимка. — Курсант Шмыгин.

— Товарищ начальник, я разберусь! — прицелкнув каблучками, громко произнес Умрихин. — Они у меня сами сапоги сгрызут. — Что ни говори, а слух у старшины был: по своей, особый — флотский.

— Ну это, может быть, слишком, — уже мягче проговорил Орлов. — Продолжайте работу. Только не надо эти бутя-вугя. Наши песни лучше. А вас, товарищ старшина, я прошу пройти со мной.

После ухода начальства в подсобке установилась тишина, лишь тихо поскрипывали ножи, да, падая в бочки, булькала очищенная картошка. Минут через двадцать невысокий и шустрый паренек из Фрунзе Иван Чигорин, не выдержав, решил сбегать в туалет на разведку. Обрато прибежал, вытаращив глаза.

— Джага приказал Умрихину над одним из унитазов повесить бирку, — выпалил он. — Чтоб не пользовались. Будет эталонным. Теперь кто попадет на это ответственное задание, может сверять свою работу с образцовой. — И, прижав руку к груди, трагически закончил: — Удружили, братья, от всех спасибо!

Так, благодаря Тимке, мы чуть было не прослыли специалистами по туалетам. Старшина отметил его усердие, назначил Шмыгина ответственным за каштерку. Орлов, в свою очередь, записал его в училищный оркестр, и через месяц Тимофея знала не только Колыма. С легкой руки начальника штаба именем Элвис Пресли его стал называть весь Бугуруслан. Он не обижался, говорил: называйте хоть горшком, лишь в печь не ставьте. Но в печь он чаще всего попадал сам. Причем обязательно лез головой. Характер, его не скроешь, он все равно что плохо загнутый гвоздь в ботинке: сколько ни закрывай, ни прилаживайся, обязательно вылезет наружу.

Всех, кто был из-за Урала, Шмыгин называл земляками.

— Ну, а те, кто родился за Полярным кругом, наверное, тебе братья? — шутили курсанты.

— Да, но таких здесь нет, — в тон отвечал им Шмыгин.

Без особых происшествий, в учебе и курсантских заботах — зачетах, экзаменах, нарядах, прошла осень, зима. Мы научились быстро вставать и одеваться, ходить строем и петь любимую

песню старшины про стальную эскадрилью. Постепенно начали притираться друг к другу, и даже Умрихин перестал напоминать дрессировщика. Курсанты реагировали на него, как водители реагируют, скажем, на светофор.

Весной нас перевезли с центрального аэродрома в летний лагерь, который размещался в Завьяловке.

После самостоятельных полетов, когда мы уже вовсю начали крутить виражи, бочки и петли, по радио сообщили — в космос запустили Валентину Терешкову. Эта новость потрясла всех. Шмыгин позвал меня в каптерку и предложил написать письмо в отряд космонавтов, мол, здоровье позволяет, первоначальную технику освоили, готовы штурмовать новые высоты. Мне идея понравилась: уж если женщина полетела, то нам сам Бог велел. А вдруг повезет? Написали тут же на столе. Ответ пришел через полмесяца. Шмыгин был дежурным по лагерю и сам ездил получать почту. Красивые, на глянцевой бумаге, конверты он заметил сразу же. Глянул — точно, из отряда космонавтов. По дороге домой вскрыл свое письмо, прочитал и, вздохнув, спрятал в карман. Посмотрел мое — успокоился, там тоже был отказ. И тут увидел еще одно письмо — Умрихину. Не утерпел, вскрыл и его. Ответ был стандартный.

— Ты скажи, и этот туда же! — вслух подумал Шмыгин о старшине. — На ходу подметки рвет!

Приехав в лагерь, Тимка разыскал меня, поманил в каптерку.

— Пиши, земля! — протянув стандартный лист бумаги, шепотом сказал он. — Товарищ Умрихин, Летный Центр подготовки космонавтов предлагает вам прибыть, — Шмыгин вытащил из кармана конверт, глянул на обратный адрес, — в город Москву для прохождения медицинской комиссии. — Закончив диктовать, взял лист и в обеденный перерыв заскочил к девчонкам на метео. Там он отпечатал текст на машинке, поставил дату, подпись и, заклеив фирменный конверт, отнес письмо в комнату к старшине. Прибыв с послеполетного разбора, Умрихин приказал Шмыгину убрать окурки возле штаба и ушел к себе. Через несколько минут, с застекленевшим взглядом, он выскочил из своей комнаты и, проверив на кителе пуговицы, строевым шагом направился в штаб. К вечеру из города за ним приехала легковая машина начальника училища. Среди курсантов прошел слух: старшину приняли в отряд космонавтов. На вечерней проверке командир эскадрильи поставил нам его в пример и сказал, что теперь у нас будет новый старшина — Борис Зуев.

Умрихин вернулся через несколько дней. На него было страшно смотреть — худой, злой. Вскоре в казарму прибежал дневальный.

— Генерал-лейтенанта Шмыгина к начальнику штаба! — пряча ухмылку, крикнул он.

— Кажется, сейчас меня запустят в космос, — пошутил Тимка и пошел сдаваться. Из своей прошлой детдомовской жизни он усвоил: повинную голову меч не сечет, и чистосердечно рассказал Орлову все, как было.

Вскоре в штаб вызвали меня, пришлось подтвердить: да, писал, но злого умысла не было, иначе зачем Шмыгину ставить в письме свою подпись. Товарищеская шутка, кто же думал, что

так получится. Конечно, не надо было подписываться генерал-лейтенантом.

— Петр Иванович, Терешковой, Умрихину можно, да! — почувствовав колебания начальника, обиженным голосом вдруг начал Шмыгин. — Но, вообще-то, мои намерения были серьезны. Представляете, как бы загремело наше училище!

— Я тебе загремлю! — взорвался Орлов. — Ваше курсантское удостоверение!

Тимка побелел, медленно, трясущимися руками достал из кармана документ. Джага, выхватив из рук, начал рвать его в клочья.

— Все, больше ты не курсант, — кричал он. — Хотел в космос, теперь поезжай к себе в Якутию. Бренчи на гитаре, танцуй, пой, поддельвай письма. А самолетов тебе не видать, как своих ушей!

Разделавшись с удостоверением и выбросив, что от него осталось, в мусорное ведро, начальник штаба успокоился. В этой истории с письмом в отряд космонавтов была и его вина. Он первым после Умрихина прочитал нашу стряпню, а потом позвонил начальнику училища. Не разглядел подвох. Смутил, как он потом говорил, настоящий конверт.

Побарабанив по столу пальцами, Джага вздохнул и неожиданно начал успокаивать Тимоху.

— Вот что, Шмыгин, ты сильно не беспокойся. Думаю, отчислить мы тебя не будем. Удостоверение восстановим, я сам об этом позабочусь.

— Петр Иванович, милый, не тревожьтесь! — в тон ему растроганно взвизгнул Шмыгин. — Здесь накладка получилась, цело оно у меня.

Тимка вытащил из другого кармана коричневое курсантское удостоверение, показал его Орлову и быстро спрятал обратно.

— Вы, по ошибке, мой профсоюзный билет порвали.

— Ну, шельмец, достукаешься у меня! — схватившись за сердце, сказал Орлов. — Старшина, этим двум субъектам до отпуска не давать увольнительных. На хозработы, в столовую! Пусть рубят дрова на зиму.

«Нашел, чем пугать, — столовой, — облегченно подумал я. — Колоть дрова — мое любимое занятие».

Я понимал, это наказание не Шмыгину — мне. А с него, как с гуся вода. Не пройдет и недели, как большое начальство затребует его к себе. И сам старшина баян или гитару поможет до машины поднести. Бывало, и уедут вместе, петь в два голоса. Нет, на Тимоху я не обижался, более того, иногда становилось жалко. Свободного, своего, времени у него не было. Шмыгина выдергивали по любому поводу: концерт, свадьба, именины — звонят, требуется музыкант и исполнитель. Поначалу он и меня пытался приобщить, как говорил, к светской жизни. Все в той же каптерке пробовал давать уроки танцев, совал в руки гитару. Учеником я оказался неприлежным, хотя Тимка говорил, что при соотвествующей работе над собой из меня будет толк.

— Для этого, земляля, надо ходить на танцы, влюбляться, а ты в казарме сидишь, да футбол гоняешь. Тобой скоро людей пугать будут.

Он был прав, но не тянуло меня на эти танцы-манцы-обжиданцы.

«Разве могут они заменить полеты», — думал я, наблюдая, как друзья перед увольнением начищают ботинки. Мелкие неудобства, вроде колки дров и уборки территории, казались пустяковой ценой за то, чтобы подняться в воздух и посмотреть на мир сверху. А на земле, в свободное от полетов время, жизнь моя шла по одному и тому же нехитрому маршруту: казарма, столовая, библиотека, стадион, казарма. Казалось, впереди много времени, еще успею нагуляться.

Танцы проходили каждую субботу в стареньком сельском клубе. Заведующая — полнотелая, напоминающая продавщицу мороженого, крашенная блондинка, — включала радиолу и сама подбирала пластинки: фокстрот, танго, вальс. Прочие, современные танцы — твист или чарльстон — пресекались самым решительным образом, музыка останавливалась, и курсанты, потолкавшись возле клуба, уводили девушек в камыши или в лесопосадку. А над поселком из репродуктора вслед несло:

— Хороши вы, камыши, камыши, камыши. Вечернею поро-о-о-ю!

За нравственностью молодежи Зинаида Калистратовна, так звали заведующую, бдила строго, но только на отведенной ей территории. У нее самой подрастала дочка Тонька, которую в поселке называли «Выдри клок волос». В отличие от матери, модные танцы она обожала и была для курсантов своим в доску «парнем».

Однажды, когда мать уехала в командировку, Тонька открыла клуб, и они с Тимкой отвели душу, поставили всех «на уши». А на другой день «на ушах» стоял весь поселок.

В благодарность за удачно проведенный вечер Шмыгин вызвался помочь Тоньке прополоть картошку в огороде. Пригласил меня, Ивана Чигорина, который в последнее время проходил у него стажировку. После работы Тонька пообещала нам истопить баню. Пока мы пололи картошку, Тимка натаскал с речки воды и, чтоб не было скучно, привел подружек. Вечером мы попарились в бане. После нас туда собрались девчонки. Чигорин вызвался принести воды. В это время вернулась из командировки Зинаида Калистратовна. Мы вышли на улицу, оставив Шмыгина налаживать с ней отношения. Он-то и предложил заведующей смыть дорожную пыль, мол, банька истоплена, воды много. И сам с разговорами пошел провожать, хотел похвастаться нашей работой в огороде. Тимка не подозревал. Чигорин оказался неплохим учеником. По дороге с речки он поймал гуся, желая подшутить над девчонками, принес его в баню и пустил плавать в бочку с водой. Гусь подергался, погоготал, Иван прикрыл бочку крышкой, и птица замолкла.

Зинаида Калистратовна разделась после девчонок и решила набрать в таз воды. Как только она приоткрыла крышку, гусь начал бить крыльями и с криком рванулся на волю.

«И летели в полутьме по огороду белые лебеди, — с придыхом рассказывал потом в казарме Чигорин, — а впереди всех, увертываясь от коромысла, несся черный гусак».

Зинаида Калистратовна хотела пожаловаться нашему начальству, но вмешалась Тонька, пригрозив, что уйдет из дому. Пришлось матери спускать все на тормоза: дочь — не клуб, ее не закроешь на замок.

Этим же летом Тонька поступила в педучилище. Когда мы вернулись из отпуска, она со своими подругами стала приезжать на центральный аэродром. Принимали их как родных, а я с грустью отметил: людей сближает не только уборка туалетов, но в большей степени — банные воспоминания.

Встречать Новый год мне выпало опять в наряде. Ну что с этим Умрихиным поделаешь! Неожиданно Тимка предложил подменить меня.

— Ты встреть Тоньку с девчонками, — сказал он, — и проводи в клуб. Не то третий отряд перехватит. А потом меня сменишь.

— А что сам не встретишь? — спросил я.

— Мне новую праздничную песню про старшину доделать надо, — хитровато улыбнулся Шмыгин. — В казарме не дадут. А повод что надо. Сегодня в гости к нам Кобра должна прийти. Надо о себе напомнить, а то, поди, забыла.

На втором курсе, вместо заболевшей учительницы английского языка, с нами некоторое время занималась Клара Карловна. И вдруг все заметили необыкновенное усердие старшины. Он стал оставаться на дополнительные уроки, а после провожал англичанку до автобуса. Была она незамужней и старше его на десять лет. Но это обстоятельство Умрихина не смущало, суровое, стальное сердце старшины пронзила стрела амура. В будущем он уже видел себя командиром корабля на международных трассах, а без знания английского языка там делать было нечего.

— Стратег, не то что мы! — разводил руками Шмыгин.

У него с Кларой Карловной отношения не сложились. Существовало правило, едва преподаватель появлялся в классе, дежурный обязан был доложить, кто присутствует на занятиях. Как все это произносится по-английски, Шмыгину написали.

«Начни так: Комрид тиче и далее по тексту», — посоветовали ему доморощенные полиглоты.

Но ему удалось произнести лишь первые, ставшие впоследствии знаменитыми два слова.

— Кобра птичья! — звенящим голосом торжественно начал он, думая, что на английском это должно означать: товарищ преподаватель! И долго не мог сообразить, почему его доклад был остановлен визгливым гоготом Клары Карловны, который почему-то напомнил крик того самого деревенского банного гуся.

— Гоу аут! Гоу аут!

А Умрихину, после того, как Клара Карловна отбыла с нами положенный срок, почти каждый день из города стали приходиться письма. Знатоки говорили: исключительно на английском. Отвечал он, обложившись словарями, морщил лоб, пыхтел, и казалось мне: старшина моет пол.

Мы подозревали, что сепаратистские настроения с проведением собственного новогоднего вечера имели под собой английскую основу.

Начальник штаба поручил всю организацию хозяевам — третьему отряду. Те задрали нос, начали ставить свои условия, заявили, например, что будут пропускать гостей по приглашительным. И что оркестр на вечере будет свой — центрального аэродрома. Мы возмутились, пошли жаловаться. Нас активно поддержал Умрихин. Тогда Орлов предложил проводить вечер самим, в старом, закрытом на ремонт клубе.

— Но все сделаете собственными силами, ремонт и все прочее: елку, музыку, оформление берете на себя.

Джага одним выстрелом решил убить двух зайцев. Деваться некуда, мы согласились, начали приводить клуб в порядок: чинить электропроводку, красить сцену, белить стены.

Автобус пришел из города раньше времени, и я девчонок провожил, они уже были в новой столовой, где проводил вечер третий отряд. Возле столовой встретил расстроенного Чигорина.

— Бесполезно, уже не пускают, — сказал он. — Выставили дежурных, говорят, у вас свой вечер — дуйте туда.

В столовую я проник через кухню, помогли знакомые поварахи. И попал на предпраздничную толкучку. Курсанты сдвигали в один угол столы и стулья. Гости выстроились вдоль стены и, оживленно переговариваясь, ждали.

— Чего вы здесь не видели! — сказал я, разыскав среди девчонок Тоньку. — Лучшие парни находятся сейчас в нашем клубе.

— Лучшие парни встречаются там, где договорились! — сердито ответила она. — Как мы теперь отсюда уйдем?

— Через кухню.

— Еще чего! Дин, нам предлагают перейти в клуб, — сказала она темноволосой девушке в черном свитере. Та повернулась ко мне и с милой улыбкой язвительно проговорила:

— В туфлях да по снегу. Летать мы еще не научились.

Каким-то посторонним, незаинтересованным взглядом я отметил, что она была красива. И почувствовал — остра на язык. Но это редкое сочетание одного с другим не тронуло, наоборот, обошло.

«Знает себе цену, вот и кочевряжится, — хмурясь, думал я. — Поставить бы ее на место».

Может быть, в другой раз я так бы и сделал, но на улице меня ждал Чигорин, ждали друзья, и от успеха этих переговоров зависело, каким сегодня будет у нас вечер. Я почувствовал, выполнить поставленную задачу можно только через эту языкастую девицу: пойдет она — следом за ней пойдут остальные.

— Милые девушки, обещаю: там вас ждет лучшая елка в Бугуруслане, оркестр и Тимофей Шмыгин, — голосом уличного зазывалы начал я. — Такое не повторится.

— Кто такой Шмыгин? Первый раз слышу, — вскинув свои большие зеленые глаза, произнесла Дина.

— Я тебе говорила, Элвис Пресли! — всплеснула руками Тонька. — Забыла?

— Это тот, с кем ты меня хотела познакомить! — протянула Дина. — Но как же мы без пальто, одежду у нас забрали.

— А мы завернем вас в шинели и унесем на руках, — пообещал я.

— Если так, то мы согласны! — засмеялась она.

Я быстро сбегал за ребятами, те захватили шинели и прибежали к столовой. Девчонки выходили через кухню, мы набрасывали им на плечи нашу курсантскую одежду, они, смеясь и оглядывая друг друга, гуськом шли в клуб. Лишь одна Тонька проверила, насколько наши намерения были серьезны. Мы с Читгориным посадили ее к себе на плечи и с шумом, как орловские рысаки, домчали до дверей.

— Ой, какая у вас елка! — в один голос воскликнули девчонки, переступив порог клуба.

Мысленно я похвалил себя: не зря старались. Елку мы с Виткой Суминым спилили и приволокли из питомника. Была тщательно обдумана и проведена криминальная операция. Хоронясь от милиции, тащили ее поздним вечером через весь город.

— У нас все, как в лучших домах Лондона, — скромно ответил я. — А какой оркестр, куда третьему отряду до нашего.

И тут Умрихин объявил, что в честь прибывших гостей проводится конкурс на лучшее исполнение твиста и чарльстона.

— Попробуем! — с каким-то скрытым вызовом, улыбнувшись, вдруг предложила мне Дина. — Лучшие парни должны уметь все. — Наверное, она хотела проверить, умею я танцевать или нет. Но скорее всего потому, что рядом не оказалось того, кто составил бы ей компанию.

Я пожал плечами: давай станцуем. Гибкая, подвижная, она танцевала легко и свободно, и мне оставалось только подчиняться, повторять все, что она предлагала. Я поглядел на себя как бы со стороны, получалось совсем неплохо, вот где пригодились Тимкины уроки. Когда объявили, что первое место присуждается нашей паре, я не поверил, потом сообразил: моей заслуги здесь не было.

Приз — плюшевого медвежонка — Умрихин торжественно вручил Дине. Рядом с ним, в строгом синем костюме и ядовито-желтой кофте, поправляя очки, стояла его английская подруга и строгими глазами следила за всей церемонией. Тот, видимо, почувствовал ее взгляд, согнал с лица улыбку, оно вновь приняло обычное, озабоченное выражение. Я собрался уходить: надо было менять в наряде Шмыгина.

— Как! А Новый год встречать? — удивилась Тонька. — Сам позвал и убегаешь.

— Мне на боевой пост, — улыбнулся я. — Кроме того, я обещал вам еще Элвиса Пресли.

— Жаль, — сказала Дина. — Ты хорошо танцуешь.

— Тимка танцует лучше, — ответил я. — Он у нас король твиста и чарльстона.

Еще раз поискав предлог, чтоб уйти, я вдруг почувствовал: уходить не хотелось. Я знал, как только ступлю за порог, тут же пропадет это удивительное праздничное чувство, исчезнет музыка, которая все еще звучала во мне.

— Скажите, а вы ходите на лыжах? — спросил я Дину.

— Она была чемпионкой школы, — с гордостью ответила за подругу Тонька.

— У меня возникла идея, давайте встретимся на Рождество, на

Кинели под мостом,— предложил я.— Сходим в лес, я там недавно лосей видел.

— Ничего не скажешь, оригинально,— засмеялась Дина.— Девушкам обычно в городе под часами свидания назначают. А здесь под мостом, да еще на лыжах. Хорошо, договорились.

После новогоднего вечера среди курсантов стала популярной песня, которую мы попытались петь в строю:

*Может, летом, а может, зимой —
Кобра птичья шла с вечера танцев домой.
Словно в море — крутая волна,
Рядом с нею шагал старшина —
Эльвиса Пресли забыла, забыла она...*

Но старшина шуток не принимал, останавливал строй и начинал воспитывать. Мы в ответ говорили: не каждый может похвастаться, что про него есть песня.

— Хватит травить баланду! — бросал он.— А ну, запевайте стальную эскадрилью.

На Рождество мы с Иваном Чигориним взяли лыжи и покатали на свидание под мост. Но в назначенное время девчонок там не оказалось. Я поглядывал в сторону города и гадал, придут или не придут. Левый берег реки был покрыт лесом, на ветках плотно лежал снег, и зимнему солнцу не хватало сил пробить его насквозь. Было сумрачно и тихо. Время от времени над примолкшими макушками деревьев, словно желая подсказать, что ждем напрасно, секли сизый холодный воздух вороны, да с грохотом проносились по мосту редкие машины.

На другой день пошли на танцы в педучилище. Дина с Тонькой встретили нас так, будто ничего не произошло. Танцы получились скучными, и я предложил Дине погулять по городу. Она быстро согласилась.

Выбирая самые темные, заостренные деревянными домами улицы, мы пошли вниз к реке. Ко мне вернулось то самое легкое праздничное чувство; вновь хотелось танцевать, петь, прыгать, смеяться. Казалось, среди этих темных домов мы одни на целом свете. Я забегал вперед и бил ногой по заснувшим стволам тополей. Сверху из темноты неба на нас обрушивалась снежная лавина. С деревьев облетал куржак. Дина сняла с моей головы папку, отряхнула снег и быстрым движением по самые уши напялила ее обратно. Мне захотелось поцеловать девушку, но я не знал, как это делается. Произошло все само собой. Когда мы вышли на берег Кинели, она, смеясь, толкнула меня, и я, прихватив ее, повалился в сугроб. Упали, а вернее провалились во что-то тугое и глубокое. Дина упала на меня сверху, неожиданно рядом я увидел ее глаза, почувствовал мягкие горячие губы.

А потом мы бежали через весь город, она боялась, что я не успею на автобус.

— Опоздаешь, и мы с тобой можем не увидаться долго-долго,— торопливо говорила она.— А я этого не хочу.

— Я сбегу к тебе в самоволку.

— Никогда не смей этого делать,— неожиданно остановилась Дина.— Обещаешь?

— Завтра же сбегу, — шутливо пообещал я.

Мне было приятно, что она беспокоится обо мне, за самовольные отлучки карали беспощадно, провинившихся отчисляли из училища. Скольких трагедий произошло на наших глазах.

— А почему не видно Элвиса Пресли? — через неделю, провожая меня на автобусную остановку, как бы невзначай спросила Дина. — Интересный парень, смешной. Он мне про свой Север такое понарасказывал. Просто ужас!

— Их сейчас с Умрихиным трясут, — не сразу ответил я. — Залетели они крепко, могут отчислить.

— Что произошло? — встревоженно спросила Дина.

— У нас маршрутные полеты начались, — начал рассказывать я. — Умрихин полетел самостоятельно со Шмыгиным. Погода была паршивенькая. На обратном пути они заблудились. Чтобы восстановить ориентировку, сели возле какого-то большого села на вынужденную. К самолету на «газике» подъехал председатель колхоза. Тимка выскочил, спросил, как называется село. Тот подозрительно глянул на его лицо, но все же ответил: «Русский Иргиз». Шмыгин, довольный, протянул председателю руку: «Будем знакомы — Элвис Пресли», — и в двери. Умрихин по газам. А самолет ни с места, лыжи к снегу примерзли. Старшина помачал ему, мол, выскочи и деревянной колотушкой по лыжам постучи. Зимой на «Аннушке» такую специально возим, — объяснил я. — Тимка выскочит, постучит, самолет стронется. Ну а пока до двери бежит, лыжи вновь к снегу прилипают. Решили не останавливаться. Тимка постучал, самолет покатился. Он к двери. Забросил в фюзеляж колотушку, а у самого сил не хватило, упал на снег. Умрихин стук услышал, подумал, Шмыгин в самолете, по газам и в воздух.

Председатель отъехал к селу, но решил проявить бдительность, достал бинокль, начал наблюдать за взлетом. И увидел: что-то живое выпало из самолета. Он — в село, позвонил в больницу и милицию: так, мол, и так, садился к нам аэроплан. «Я сам разговаривал с темнокожим, не то американцем, не то инопланетянином — Элвисом, и, похоже, один из них сейчас валяется за селом на снегу».

А Умрихин только в воздухе обнаружил пропажу. Надо отдать ему должное, не бросил товарища, развернулся и снова сел на прежнее место. Подобрал Тимку и ухитрился на этот раз взлететь без происшествий. Прилетели на центральный аэродром и молчок. А в Русском Иргизе — переполох. Приехали врач, начальник милиции — ни самолета, ни инопланетянина. Еще раз выслушав председателя, повезли к доктору, подумали: расстроилась у человека психика. Тот обиделся, начал искать правду. И нашел!

Поймав Динин взгляд, я запнулся. Мне показалось, рассказываю я интересно, смешно, но она молча и отстраненно смотрела куда-то вовнутрь себя.

— Умрихин сейчас объяснительные пишет, — закончил я. — А Тимка в санчасти, ждет, когда буря мимо пронесется.

— Он ведь мог действительно выпасть и убится, — сказала она, и, пожившись, добавила: — В следующую субботу обяза-

тельно приходите — ждем. Может, все вместе сходим в лес на лыжах.

Но пойти в увольнение не довелось. Умрихин, оправившись от пережитого потрясения, поставил меня в наряд. А в следующие выходные наша летная группа заканчивала полеты.

Иван Чигорин принес записку от Дины. «Я ждала, а ты не пришел. Но был Элвис, и мы долго говорили о тебе. Ждем вас на праздничный бал».

Собираясь на вечер в педучилище, я купил альбом, вклеил в него открытки с видами Байкала и Иркутска. И под каждой написал стихи. Пусть Динка знает: хорошие места бывают не только на Севере.

Вечером зашел в каптерку, захотелось проверить, как Тимка отнесется к моей затее. Он сидел за столом и вел запись желающих попасть в полярную авиацию. Говорили: Шмыгину пришел вызов из Калымских Крестов, и он начал подбирать команду. Попасть туда мечтали многие, у северных летчиков были бешеные заработки и особый престиж. Первым в списке оказался Умрихин. Но я почему-то подумал: для Тимки это очередной повод, чтобы разыграть людей.

— Молодец, здорово придумал, — осмотрев открытки, вялым голосом сказал он. — Ей должно понравиться.

Я обиделся: тоже мне друг называется! Вроде бы похвалил, но после его слов мне захотелось выпшвырнуть альбом на улицу.

В педучилище я все же поехал. Начистил на кителе пуговицы, пришел свежий подворотничок и, завернув в целлофановый пакет, взял с собой альбом. Если не понравится, Динка скажет мне сама.

Был первый по-настоящему весенний день. Солнце везде: на крышах домов, заборах, на ветках деревьев. Его было так много, что казалось, оно заполнило все, и я сам излучаю его. Жмурясь и перепрыгивая через лужи, я не спеша шел вверх по улице, улыбаясь встречным людям, проползающим мимо автобусам. В скверике остановился. По ноздреватому весеннему льду, словно тоже получив увольнительные, распахнув свои черные шинелки, прогуливались вороны, и я неожиданно рассмеялся: наверное, и среди них есть свой Умрихин.

В педучилище шел концерт. Тонька, подсев ко мне, шепнула, что сейчас будет выступать Динка. Она появилась в тельняшке и синей юбке, подстриженная под мальчишку. Следом на сцену в ослепительно-белой рубашке и с неизменной гитарой вышел Тимка. Они исполнили совсем еще незнакомую песню Джорджи Марьяновича о маленькой девчонке, которая мечтала о небе и наконец-то полетела над землей.

По-моему, у Тимки никогда не было такого успеха. Зал хлопал и требовал еще и еще. Они переглянулись и запели песню о том, что глупо Чукотку менять на Анадырь, а залив Креста на Крещатик. «И когда только они успели прорепетировать», — думал я, чувствуя, что с каждой минутой мне почему-то становится грустнее и грустнее — Тимка гитарой, как лопатой, зарывал весеннее настроение. Я привык к своей курсантской робе, и обыкновенная белая рубашка заставила посмотреть на Шмыгина как бы со

стороны. Следовало признаться — Тимка смотрелся классно. Я достал из пакета альбом и протянул Тоньке.

— Это тебе на память, — сказал я.

Тонька подозрительно посмотрела на меня, взглянула на открытки и захлопнула альбом; она была вся там — на сцене. Я вновь остался наедине с собой и со своими грустными мыслями.

После концерта я предложил Динке погулять по городу. Она отказалась.

— Может быть, завтра после соревнований пройдемся по лыжне? — предложил я. — Скоро сойдет снег, и я так и не увижу бег чемпионки.

Ей почему-то шутка моя не понравилась. Неожиданно в разговор влез Шмыгин, начал хвастаться, что у него по лыжам первый разряд. Меня это задело, честно говоря, на лыжах я его ни разу не видел. Стоявшая рядом Тонька тут же предложила, кто из нас на завтрашних соревнованиях быстрее пробежит десять километров, тому будет торт и поцелуй самой красивой девушки курса.

— Вы только покажите ее, а то бежать расхочется, — засмеялся Тимка.

— Это будет Динка! — улыбнувшись, объявила Тонька.

— Ты в своем уме? — сердито сказала Дина. — Сама придумала, сама и целуй!

— Я бы с удовольствием! — согласилась Тонька. — Только мой Чигорин на лыжах не умеет, он в горячих песках вырос.

202 За победу Тимка боролся отчаянно, до самого конца. Где-то посреди дистанции даже опережал меня. У меня не было шапочки, и перед стартом наша врачиха обмотала мне уши бинтом. Спускаясь с моста, я упал, Тимка обогнал меня, но я успел подняться и последним броском сумел на финише опередить его. Я видел: Динка кричала вместе со всеми, только не мог понять кому. После финиша ко мне подбежала Тонька, обняла и поцеловала в щеку.

— Что у тебя с головой, ты ранен? — спросила она.

— Убит, — хмуро ответил я, наблюдая, как Дина утешает Шмыгина.

С того дня началось непонятное. Динка писала мне торопливые записки, которые передавала через Тоньку. Та, в свою очередь, просила передать их мне Чигорина. В них Динка назначала встречу, но почему-то не приходила. Потом, в следующей записке, оправдывалась. Я верил и не верил тому, что она писала.

После первого успеха их начали приглашать на вечера и концерты. А вскоре они с Тимкой уехали с шефскими концертами по области.

«Похоже, Тимка спикировал на нее, — сказал мне Иван Чигорин. — Ты предупреди, нельзя так с друзьями».

«Но кто устанавливает эти самые правила, что можно, а что нельзя? — расстроено думал я. — Не прикажешь же в конце концов!»

Многое мне объяснила Тонька, когда я неожиданно встретил ее около училища.

— Ты знаешь, я не пойму ее, — хмурясь, говорила она. — Я ей толкую: выбери и не мечись. Она забьется в угол и молчит. У нее до тебя уже был один парень — курсант. Его отчислили за самоволку. Тимке проще, ему увольнительных не надо, он в городе почти каждый день бывает.

Лучше бы она не упоминала имя Шмыгина. Узнав, что они вернулись с гастролей, я вечером после отбоя впервые сбежал в самоволку. Отыскал дом, в котором жили на квартире девчонки, постучал в окно. В накинутом на плечи пальто вышла Дина: виноватая, молчаливая и до боли красивая.

— Зачем ты это сделал? — подняв на меня глаза, тихо сказала она. — Я ведь просила.

— Я хотел тебя увидеть. Поговорить.

— Знаешь, нам не надо больше встречаться. И умоляю тебя, ничего не говори, молчи!

— Я и так молчу, — выдавил я из себя. — Не надо, так не надо.

Слова выходили не мои — чужие, будто я взял их у кого-то напрокат. Жизнь остановилась, и все потеряло смысл: слова, клятвы, обещания.

Я развернулся и пошел вниз по улице. Мне казалось, как это бывало уже не раз, она сейчас остановит, окликнет меня. Но нет...

После соревнований мы с Тимкой не разговаривали, при встрече он отводил глаза в сторону. Так продолжалось вплоть до выпускных экзаменов.

В последний свой училищный вечер мы с Чигориным ушли в город, дотемна бродили по улицам, ломали сирень и дарили первым попавшимся девчонкам. Потом Иван пошел к Тоньке, а я поехал на центральный аэродром.

Вернувшись в казарму, увидел в каптерке свет. Тимка собирал свои вещи. Я открыл чемодан, достал бутылку шампанского, которую взял давно, чтоб отметить выпуск, и поставил на стол перед Шмыгиным. Тимка вздрогнул, поднял на меня глаза, затем молча достал из-под стола граненые стаканы. Выстрелив, пробка ударила в потолок, и шампанское, пенясь, полилось на пол.

— Ничего, я смою, — торопливо сказал Тимка. — Помнишь мою методу? — Он развел в сторону руки и одним движением потянул ладони к себе.

— Помню, как же, — усмехнулся я. — Повозил тогда глину.

— Ты пойми меня правильно, — выпив шампанского, начал Тимка. — Перед тобой я себя последней собакой чувствую. И ничего с собой поделаться не могу. Много было девок у меня, но пролетали мимо, как песенки-однодневки. А Динка — как болезнь засела. Ты знаешь, она меня к себе не подпускала, — как бы желая выгородить ее, продолжал он. — Потом эта поездка по области. Приехали в Русский Иргиз, ну то село, где мы с Умрихиным на вынужденную садились. Председатель встретил нас как родных. Концерт в клубе прошел на «ура». Организовал нам ужин, гостиницу. Там все и произошло. Вчера мы с ней подали заявление.

— Знаю, — коротко ответил я, хотя, честно говоря, это было для меня новостью. — Давай не будем об этом.

— Не будем,— согласился Тимка.— Может, позовем Умрихина?

— Он в городе, тоже сегодня подавал заявление,— засмеялся я.— Наверное, они сейчас уже по-английски поют в два голоса про стальную эскадрилью. Старшина цель себе поставил и ни на один дюйм не отвернет от нее.

Мы враз замолчали, оставшись каждый со своими мыслями. Вспомнив Тимкино деление на земляков и братьев, я коротко попрощался:

— Ну что, будь здоров, брат. Авось свидимся. В авиации такое возможно.

Увидев, как дернулось Тимкино лицо, я развернулся и быстро вышел из каптерки. Мне не хотелось, чтобы он меня окликал.

Ночью я сидел на скамейке под молодыми тополями, думал о том, что завтра нам должны выдать пилотские удостоверения. Все останется позади, начнется другая жизнь. Какая, я не представлял.

Но знал: в ней уже не будет Динки, Шмыгина, Умрихина, всего того, что я приобрел и потерял в этом городе...

Через шестнадцать лет у себя в Иркутске перед вылетом меня попросили зайти в отряд. У дежурного лежало письмо для меня. Я посмотрел на обратный адрес — письмо было из Уфы. Я сунул его в карман и пошел в диспетчерскую. Уже в воздухе вспомнил, раскрыл конверт и начал читать. С первых же строк понял — от Динки. Вот только ее фамилию, хоть убей, забыл. Тогда я начал вспоминать все знакомые фамилии по алфавиту. И тут в голове словно замкнуло — Жилина.

Она писала, что у нее две девочки и что часто вспоминает Бугуруслан, меня. Я узнал: Шмыгин в Якутии — уже давно распрощался с летной работой. Халтурит в каком-то оркестре, с горечью сообщала Дина.

Через некоторое время письмо имело продолжение, мне предложили лететь в Чокурдах. На обратном пути, уже в воздухе, сообщили: Якутск закрылся из-за непогоды, надо следовать на запасной аэродром. Я решил садиться в Тикси, заправиться топливом и лететь дальше. И главное, я вспомнил: Дина писала, там нынче обитал Тимоха Шмыгин.

Аэропорт находился на берегу Ледовитого океана, дул боковой ветер со снегом. При заходе на посадку пришлось исполнить настоящий танец со штурвалом в руках. Из самолета вышел мокрым и поднялся в диспетчерскую. Подписывая задание, спросил про Шмыгина.

— Только что был здесь,— сказал диспетчер.— Кого-то встречал. Вы можете позвонить, у него есть телефон.

— Давай приезжай! — заорал Тимка, когда я позвонил ему домой.— У меня как раз гости.

— Не могу, через час вылетаю.

— Хорошо, подожди, я сейчас подскочу.

Через час, когда я, потеряв терпение, хотел захлопнуть дверь и начать подготовку к полету, к самолету подъехала пожарная машина. Из кабины выпрыгнул постаревший и пополневший

Элвис Пресли. Но глаза оставались теми же плутовскими, шымыгинскими. Мы церемонно обнялись и, подшучивая друг над другом, отошли чуть в сторону от самолета.

— С Динкой мы разошлись, — начал рассказывать Тимка. — От меня у нее девка. Поди уже всю за парнями ухлестывает. А Динка, она все принца искала. И чтоб было тепло. А здесь, в Якутии, сам видишь, какие условия. Зимой скукота, только этим можно спастись. — Он выразительно постучал себя по горлу. — Это только в песне глупо Чукотку менять на Крецатик. В жизни все по-иному. Полгода полярная ночь. Кислорода не хватает. Как только появляется возможность, люди улетают на материк. Может, она и правильно сделала. А мне здесь нравится, живу, как король. В аэропорту все схвачено, каждая собака знает. Ты приезжай сюда в отпуск. Поохотимся, рыбку половим.

Я понял: Шмыгин хотел оправдаться передо мной, а скорее всего перед собой. И мне почему-то вновь, как и тогда в училище, стало жаль его. Но еще больше — Динку.

— Послушай, а где сейчас наш старшина? — желая перевести разговор на что-то иное, более приятное, спросил я.

— Как где? Здесь, — быстро ответил Шмыгин. — Он мой прямой начальник. Пожарку я у него выпросил. Командует здешней авиацией. И меня при себе держит. Можно сказать, мы с ним, как Моцарт и Сальери. И кобра птичья здесь. — Шмыгин знакомо, как и в училищные годы, рассмеялся. — Теперь вся тундра говорит по-английски. — Он на секунду замолчал и, грустно улыбнувшись, добавил: — Когда-то самолет казался мне хрустальной сказкой. Я забрался в него, а там кашкан. На мои попытки, как и прежде, совместить приятное с полезным, он сказал — Гоу Аут! Жизнь не обманешь. Вот такие дела. Там я тебе свои последние песни привез. — Он кивнул на самолет. — Водила должен был забросить, спроси у бортмеханика.

Пожарная машина, пробивая фарами пургу, тронулась с места и через несколько секунд скрылась в снежной крутоверти.

Новыми песнями Шмыгина оказались два мешка мороженой рыбы.

Читатель - стена - читатель

Я — бывший алкоголик. Конечно, сам себя я долгое время таким не считал. Думал, пью, как все: за стаканом многие проблемы у нас на Руси решались и решаются. С людьми, мол, контакт находишь, а как «законтачить» без бутылки? Так и шла жизнь — от похмелья до похмелья. Вечером душа орлом парит, утром — червяк в навозной куче... Но опять же — до первого стакана. А что в том стакане — «бормонта», водка, «аптека», денатурат — не важно. Лишь бы полегчало. И «легчало» — до следующего стакана... Однажды очнулся я — на деревьях листья зеленые, трава вместо грязных сугробов. А пить начал еще при снегопаде.

В перерывах между запоями — «латал дыры»: работал, отдавал долги, суетился, чтобы как-то людям в глаза смотреть. Честно скажу, мучился и физически, и морально — страшно. «Зализывал раны», как мог, от этого и в характере появилась как бы щербинка: чувствовал себя виноватым перед всеми — перед женой, детьми, отцом, друзьями. Так и крутилось чертово колесо: от пьянки до похмелья, от похмелья до новой пьянки. Ну а в редкие просветы — боль, стыд, унижение.

...Пить я начал после армии. Потихоньку, полегоньку, а лет примерно с 32-х до 42-х — что называется, в глухую. Жена выгнала, места работы менял все время. Друзья, что еще верили в меня, помогали, как могли, — и деньгами, и словом доб-

рым. Но я уже чувствовал, что и им в тягость становлюсь. Рекомендовать меня на хорошую работу (а я был когда-то сильным конструктором-проектировщиком) уже никто не решился. Ошивался по разным «конторам» на 120—140 р...

Как-то (мне уже было тогда лет 45) меня здорово скрутило. Думал, все, помру. И не поверите — испугался! По-настоящему, до озноба... И понял: есть два пути. Один — сдохнуть под забором, другой — бросить пить. Совсем.

И, знаете, не могу сказать, что мучился, что это стоило каких-то героических усилий. Правда, поначалу срывался: месяца три — ни грамма, потом сутки-другие — запой. Но срывы эти становились все реже. И вот уже шесть лет, как я не пью спиртного вообще — ни капельки. Даже пива... И с болью смотрю на тех, кто пьет, как когда-то пил я.

Протоядя мимо киосков с витринами разномастных бутылок, вспоминаю библейское: «...велик соблазн и слаб человек...» Но так ли уж слаб?

Сейчас у меня интересная работа, достаток, душевное равновесие. Я уважаю себя. А это многого стоит... Письмо в «Смену» написал вот почему: пить или не пить — должен каждый решить для себя сам. Но если человек решил жить трезво, ему обязательно нужна помощь. И в первую очередь — понимание. Знаю это по себе, оттого и прошу опубликовать мою «исповедь». Может, для кого-то она станет тем самым камешком, который застопорит «чертово колесо», даст мгновение, чтобы остановиться, оглянуться...

В. ЛЕОНИДОВ, Москва

ЖИВОЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК

Владимир Зотов, фотограф из Казани, рассказывает:

— Мне было лет 12, жил я тогда в селе Аксубаево. Был у меня аппарат «Любитель»: что увижу — щелк-щелк... В бане устроил себе лабораторию. И вот помню, как впервые опустил фотобумагу в ванночку с проявителем и буквально обомлел — белый прямоугольник ожил! Прямо из ничего медленно обозначились знакомые лица, угол избы, деревья... Это было фантастично!.. Мне сейчас уже

пятьдесят семь, я отснял километры пленки, опубликовал тысячи снимков, получил десятки премий и призов, а вот те секунды перед ожившим прямоугольником храню в душе как самую большую ценность... Пойми, для меня, сельского пацана, это было чудом!

Ощущение чуда, а точнее, ожидания его, Владимир Зотов сумел сохранить в себе и по сей день. Его лучшие работы необъяснимо сочетают в себе «моментальность», когда удачно схвачена та или иная житейская ситуация, и ауру, воздух вечности...

— Портретная, постановочная съемка для меня менее интересна. Но и газетный репортаж — не совсем то... Хотя репортажей этих я выдал на-гора уйму, как-никак в газетах проработал более тридцати лет...

— Ты ищешь «свой снимок» где-то на грани репортажа и постановки?

— Скажем так: смотрю в «рамку» и жду, когда прямоугольник оживет — тут все дело в деталях, штрихе: поворот головы, полуулыбка, жест. Я, не поверишь, чувствую в кадре даже движение воздуха... Но, увы, не всегда удается это «схватить», зафиксировать...

То, что мы предлагаем сегодня читателям, безусловно, из разряда «схваченного».

«Видеть самих себя...» — говорил великий французский фотограф Анри Картье-Брессон, имея в виду суть художественной фотографии.

Видеть себя в своих работах стремится и казанский фотограф Владимир Зотов.

Ведь в конце концов фотография не просто глянцевый слепок, а и в самом деле «живой прямоугольник» нашего бытия.

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

Кокетка.

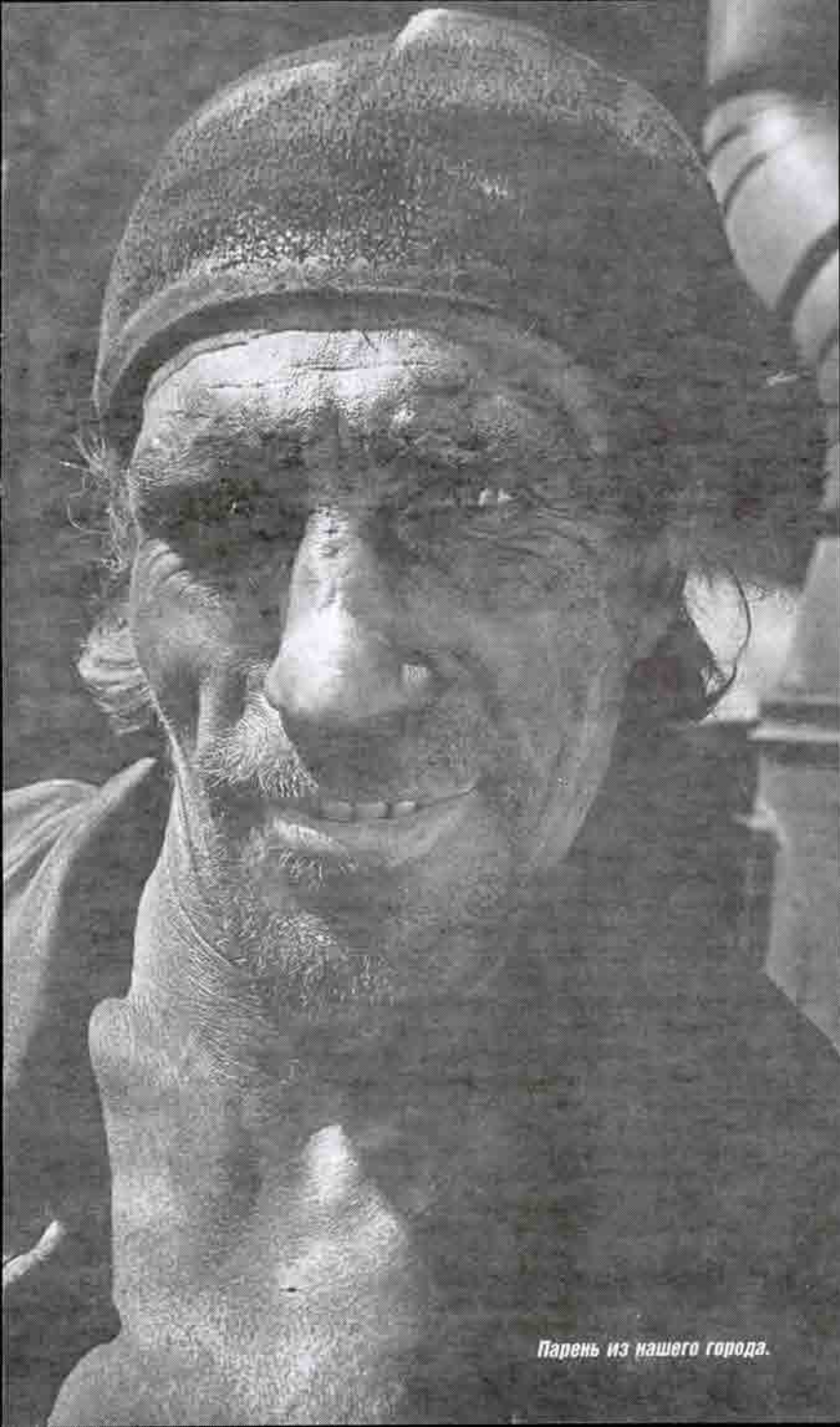
Собор Петра и Павла. Казань, 1981 г.

В глазной клинике.

Сила — есть!

Парень из нашего города.

Юрий Гагарин. Казань, 1967 г.

Сергей Яковлевич Лемешев. Пермь, 1962 г.

Двое...

*И снова — даль, и снова — небо,
и я навек у них в долгу
за тот ломоть ржаного хлеба,
что даже черствым берегу.*

*Но так ли преданно и строго
хранит святыни человек?
В утратах вся его дорога,
крестьянский путь из века в век.*

*И что с того моей Отчизне?
Она по грудь в снегу опять.
Я потерял почти полжизни,
чтоб слово о себе сказать...*

ТРУД

*Простуда не так-то легка,
и ты, по-серьезному болен,
привычно встаешь до звонка
и едешь на тракторе в поле.*

*Там дружный не убран овес,
густая не сжата гречиха,
и утренник, первый мороз,
готов похозяйствовать лихо.*

*Поэтому — слава труду!
И я, завершив косанину,
простуду свою изведу,
усядусь курить под рябину.*

*Лампадками гроздь зажглись,
и сосны над заводью речки
установили в синюю высь
свои розоватые свечки.*

*Какая повсюду краса!
По теплomu свет золотится
и льется с небес на глаза,
на желтые в зелени листья.*

МОЙ ПУТЬ

*Так тяжелы подъемы, спуски,
где каждый шаг — последний шаг!..
Где от трехкратной перегрузки
стучит, пульсирует в ушах.*

*Мой путь не для наград победных
в огонь, в пургу, в глухую ночь —
ради того, чтоб среди бессмертных
мог смертный муку превозмочь.*

*Мечтаю: срублю свой дом
и жить буду славно в нем
без горести и печали.
Но только кривлю душой —
ведь нету судьбы такой,
в которой бы не рыдали.*

*И все же — туда, туда,
где в речке стоит звезда
и сладко поют тальянки,
где травы, поднявшись в рост,
светлы от шюльских рос
и словно они — саранки.*

*В печах и домнах тлеет небо,
роняет пепел, клочья мглы...
Ты голоден, ты хочешь хлеба,
его не будет без воды.*

*Сгорают чувства, но не можем
под жгучим солнцем без огня, —
огонь взлетел, и снова ожил,
и заново обжег меня.*

*Не все во мне перегорело,
но пригорело кое-где,
а сердце, обжигаясь, пело,
любило в горе и в беде.*

*И от любви бывало плохо,
и счастье может душу сжечь,
и дров подбросила эпоха
в людскую пламенную печь.*

*Великий путь открылся взору,
и столб огня ударил в нас —
впередсмотрящих и дозорных,
в шеренге первой в первый раз.*

*Сгорают глупость и бравада,
в реке времен твое весло...
А говоришь: душа не рада.
А плачешься: не повезло.*

≡
*Не прощайся, даже если
на душе заноз полно:
пой свои простые песни,
пей (не очень-то!) вино.*

*Кто мы в жизни? Разберутся.
А отступишь — будешь трус.
Избы просто создаются:
в лапу угол, брус на брус.*

*Пусть меня, как ту же клячу,
поизъездили года,
я давно уже не плачу
ни о чем и никогда.*

*Лейся, песня! Пенься, брага!
Полным будь всегда, стакан!
Не умру с перенапряга,
никогда не буду пьян...*

*Непогода надо мною,
непогоды не боюсь!
И упорно строю, строю:
в лапу угол, брус на брус.*

≡
*Судьба — надежда, но все больше
вгоняет в горькую тоску.
Как будто я полмиру должен,
а расплатиться не могу.*

*Вот и сейчас мне вслед за братом
отца родного провожать,
а ведь до них в слезах утраты
уже похоронил я мать!*

*Уже похоронил я волю!..
Уже похоронил я грусть!..
Лишь золотому гулу поля
да Богу гордому молюсь.*

*Я расплатился с миром честно,
все, без остатка, отдал сам.
И все ж лечу, взлетаю песней
все выше, выше... к небесам!*

≡
*Пока метель твоя крылатая
не пролилась слезой из глаз,
лети, зима, лети, проклятая,
лети без устали от нас.*

*И мы, неслыханные грешники,
в ушанках, сдвинутых на лоб,
увидим, как легко подснежники
в ложбину сдвинули сугроб.*

*И улыбнулись так доверчиво,
что лед заохал у запруд,
и соловьи на ветке вечера
переглянулись — и поют.*

*Туча за тучей, волна за волной,
солнце за солнцем, луна за луной,
катер качается и колыбель,
время кончается, близится мель,
и не утонешь, не уплывешь, —
зыбь замочает, замучает дрожь,
в брюхо ударит навывлет скала,
жизнь пролетела, была — не была,
облако — чайкой оплачет навзрыд
полурастерзанный спасшийся быт, —
грозно идут над великой страной
туча за тучей, волна за волной...*

*А за окном светло и зримо
встает малиновый закат.
Все тучи — мимо, ветры — мимо,
и я тебе, как прежде, рад.*

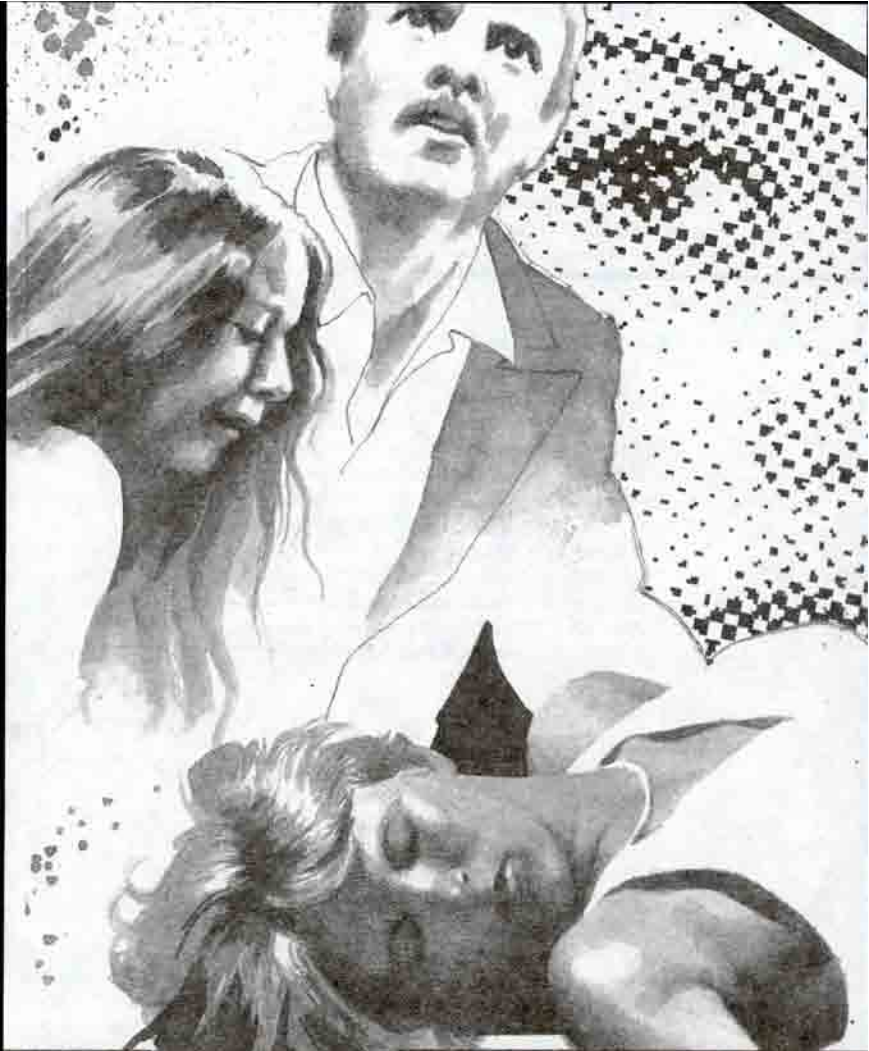
*Не говори мне о печали,
она была, но вот — смотри —
ее, как ягоды, склевали
с ветвей рябины снегири.*

*Я — говорю-кричу из боли:
для радости, не для крови
я заседал надежды поле
святыми зернами любви.*

*Я — говорю-кричу из смерти:
какая б ни клубилась мгла,
я до конца стоял на тверди
за Русь, за славные дела.*

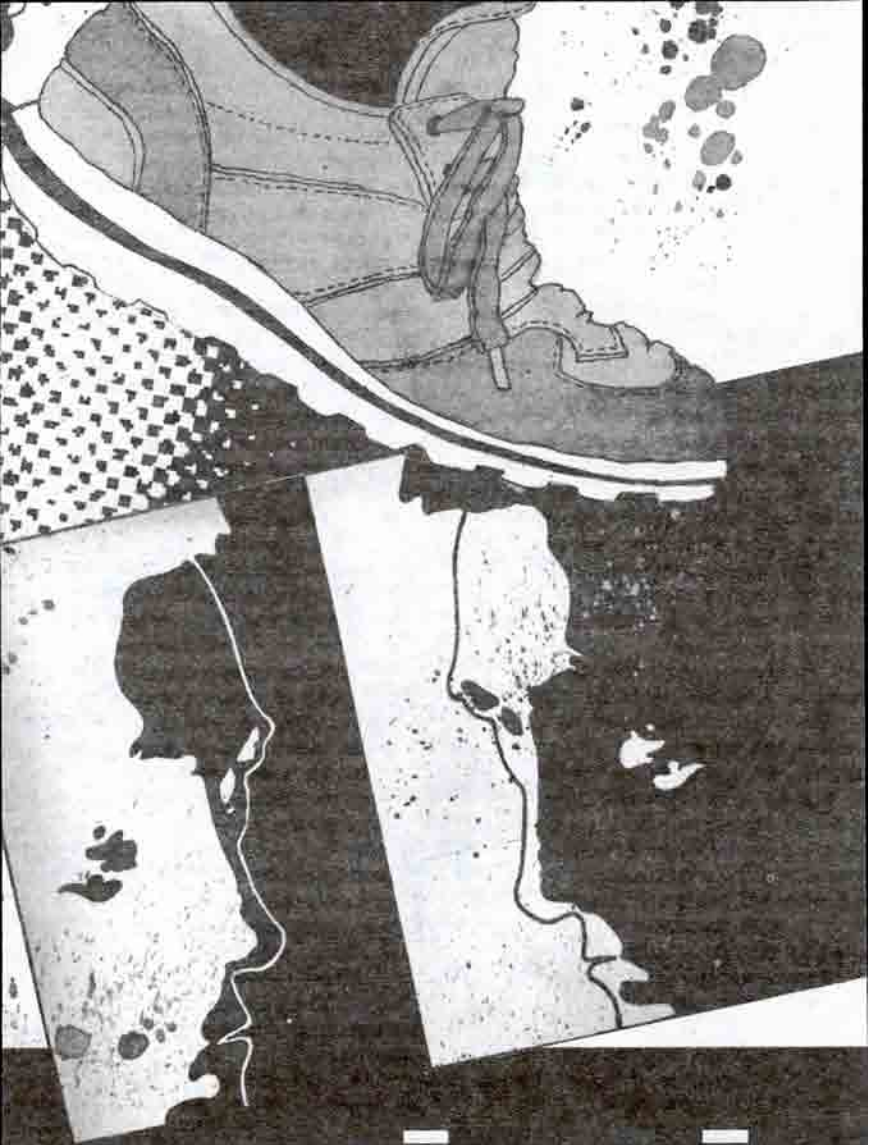
*Я — говорю-кричу из праха:
там, где воздушная струя,
летает, кружится без страха
душа рассветная моя!*

ВЕСЕННЕЕ

АМАНДА КРОС

УТРО

С

УБИЙЦЫ

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

— Я не апеллирую к Фрейдю, — возмутилась Кэт. — Это то, что Джойс называет фрейдистскими ошибками. Необоснованные умозаключения людей простодушных и не обладающих аналитическими способностями.

— Если ты хочешь внести элемент садизма в наши невинные игры в психиатрию на дому, то я бы прекратил дальнейшую дискуссию, — ответил спокойно Эмануэль.

Но, разумеется, они не собирались ничего прекращать. Их дискуссия тянулась годами и лишь подпитывала обоих.

— Между прочим, — сказала Кэт, — я нашла тебе симпатичную пациентку. По крайней мере одна студентка очень просила меня рекомендовать ей хорошего психиатра, и я дала ей твой адрес. Впрочем, не знаю, обращалась ли она к тебе. Но даже если нет, то полагаю, еще обратится. Ее зовут Джанет Гаррисон.

— Учитывая вышеизложенное, Эмануэль должен гордиться! — воскликнула Николь. — Приосанься, дорогой, тебе оказана высокая честь.

Николь, жена Эмануэля, участвовала в спорах, но пассивно, как зритель на теннисном матче, следящий за мячом, — ее голова поворачивалась каждый раз в сторону говорившего. Туда-сюда, туда-сюда...

— Фрейд вообще ни при чем, — завелась снова Кэт, — как и его глобальная теория. Хотя немаловажно как раз ее широкое распространение. Я всегда вспоминаю анекдот про японца и Святую Троицу: «Святой Отец — это хорошо. Святой Сын — очень хорошо. А вот Святая птица — это я никак понять не могу».

— Твои цитаты подливают масла в огонь, — с усмешкой заметил Эмануэль, — но ни на йоту не подвигают к истине.

— А у меня давно вертится на языке одна прекрасная цитата, — перебила их Николь, слегка танцующим шагом подходя к окну. Обращаясь к белой пелене, покрывшей город, она с пафосом продекламировала: — Зимой ты разве скажешь, что весна минула?

И, как оказалось, это были самые значительные слова, произнесенные в тот вечер.

1

Весну в американском студенческом городке Кэт уже давно воспринимала как время, когда над душой властвует состояние, среднее между ленью, раздражением и совершенно необъяснимой капризностью. «Быть может, это потому, — думала Кэт, — что ты становишься старше, а студенты вокруг тебя, как солдаты цезаря, всегда молоды».

В коридоре, на лавочке, примостились в ряд несколько студентов. Отличники с первым теплом «испарялись» из городка или появлялись в самые неожиданные моменты, громко обсуждали наиболее сложные вещи пройденного курса. Середнячки и отстающие, особенно из бедных семей, начинали беспокоиться об

отметках. Апрель, подстегивая их мыслительный процесс, напоминал: если хочешь иметь что-нибудь поприличней, чем «неуд», надо поторопиться. Кэт знала, что за этим они к ней и пришли. Покляччуть. Со вздохом открыла дверь своего кабинета — и остановилась, удивленная и рассерженная, увидев у окна незнакомого мужчину. Он повернулся к ней и сказал:

— Пожалуйста, входите, мисс Фэнслер. Я капитан Стерн, детектив из полиции. Секретарша, которой я показал свои документы, предложила подождать здесь. Она любезно провела меня в ваш кабинет. Я здесь ничего не трогал. Может быть, вы сядете?

— Уверю вас, капитан, — ответила Кэт, усаживаясь за свой стол, — я почти ничего не знаю о личной жизни моих студентов. А что случилось? Кто-нибудь из них попал в неприятную историю?

— Будьте добры, мисс Фэнслер, расскажите, что вы делали вчера утром до двенадцати часов?

— Что я делала?! Не понимаю. Капитан Стерн, уверю вас...

— Будет лучше, если вы просто ответите на мои вопросы.

Кэт посмотрела на него молча несколько секунд, пожала плечами. Она уже видела весь эпизод на трех-четырёх страницах — с прямой и авторской речью, отбивками и прочим: дурацкая привычка литератора. Рука сама вытащила сигарету из пачки. Капитан поднес зажигалку. Тоже молча, терпеливо.

— Вообще-то у меня был свободный день, — начала Кэт. — Я пишу книгу. Все утро провела в библиотеке, отыскивая нужных авторов. Меня интересуют девятнадцатый век. В час дня помыла руки и перекусила в студенческой столовой. Там я встретила Пеппе, преподавателя. Мы пообедали вместе.

— Вы живете одна?

— Да.

— Во сколько вы пришли в библиотеку?

— Около половины десятого.

— Вас кто-нибудь видел, когда вы «искали авторов»?

— Имеется в виду мое «алиби»? Нет, капитан. Я взяла томик Карлейля и работала с ним в углу за столом. Может, меня кто-нибудь и видел, но узнал ли? Понятия не имею.

— У вас есть студентка по имени Джанет Гаррисон?

В книгах, которые читала Кэт, все детективы были влюблены в свою работу. Влюблены в подозреваемого. Или в убийцу. Так или иначе — были одержимы. Ее заинтриговало: чем одержим капитан Стерн?

— Джанет Гаррисон... Да, она занималась у меня на последнем семестре. Новелла девятнадцатого века. Такая была тема.

— Вы советовали ей обратиться к психиатру?

— Господи, — вздохнула Кэт. — Так значит, вот в чем дело. Неужели полиция проверяет всех, кто посещает психиатра? Но я ей ничего не советовала. Подобные «советы» не входят в мою компетенцию. Джанет пришла ко мне уже определенно настроенная. Или ее кто-то настроил. Она спрашивала о хорошем специалисте, почему-то полагая, что именно я знаю всех психиатров в Нью-Йорке.

— И вы рекомендовали ей такого специалиста? — не отвечая улыбкой на улыбку, спросил Стерн.

— Да! Получается — рекомендовала.

— Можете назвать его имя?

Неожиданно Кэт разозлилась. Она отвернулась к окну и посмотрела на улицу, где разливался теплом и зеленью апрель. Потом скосила глаза на детектива. Тот сидел прямо. Апрель на него явно не действовал. Для капитана Стерна все месяцы были одинаково ужасны.

— Скажите, капитан, я обязана отвечать на этот вопрос? Может быть, вы все-таки объясните, в чем дело. Почему я должна не только исповедоваться, но и сообщать имена моих знакомых? Не достаточно ли того, что я провела вчерашнее утро лишь с одной человеческой душой? А Томас Карлейль умер полвека назад. Сие обстоятельство, по-моему, исключает возможность скромной мисс Фэнслер быть замешанной... даже не знаю в чем...

Но все напрасно! Прошибить капитана Стерна, наверное, еще не удавалось никому. Он стойко игнорировал и эту гениальную тираду.

— Значит, Джанет Гаррисон обратилась к вашему знакомому психиатру. Она осталась довольна?

— Я не знаю. Представьте, даже не знаю, ходила ли она к нему. Имя, адрес, номер телефона — все это я дала девушке. А больше не видела ее и думать о ней забыла. Помню, лишь врачу сказала. Мол, так и так.

— Разумеется, врач сообщил бы вам, явись к нему эта пациентка. Если, конечно, он ваш друг, — легкий нажим на последнее слово.

— Верно, но не совсем, капитан Стерн, — парировала Кэт. — Этот врач — заслуженный член нью-йоркского психотерапевтического института. Не в принципах людей его профессии и звания обсуждать пациентов со своими друзьями. Он мне ничего не говорил. Тем более что я не спрашивала.

— Какой была эта Джанет Гаррисон? — не унимался Стерн, присаживаясь напротив.

Кэт откинулась на спинку стула, пытаясь определить степень умственного развития своего собеседника. Как преподаватель, она знала, что попытки упростить предмет приводят к фальсификации.

Нужно уметь выражать мысль предельно ясно. Что же натворила Джанет? Они хотят установить ее невменяемость? Черт! А полицейский-то твердый орешек.

— Капитан Стерн, — изобразила она величайшие кротость и долготерпение, — студенты не афишируют свою личную жизнь. Здесь они учатся. Но надо понимать, что все они находятся в зависимости от одних и тех же обстоятельств. Они как бы в тисках между эмоциями и финансовым положением. А возраст! Все молодые страдают прежде всего от любви. Или от ее нехватки. Представьте: девушка ложится в постель с любимым человеком. Это одно душевное состояние. Она ложится с нелюбимым — совсем другое. А если она ложится в пустую постель, то это нечто третье. Частенько ребята попадают в очень сложные, запутанные ситуации. Мы, учителя, обо всем этом ничего не можем знать или знаем самую малость. Джанет Гаррисон... Ну так вот, лишь

поверхностное впечатление. Могла ли она ограбить банк? Нет. Почему? Не знаю. Так мне кажется. Джанет... Умная, способная. Могла бы добиться больших успехов, но слишком рассеянная. Она не умела погрузиться целиком в работу. Какая-то часть ее навечно застыла в ожидании. А чего?

— У Джанет была причина обращаться к врачу?

— Лично я не заметила. Люди идут сегодня на сеанс психоанализа, как в церковь, в гости к родственникам или на прием к знаменитости.

— И врач, занимающийся психоанализом, примет любого?

— Конечно, нет.

— В таком случае, почему вы были уверены, что Джанет — тот самый пациент, который устроит вашего знакомого?

— Послушайте, у меня рабочий день, — сказала Кэт. — Что вы от меня хотите? Хороший врач, прежде чем пригласить пациента на сеанс психоанализа, должен убедиться, принесет ли это пользу. Результат зависит от массы факторов. Учитывается интеллектуальное развитие пациента, его свободное желание, вера в получение помощи. С другой стороны, считается, что хороший врач тот, который сам предоставляет полную свободу действий пациенту. Я рекомендовала Джанет прекрасного врача. Не знаю, что я сделала плохого, но скажите наконец, что такого ужасного сделала Джанет?

— Ничего. Ее убили.

В наступившей тишине стал слышен шелест листьев на деревьях за окном.

— Убили? Как это случилось? На нее напали ночью на улице?

— Вы сказали: «Она будто чего-то ждала». Нельзя ли пояснить?

— Я не подразумевала ничего конкретного. Просто так выразилась.

— Какие отношения связывали вас и Джанет Гаррисон?

— Связывали? Она моя студентка. Была... — Кэт вспомнила его первый вопрос: «Что вы делали вчера утром?» Неужели?... — Капитан Стерн, вы всерьез полагаете, что я могу знать, кто ее убил?

— Простите, что отнял столько времени, мисс Фэнслер, — сказал детектив, вставая. — Если мне понадобится снова вас увидеть, я постараюсь найти более удобные часы. Благодарю за содержательные ответы.

Он подошел к двери и, будто вспомнив что-то, повернулся:

— Джанет Гаррисон была убита в кабинете психиатра, которого вы ей рекомендовали. Имя его вам хорошо известно: Эмануэль Бауэр. Джанет посещала его сеансы почти два месяца. Ее убили на кушетке. Той самой, на которой пациент лежит во время психоанализа. Кто-то всадил девочке кухонный нож, взяв его тут же, на кухне Бауэра. Сами понимаете, мы хотим знать о Джанет все, но информации пока очень мало. А теперь до свидания, мисс Фэнслер.

Кэт смотрела на закрытую дверь. «Я нашла тебе пациентку, Эмануэль». Господи! Где он сейчас? Вряд ли полиция могла допустить, что он взял и прирезал Джанет. У себя в кабинете! Но как

убийца туда попал? И где был в это время Эмануэль? Она подняла трубку. Какой же у них номер? Рыться в телефонной книге не хотелось. Кэт позвонила в справочную.

— Мне нужен номер телефона миссис Николь Бауэр, 879, Пятая авеню.

Телефон в кабинете Эмануэля был на его имя, а домашний телефон — на имя жены. Для того, чтобы пациенты звонили только в офис.

— Трафальгар 9? Спасибо.

Она не стала записывать, а сразу позвонила снова, набрав «трафальгар».

— Слушаю вас! — раздался голос Пандоры, прислуги Бауэров.

— Пандора! Это мисс Фэнслер. Пожалуйста, передай миссис Бауэр, что мне необходимо с ней поговорить.

— Одну минуточку, мисс Фэнслер. Я пойду посмотрю.

Трубку положили на стол, и Кэт слышала приглушенный голос одного из сынишек Бауэра. Затем подошла Николь.

— О, Кэт! Ты, наверное, уже знаешь?

— Только что из моего кабинета вышел полицейский. Он все рассказал, но был предельно лаконичен. Ники, вам разрешили остаться в квартире?

— Да. Что здесь творилось! Толпы полицейских. Мама предложила перебраться к ней. Но теперь все тихо. Только один охранник у двери. Репортеры надоели. Мы не хотим уезжать. Даже мальчики тут, оба. Думаешь, это безрассудно?

— Нет, Ники. Я тебя понимаю. Мы можем увидеться? Меня пропустят?

— Конечно, Кэт. Приезжай.

— У тебя усталый голос.

— Ничего. Буду рада видеть тебя, Кэт. Я ничего не знаю об Эмануэле. Ты бы встретила с помощником прокурора, Кэт. Ты с ним знакома?

— Ники, дождись меня. Я сделаю все, что в моих силах. Выезжаю.

Студенты еще сидели на лавочке. Кэт промчалась мимо них. Несколько месяцев назад Джанет Гаррисон тоже сидела тут, в коридоре. Ждала. «Преподаватель Фэнслер, не могли бы вы порекомендовать мне хорошего психиатра?»

2

Бауэры жили на Шестидесятой стрит, рядом с Пятой авеню. Большая квартира на первом этаже. Каких безумных денег стоили эти апартаменты, Кэт даже представить не могла. Впрочем, Николь богатая женщина. Следовало учесть немаловажный факт: офис и квартира находились в одном помещении. Значит, плата существенно снижалась. Сама Кэт занимала четырехкомнатную квартиру в западной части Манхэттена, с видом на Хадсонривер. Совсем не из снобизма, как утверждали ее друзья. Ей нравились высокие потолки и толстые стены, а не темные волны Гудзона под окнами.

Сидя в такси, Кэт старалась припомнить поточнее планировку комнат в квартире Бауэров. Вход с улицы вел в маленький холл. С одной стороны — жилые помещения, с другой — офис. Прямо — еще один холл с лавочками вдоль стен. Дверь в гараж. Лифт. Квартира и офис открыты в течение всего дня. Во втором холле никто не дежурил. Лифтер мог наблюдать за тем, что здесь происходит, находясь на первом этаже. Правда, из лифта много не увидишь. Швейцар стоял у главного входа, а здесь была своеобразная «мертвая зона». Н-да... Кто хочешь мог незаметно войти и выйти. Идеальная сцена для убийства.

Конечно, тут крутилось много народу. Рядом находился кабинет другого врача (кажется, он не психиатр). Его дверь была почти напротив. Пациенты, медсестры второго врача, сам Эмануэль со своими пациентами, Николь, дети. И жильцы, пользующиеся лифтом черного хода.

Убийцу могли увидеть. Но у него, вероятно, была очень обычная, непримечательная внешность, которая практически превращает человека в невидимку. И он должен хорошо знать расположение комнат и привычки хозяев.

Кэт и сама проникла в квартиру, словно невидимка. На нее обратил внимание только полицейский у подъезда. Факт, который не принес ей облегчения. Она миновала громадную гостиную. Николь лежала на кровати в своей спальне.

— Где Эмануэль? — спросила Кэт.

— В кабинете. Ему разрешили продолжать работу. Хотя вся эта дикая история с убийством все равно скоро окажется в газетах. Какие уж там пациенты! Кому понравится погружаться в транс на месте преступления? Представляю мысли человека, когда он входит в кабинет к врачу, смотрит на кушетку, а думает, что здесь зарезали невинную жертву. Да у него потом всю ночь лихорадка будет и кровавые ножи перед глазами. Ужас! Просто не знаю, как мы из всего этого выберемся. Даже если Эмануэль не сядет в тюрьму. Конечно, там тоже требуются классные психиатры. Но будь у него желание изучать психологию преступного мира, он бы сам уже давно попросился за решетку. Тогда не ломал бы сейчас голову над тем, кому доставляет удовольствие резать симпатичных девушек, да еще в чужом доме. Я пробовала ему доказать, что это сделал какой-нибудь чокнутый пациент. А он рассердился: «Не болтай лишнего, Николь. Если язык чешется, поговори лучше с Кэт. Она умеет держать рот на замке».

— Я налью тебе рюмочку шерри, — сказала Кэт.

— Придется сходить на кухню. Спиртное в холодильнике.

— Знаю. По бокалу «Красного Короля»?

Пока Кэт ходила на кухню и обратно, у нее созрел план действий. Нужно обязательно позвонить Риду в прокуратуру. Но до этого — постараться выяснить факты. Она поставила полный бокал рядом с Ники, и та, прихлебывая автоматически шерри, заговорила:

— Главное, не запутаться в мелочах. Везде пишут, что в таких делах очень важны детали. Да... Утром первыми вскочили ребята. Потом проснулся Эмануэль. Они позавтракали вместе. А в восемь уже должен был прийти пациент. Поэтому Эмануэль

отправил мальчиков в детскую, а сам пошел в кабинет. Они стихли, и я снова уснула. До девяти часов.

— Не рановато ли начинается прием?

— Что ты! Самое удобное время. Ведь у большинства — рабочий день. Люди приходят до обеда или после работы, вечером. На утро записались пять пациентов. Это, конечно, очень много. Эмануэль хотел перенести один визит с десяти часов на вечер. Но теперь... поскольку он лишился пациента на одиннадцать часов, то, возможно, лишится и всех прочих.

— Одиннадцатичасовой — это Джанет Гаррисон? Значит, вчера пациенты должны были прийти один за другим: в восемь, девять, десять, одиннадцать и в двенадцать часов, так?

— Не совсем. На одиннадцать и на двенадцать отказались. Точнее, Эмануэль думал, что они отказались. Разумеется, они пришли! А то как бы я нашла труп? Ведь именно двенадцатичасовой клиент...

— Стоп, Ники! У меня крыша поехала. Кутерьма с твоими клиентами! Давай по порядку. Сколько их всего было?

— Точно не знаю. Эмануэль почти не рассказывает о работе. Но не больше десяти. Спросишь у него.

— Хорошо. Тогда вернемся в твою спальню. Итак: вчера в девять утра ты продрала глаза. Дальше что?

— В девять пятнадцать, — поправила Николь. — Позавтракала на кухне с мальчиками. Я первый раз, они — второй. Потом пыталась составить список. Ну ты знаешь: куда зайти, что купить, кому позвонить. Обычное утро.

— Когда пришла Пандора?

— Извини, Кэт, я про нее забыла! Пандора уже была в доме. Она приходит в девять, моет посуду, прибирает на кухне, одевает ребят и ведет их гулять.

— Ладно. Вывела она их, наконец. Дальше?

— Дальше я начала быстро одеваться, потому что сама опаздывала на сеанс психоанализа. Я выскочила из дома в половине одиннадцатого.

Кэт никогда не могла себе полностью уяснить, зачем Николь требовалось посещать психиатра. Ники лепетала о каких-то «беспокойствах». Она панически боялась общественного транспорта.

— Эмануэль в это время работал?

— Да. Около десяти часов у него был перерыв. Муж зашел на пять минут в квартиру, мы сказали друг другу «привет», он помыл руки в ванной и вернулся в офис.

— В половине одиннадцатого Эмануэль принимал там пациента, которого собирался перенести на другое время?

— Да.

— Ты ушла на свой сеанс и по магазинам. А они остались вдвоем!

— Ах! Ты настоящий детектив, Кэт. Полиция тоже всем этим уж-жасно интересовалась.

— Ники, подожди с полицией! В одиннадцать часов должна была прийти Джанет Гаррисон. Сколько минут длится сеанс?

— Пятьдесят минут. И десять минут перерыв. Но прости, я потому и говорю про полицию, что ты несешься след в след за

ними. А они подозревают Эмануэля. Абсурд! Хотя, конечно, они мыслят иначе. Чего проще: завел девушку в звукоизолированный кабинет, уложил на кушетку и — чик ножичком!

— Офис звуконепроницаемый?

— Для удобства пациентов. Чтобы они не слышали разговоров в холле и квартире.

— Ники, а как получилось, что ты нашла тело?

— Возвращаюсь я домой, захожу в квартиру, а из холла высывает голову пациент. Который на двенадцать...

— Ты его узнала?

— Бог с тобой! Откуда? Я его первый раз видела. Но он спросил, будет ли принимать доктор. «Уже 12.25, а вызова все нет!» — пожаловался пациент. Скажу тебе, Кэт, это было жуть как странно. Я знала, что на одиннадцать у мужа девчонка, Джанет Гаррисон. Ну, запахнула пациента обратно, во второй холл, где лавочки, а сама кинулась в квартиру. Звоню по телефону в офис. Никого. Либо не хотят брать трубку. Представляешь мои мысли! Пандора возилась на кухне с детьми. Бегу снова к офису, стучу в дверь. Тишина. Чуть приоткрыла, заглядываю. И сразу увидела. Джанет лежала прямо напротив меня, на кушетке. Я сначала подумала, что она спит. Но в следующую секунду заметила нож, торчащий из груди! Эмануэля нет. У меня хватило сил закрыть дверь и вытурить того пациента, «на двенадцать». Он не хотел уходить, чувствуя, что здесь что-то неладно. Но я смогла его убедить. Он-таки убрался.

— А затем ты позвонила в полицию?

— Нет. О полиции в тот момент я даже не подумала.

— Что же ты сделала?

— Я бросилась через холл к другому врачу. И хотя у него было полно работы, он любезно согласился пойти со мной. Его зовут Баристер. Майкл Баристер. Он сказал мне, что она мертвая.

3

После обеда, который прошел в довольно спокойной обстановке, они втроем расположились удобно в гостиной, и Кэт спросила:

— Эмануэль, а где ты был во время убийства? Только умоляю, не говори, что на тебя нашло затмение и ты ничего не помнишь.

— Разве Ники тебе не сказала? — удивился он.

— Нас «заклинило» на самом интересном месте, — пояснила та.

— Догадываюсь, на каком. Знаете, я не удивляюсь, что полиция меня подозревает. Я сам себя подозреваю.

— Почему же тебя не арестовали?

— Полагаю, за недостаточностью улик.

— Поразительно, что тебе разрешили вести прием, — вставила Николь, — на следующие сутки после убийства. Они не боятся, что ты кокнешь очередную пациентку? Ну и дурацкий вид тогда у них будет!

— Наоборот, они это все хорошенько обмозговали, — продолжила черный юмор Кэт. — Второй труп внесет полную ясность в картину преступления. Коварная ловушка!

— Подлинная ирония заключается в том, что и первого могло не быть, — сказал с грустью Эмануэль. — Ведь Джанет не хотела идти вчера на прием. А пришла.

— Она звонила тебе?

— Джанет говорила не со мной. Она оставила сообщение в регистратуре. Как и тот пациент на двенадцать.

— А как ты об этом узнал?

— Перезвонил в регистратуру, и там мне сказали. Было как раз без пяти одиннадцать.

— Ты имеешь в виду, что если телефон звонит во время приема у тебя в офисе, то ты не отвечаешь?

— Телефон не звонит. Он мигает. Маленьким желтым индикатором. Пациенту не видно с кушетки. Если я не отвечаю на третий сигнал, то трубку снимают в регистратуре и записывают сообщение. Я никогда не говорю по телефону во время сеанса.

— Интересно, кто звонил: мужчина или женщина? Или — мужчина и женщина?

— Ценная мысль. Но пленок в регистратуре нет. Только запись и время. А так они не помнят. Может, полиции удастся что-то выяснить?

— Но ты так и не ответил на мой вопрос, — опомнилась Кэт. — Где ты был во время убийства?

— Почти два часа ходил вокруг водохранилища в Центральном Парке. Для меня это отдых.

— Знаю. Доводилось тебя там видеть.

Неожиданно Кэт почувствовала себя смертельно усталой. Тяжело осознавать, что ты не только звено в цепи трагических событий, но — куда страшнее — их главная причина.

— С определенной точки зрения я тоже представляю великолепный объект для подозрений, — сказала она после общего затянувшегося молчания. — Первый вопрос детектива Стерна сегодняшним утром прозвучал в достаточной степени прямо. Вопрос о моем алиби.

— Нонсенс! — воскликнул Эмануэль.

— Не такой уж и нонсенс в сравнении с несусветной дичью — что ты зарезал девушку в своем кабинете. Ах да, может, это сделала кровожадная Николь? Кроме шуток! Подумайте, ребята: я прекрасно знаю распорядки вашего дома. И про желтые огоньки на телефоне могла разведать, а сейчас только притворяюсь дурочкой. Именно я послала Джанет к Эмануэлю. Кто поручится, что меня не обуревало чувство ревности? А может, я люто ненавидела Джанет? Или украла у нее что-нибудь: деньги, литературную идею? И вот подвернулся отличный шанс разделаться с соперницей.

— Но на самом деле ты к ней претензий не имела? — испугалась Николь.

— Конечно, нет! Уверена — не имел их и Эмануэль. Но полиция упорно будет искать какую-нибудь тайную связь, жгучую страсть — белиберду в таком духе. Им нужен мотив. Ни с того ни с сего пырнуть ножом может только дебил. А тут убита девушка. Мотив напрашивается сам собой: любовь, секс, любовный треугольник.

— Она была очень красивая, — заметила Николь.

— Вы должны понять, — решила Кэт продолжить свою мысль, — что во мне сейчас сидит сильное чувство вины перед вами. Помогите его загладить. Мне нужно знать о том, что случилось, в мельчайших подробностях. Начало вчерашнего дня более-менее ясно. В половине одиннадцатого Ники вышла из дома. Эмануэль находился в офисе с пациентом, когда замигал телефон. Все правильно?

— Да, — кивнул Эмануэль.

— Во время перерыва ты позвонил в регистратуру, узнал, что следующие два пациента не придут, и...

— Тут же отправился в Центральный Парк.

— Пинать ветер вокруг Резервуара?

— Точно. — На лице Эмануэля засветилась профессиональная улыбка. — Теперь ты видишь, сколь безумно это звучит даже в твоих устах.

— Кто-нибудь заметил, как ты выходил из дома?

— В холле никого не было. А во время прогулки я сам ни на кого не смотрел. К тому же меня могли и не узнать в поношенном костюме.

— Ты переоделся? Значит, ты заходил в квартиру?

— На одну минуту. Не в смокинге же носиться по парку.

— В немыслимом старье он и заявился, — фыркнула Николь. — Своего рода алиби. В таких лохмотьях пациентов не принимают и не убивают.

— Он мог убить и во фраке, а потом нацепить что-нибудь попроще, — объяснила Кэт. — Но если он планировал себе алиби, — допустим на минуту, что лазанье по кустам называется «алиби», — кто же звонил в офис?

— Я был с пациентом, — напомнил Эмануэль.

— Поверим. Допустим, звонил убийца. Он мог знать, что пациент не видит, как мигает индикатор. Но тогда этот гипотетический убийца знал о регистратуре, где фиксируется звонок.

— Убийце не обязательно звонить самому. Я мог бы, например, попросить о небольшой любезности тебя или Ники.

— Слабая версия. Почему преступник не позвонил во время перерыва? Ты бы поднял трубку. И тогда не осталось бы других доказательств этих звонков, кроме твоего утверждения.

— Самый простой ответ: он не мог позвонить в другое время. И самый вероятный — преступник не хотел, чтобы трубку снял именно я.

— Важно и другое, — сказала Николь. — Если бы этот гад позвонил раньше, то у нас с Эмануэлем могли возникнуть иные планы относительно неожиданно свалившегося свободного времени. Мы могли бы спокойно предаться любви. Тем более что Пандора и дети ушли на прогулку, а свой сеанс ради такого случая я бы с удовольствием пропустила.

— Звучит неплохо, — согласилась Кэт. — Эмануэль мог остаться дома. Или войти некстати.

— Но я появился, как артист на сцене, в точно рассчитанный момент, — ухмыльнулся Эмануэль. — Слово «хаос» более всего отражает то, что творилось тут, когда я вернулся.

— Это доктор Баристер посоветовал мне вызвать полицию, — объявила Николь. — Помню, когда услышала в трубке: «Полиция!» — не поверила своим ушам. Нужно будет завтра рассказать об этом доктору Сандерсу. Интересно, что это может значить. Не прошло и минуты, а полицейские уже стояли на пороге. Они осмотрели тело и вызвали целый отряд, а те — еще толпу полицейских. Люди с какими-то приборами, фотоаппаратами. Прошло много времени, прежде чем унесли труп. Мы сидели, как сейчас, на диване, и я не помню, когда вернулся муж. У меня в глазах рябило от детективов. Похоже, они тебя и не ждали, Эмануэль.

— Я на них как с неба свалился, — кивнул он. — Побросали свои дела и уставились на меня во все глаза. Главный подозреваемый прибыл собственной персоной! Эх, и люблю же я нашу полицию...

Не успел он произнести последнее слово, как полиция материализовалась в облике капитана Стерна, вошедшего в гостиную, и еще полчаса все трое отвечали на его вопросы.

Позже, у себя дома, Кэт мысленно еще раз вспомнила каждую, даже случайно оброненную фразу. Чтобы уснуть, ей понадобилось выпить две таблетки снотворного. Проваливаясь в блаженную темноту, Кэт видела перед собой страшное, перекошенное ненавистью лицо. «Убийца, — успела подумать она. — Убийца совсем рядом».

4

Рид Эмхарст работал в прокуратуре. Его должность называлась очень длинно. Кэт до сих пор не знала точно, чем он конкретно занимается. Они познакомились давно, когда Кэт увлекалась студенческим движением и посещала разные клубы и кружки. Рид бывал там по долгу службы. После одной особенно бурной перепалки с оппонентами Кэт разонравилось искать «вечные истины». А с Ридом они продолжали встречаться в кафе или в театре. Иногда вместе ходили в кино. Чтобы «отвлечься», как говорил Рид. Оба любили пошутить и посмеяться. Ни ему, ни ей ужасная идея стать мужем и женой не «стукнула» еще в голову.

В какое-то время у Рида вышли крупные неприятности — когда уплывают деньги, отворачиваются друзья, и почва уходит из-под ног.

Он запил и кончил бы очень невесело, если бы на помощь не подошла Кэт. По сути, она спасла его. Рид остался ее должником и сохранил теплое чувство благодарности.

Просить его сейчас об услуге означало косвенным образом напоминать о долге. Кэт даже передернуло от такой мысли. Поэтому, несмотря на принятое вчера решение позвонить Риду, она два часа ходила из угла в угол, косясь на телефон как на врага. Наконец подняла трубку.

Рид был в офисе, хотя и собирался уходить по очередному «неотложному делу». Разумеется, он уже слышал об «убийстве на диване». Когда он понял, чего Кэт добивается, то замолчал секунд на двадцать.

- Это твой друг? — спросил он наконец.
- Да, — ответила Кэт. — И по уши в грязи.
- Сегодня трудный день, но я попытаюсь порыться в досье. Встретимся у тебя в половине восьмого. Не возражаешь?
- Буду ждать.

Рид пришел, как и обещал. Кэт постаралась встретить его спокойно, а не как долгожданного родственника, чей корабль попал в шторм и был проглочен пучиной.

— Ты считаешь, что врач не виновен? — спросил Рид, когда они сели друг против друга в гостиной.

— Конечно. Он не мог убить.

— Милая Кэт, в данной ситуации все говорит об обратном: он мог убить. Я верю тебе, верю твоим словам. Но в глазах полиции психиатр виновен, как грешник в аду. Ладно, ладно... Не спорь. Выслушай сначала факты, а потом уже превозноси своего любезного друга. Можешь назвать даже имя настоящего убийцы, если ты его уже раскрыла.

— Рид, может, она сама как-нибудь, а?

— Самоубийство? Теория для адвоката-оригинала, желающего посмешить присяжных. Самоубийцы не всаживают себе нож снизу вверх и, конечно, не делают этого, лежа на спине. Иногда бросаются на лезвие. Обнажают ту часть тела, в которую собираются вонзить нож. И не спрашивай меня, почему! Они всегда так делают, если верить учебнику. Но, что неоспоримо, самоубийца всегда оставляет отпечатки пальцев. На ноже, естественно.

— А если Джанет была в перчатках?

— Значит, она сняла их после смерти.

— Кто-то другой мог снять их.

— Кэт, лучше выпей бокал вина. Говорят, с транквилизаторами очень хорошо успокаивает. Перейдем к фактам?

Она послушно налила себе солидную дозу, приготовила вместо транквилизатора сигарету и кивнула.

— Отлично. Джанет была убита между 10.50 и 12.35. Тело обнаружила миссис Николь Бауэр. Поблизости и в доме находились: Пандора Джексон, доктор Майкл Баристер и пациент на двенадцать Фредерик Спарк. Экспертиза установила, что Джанет Гаррисон была мертва за час до того, как ее труп нашла Николь Бауэр. Кровотечение внутреннее, потому что рукоятка ножа сильно вдавила прилегающую одежду в рану. Вокруг не обнаружено ни капли крови. Жаль. Преступника легче найти, если на нем осталась кровь жертвы.

Рид говорил бесстрастно, монотонно. Будто читал старый конспект. «Жалеет мои нервы», — подумала Кэт.

— Орудие убийства, — продолжал ее друг, — длинный узкий кухонный нож, принадлежащий Бауэрам. Они не отрицают, что это их нож. И правильно делают. На рукоятке много отпечатков пальцев.

Непроизвольное «ох» вырвалось у нее из груди. Рид укоризненно покачал головой.

— Ты совсем потеряла разум! Отпечатки на ноже — единственный козырь для защиты. О дактилоскопии сегодня знают

даже дети. Убийцы стирают свои следы на пистолетах и ножах. Конечно, существуют еще и перчатки. А теперь приготовься услышать самое неприятное. Экспертиза установила, что в момент смерти Джанет лежала на кушетке, это тебе известно. Лезвие вошло точно между ребер. Причем удар наносился так, как если бы убийца сидел чуть сзади и, нападая, перегнулся через голову Джанет.

— Что это значит? — подозрительно спросила Кэт.

— Такой же вопрос возник и у полицейских, — назидательно произнес Рид. — «Где сидит врач во время сеанса психоанализа?» За спиной у пациента. А почему? «Для того, чтобы пациент не мог видеть психиатра», — отвечает Эмануэль детективам. «О! Это очень интересное объяснение, мистер Бауэр! — восклицают они. — Но почему пациент не должен видеть врача?» Оказывается, такую позицию изобрел Фрейд. «Видимо, знаменитому исследователю не нравилось целый день быть самому объектом наблюдения, — заключает Эмануэль. — Да и контакт наступает быстрее».

— Рид, ты считаешь, что вся версия полиции строится на том, что никто из посторонних не мог войти в кабинет и сесть в кресло за изголовьем кушетки?

— Согласись, трудно предположить, что Джанет забралась в кабинет без приглашения. Допустим, она в отсутствие врача зачем-то растянулась на кушетке. Тут входит незнакомый мужчина. И она позволит ему сесть у себя за спиной?

— Она не знала, что у него нож.

— Ах, Кэт! Да зачем ей вообще ложиться на кушетку?

— Может, один из пациентов влюбился в Гаррисон? Пылая от страсти, назначил ей свидание прямо тут. Он специально позвонил, имитируя отказ, чтобы воспользоваться кабинетом.

— Такая страсть — и всего на два часа?

— Влюбленный за минуту блаженства жизнь отдаст. Только он не собирался заниматься сексом. Безумец хотел убить Джанет.

— Осталась суцкая чепуха: получить ордер на его арест. Кэт, я восхищаюсь тобой.

— Но против Эмануэля у них тоже ничего нет.

— Не закрывай глаза на очевидные факты. Девушка убита в его офисе, его ножом.

— Рид, она была девственница?

— По крайней мере не рожала.

— Издеваешься? Хочешь сказать, что они не умеют это определить? Во всех полицейских романах...

— А-а, старые сказки, в которые еще верят даже умные люди! Ну как ты определишь? Следы спермы могут указывать на недавний половой акт. Царапины — на изнасилование. А насчет девственности и целомудренности тебе лучше поговорить со своими студентками.

— Боже, куда катится мир!

— Это мы обсудим позже. Ты хочешь услышать остальное? Тело не двигали с места. Удар ножом достаточно сильный. Но его вполне могла нанести женщина спортивного типа. Как ты или Николь. Подожди! Не кипятись, пожалуйста. Дай мне закончить.

Никаких отпечатков пальцев постороннего. Следов борьбы тоже не обнаружено. Ну, дальше технический жаргон.

— Все? — вздохнула Кэт.

— Еще одна интересная деталь. Кто-то, очевидно, убийца, обыскал сумочку Джанет. На металлической застежке сохранился характерный след от резиновых перчаток. В сумочке не оказалось ни фотографии, ни записной книжки. Хотя девушки почти всегда носят с собой что-нибудь фото. А в студенческом общежитии сказали, что Джанет не расставалась с маленькой черной записной книжкой. Однако фотография все-таки была в сумочке. Убийца не заметил. Снимок молодого человека приютился в сложенном водительском удостоверении Джанет. Она не удосужилась заменить водительские права старого образца на обычную пластиковую карточку.

— Такое впечатление, что она прятала снимок. Ты привезешь мне копию?

— В следующий раз.

— Что еще интересного ты приберег?

— За день до смерти Джанет из ее комнаты стащили фотоаппарат.

— Случайность.

— Непохоже. Вор прошелся по всем ящикам. Что-то искал. В комнате были ценные вещи. Например, новенькая портативная пишущая машинка «Ройал». А камеру взял для отвода глаз. Она стоила-то семьдесят долларов. Большого установить не удалось. Уборщицы там чересчур старательны и пунктуальны. Но никто не знал, что Джанет убьют на следующее утро. Вообще о ней очень мало информации. Мы ждем донесений из Северной Дакоты, откуда она родом. А пока известно лишь, что ей было тридцать лет.

— Не может быть! — воскликнула Кэт. — Она выглядела гораздо моложе.

— Да, — вздохнул Рид. — И последнее. Николь Бауэр не пошла к своему врачу в день убийства.

— Где же она была? — округлила глаза Кэт.

— Утверждает, что гуляла... в Центральном Парке. Правда, не вокруг Резервуара, а где-то рядом со «старым замком». Она так выразилась. Может быть, нет ничего удивительного в том, что муж и жена прохаживаются в одно и то же время — но отдельно друг от друга по Центральному Парку... И не знают, что у них дома убивают пациентов... Но объяснить это инспектору полиции я не берусь. И хорошо его понимаю.

Рид встал, ласково посмотрел на Кэт и заботливо подлил вина в ее бокал.

— Прошу тебя, Кэт, не забывай: они оба могли это сделать. Не говорю — сделали. Мне нравится та горячность, с которой ты защищаешь своих друзей. Но остерегайся. И помни: такая возможность не исключена. Эмануэль и Ники первые на подозрении. Джанет Гаррисон была очень красивая девушка.

У Николь был очень усталый и опущенный вид, когда она открыла дверь и проводила Кэт в гостиную.

— Вчерашний вечер и сегодняшнее утро мы принимали гостей. Догадываешься, каких? Полицейских. Они допрашивали нас в разных комнатах. Надеялся, что так мы скорее сознаемся. Эмануэль, конечно, уперся как баран и ни слова не говорит им о Джанет. А почему ты не на работе?

— Попросила, чтобы меня подменили, — сказала Кэт. — Я не в состоянии даже смотреть на студенток, не говоря о том, чтобы их учить. Почему ты скрыла от меня, что не пошла к врачу?

— Откуда тебе известно? — удивилась Ники.

— Не важно. Отвечай на вопрос.

— Я не хотела «скрывать». Так получилось. Прогулялась немного в парке. Рядом с замком. Там, где цветет японская вишня. Это мое любимое место. Еще когда я была девочкой, могла стоять там до посинения, пока няня силой не утаскивала меня домой.

— Но почему?! Ради Бога, почему ты решила вспомнить детство именно в то утро, а не пошла к доктору Сандерсу, чтобы получить роскошное алиби?

— Меня никто не предупредил, что Джанет Гаррисон убьют именно тем злосчастным утром, — резонно ответила Ники.

— Значит, ты не можешь объяснить, почему пропустила сеанс?

— Кэт, ты прямо как полицейский. Хочешь на все иметь четкий и ясный ответ. Есть люди методичные, придерживающиеся заведенного графика, а есть живущие по настроению. Я дошла до Мэдисон-авеню, и вдруг хлоп! Нюхаю воздух и чувствую — весна! Развернулась, и в парк, к своей любимой вишне.

— Ты предупредила хотя бы доктора Сандерса?

— Конечно! Он, наверное, тоже не прочь побегать вокруг водохранилища, когда пациенты манкируют сеансы. Я позвонила ему из телефона-автомата.

— Кто видел, как ты выходила из дома?

— Никто. Впрочем, нет. Доктор Баристер видел.

— Что лечит этот доктор Баристер?

— Женское, кажется, — пожала плечами Ники.

— Гинеколог?

— Нет. И не акушер. Он не похож на мужчину, который вскакивает с кресла в театре или из постели среди ночи и бежит принимать роды. Эмануэль его, кстати, не любит.

— За что? — встрепенулась Кэт.

— Эмануэль никого не любит, а особенно ему не нравятся красавчики с обтекаемыми фразами и манерами, типа Баристера.

— Баристер такой супермен?

— О! Неотразимый мужчина.

— А мне он кажется все более подозрительным.

— Кэт, если бы он хотел кого-нибудь убить, то сделал бы это подальше от своего офиса, а не в кабинете напротив.

— Тогда остаются три подозреваемых.

- Кто?
- Ты, я и Эмануэль.
- Есть еще лифтер, — вздохнула с надеждой Николь.

Дождавшись, когда у Эмануэля будет перерыв в работе, Кэт постучала и вошла к нему в кабинет.

- Извини, — сказала она. — Можем мы поговорить серьезно?
- Ты хочешь все знать о Джанет?

— Не упрямься. Я не полицейский. Мы никогда не раскроем убийцу, если не исследуем, какую жизнь вела Джанет Гаррисон.

Эмануэль помолчал, задумчиво глядя в окно, выходящее в маленький сад на заднем дворе. Кэт смело села на кушетку.

— Да тут нечего исследовать, — признался вяло Эмануэль. — В детективах про Шерлока Холмса намеки и улики разбросаны на каждой странице. А здесь — пусто. Джанет ни разу не намекнула мне, что ей угрожает опасность, что ее могут убить. Об этом я сообщил бы не задумываясь. Но сеансы с Гаррисон не содержат информацию, интересующую полицию. Так, разная чепуха.

— Выкладывай, а я разберусь, чепуха это или неопровержимая улика.

— И ошибешься. Пациент невольно старается обмануть самого себя. Его слова — это некий сон, почти не имеющий отношения к действительности. А фантазии имеют ценность только для фантазера. Ты пробовала объяснять произведение Джойса первому встречному?

— Хорошо, хорошо... мне трудно спорить сразу с тремя — с Фрейдом, Джойсом и с тобой. Разреши, я побуду немного занудой. Зачем Джанет вообще понадобились сеансы психоанализа? Она объяснила?

— Конечно. Стандартный набор, — развел руками Эмануэль. — Сказала, что плохо спит. Жаловалась на рассеянность, трудности с запоминанием прочитанного текста. Обмолвилась как-то вскользь, что боится людей.

— Ага!

— Не радуйся. Это лишь симптомы нервного расстройства.

— Ты выяснил что-нибудь о ее семье?

— Ее родители были довольно старые и очень строгие люди. Они умерли недавно.

— Братья, сестры есть?

— Нет. Она была единственной дочерью. Послушной и скромной, если ей верить. В прошлом у нее была связь с мужчиной, но он ее бросил. Джанет увиливала от рассуждений на любовную тему. Мне не удалось узнать больше о ее сексуальной жизни.

— Сам видишь, тут какая-то страшная тайна! Эмануэль, о чем пациенты чаще рассказывают — о прошлом или настоящем?

— Людей, как правило, волнует настоящее. Мне показалось, Джанет что-то скрывает. Ты полагаешь, она была главарем наркокартеля?

— Можешь смеяться надо мной, но все так и было. Убийца испугался, что Джанет сболтнет лишнее на сеансе психоанализа. Он разнюхал твоё расписание, планировку квартиры, пришел и убил Джанет.

— Потрясающе! Но не слишком ли просто?

— А вам, психиатрам, нужно обязательно все запутать? Тебе всегда не хватало чувства реальности.

— Я немного странный, — улыбнулся Эмануэль. — Не забочусь об алиби.

— Не ты один, — напомнила Кэт. — Николь тоже. Придется мне о вас позаботиться.

Кэт вышла в холл и остановилась. Что дальше? Нужен план. Она достала записную книжку:

1) Осмотреть комнату Джанет Гаррисон в общежитии.

2) Выведать относительно подозрительных пациентов на десять и на двенадцать часов.

3) Выяснить, кто изображен на фото, найденном в сумочке Джанет.

— Извините, — услышала она над ухом, — вы не знаете, миссис Бауэр дома?

Ручка и блокнот выпали у нее из рук. Мужчина нагнулся, чтобы их поднять. Когда он выпрямился, Кэт была поражена его красотой. Той непонятной мужественной красотой, перед которой не может устоять ни одна женщина. Мужчина был немолод, с сединой на висках. Но Кэт с ужасом обнаружила, что ей хочется ему понравиться.

— Вы доктор Баристер? — спросила она и чуть не добавила: «Наш главный подозреваемый». — Меня зовут Кэйт Фэнслер. Мы с Николь подруги. Я позову ее.

— Зашел узнать, как у вас дела, — сказал Баристер, когда Николь присоединилась к ним в гостиной. — Конечно, я ничем не могу помочь, но поддержать соседей в беде не грех. Хотя в Нью-Йорке соседи, похоже, понятия не имеют, кто живет за стенкой.

— Вы, значит, не из Нью-Йорка?

— А кто в Нью-Йорке из Нью-Йорка? — засмеялся он.

— Я, — сказала Николь. — И мой отец. Вот дедушка приехал сюда из Цинциннати. А вы откуда?

— Говоря образно, я — «молодой человек из провинции», — отшутился Баристер. — Так у вас все в порядке? Эмануэлю разрешили работать. Может, и убийцу нашли?

— Пока нет. Но у моей подруги много идей. Больше, чем у полицейских. Кэт решила поймать убийцу во что бы то ни стало.

— Прямо сейчас? — спросил Баристер, с интересом посмотрев на Кэт.

— Сейчас я иду домой, — отрезала она.

— Могу подбросить, — по-джентльменски предложил доктор. — Мне на Ист.

— Спасибо, но мне на Вест.

Сидя в такси, Кэт вдруг вспомнила о Джерри.

Почти у каждого известного сыщика был шустрый помощник, не всегда сообразительный, но верный и ловкий малый. Джерри

вполне подходил на такую роль. Он успел закончить колледж, отслужить шесть месяцев в армии, и теперь перед ним простирался целый мир возможностей. Временно Джерри подрабатывал тем, что развозил продукты на грузовичке, но, как все молодые люди, верил в удачу и блестящее будущее. Кэт собиралась подбросить ему неожиданный шанс.

Смущало одно: Джерри был женихом ее младшей сестры и мог нечаянно проболтаться. Кэт, естественно, не хотела, чтобы родители и многочисленные родственники узнали, что она в свободное время гоняется за убийцами века, да еще впутывает в это милое занятие доверчивых молодых людей. Кэт полистала записную книжку и поняла, что выбора нет. Она подняла трубку и позвонила Джерри.

Когда он приехал, Кэт угостила его пивом и, решив не тянуть с формальностями, заявила:

— Хочу предложить тебе работу. Оплата не ниже, чем на твоем драндулете. И намного интереснее.

— Что за работа? — удивился Джерри.

— Сначала ты должен пообещать, что никому полслова не пикнешь.

— Согласен, — заинтригованно протянул Джерри. — На чем я должен поклясться? На мече или на кинжалах?

— Кстати, о кинжалах. Ты читал в газетах про «убийство на диване»? Они считают, что убийца — психиатр. Так вот, он мой лучший друг. Я хочу доказать его невиновность и поймать настоящего убийцу, а ты можешь мне помочь. В университете начинаются экзамены, о моем отпуске не может быть и речи. А идти нужно по горячему следу. Ты превратишься в мои глаза и уши: доктор Ватсон, капитан Гастингс, ну как, усек?

— А полиция? — резонно спросил Джерри.

— У них свои методы, у нас — свои. Если мы подкинем им стоящую теорию, они слопают и возьмут верный след. Главное — выиграть время.

— Подозреваемые?

— К сожалению, пока некого и заподозрить.

— Наркотики, — уверенно сказал Джерри. — Девчонке дали дозу героина. Бандиты убили бы и врача, но того не оказалось дома.

— Неплохо ты подкован, — одобрительно заметила Кэт. — Но никаких наркотиков полиция не обнаружила. Лучше я расскажу, чтобы у тебя была полная картина.

Джерри слушал затаив дыхание. Глаза его разгорались с каждой минутой. Иногда он задавал короткие вопросы. Кэт предлагала ему свеженькое приключение на блюдечке и вдобавок оплачивала счета. В конце Кэт пришлось признаться, что она не придумала еще задания для Джерри на сегодняшний вечер. Они договорились встретиться завтра в девять утра.

Кэт недолго сидела одна. Зазвонил телефон. Рид приглашал ее в кино. Он сказал, что принесет ей копии фотографии, найденной у Джанет.

После фильма они зашли в ресторан, и за столиком Рид достал из портмоне небольшой снимок. Кэт смотрела на изображение так пристально, будто ждала, что юноша с фотографии заговорит.

— Как ты думаешь, сколько ему лет?

— Двадцать. Или тридцать. Трудно сказать.

— Кого-то он мне напоминает, — задумчиво протянула Кэт.

— Скорее всего самого себя. Полицейские опросили все общество. Безрезультатно. Одна дамочка будто бы вспомнила, кто на фото. Но потом оказалось, что она думала об артисте Кэри Гранте.

— Ну уж, Кэри Грант! В этом лице нет ничего от Голливуда. Могу я оставить фото себе?

— Конечно. Я для этого и принес его. Вижу, что бесполезно отговаривать тебя не лезть черту в зубы.

— Рид, я должна спасти Эмануэля.

— Дорогая Кэт, ты даже не представляешь опасности своей безумной затее. Тебя оболют грязью с ног до головы. На суде потянут ниточку за ниточкой. И какой чудненький мотивчик выплывет на свет! Почему ты обязана его спасать? Может, влюблена в него?

— Я думала, тебе понятно, — вздохнула Кэт. — Хорошо. Если ты настаиваешь, подойдем с практической стороны. Четыре года в колледже, четыре года в медицинском институте, год практики, два года работы в клинике, три года научно-исследовательской работы в академии и громадный опыт Эмануэля как врача психиатра. И это все перечеркнуть? Из-за какого-то маньяка?

— Эмануэль — гений?

— Он талантлив!

— Убедила. С чего или, точнее, с кого начнешь?

— С пациентов. Ты выяснил, кто они такие?

— Да. Ричард Горан. Тот, который на десять. Двадцать восемь лет, не женат, работает в рекламном бюро. На двенадцать был записан некий Фредерик Спарк. Кстати, учитель. Тоже английский язык. Тоже холост.

— Ты можешь дать мне их адреса?

— Пожалуйста. Только предупреди меня, прежде чем соберешься что-то делать. И еще: если тебе среди ночи позвонит незнакомый мужчина и предложит встретиться в подворотне, чтобы передать важные сведения об убийце...

— Не бойся, не пойду, — легкомысленно пообещала Кэт. — Ты бы заварил лучше кофе.

7

Маньяка поймали через день. Но не того. В районе Челси произошло жуткое убийство. Была изнасилована и убита четырехлетняя девочка. Эта трагедия отвлекла газеты от ежедневного обсуждения «убийства на диване».

«Маньяков ловят очень быстро, — думала Кэт, идя утром в понедельник на работу. — Значит, Джанет убил не маньяк». Почему-то этот софизм подействовал на Кэт успокаивающе.

После лекции она зашла, как и планировала, в женское общежитие. Для тех студентов, которые не хотели связывать себя с бытом, снимай они квартиру в городе, тут были созданы все условия. Даже в пустых комнатах — а их было очень много — ежедневно наводился идеальный порядок. Джанет предпочитала общежитие не из экономии, судя по дорогим вещам в ее комнате, а именно по этой причине: чтобы не воспринимать жизнь паутиной из мелочей.

Кэт решила не повторять ошибок полицейских, расспрашивая всех подряд. Она сразу обратилась к мисс Линдсей. Эта студентка училась на втором курсе и знала абсолютно всех в университетском городке. Но когда Кэт нашла ее, отвела в тихий уголок и спросила о Джанет Гаррисон, то была сильно разочарована.

— Джанет ни с кем не дружила, — сказала Линдсей, не очень, впрочем, удивившись вопросу. — Я видела ее нечасто, а говорила с ней всего один раз. И, кстати, мы беседовали о вас, мисс Фэнслер.

— Хм! В самом деле?

— Да. Вы ей очень нравились. Как преподаватель.

— Странно, что ее убили, — рискнула Кэт зайти с другой стороны. — Джанет была не из тех, с кем случаются экстраординарные истории. Совсем не тот тип.

— Тут я с вами не согласна, — серьезным тоном возразила Линдсей. — У меня была знакомая, тихоня и скромница. А потом оказалось, что она с пятнадцати лет спала с продавцом из кондитерского магазина. У продавца, между прочим, была красавица жена. Никому не приходило в голову, что он ей чуть не каждый день изменяет с нашей тихоней.

— Забавно. Но о Джанет Гаррисон вам ничего подобного не известно?

— Что я советую, так это расспросить Джеки Миллер. Она фантастическая болтушка! Может, ей удавалось говорить с Джанет больше пяти секунд? Ведь это Джеки сообщила детективу, что Джанет не расставалась с записной книжкой. Хотите, я вас провожу?

На их стук дверь гостеприимно распахнулась. Такой захлапленной комнаты Кэт не видела давненько, а точнее — со времени веселых студенческих деньков. Джеки встретила их в весьма странном одеянии: маленькие трусики, шелковые подтяжки для чулок и коротенькая маечка без рукавов, открывающая полностью живот и частично груди. В таком наряде, достойном лучшей сцены, она занималась тем, что готовила кофе, и через пару минут предложила всем по чашечке. Мисс Линдсей отказалась, а Кэт решила составить Джеки компанию, надеясь таким образом развязать ей язык. Что было, впрочем, совершенно излишне, потому что Джеки Миллер сразу начала, как из крупнокалиберного пулемета, обстреливать их фразами без точек и запятых, будто длинными очередями.

— Я так много слышала о вас, мисс Фэнслер, ваши лекции просто чудо, я раньше училась в Бостонском университете, моя специальность — литература, безумно люблю читать романы,

поэтому мне никогда не хватает времени, даже на то, чтобы одеться.

— Джанет Гаррисон была моей студенткой, — чудом успела Кэт вставить «ключевые» слова, чтобы хоть как-то направить «поток сознания» в нужное русло.

— Да, я знаю, — продолжала Джеки выкидывать из себя «бегущую строку», будто хорошо смазанный компьютер. — Она говорила мне о вас, хотя Джанет редко открывала рот, чтобы произнести что-нибудь, кроме «здравствуйте» и «до свидания». Она, бедняжка, была такая скованная и недоверчивая. Я догадалась, что Гаррисон ходит на сеансы психоанализа. Каждое утро в одно и то же время — шмыг! Ни на лекции ее не видно, ни в городе. Мне кажется, врач прирезал ее от скуки. Она довела его, наверное, своим молчанием. Лежала и лежала там часами, слова из нее не вытянешь. А вы ходите на сеансы психоанализа, мисс Фэнслер?

Кэт чувствовала себя слегка оглушенной. Нужно быстро собраться и спросить самое важное.

— Что-нибудь пропало у других студентов, когда обокрали Джанет?

— У нас никогда ничего не пропадало. И эта кража была очень странная. Ну кто сегодня ворует фотоаппараты! Тут какая-то тайна. И скорее всего замешан мужчина.

— Джанет встречалась с кем-нибудь?

— Думаю, да. Ее видели с одним типом.

— Кто конкретно?

— Не помню. В столовой за соседним столиком был разговор. Знакомый голос произнес что-то о Джанет и ее любовнике. Я еще так удивилась, а потом забыла расспросить. И теперь не помню даже, кто это говорил. Если бы я знала, что для вас так важно... А почему, собственно, вы интересуетесь этим делом, мисс Фэнслер?

— Спасибо за кофе, — сказала Кэт, выскакивая из комнаты вместе с Линдсей.

Несколько метров они чуть не бежали по коридору. Потом остановились перевести дыхание.

— Уф! Жаль, что никто не догадался убить Джеки, — сказала Линдсей, читая мысли Кэт. — Полиция бы с удовольствием оставила дело нераскрытым.

Поблагодарив Линдсей, Кэт направилась в секретариат. Используя свой авторитет, она смогла получить документы, касающиеся Джанет Гаррисон. Впрочем, они ничего не проясняли. Скорее, наоборот, окончательно запутывали. У Джанет были хорошие отметки по всем предметам. Хотя еще раньше, в колледже, они были только отличные. Почему? Что-то произошло, и Джанет стала хуже учиться. Не могла сосредоточиться. Чего-то ждала...

Кэт посмотрела списки внимательней. Джанет — отличница по истории, а поступает на отделение английской литературы. Это просто странно. Но оказывается, что после колледжа Джанет не сразу приехала в Нью-Йорк. Сначала поступила на курсы сиделок в Мичигане. Невероятно... Конечно, современные девушки пробуют разные профессии, пытаются «найти себя», но такой разброс! От сиделки до писателя. Что это значит?

Видно и то, что Джанет не сразу окончила курсы сиделок. Умер ее отец, и она вернулась к матери. Уже после того, как умерла и мать, Джанет приехала в Нью-Йорк. И опять — почему? В Мичигане свой прекрасный университет. Родители оставили ей приличную сумму денег, достаточную, чтобы оплатить учебу, если иногда подрабатывать.

Кэт вернулась в офис, размышляя над тем, почему Джанет предпочла учиться в Нью-Йорке. Может, девушка решила попутешествовать? Ей надоел родной город, где она так и не вышла замуж. А, кстати, почему? Застенчивая, ладно. Неразговорчивая. Но красивая, несомненно!

Долго размышлять ей не удалось. Студентов у дверей накопилось столько, что Кэтхватило работы до вечера.

А у дверей ее квартиры, на ступеньках, Кэт поджидал новоявленный доктор Ватсон. Глаза его сверкали, будто он обнаружил золотососную жилу. Вместо золота Джерри пока получил банку пива.

— Я не мог дозвониться тебе тем утром, — пожаловался он. — Поэтому сразу приступил к делу. Конкретного задания ты не давала, и я решил провести рекогносцировку в студенческом обществе.

— Какое совпадение! — удивилась Кэт. — А с болтушкой Джеки Миллер ты тоже познакомился?

— Женщин я пока не трогал, — возразил Джерри. — Хочешь добыть информацию, обращай к тому, кто все видит и знает.

— И кто же это?

— Носильщик, он же по совместительству швейцар. Я поговорил с ним о футболе. Мы отметили, что у «Тигров» есть отличные шансы на победу. Затем оба согласились, что в магазинах все недешево, без денег не проживешь, и тому подобное... Тут я и узнал такое, что наверняка поможет спасти вашего друга Эмануэля.

— Перестань трепаться и говори яснее.

— Этот малый сказал, что у него украли спецовку — синие рубашку и брюки. Причем в тот же день, когда ограбили комнату Джанет.

— Вор устроил маленький маскарад?

— Скромная форменная одежда сделала его незаметным.

— Опять невидимка... Джерри, ты молодец!

— Пожалуй, пойду работать в ФБР. Как думаешь, они ловят там убийц? Мне это страшно нравится.

8

План действий решили обсудить на свежую голову. Следующим утром Джерри явился ровно в девять. Кэт высказала свои сомнения:

— Почему носильщик не заявил о пропаже формы?

— Не захотел связываться с полицией.

— А куда вор дел свою собственную одежду? Не пришел же он в одном белье.

— Кэт, ты что, не читаешь детективы? Это же очень просто. Преступник не шастал голый по улице, привлекая внимание. Он был в хорошем, модном костюмчике. А спецовку надел прямо поверх, благо, что носильщик здоровенный детина. Вывод: убийцу не стоит искать среди лилипутов. Впрочем, он мог загнуть рукава и закатать штанины. И вообще все формы шьются на один размер, подгоняй потом как хочешь.

— Придется мне убедиться лично в кое-каких деталях, — сказала Кэт. — Томас Карлейль прекрасен во многих отношениях, но я хочу узнать, что представляет при ближайшем рассмотрении Фредерик Спарк.

— Пациент на двенадцать?

— Да. Он крутился в холле в роковые минуты.

— Настала пора и мне там немного покрутиться. Вчера я прошелся под окном кабинета доктора Баристера. У него симпатичная медсестра, — подмигнул Джерри.

— Ты что задумал, распутник?

— Обожаю детективы. Сплошь приключения и эротика. Ты читала Раймонда Чандлера?

— Его герой убежденный холостяк. У него не было невесты, — погрозила Кэт кулаком. — Смотри у меня, Филипп Марлоу. Вот деньги на непредвиденные расходы. Не вздумай швырять их на девочек.

Джерри получил свой первый гонорар и копию снимка молодого человека, загадочного друга Джанет. Друга? Или врага? Это ему предстояло выяснить.

244

Найти Спарка будет легко. Тем более что есть его адрес. Труднее придумать историю, с которой можно подкрасться к нему незаметно, чтобы он ничего не заподозрил. Размышления Кэт прервал телефонный звонок.

— Наконец-то они ухватили верный след. — Голос Рида в трубке звучал очень возбужденно. — Дело приобретает другую окраску.

— Я уже знаю про грузчика, оставшегося без рубашки и штанов, — спокойно отреагировала Кэт.

— Что?! — чуть не поперхнулся Рид. — Какой еще грузчик? Какие штаны?

— Извини, я проверяла контрольную, и у меня просто вырвалось. Так что вы нашли?

— Завещание Джанет Гаррисон.

— Рид, теперь у нас есть мотив! Ее убили из-за денег. Большая сумма?

— Не очень. У нее было 25 000 долларов, вложенных в бизнес. Они приносили шесть процентов ежегодно.

— Партнеры ее и прикончили.

— Вряд ли. Ты меня не слушаешь. Я же говорю, Джанет оставила завещание. Как думаешь, кому предназначаются ее деньги?

— Если скажешь, что Эмануэлю, мне придется застрелиться.

— Живи, несчастная. К тому же люди, не имеющие опыта обращения с огнестрельным оружием, не в состоянии застрелиться. Они всегда промахиваются, портят пулями стены и

только зря пугают соседей. Джанет завещала свое состояние доктору... Дэниелу Месенджеру.

— Это еще кто такой? Парень с фотографии?

— Мы с тобой мыслим одинаково, — рассмеялся Рид. — Впрочем, как и полиция. Им не составило труда разыскать Месенджера в Чикаго. Скромный пожилой человек. Полная противоположность портрету на снимке.

— Несходство с фотографией могло входить в план убийцы.

— Хм! По крайней мере оригинально. Дальше?

— Дэниел Месенджер выдает себя за другого, — горячилась Кэт, забывая про синтаксис. — То есть я хотела сказать, что он не тот, за кого себя выдает.

— Еще лучше!

— Парик, пластическая операция, — залепетала она. — Рид, какой же это, к черту, след, если он ведет в никуда? Где вы нашли завещание?

— Оно само нас нашло. Нам позвонил юрист. Он был в командировке и ничего не слышал про «убийство на диване». Только вчера его жена заговорила с ним об этом деле, и он сразу позвонил в полицию. Джанет скорее всего выбрала его фамилию по телефонной книге. Он помог ей составить завещание. Но это все. Юрист видел Гаррисон в первый и последний раз. Он ничего о ней не знает. И, похоже, не врет. Но, Кэт, должна быть связь между Джанет Гаррисон и Дэниелем Месенджером. Ну ты подумай — Месенджер! Меня от этой фамилии оторопь берет. Не видел бы собственными глазами, сказал бы, что таких не бывает...*

— Для продолжения разговора опустите десять центов.

— Рид! Ты в телефонной будке?

— Какая проникательность. Если так и дальше пойдет, быть тебе великим детективом. Неужели ты всерьез полагала, что я докачусь до того, что начну разглашать служебные секреты прямо из своего кабинета? Все-таки сумасшествие заразительно. Кэт, у меня нет десяти центов.

Их разъединили. Несколько секунд Кэт порывалась вскочить и броситься на первый самолет в Чикаго. Томас Карлейль, конечно, на нее не обидится, но вот с Джорджем Элиотом нужно поосторожней. Книга ее подождет, а лекция на носу. Мысли Кэт после крутого поворота, вызванного звонком Рида, вернулись к намеченной жертве. Фредерик Спарк. На него есть выход. Через ее давнего друга, преподавателя литературы, с которым они вместе ходили на занятия по дикции. Кэт сняла трубку и уверенно набрала номер.

— Привет, Лио! Это Кэйт Фэнслер.

— Рад слышать тебя, Кэт! Что нового замечательного в университетской жизни?

— Сам знаешь. Последние экзамены.

Они поболтали минут пять о пустяках, а когда перешли на обсуждение общих знакомых. Кэт сказала будто невзначай:

— Хотела спросить, ты можешь устроить мне встречу с одним преподавателем?

* Messenger — посланник (англ.).

— Собралась поохотиться за новыми кадрами для университета или для себя? Как его зовут?

— Фредерик Спарк.

— Зачем он тебе понадобился? Не вздумай приглашать его к себе на работу. Фред хороший администратор, он не пойдет преподавать. Хоть и зовет своего пса Гюставом.

— Невероятно! В честь Флобера?

— Да. И ты знаешь, это очень странно. Фред обожает Пруста. При чем тут тогда Флобер?

— Лио, нельзя ли организовать веселую компанию и пригласить Спарка и меня? Чтобы он ни о чем не догадался.

— Ушам не верю. Счастливчик Спарк! Давно за ним не гонялись красивые женщины. Хорошо, я все сделаю, как ты просишь, о, загадочное создание! Сегодня в восемь вечера у меня.

— Договорились. Я не могла желать большего. Что будем отмечать?

— Считай, что день рождения. До вечера, о, тайна, окутанная мраком!

9

Через полчаса размышлений Джерри с грустью констатировал, что профессия детектива, которой он собирался посвятить свою жизнь, не такая легкая, как ему казалось на первый взгляд. Если признаться, то сейчас Джерри чувствовал себя полным идиотом.

Как познакомиться с Ричардом Гораном? Попробовать устроиться на работу в его рекламное бюро? Нечего об этом и думать. Но других идей не имелось. Проклиная свою бездарность, Джерри пошелся на Мэдисон-авеню.

Судьба благосклонна к упорным. Им она шлет неожиданные подарки в моменты, казалось бы, полные отчаяния и безнадежности. Джерри вошел в первое от угла здание, заметив вывеску: «Рекламное агентство». Нужно было подняться на восемнадцатый этаж. Там размещались офисы. Он вышел из лифта и закрутил головой, ища кого-нибудь, чтобы спросить чепуху, типа: «А когда вы закрываетесь?» И тут ему на плечо легла чья-то рука. Джерри показалось, что волосы его поседели в одно мгновение.

— Эй, ты что тут делаешь? Неужели Салли надумала записать своего жениха в рекламный бизнес? Не будь дураком, Джерри, поступай на юридический.

Это был Ричард Горан. Джерри смотрел на него во все глаза, будто увидел крокодила в умывальнике.

— Ты ведь Джерри, жених Салли Фэнслер? Или я ошибся? — не выдержал Ричард. — Мы встречались у нее на вечеринках. Да что с тобой?

Действительно, Джерри выглядел так, будто вот-вот сомлеет. Наконец он с усилием произнес:

— Мир тесен, — и добавил, чтобы сгладить ужасную двусмысленность подвернувшегося некстати клише: — Доказано экспериментально.

— Тесен — не то слово, — улыбнулся снисходительно Горан. — Я давно убедился, что на всей планете живет не больше ста человек, и все они толкуются с утра до вечера вокруг нашего бюро. Не хочешь проглотить гамбургер? Здесь уютное кафе.

Дорогая, милая Салли! Она знала всех в этом тесном мире. Джерри видел, как она читает газеты. Для Салли главную ценность в любой из них представляли светские новости. Если Джерри каждое утро машинально открывал «Таймс» на спортивных страницах, изучал затем, кто выступил с речью в Конгрессе, что произошло в Африке, на Ближнем Востоке и в России, то Салли, держа в руках тот же номер, читала как бы совершенно иную газету. Уик-энды звезд, свадьбы, разводы и мельчайшие детали жизни людей — вот информация, которую Салли впитывала в себя, как губка. Она не пропускала ни одного приглашения, и сама частенько устраивала вечеринки. «Неоценимый помощник, если я и в самом деле стану юристом», — подумал с дальним прицелом Джерри.

За лэнчем Ричард заказал по бокалу «джибсона». Джерри не привык употреблять спиртное посреди дня, но это был хороший случай, чтобы немного приободриться. Он проглотил залпом коньяк и уже в следующую секунду погрузился в волшебный, мягкий туман. Лицо Горана смешно разъехалося в разные стороны, но и так было ясно, что между ним и парнем с фотографии нет ни ка-апельки сходства. Джерри хихикнул. Да мог ли кто из знакомых Салли зарезать девушку? Не из страсти, наверное. Горан не такой. Тут был тонкий, холодный расчет. Ну и бред! Зря все-таки он пил.

— А ты тоже ходишь к психиатру? — услышал вдруг Джерри свои собственные слова.

Детектив хренов! Ведь он собирался подойти к этой теме незаметно, исподтишка. И так лопухнуться. «Не детектив ты, а пьяная свинья», — подумал Джерри о себе, запихивая в рот куски хлеба в тщетной надежде быстрее протрезветь.

— Что? — бледнея, спросил Горан. — Откуда ты знаешь?

— О-о, нет, я ничего не знаю, — пьяно махнул рукой Джерри. — Про историю с убитой девушкой болтают на каждом углу, вот я и закинул удочку. Думаю, может, клюнет, — разухабисто закончил он, улыбаясь от уха до уха.

На Горана было жалко смотреть. Он выглядел как человек, нагнувшийся приласкать собаку и обнаруживший, что целуется с гиеной. На счастье, появился офицант и поставил перед ними закуски.

— Извини, — буркнул Джерри и зверски набросился на еду.

— Я действительно посещаю сеансы психоанализа, — тихо сказал Горан. — Это не секрет. Но ты попал в точку. Мой врач и есть тот самый психоаналитик, которого подозревают в убийстве.

— И ты его не боишься? — прохрипел Джерри с искренним удивлением.

— С какой стати? Я не верю, что он это сделал.

— Ты знал девушку? — оживился Джерри, переходя к прямому вопросу.

— Нет. Видел ее мельком в холле. Красивая. Пытался пригла-

силь в театр, даже специально заранее купил билеты. Но она отказалась. Невозмутимая и холодная, как айсберг. А ведь кому-то понадобилась ее смерть.

В голосе Ричарда слышались неподдельные правдивые нотки. Но Джерри читал где-то, что все убийцы — отъявленные лжецы.

— Хороший хоть врач? — спросил он.

— Профессионал. Сидит, как мумия, если я полчаса просто молчу. Иногда это жутко раздражает. Будто он притаился.

— И тебе хочется его убить.

— Нет, — вздрогнул Ричард. — Не убить. Впрочем, подсознание — таинственная штука. В фантазиях люди заходят дальше, чем в поступках. Но кто укажет, где грань?

— Помогли тебе его сеансы?

— Отчасти, да. В моей работе.

— Каким образом? Неужели комплексы?

— До комплексов мы еще не добрались. Рановато для нескольких сеансов. Но у меня был один клиент, который просил оформить необычно и современно его офис. Знаешь, что я придумал? Предложил ему поставить посреди комнаты кушетку с креслом за изголовьем. Очень современно! Клиент чуть не плакал от восторга, и я получил повышение.

Горан заплатил за ленч, почти не притронувшись к еде. Джерри неуклюже распрощался и вышел. Кто там еще остался на подозрении?

Чтобы проспаться перед новой акцией, Джерри потратил часть гонорара и закатился в киношку на два фильма сразу. Нормально заснуть, конечно, не удалось. Он выбрался на улицу еще более измученный. Перед глазами мельтешили начало одной картины и конец другой. Вместе получался потрясающий боевик.

А впереди Джерри ждало свидание с очаровательной медсестричкой. Он решил не отступать от старого плана, потому что не придумал новый. Спеша его исполнить, Джерри еще раз ударил по бюджету и взял такси.

На двери кабинета доктора Баристера аккуратная табличка гласила: «Позвони и входи». Джерри так и сделал. Он увидел ее сразу, свою пассию, сидящую за маленьким письменным столом и печатающую на машинке. Очевидно, медсестра доктора Баристера была одновременно его секретаршей. Она подняла голову и спросила удивленно: — «Да?» «Совершенно сбита с толку, — подумал Джерри. — Гадает, какие у меня могут быть женские болезни. И здорово напугана». В кабинете они были одни.

— Давно хотелось поговорить с вами о моей жене, — начал Джерри и увидел, что девушка слегка успокоилась и решает, засмеяться ей или позвонить в полицию. Поэтому он быстро продолжил: — Мы мечтаем иметь ребенка, пупсика, такую маленькую крошечку. Можно, я присяду?

— Доктора сейчас нет, — на всякий случай сказала она, принимая его за сумасшедшего. — Вашей жене нужно позвонить и

самой все рассказать. Врач назначит время для предварительной консультации. Кто рекомендовал вам доктора Баристера?

Тогда-то Джерри вспомнил про свой главный козырь, который он так долго и столь опрометчиво держал в запасе — свой неотразимый шарм. Детектив по призванию слегка расслабился, позволил залихватской пряди упасть на черную бровь и одарил ни в чем не повинную медсестру коронной улыбочкой. Несчастливая девушка еще не сообразила, какую длинную лапшу ей собираются повесить, но сразу растаяла и забыла, о чем спрашивала. С этого момента и впервые за весь день Джерри контролировал ситуацию.

— Алиса, моя жена, она страшно застенчивая, — пояснил он. — Ни за что не хочет идти с этим к врачу. О, я думаю, все женщины в ее положении ведут себя непростительно глупо. Но я уверен, вы будете очень внимательны к ней.

— Да, мы... конечно... — занервничала медсестра. — Вы можете не волноваться. Мы решим все проблемы. Доктор Баристер, он такой, э-э, внимательный...

— Ласковый? — подсказал Джерри.

— Хм, ласковый? Возможно. По крайней мере знает свое дело. Вашей жене он непременно понравится. Но вам тоже необходимо провериться.

Джерри решил изобразить на своем лице отчаянный конфуз. Тогда она улыбнулась и добавила:

— Не здесь, конечно. Однако не всегда в таких случаях виновата женщина.

— Очень любезно с вашей стороны. Я так признателен, — забормотал Джерри. — А скажите, вы берете... м-м... достаточно дорого?

— Достаточно, — улыбнулась она снова, скромно потупив глазки. — Вы давно женаты?

— Спасибо, — заторопился Джерри. — Вы очень миленькая! Спасибо вам громадное.

— Да не за что пока, — пожала плечами медсестра, видя, что странный клиент пятится к двери.

Джерри выбежал на Пятую авеню и поймал такси, потому что снова торопился на свидание. В этот раз — со своей невестой. Ему понравилось его лихое интервью с девушкой, которой он, видимо, неплохо заморочил голову. Как настоящий детектив. Одного не мог понять детектив Джерри. Чего он добился во время безумного визита в женскую консультацию? Раскрыл ли какую-то тайну? Родил ли хоть какую-нибудь идею? Нет. Абсолютно ничего. Может, все еще впереди?

С той же скоростью, с какой Джерри уносился, так сказать, с места преступления, Кэт приближалась к офису Эмануэля, сидя в такси. Перед этим она позвонила Николь и узнала, что пациент, записанный на шесть вечера, отказался от сеансов, не объясняя причины. У Эмануэля снова было «окно».

— Так что тебе лучше приехать, — сказала Ники. — Мы посидим на знаменитой кушетке и поболтаем. Чтобы никто не смог подложить нам еще один труп. А потом поужинаем.

Последнее замечание соблазнило Кэт гораздо больше. Она захватила с собой красивую коробку, перехваченную атласной ленточкой. В доме царил типшина: Бауэры все же отослали детей к родителям Ники. Кэт поставила коробку на стол и сказала, заметив взгляды друзей:

— Успокойтесь, это не вам. Горючее для Спарка. Я приглашена на день рождения.— И, посмотрев на Эмануэля, спросила: — Джанет упоминала во время сеансов имя Дэниела Месенджера?

— Полиция уже прилетала с подобным вопросом,— ответил он.

— Я совсем забыла про полицию!

— Этот Месенджер, кто бы он ни был, подвернулся им очень кстати,— вздохнула Ники.— Он, кажется, занимается генеалогией?

— Наследственностью,— спокойно поправил Эмануэль.— Джанет ни разу о нем не говорила. Есть идеи, инспектор Фэнслер?

— Пока только зацепки. Но вы не должны их выдавать полиции. И вообще никому.— Тут Кэт предостерегающе подняла руку.— Не смейтесь. Вот мои дикие вопросы. Почему украли рубашку и брюки у носильщика? Почему обворовали комнату Джанет? Может, какого-то идиота привлекла красота девушки, и, не имея возможности обладать ею, он возжелал похитить ее трусики?

Эмануэль и Ники глядели на нее, широко открыв глаза.

— Что ты сегодня пила? — встревоженно спросил Эмануэль.

— Не перебивай. Кто такой Дэниел Месенджер? Почему Джанет оставила ему завещание? Кто тот мужчина, с которым какая-то студентка видела Джанет в городе? Кто эта студентка?

— Если ты не знаешь студентку, откуда тебе известно, что она видела? — не выдержала Ники.

— Умоляю, не перебивайте! Можете стенографировать, а потом задавать вопросы. Как на лекции. Иначе я сойбьюсь. Почему Джанет поступила на литературное отделение, если она круглая отличница по истории? Зачем ей курсы сиделок? Почему она приехала в Нью-Йорк?

— Последнее очень просто,— подсказал Эмануэль.— Она знала, что здесь живет лучшая учительница, прирожденный сыщик и очаровательная сумасбродка Кэт Фэнслер.

— Что беспокоило Джанет? Что за юноша изображен на фотографии? Почему его лицо никому не знакомо? Кто Ричард Горан? Фредерик Спарк? Мойщик окон?

— Мойщик окон?!

— Это мне только сейчас пришло в голову. Все можно узнать о доме и его жильцах, подглядывая регулярно в окна. Кто может делать это беспрепятственно, не вызывая подозрений? Мойщик окон! Кто моет ваши окна?

Если Кэт хотела развлечь Эмануэля, она этого достигла. Он весело расхохотался, встал и налил всем вина.

— Наши окна моет Пандора,— сказала Ники.— У нас ведь первый этаж. Ну и вопросы у тебя, милая. А как ты познакомилась со Спарком?

— Мы с ним еще не знакомы.

— А почему ты несешь ему «горючее»?

— Потому что я Кэт Фэнслер, великий детектив.

Тут раздался звонок. Николь сняла трубку, послушала и сказала, передав ее Кэт:

— Это тебя.

— Никто не знает, что я у вас!

— Метод дедукции, — услышала она голос Рида. — Твой телефон безмолвствовал, и я сделал логический вывод. Поужинаем в ресторанчике?

— Рид, извини, но я уже поужинала, а вскоре у меня важная встреча. С моим коллегой Фредди Спарком.

— На этой встрече я тоже могу пригодиться. Вместе мы вывернем его наизнанку.

— Предпочитаю сделать это сама. Если гости узнают, что ты помощник прокурора, мы проведем милый, но бесполезный вечер, восхваляя наших полицейских.

— Ладно, коварная. Тогда слушай мои последние новости по телефону. Доктор Баристер имел крупные неприятности пару лет назад. Пахло скандалом, но дело удалось замять.

— Что он натворил?

— Врачебная ошибка. У одной его пациентки стали расти волосы на груди.

— Это шутка?

— Я бы с удовольствием пошутил, но нет ни сил, ни времени.

— Каким образом дело связано с Джанет Гаррисон?

— Ничем не связано. Но, может, оно даст тебе пищу для размышлений.

— Я поняла, Рид! Полиция начала поиски настоящего убийцы. Они ищут!

— Не питай больших надежд. Гормоны и нож в груди — слишком разные вещи. Счастливо повеселиться.

— Спасибо. Извини, дорогой.

— Никогда! — весело отозвался Рид и повесил трубку.

Не передавая своего разговора с Ридом, Кэт попросила Эмануэля объяснить ей действие гормонов. Сначала она понимала. Но посыпались специальные термины: Эмануэль старался. Кэт улавливала каждое третье слово, потом каждое шестое и, наконец, одно слово из фразы. Она махнула рукой, попрощалась и вышла.

Телефон напрасно надрывался в ее квартире. Звонки разносились по пустым комнатам горестно и долго. В них уже слышалось послание, означающее для кого-то глас Судьбы.

С момента своего появления на вечеринке, и особенно после торжественного вручения бутылки виски, перевязанной ленточкой, Кэт чувствовала себя совершенно лишней. Кто-то выхватил «горючее», сказав быстро-быстро: «Спсб», что должно было означать «спасибо». Мужчины оглядели Кэт с ног до головы, решили,

что подобных экземпляров в их коллекциях было предостаточно, и вернулись к обсуждению проблемы, смысл которой ей так и не удалось уловить. Споры касались обучения в колледжах и того, каким оно должно быть.

Ей указали на Спарка. Кэт подседа к нему поближе, и они разговорились. Когда он узнал, что Кэт преподает в университете, то вспыхнул завистью.

— Чему тут завидовать? — спросила она, понимая, что сильно лукавит.

— Мы здесь администраторы. Сотни, тысячи документов, миллионы правил и уложений. То можно, это нельзя. Меня удерживает только хорошая зарплата. Но я обязательно вырвусь! Займу более высокую должность. Тогда у меня будет отдельный стол, а возможно, и свой кабинет с эффектной секретаршей впридачу. Плюс, конечно, куча денег. И я смогу хоть целый день спокойно предаваться сладким мечтам о работе рядом с вами, очаровательная мисс Фэнслер.

— Вы работаете каждый день? — спросила Кэт.

— У нас скользящий график. Его никто не в состоянии запомнить, потому что он все время меняется.

— А можно пропустить свой урок?

— Можно, но только в одном случае. Если ты умер.

Неожиданно для себя Кэт вынула из сумочки фотографию и показала Спарку.

— Вы видели когда-нибудь этого парня? Может, он учился у вас в колледже?

Он посмотрел внимательно на снимок и ответил:

— У меня великолепная память на лица. Я не знаю этого юношу, но, кажется, встречал его где-то случайно, на лестнице, например, или в лифте. Есть что-то знакомое в линиях рта и подбородка. Если вспомню, обязательно вам позвоню. С ним вышла какая-то история?

— Вероятно, он был связан с одной из моих студенток. Ее звали Джанет Гаррисон, — решила не тянуть дальше Кэт.

— Что вы говорите! Это та самая красотка, которую зарезали на диване? Я ведь был там, когда ее нашли.

— Были там? Кошмар! Непостижимо!

— Тем не менее. Я ходил на сеансы психоанализа к тому же врачу, что и Джанет Гаррисон. Поразительная была красавица! Только для того, чтобы взглянуть на нее в холле, я специально приезжал пораньше. Такие изумительные, совершенные черты лица!

— Вы с ней разговаривали?

— Конечно, нет. Предпочитаю любоваться красотой на расстоянии из боязни обнаружить изъян при более близком контакте. Вдруг бы у нее оказался гнусавый голос? Тогда и лицо потеряло бы часть привлекательности. Надеюсь, что у Джанет с голосом было все нормально, мисс Фэнслер? Пожалуйста, не разочаруйте меня.

— Успокойтесь, Фредди. У Джанет был приятный голос, хотя и чуточку нервный. Вам нравится ваш врач?

— О, да! Прекрасный специалист. У него есть замечательная

способность слышать то, что еще не сказано. Очень важно для любого человека — различать оттенки молчания, знаете ли.

И неожиданно, будто предлагая оценить «невидимые оттенки» и несказанные слова, Спарк замолчал прочно и надолго. Эффект был потрясающий. Собеседник, так охотно делившийся взглядом на жизнь, в одну секунду исчез за стеной молчания, и вытащить его оттуда не представлялось возможным.

Когда Кэт вернулась домой, она увидела в холле Рида, прикорнувшего на кресле, сладко посапывающего, и довольно бесцеремонно тряхнула его за плечо.

— Мне необходимо было прийти к тебе, — сказал Рид, мгновенно просыпаясь. — Сегодня я наконец понял, что если ты метишь в детективы, то тебе лучше сидеть дома и отвечать на телефонные звонки, а не хлестать виски на «мальчишниках», мучая жаждущих отвести душу мужчин идиотскими вопросами.

— Это суцая правда, — покорно согласилась Кэт.

Они вошли в квартиру, и Рид предложил выпить по чашке кофе.

— Я буду заваривать и одновременно рассказывать, а ты сиди и слушай, — приказал он. — И не очень пугайся.

— Что-нибудь случилось с Эмануэлем?

— Нет. С тобой.

— Интересно, в каких мрачных переулках обретается настоящая Кэт Фэнслер, и что с ней происходит? — пошутила Кэт. — Ведь здесь, очевидно, только ее отражение.

— Все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Полиция получила анонимное письмо. В нем недвусмысленно говорится, что Джанет Гаррисон убила ты, Кэт.

— Я? Ничего не скажешь, серьезное обвинение. На чем оно основано?

— Там утверждается, что ты украла у Джанет статью и напечатала ее в одном из литературных журналов. Что вы с Эмануэлем были любовниками, что ты влюблена в него и сейчас. Его брак с Николь стал тебе поперек горла, и ты решила уничтожить Эмануэля, а заодно и его жену. В письме есть также указание на то, что ты хорошо знаешь расположение комнат в квартире Бауэров, что у тебя нет алиби, ты своровала фотоаппарат и записную книжку Джанет, и в данное время ты много вертишься в офисе, где произошло убийство, лишь с одной целью — замести следы и запутать следствие.

— Рид, и ты всему веришь? — воскликнула Кэт, хватая его за руку.

Не отвечая, Рид поставил перед ней поднос с чашками, сахарницей и ароматно дымящимся кофейником.

— Нет, не наливай мне кофе, Рид! Я не проглочу ни капли, пока ты не ответишь.

— Предупредил же: не пугайся, — сказал Рид. — Теперь мне придется добавить — не впадай в истерику. А если ты еще раз спросишь, верю я или нет, то, честное слово, я тебя поколочу. И, пожалуйста, выпей кофе. О, Кэт, умоляю тебя, не плачь! Где твой платок? В сумочке!.. А где сумочка? В коридоре? А где... Боже...

Кэт, возьми мой платок. Я не сказал еще тебе главную новость. Она куда более впечатляюща.

— Подожди секунду, Рид. Дай мне прийти в себя. О-о, что будет в университете? Бедный Эмануэль! Его все предали. Кто мог выдумать это чудовищное письмо?

— А разве не усматриваешь важный знак? Письмо доказывает, что мы прищемили кому-то хвост. Точнее, ты, Кэт, кого-то до смерти напугала. Преступник сделал опрометчивый, неверный ход, за который, думаю, и заплатит. Он сам попадет в свою паутину, и нам останется только дернуть за веревочку и посмотреть, кто же этот паук-убийца.

— Рид, иногда ты можешь быть очень милым. Какие эпитеты! Бальзам на истерзанную душу. Пожалуй, я открою тебе один секрет.

— Опять! — взмолился Рид. — Очередная глупость?

— Мне нужен был помощник, и я наняла Джерри. Он жених моей сестры.

— Это значит, что он хотя бы совершеннолетний. Ты втянула мальчика в свои детективные игры?

— Не ругай меня, Рид. И он давно не мальчик.

— А я чем не помощник? Могу и женихом стать, если именно это требуется, чтобы получить у тебя работу.

— Ты все время занят, а Джерри может целый день крутиться там, где я ему скажу. Что толку мне отдавать тебе приказы. Ты не подчинишься, а будешь просто сидеть и спорить.

— Хорошо, что я пока имею такое право! Кэт, тебя нельзя оставлять ни на минуту. Сама видишь, это грозит неисчислимыми катастрофами.

— Наверное, ты прав. Но я не ошиблась в Джерри. Кое-что он успел выудить. Рассказывай вторую новость, и мы подведем итоги. Давай, что там еще впечатляющего?

— Если ты готова, — засомневался Рид, — то я расскажу про Дэниела Месенджера.

— Доктор из Чикаго? Как он отнесся к завещанию?

— Ошеломлен. Он ни разу не слышал о Джанет Гаррисон. Мы послали к нему способного детектива, и тот выяснил, что Месенджер не покидал Чикаго в последние месяцы.

— Остается загадкой, почему Джанет завещала деньги именно ему.

— Сам доктор предположил, что в мире, возможно, есть другой Дэниел Месенджер. Однако в завещании совершенно точно указан адрес. Ошибка исключена.

— Не мучай, Рид, выкладывай.

— Детектив на всякий случай показал Месенджеру фотографию, найденную у Джанет, не надеясь, впрочем, ничего услышать. Доктор так долго смотрел на фото, что, казалось, уснул. Наконец он взглянул куда-то в пространство и сказал: «Это Мики».

— Мики? — недоуменно повторила Кэт.

— Именно так спросил и детектив: «Мики? Какой Мики?» И что, ты думаешь, он услышал?

— Сколько же мне еще разгадывать всякие шарады? И так

голова пухнет от вопросов. Ради Бога, Рид, что сказал Месенджер?

— Он произнес: «Вы спрашиваете, какой Мики? Мой давний приятель — Майкл Баристер. Мы снимали вместе одну квартиру в далекие студенческие годы».

— Майкл Баристер? — прошептала Кэт. — Доктор Майкл Баристер? Рид! Вот связь, которую мы искали. Замечательно!

— Замечательно, чудесно — и больше ничего, — остудил ее Рид.

— Что ты говоришь! Джанет убили из-за денег.

— Но кто? Месенджер не убивал. Он сидит безвылазно в Чикаго. У него хорошая практика, жена работает секретарем, они не миллионеры, но им вполне хватает, чтобы жить мирно и безбедно и не связываться с наемными убийцами. Мы проверили банковский счет Месенджера. У него все в порядке. Он никому не должен. Еще труднее предположить, что Джанет убил Майкл Баристер. Ведь завещание оставлено на имя Месенджера, который не видел «Мики» со студенческих лет.

— Может, Баристер ненавидит Эмануэля и хочет сжить его со свету?

— Возможно. Остается вопрос — почему? Нам достоверно известно другое: Эмануэль недолго любит Баристера. И какое отношение к делу имеет доктор Месенджер? Никакого?

— Ты что-то упускаешь, Рид. Например, тебе не кажется странным, что мы с тобой не узнали Баристера на фото?

— Я не узнал, потому что никогда его не видел. А ты почти вспомнила. Человек меняется за десять — пятнадцать лет очень сильно. В двадцать пять и в сорок никто не выглядит одинаково. Что касается Месенджера, то ему как раз было проще узнать старого друга таким, каким он видел его в юности.

— Почему ты не адвокат! — съязвила Кэт. — Факты, однако, вещь упрямая. Кабинет Баристера находится через холл от офиса Эмануэля, фотография «Мики» — в сумочке Джанет.

— И положил ее туда убийца, специально, чтобы направить нас по ложному следу.

— Будь он проклят!

— Тут я с тобой согласен.

— Фредерик Спарк тоже почти узнал Баристера на снимке. Осталось показать Месенджеру фото Спарка. И обнаружится, что они играли в одной бейсбольной команде.

— Не расстраивайся, Кэт. Месенджеру стоит показать все фотографии, какие мы достанем. Главное, что расследование продвигается.

— И теперь в мою сторону! У нас не «задействован» еще и Ричард Горан. Как думаешь, мог он убить Джанет в чисто рекламных целях? Тогда связь Баристер — Месенджер — нелепая случайность. В конце концов вся жизнь — это цепь случайностей. Последний вопрос, перед тем как я потеряю сознание: где был Баристер во время убийства? Полиция интересовалась его алиби?

— Он вел прием в своем офисе. Пациентки, медсестра — Баристер был на виду.

— Утром зайдет Джерри и расскажет, что он узнал о Ричарде Горане. Тогда мы обсудим все еще раз. А сейчас я хочу спать. Рид, это письмо не попадет в газеты?

— Обещаю, что нет.

— Кто мог его подкинуть?

Но Рид был уже у двери, и она сонно махнула ему рукой. Бросив чашки с недопитым кофе на столе в гостиную, Кэт стащила с себя одежду, швырнула ее на пол и завалилась в постель.

12

— Хорошо, что ты догадалась дать мне ключи от своей квартиры, — произнес Джерри, улыбаясь и глядя, как она моргает глазами, освобождаясь от сна. — Я бы звонил и звонил, а подумав, что тебя убили, вызвал бы полицию. Это ты с похмелья.

— Я не алкоголик, да и выпила-то всего рюмочку. У меня нервное истощение. Так что выматывайся из моей спальни и дай одеться. Ты умеешь варить кофе? Вот и займись.

После душа Кэт почувствовала прилив свежих сил. Обновленная и энергичная, она вошла в кухню и ахнула. Джерри нашел гениальное применение ультрасовременной кофеварке с многочисленными приспособлениями. Он просто сыпанул горсть кофе в кипящую воду, игнорируя замысловатые пароотсекатели, фильтры и ситечки. Напиток получился соответственный. Три чашки черной смолы помогли забыть о горестях и неудачах и перевернуть рассказ Джерри о его вчерашних приключениях. (Разумеется, заранее отредактированный и сокращенный.) Кэт слушала невразумительные истории о Ричарде Горане и медсестре, в отчаянии качая головой. Не надо было Джерри лезть в кабинет к Баристеру. Хотя одна деталь казалась интересной и многообещающей. Джерри заметил, что сам офис состоит как бы из нескольких маленьких кабинетиков. Над этой информацией нужно будет подумать.

Кэт не покидало ощущение, что элементы головоломки зашевелились быстрее. От одного движения все может рассыпаться или выстроиться в ясную схему. Она понимала, что Рид потребует незамедлительной «отставки» Джерри, однако интуиция подсказывала дать еще один шанс их незадачливому помощнику, не умеющему справиться даже с кофеваркой.

Прошло уже больше недели со дня убийства Джанет Гаррисон. Кэт настолько втянулась в расследование, что ее привычная, накатанная жизнь осталась где-то в прошлом. Она умудрилась пропустить две или три лекции, совершенно забросила бедного Карлейля и, как Джанет, изо дня на день чего-то ждала. Когда кончится кошмар? Когда она снова станет сама собой, вернется к неизменному распорядку, в котором нет места для утреннего кофе с молодым человеком? Таким молодым, что в стандартной ситуации ему бы не о чем было разговаривать на досуге с преподавательницей английского языка и литературы Кэт Фэнслер.

— Никаких идей? — заволновался Джерри.

— Что толку в ворохе идей, если они все бессмысленные, —

сказала Кэт.— Еще вчера у нас было человек пять таких классных подозреваемых, что просто пальчики оближешь. И все оказались приличными людьми. Остался этот чертов наследник, которого ни с какой стороны к делу не пришьешь.

Она рассказала своему помощнику о Дэннеле Месенджер, детально описала историю с опознанием фотографии. Джерри навострил уши и заводил носом, как ищейка.

— Не верю я этому типу, — заявил он. — Мы не знаем наверняка, что у него было с Джанет.

— Но он говорит, что никогда не слышал о ней.

— М-м-м, сначала убил, а потом не слышал.

— Тогда зачем опознавать на фото Майкла Баристера и давать втянуть себя глубже?

— Он не себя втянул, а Баристера. И уж, конечно, Месенджер не предполагал, что его так быстро обнаружат. Он не знал, что Джанет оставила завещание.

— Если Месенджер не знал о завещании, как ты говоришь, то зачем он убил ее? Ведь мотив, надо полагать, — деньги.

— Может, деньги, а может, и не деньги. Во всяком случае, Месенджер надеялся, что завещание никогда не найдут.

— Джерри, очнись! Ты совсем спятил. Без завещания нет и денег. И какой бы ни был его мотив, Месенджер не выезжал из Чикаго. Пожалуйста, ни слова о наемных убийцах, а то меня стошнит.

— А как насчет хорошего отпуска, мисс Фэнслер? Не пора ли вам отдохнуть? Съездить куда-нибудь?

— Лучший отдых для меня сейчас — это разгадка убийства. Может, полицейские что-то пропустили, и Месенджер все же покидал Чикаго?

— Я тоже думаю только об этом, — признался Джерри. — Эффект присутствия можно создать, записав голос на магнитофонную пленку. Ты смотрела фильм «Лаура»? В аэропорту, конечно, хранятся списки пассажиров до Нью-Йорка. Но он мог воспользоваться вымышленной фамилией. Или сесть на поезд. Что мы теряем, кроме денег на билет до Чикаго и пары дней?

— У меня нет лишней пары дней, — пожалала плечами Кэт. — Ты же знаешь, в университете идут экзамены. Если я пропущу еще хоть одну лекцию...

— А у меня нет лишних денег. Зато времени девать некуда. Давай соединим твои деньги и мое время и отправим меня в краткосрочную командировку. Я только взгляну на этого доктора.

Идея и так уже носилась в воздухе. Безусловно, Кэт предпочитала сама поговорить с Дэннелем Месенджером. Джерри слишком молод. Его суждения и оценки мало значат в серьезном деле. Но у Кэт не было выбора.

— Ты поаккуратней с ним, — предупредила она. — В душу не лезь, много вопросов не задавай. Если он убийца, то тебе с таким профессионалом не справиться. И не надейся, что сможешь вывести его на чистую воду или расколешь на какой-нибудь мелочи. С другой стороны, если он невиновен, то может помочь мне. Каким образом — трудно пока вообразить.

— Как мне ему представиться?

— Думаю, нам нечего терять. Режь всю правду. Возможно, так будет лучше. Позвони, узнай, когда подходящий рейс на Чикаго.

— Я уже знаю. В одиннадцать двадцать. Как раз успею в аэропорт.

Кэт посмотрела на него подозрительно и полезла в кошелек за деньгами. Она ведь только что рассказала ему о Месенджерере. Откуда же...

— Газеты надо читать,— ответил Джерри на ее немой вопрос.— История про наследство Джанет Гаррисон опубликована еще вчера со всеми подробностями. Про фотографию я, конечно, ничего не знал,— добавил он скромно, испаряясь за дверью.

Кэт, в свою очередь, стала собираться на работу. Рида кондрашка хватит, если он узнает, куда отправился Джерри. Но в ее новом положении Кэт мало заботили чувства других. Ощущение катастрофы вносит в жизнь свои коррективы, заставляя поступать жестко, не считаясь ни с какими правилами. Тем более правилами хорошего тона.

Но какая цепь событий привела к страшной, кровавой трагедии? У Джанет Гаррисон была фотография Майкла Баристера, тщательно запрятанная в сумочке. Знак, указывающий,— если не брать во внимание, что снимок мог подсунуть убийца,— на весьма тесную связь между Баристером и Джанет Гаррисон. Баристер, разумеется, отрицает такую связь. Но если он убил Джанет, уничтожив улики, какой же был его мотив?

Кэт добралась до университета в состоянии, к которому успела привыкнуть за последние дни,— в состоянии легкого обморока. Несколько секунд она сидела за своим столом в полной прострации, машинально перекладывая конверты. Взгляд ее упал на кресло, в котором три месяца назад сидела Джанет Гаррисон. «Мисс Фэнслер, не могли бы вы порекомендовать мне хорошего психоаналитика?» Почему она обратилась именно ко мне? Кэт вспомнила об анонимном письме, обвиняющем ее в убийстве Джанет Гаррисон, и не могла отделаться от ощущения, что стоит в самом центре загадки. Все нити сходятся к ней — Кэт Фэнслер. Это она послала девушку к Эмануэлю, и в его офисе Джанет нашла свою смерть.

А если бы Кэт дала ей другой адрес? То ее убили бы там, у другого врача? Конечно, нет! Что же получается? Существовали еще Баристер, фотография в сумочке Джанет, опознанная Месенджером, которому Джанет завещала деньги. Дедка за репку, бабка за дедку... Кто у нас «репка»?

Ей не дали подумать над столь интригующим вопросом. Раздался телефонный звонок.

— Преподаватель Фэнслер, извините, пожалуйста, это мисс Линдсей. Есть новости, и я решила, что вам будет приятнее их услышать от меня, чем от Джеки Миллер.

— Очень мило с вашей стороны, мисс Линдсей. Я до сих пор не могу забыть Джеки Миллер и ее манеру одеваться к утреннему кофе с гостями. Теперь она собирается ко мне в гости?

— Право, не знаю. Вас интересовало, кто видел Джанет Гарри-

сон с женщиной. И Джеки вспомнила вчера вечером совершенно случайно.

— Это может быть очень важно.

— Ее зовут Энни Дрибл. Она жила в общежитии совсем недолго. Я проверяла: в телефонной книге нет такой фамилии.

— Большое спасибо, мисс Линдсей. Я попытаюсь найти ее адрес в секретариате.

До занятий еще оставалось пятнадцать минут. Кэт позвонила секретарше, заведующей архивом, и спросила насчет Дрибл. Да, училась у них такая студентка. Ее адрес и телефон имелись. Кэт быстро записала и позвонила по указанному номеру. После шестого звонка в трубке раздался сонный девичий голосок:

— Алло-о...

— Могу я поговорить с Энни Дрибл? — спросила Кэт, не веря, что все может быть так просто.

— Я слушаю.

— Мисс Дрибл, простите, что беспокою вас. Я уверена, что вы знаете о смерти Джанет Гаррисон. Нам известно, что вы видели ее с женщиной. Кто это был?

— Боже! Но я не помню. Видела их в ресторанчике, всего одну минуту...

— Вы могли бы его узнать?

— Думаю, что да. Они стояли вдалеке, но мужчину я разглядела. Всегда интересно, с кем встречаются твои подружки. Тем более что Джанет была такая загадочная. А кто...

— Мисс Дрибл, — быстро перебила ее Кэт, — вы можете в двух словах описать мне этого мужчину?

— В двух словах? Очень красивый. Я еще удивилась. Конечно, Джанет была привлекательная. Но такой мужчина! Просто Кэри Грант. А вы...

— Спасибо, мисс Дрибл, громадное спасибо.

Понимая, что разбудила не только Энни Дрибл, но и ее неумное любопытство, и не желая втягивать себя в дальнейшие распросы, Кэт поспешно положила трубку.

Кэри Грант!

До лекции оставалась ровно одна минута. Если бегом, то можно успеть.

13

— Давайте пройдем в мой офис и там спокойно побеседуем, — сказал Месенджер.

Глядя на этого человека, Джерри признал, что Кэт была права, предлагая выбрать тактикой отсутствие всякой тактики. Месенджер принадлежал к тому типу людей, которые не играют вызубренную роль, а являются в жизни тем, кем они есть на самом деле, они просто находятся рядом с вами и отвечают на ваши вопросы. Честно и открыто. Джерри оставалось действовать точно так же. Открыто и честно.

Он рассказал Месенджеру все. Про Эмануэля, про Кэт, о своей службе в армии и о планах на будущее.

— Мы почему-то убеждены, что вы сможете нам помочь. Перебрали тысячи вариантов, и все наши версии рушатся одна за другой. Похоже, что вы ключевая фигура, имеющая хоть какую-то связь с деталями этой немыслимой головоломки. Джанет завещала вам деньги. Правда, вы не знаете ее. Зато вы знаете Баристера, не так ли?

— Да. Но вряд ли моя информация окажется для вас полезной, то есть поможет вам засадить Майкла за решетку. За это время он мог, конечно, сильно измениться. Многие люди меняются с годами, иногда до неузнаваемости. Не предполагал, что он откроет обыкновенную женскую консультацию. Хотя и дорогую. Однако я не очень удивлен. Легкие деньги сегодня для докторов. За пару лет можно сколотить приличное состояние.

— Но вы-то не богач, — заметил Джерри.

— И не аристократ, — улыбнулся Месенджер. — Моя младшая дочь изъявила желание изучать медицину. Я быстро прикинул, в какую сумму обойдется мне ее образование. Аж 32 000 долларов! Это означает, что ваш Баристер и мой — как бы разные люди. Тот Майкл, которого я знал, был достаточно скромным человеком.

— А подробнее?

— Могу сказать совершенно точно: он не способен на убийство. Убийца должен быть садистом, смотрящим на людей, как на досадные препятствия, которые необходимо убрать.

— Значит, Майкл любил людей и животных и ни одной букашке не мог причинить боль?

— Это чересчур сентиментально. Любой, кто собирается стать врачом, изучает природу человека и его болезней. Врач причиняет боль только для того, чтобы избавиться от страданий. Майкл был таков. Старался не делать больно.

Джерри погрузился. Закоренелый подозреваемый на глазах превращался в пай-мальчика. Оставалось надеяться, что Месенджер ошибался в своем старом друге.

— Вы жили с ним в одной комнате. А раньше вам приходилось встречаться?

— Нет. Да и комнату мы нашли с помощью сотрудников больницы, в которой работали.

— Вы знали его семью?

— У Баристера не было семьи. Майкл — сирота. Или, как он любил говорить, единственный ребенок единственного ребенка. Его воспитывали дед с бабушкой. Потом и они умерли где-то в Бангоре. Такой городок.

— Он любил ухлестывать за девочками?

— Пожалуй, бабником его не назовешь, но успехом у женщин Мики всегда пользовался. Я не знаю, был ли он уже в то время знаком с Джанет Гаррисон. Он никогда не сплетничал на эту тему.

— Долго вы жили вместе?

— Около года.

— А потом?

— Уехал в Нью-Йорк.

— После этого вы не переписывались?

— Только поздравительные открытки с Рождеством. Перед

этим мы как раз собирались поехать отдохнуть в Канаду. Горы, палатка — ему это безумно нравилось. Но в последний момент я передумал, и Майкл отправился в поход один.

— Значит, с тех пор вы не виделись?

— Пару раз в Нью-Йорке. Но у нас не было времени, чтобы толком поговорить.

— Вы не задумывались над тем, почему Джанет оставила вам деньги? Может, вы спасли ей жизнь да и забыли про нее?

— Я понимаю, что все это очень странно, и хочу помочь, но сам в полной растерянности.

— Деньги-то примете или откажетесь?

— Если у Джанет есть родственники, то отдам им. А так — почему не взять? Психология человека: любую, даже неожиданную награду он считает в той или иной степени заслуженной.

Месенджер мог врать. Существовала вероятность сговора между ним и Баристером. 25 000 долларов на двоих? Не густо. Джерри казалось это маловероятным.

— Еще один вопрос, — сказал он, вставая. — Нужно ли врачу сдавать дополнительные экзамены при переезде из штата в штат?

— Нет. Для врачей правила общие по всей стране. Есть лишь некоторые исключения. Но они не касаются практики в Нью-Йорке, вы это имели в виду?

— Спасибо, доктор Месенджер, вы очень любезны.

— Надеюсь, что был вам полезен. Я уверен: Мики не убивал. Он не мог этого сделать. Людей иногда воспринимаешь как запахи. Почти интуитивно.

14

После лекции, не обращая внимания на студентов, собравшихся специально, чтобы задать ей вопросы, Кэт пулей промчалась в свой кабинет. Оттуда она сразу позвонила Риду.

— Я нашла Энни Дрибл, ту самую, которая видела Джанет с мужчиной, Джеки Миллер вспомнила Дрибл, а Дрибл вспомнила мужчину, представляешь, он вылитый Кэри Грант, — выпалила она.

— Кэт, я понимаю, — ответил Рид сочувственно, — у тебя острый дефицит в подозреваемых. Но что мне делать с твоим Кэри Грантом, звонить в Голливуд?

— Ты забыл, кто похож на Кэри Гранта?

— Ты забыла, что я не имею возможности сравнивать. Я в глаза никого не видел из вашей теплой компании.

— А юноша на фотографии? Ты ведь сам сказал, что он напоминает тебе Кэри Гранта.

— Неужели я так сказал?

— Ну да! Значит, и Баристер соответственно на него похож. Конечно, он старше. Как, впрочем, и Кэри Грант.

— Вот и я чувствую, что старею не по дням, а по часам, а точнее — каждую минуту разговора с тобой. Что ты от меня хочешь, чтобы я Баристеру роль в кино предложил?

— Элементарного я хочу: чтобы ты сложил дважды два. Надо показать Энни Дрибл фотографию Барристера. Если она его опознает, у нас впервые появится неопровержимое доказательство. Фотографии Спарка и Горана тоже сгодятся. На всякий случай. Кто ни капельки не похож на Кэри Гранта, так это Эмануэль.

— Кэт, ты кому угодно закрутишь голову. Так и быть, попробую сказать ребятам из отдела убийств, что Майкл Барристер — это на самом деле загримированный Кэри Грант. Может, меня сразу отправят в отпуск, так я хоть немного отдохну. У тебя есть ее адрес? — И после того, как Кэт продиктовала ему телефон и адрес мисс Дрибл, Рид добавил: — Будь пайнкой, никому больше не говори.

— Рид! Ты собираешься все проверить?

— Я позвоню тебе вечером. Иди сейчас домой и будь там. Слышишь? Никуда не отлучайся. Никому не открывай дверь. Кроме меня. Обещаешь?

— А можно мне закончить рабочий день? — съехидничала она.

— Закончишь — и сразу домой. Замри. Не мечись и не высовывай носа. Сидеть и ждать.

Он повесил трубку. После таких наставлений Кэт, по-видимому, должна была ощутить прилив счастья. Два часа она посвятила своим студентам, потом снова вернулась в офис. Телефон звонил на столе, раскаленный чуть не до бела.

— Кэт, мне нужно с тобой встретиться, — сказал Эмануэль.

— Что-нибудь случилось?

— Именно. Где мы можем спокойно поговорить?

— Помнишь наше кафе?

— Отлично. Буду через двадцать минут.

Но оба они появились там через пятнадцать. Местечко тихое и уютное. Малолюдное в этот неурочный час.

— Кэт, я начинаю волноваться, — конфиденциальным шепотом сообщил Эмануэль.

— Поздновато для начала. Если у полиции что-то серьезное против тебя, ты бы сидел сейчас тут? Уверена, все уладится, нужно немного подождать. Убийцу скоро поймают.

— Здорово у тебя получается. Как быстро ты выучилась стилю судебной хроники! Шпаришь как по газете. Я не за себя волнуюсь. Сегодня нас снова вызвали в участок, меня и Николь. Но интересовались они тобой! Съешь мороженое?

— Нет. Черный кофе, пожалуйста.

Официантка ушла, и Кэт продолжила:

— Вот что я скажу тебе по секрету, но ты не должен этого знать и тем более говорить где-либо. Полиция получила анонимное письмо. Какая-то гадина обвиняет меня в убийстве Джанет Гаррисон и валит все до кучи. Ты ведь знаешь, сколько можно наплевости. Они решили меня тряхануть как следует. Ведь если я и в своем деле окажусь убийцей, представляешь, как вытянутся их несчастные физиономии! А меня только дурак не заподозрит — алиби нет, а мотивов море, и один привлекательней другого.

— Это потому, что ты отважилась мне помогать.

— Нет. Потому что я подослала тебе красавицу пациентку, а ее убили. Но почему Джанет сначала пришла ко мне? Мистика.

— Заблуждаешься, Кэт. Голая реальность. Я тоже сначала был склонен видеть в этом факте дьявольский умысел. Но по трезвом размышлении убедился, что все более чем прозаично. Девушка не хотела идти к первому попавшемуся психоаналитику, правильно полагая, что можно нарваться на неопытного врача или шарлатана. Хороший совет в таком деле никогда не повредит. Она обратилась к человеку, которому полностью доверяла, — к своей учительнице...

Сегодня, очевидно, был такой день. Телефонный. Кэт еще открывала дверь своей квартиры, а по ушам ей били сердитые нетерпеливые звонки.

— Это Кэт Фэнслер?

— Слушаю, говорите.

— Чикаго вызывает. Подождите секундочку.

— В общем, я его увидел, — сказал Джерри. — Кажется, мы напрасно теряем деньги. Я не говорю о моем времени, потому что оно ни цента не стоит. Думаю, Месенджер чист, как стеклышко. А он сам думает, что Баристер — невинный ягненок. Могу прямо сейчас пересказать все дословно. Деньги по-прежнему твои.

— Не надо. Лучше дословно запиши, возвращайся первым самолетом и утром будь у меня.

Баристер знал Джанет Гаррисон. Теперь Кэт была в этом твердо убеждена. То, что его офис находится рядом с квартирой Бауэров, — нелепейшая, дичайшая случайность. Однако не случайным является знакомство Баристера с человеком, которому Джанет завещала деньги. Не случайно «Мики» видели в ресторане с Джанет.

Где они познакомились? В Нью-Йорке? Вероятнее всего, хотя тому не было пока доказательств. В беседе с девушкой Баристер упомянул своего давнего друга Дэниела Месенджера. Кто мог подумать, что Джанет придет в голову столь эксцентричная идея — завещать деньги незнакомцу? Кэт не могла припомнить, откуда Баристер родом? Какая-то мысль билась тихим, тревожным колокольчиком. Подобный вопрос они уже ему задавали. Где и когда?

Чем сильнее стараешься вспомнить, тем меньше шансов это сделать. Нужно положиться на подсознание. Если они познакомились в Нью-Йорке, то сразу после переезда сюда Баристера.

Ведь на фото он еще совсем молод. Неужели это был единственный его портрет, столь приглянувшийся девушке, что она решила стащить снимок? Но почему Джанет так тщательно прятала фотографию?

И снова — будто невидимый колокольчик динькнул. Кэт не давала покоя одна мысль... какая? Где раньше жил Баристер? Ведь не в Мичигане же, вместе с Джанет!

Что он сказал тогда, в квартире Бауэров? Николь прицепилась к нему с вопросом: «А вы разве не из Нью-Йорка?» И Баристер ответил странной фразой, подходящей больше маститому литературному критику. Ну конечно! Это на самом деле была цитата: «Молодой человек из провинции». А у критика есть вполне определенное имя. Кэт вспомнила: это же Трилинг. Он частенько

публикуется в солидных журналах. Но откуда Баристер его знает? Неужели почитывает на досуге профессиональные эссе о литературе? В принципе — не столь уж невозможно. Но по тону Баристера очевидно, что проблемы литературы волнуют его меньше всего. От кого, в таком случае, он услышал фразу Трилинга, касающуюся одной свежей новеллы начинающего автора?

Ну, разумеется, от нее, от Кэт Фэнслер, только в интерпретации прилежной студентки Джанет Гаррисон! Ни малейших сомнений. И опять: открытие имело значение для Кэт, но ровно ничего не весило в глазах полиции. Да, Джанет понравилась фраза, мимоходом «кинутая» Кэт на лекции, и она повторила ее Баристеру. Это означало не только то, что Баристер и Джанет знали хорошо друг друга, но и то, что они были знакомы в то время, когда Джанет занималась на курсах у Кэт Фэнслер. Молодой человек из провинции! Ну что ж, Баристер вполне подходил под литературный образ, созданный в новелле. Хорошо начал, плохо кончил. Ирония судьбы.

Когда позвонил Рид, Кэт без всяких вступлений сказала:

— Не смейся. У меня есть доказательства, что Баристер знал Джанет Гаррисон.

— А я и не смеюсь, — ответил он. — Собственно, по этому поводу я тебе и звоню. Баристер только что в этом сознался.

15

264 — Ничего нет забавнее того, как работает наше подсознание, — улыбаясь, сказала Кэт, когда они с Ридом беседовали у нее в квартире двумя часами позже. — Баристера никто за язык не тянул. Но почему-то именно мне он повторил слова про молодого человека из провинции. Почему — для него, наверное, такая же загадка. Баристер видел перед собой подругу Николь Бауэр, учительницу, про которую ему, несомненно, рассказывала Джанет, знал, что ни в коем случае не должен давать понять, что знает меня, и в этот момент его подсознание высказывает так некстати с пресловутым «молодым человеком из провинции».

— Все подмечающий Фрейд составил множество тестов, которые годятся для проверки подозреваемых в различных преступлениях. Детектор лжи устроен примерно по тому же принципу: кровяное давление резко возрастает, как только перед испытуемым возникает трудная дилемма. Под тяжестью нежелательных вопросов человек или замыкается — в нем срабатывают некие блокировки, — или становится ужасно болтливым. Баристер, как хороший пациент на кушетке у психоаналитика, рассказал все без утайки. Удивительно, как пугает невинных людей перспектива быть замешанным в расследовании.

— Выходит, невиновен тот, кто врёт?

— Правда и ложь — понятия весьма скользкие. Поэтому, может быть, только литераторы знают, что это такое.

— Bravo! Эмануэль назвал бы твою фразу провокационной.

— И был бы абсолютно прав. Извини. Итак, ты обнаружила, что Баристер знал Джанет. Кроме того, ты «вычислила» мисс

Дрибл. Это заставило меня поторопиться, даже не имея официального разрешения на допрос.

— И наш «адвокат» исповедался во всех грехах, потому что врать оказалось еще опасней, чем говорить или, точнее, скрывать правду?

— Мне его ответы показались совершенно искренними. Баристер полагал, что никто никогда не узнает о факте знакомства его с Джанет Гаррисон. Если бы не фотография и завещание, то так бы оно и вышло. Ну еще эта твоя глазастая мисс Дрибл. Сам Баристер на себя доносить не собирался. Боялся, что ему припомнят случай врачебной ошибки — и прощай выгодная практика.

— Рано или поздно нашлись бы другие свидетели, кроме мисс Дрибл. А кстати, у полиции не возникло подозрений относительно ее показаний из-за того, что информация поступила через меня?

— Не огорчайся, но ты уже не лидируешь в их списке подозреваемых. По отношению к тебе было предпринято детальнейшее расследование. Ты могла догадаться по разговорам коллег. На вопрос, способна ли ты своровать литературную тему у студентки, они единодушно заявили, что это абсурд. Тогда полиция тщательно проверила версию под названием «Любовница Эмануэля». Тоже аут, потому что, обижайся или нет, обнаружился любовник посвежее.

— Понятно. Они знают даже имя?

— Конечно. Они его выследили. Кэт, не забывай, ты замешана в деле об убийстве. Извини, но лучше тебе услышать это от меня. Надеюсь, ты не собираешься выходить замуж? О, я не должен задавать идиотские вопросы! Кроме того, отсутствие ясного мотива, ну, и другие обстоятельства почти полностью исключают тебя из числа подозреваемых. Послушай, ты не сердисься?

— Нет! Я не сержусь и не собираюсь выходить замуж. Если бы ты меньше извинялся и больше говорил о Баристере, было бы совсем хорошо. Что, собственно, он рассказал о Джанет? У них была безумная любовь?

— Они познакомились примерно в то время, когда был сделан снимок. Баристеру фото понадобилось для каких-то официальных бумаг. Я сначала думал, что Баристер попытался скрыть ранние эпизоды. Но он не так глуп и, очевидно, смекнул, что полиция не дремлет. Всю историю жизни Джанет, ниточку за ниточкой, разматывает специальная бригада следователей. Они узнали, что Джанет еще школьницей любила ходить с рюкзаком по лесам и отдыхала таким «диким» образом в Канаде. Баристер признался, что сам жил в палатке среди канадских лесов. Тогда-то он и встретил Джанет. Представляешь? Вдвоем на берегу озера. Романтика, молодость... любовь. Или, скорее, мимолетное увлечение, как показалось Баристеру, который вскоре после этого обосновался в Нью-Йорке и почти забыл о лесной фее Джанет Гаррисон. Но она влюбилась не на шутку. Специально после колледжа закончила курсы сиделок, думая о том, чтобы быть полезной, когда выйдет замуж за врача. Потом приехала в Нью-Йорк. Ей был нужен предлог, и она поступила в университет. Почему-то предпочла литературу истории.

— Наверное, наивно возомнила, что легче читать романы, чем учить даты.

— Может, ты и права. Так или иначе она «десантировалась» в Нью-Йорке. Джанет — тихая девушка, и Баристеру удавалось держать ее на расстоянии без угроз и скандалов. Наконец она опомнилась и попыталась излечиться от безответной любви с помощью вошедшего в моду психоанализа. То, что ее врачом оказался Эмануэль, — чистое совпадение. Однако Баристер заметил, что Джанет с таким теплом отзывалась о своей учительнице литературы. Поэтому обратилась за советом именно к тебе. Баристер в душе надеялся, что сеансы избавят его от Джанет, и с радостью предлагал ей деньги на весьма оригинальное лечение. Он честный мальчик, Кэт. Говорит, что пережил страшный шок, когда Николь нашла труп Джанет и ему пришлось волею-неволей осматривать тело. Кстати, он мог тогда же закрыть за собой дверь, пошарить в сумочке и вытащить фотографию. Но он этого не сделал.

— Эта дурацкая фотография всех сбила с толку. Они были любовниками?

— На данный вопрос он сначала ответил «нет», а потом сказал, что у них была половая связь, но давно. Там, в Канаде. Баристер со всей определенностью заявил, что не собирался жениться на Джанет, поэтому в Нью-Йорке он с ней «контактов» не имел. Единственное, чего он страстно желал, чтобы она от него побыстрее отцепилась.

— Как насчет Месенджера?

— Баристер жутко удивился, узнав о странном завещании. Он рассказал Джанет о своем друге. Но чтобы несколько лет спустя она оставила Месенджеру 25 000 долларов! Этого Баристер понять не может.

— Брюки он, конечно, тоже не крал?

— Только развел руками, сказав, что нормальный женский врач не решится подвергать себя риску быть пойманным в женском общежитии. Баристер сторонился его, как черт ладана. Он всегда радовался тому, что Джанет живет именно там, а не в городе. Ему не надо было изобретать предлог для отказа ходить к ней в гости.

— И все-таки очень странно, что у них была такая таинственная связь. Почти никто ничего не знал. Значит, все опять сначала?

— Пока не доказано, что Джанет встречалась с Эмануэлем приватно в городе. Но ты видишь, как много потребовалось времени, чтобы установить ее связь с Баристером.

— Интересно, сколько тайных любовников может позволить себе скромная, застенчивая девушка?

— Девушки — народ загадочный. Эмануэль потому и на свободе, что никто не видел его с Джанет в неформальной обстановке, например, вечером в ресторанчике. Прокуратура не очень-то любит выдавать ордер на арест, если нет полной уверенности, что дело не застрянет в суде. Но кто убил Джанет Гаррисон? Маньяк? Полиция так не считает.

— Почему они не арестуют Баристера? У него-то был мотив.

— Мотив без доказательств еще слабее, чем доказательства без мотива. Ну ничего! Хорошо, что наши детективы зашевелились. Кстати, как поживает Джерри?

— Я послала его на разведку к Месенджеру.

— И это после того, что я просил... быть осторожной...

— Каюсь. А вдруг он обнаружил новые, сногсшибательные факты? Завтра утром Джерри зайдет ко мне, как обычно. Будут сенсации — поставлю тебя в известность. И еще одна нелепица: считай, что от «безнадеги». Нельзя ли поспрашивать всех подозреваемых об их отношении к психиатрии. Может, какой-нибудь ненормальный возненавидел психиатров или решил им отомстить, и случайно его выбор пал на Эмануэля?

— Сумасшедшая идея, но что-то в этом есть. Сделаю пометку в записной книжке. А теперь я пошел спать, потому что завтра у меня трудный день. Заседание в суде по делу о порнографии. Пропади она пропадом эта работа! Взорвать бы ее и начать все сначала.

Утром появился Джерри, измученный и злой. Кэт читала его «донесение», а он сидел в углу, сердито листая журналы. Свою беседу с Месенджером он записал в форме диалога, в конце составил детальный психологический портрет доктора, подкрепленный личными заметками. Джерри решил недостаток информации возместить формой ее подачи. Кэт похвалила его за аккуратность, но он только усмехнулся:

— Как заказывала!

— Прямо литературный труд.

— Жаль, что он ничего не стоит, — вздохнул Джерри. — Если Месенджеру и есть что скрывать, по его виду этого не скажешь. Держится очень уверенно. Боюсь, детектив из меня вышел неважный. Горю желанием исправиться. Подкинешь еще работу?

— Допустим, — сказала задумчиво Кэт, — что Месенджер невиновен. По крайней мере пока у нас нет причин в этом сомневаться. Выберем его, пусть временно, за константу. До сих пор мы решали задачу со сплошными переменными. Это очень неудобно. Попробуем найти икс, имея Месенджера величиной постоянной. Джерри, не хочешь попутешествовать за мой счет? Я намерена отправить тебя в Мичиган.

Джерри издал долгий, протяжный стон.

16

На следующий день Кэт позвонила на работу и попросила, чтобы кто-нибудь в последний раз заменил ее на лекциях. Они сидели с Ридом у нее в комнате, и Кэт рассказывала ему свою теорию.

— Не знаю, поймешь ли ты ход моих мыслей с самого начала, поскольку я не могу припомнить точно момент, когда связь между некоторыми событиями стала казаться мне очевидной.

Но прежде всего я решила поверить Месенджеру — ты прочи-

тал записи Джерри — и его утверждению, что Баристер не способен совершить такое ужасное убийство. Я решила временно принять это за аксиому.

Непрерывно думала о другом. Детали и детальки: тебе они тоже прекрасно знакомы. Случай врачебной ошибки (волосы на груди пациентки). Спарк с его феноменальной памятью на лица. Неумная болтливость Николь, помноженная на ее простодушие. Мойщик окон, которого не оказалось в помине. Мои частые визиты к Бауэрам еще до убийства. И вопрос, который прямо просверлил мне мозги: «Преподаватель Фэнслер, не могли бы вы порекомендовать мне хорошего психиатра?»

Все это бурлило и варилось в моей бедной голове, пока неожиданно меня не осенило. Таинственное и загадочное стало ясным и понятным. И тогда я сделала следующее.

Попросила Ники зайти, будто случайно, к Баристеру, заболтать его — что для нее пара пустяков — и тихонечко кое-что пронюхать.

Я отправила Джерри в маленький городок Бангор. Это в Мичигане. С самого начала почему-то верила в Джерри. Сегодня он возвращается, но мы успели поговорить по телефону. Наш герой справился прекрасно. Он должен был разыскать одну старую леди, но она уже умерла. Зато Джерри нашел дом, в котором старушка жила до самой смерти. Она имела свою комнату, добрый уход и хорошее питание. Такой договор относительно ее заключил очень давно не кто иной, как Майкл Баристер.

Именно он содержал старую леди, посылая хозяевам дома, мужу и жене, скромные суммы денег, компенсирующие, впрочем, необходимые расходы.

Ценные сведения. Но мне нужен был козырь посильнее. И Джерри «нарыл»-таки мощный факт. Он спросил у хозяев, был ли перерыв в поступлении чеков от Майкла Баристера. Возможно, после такого вступления тебя не удивит их ответ. Перерыв действительно был. Баристер посылал деньги ежемесячно на протяжении тех лет, когда он учился в колледже, затем в институте и позднее, когда проходил практику. И вдруг — ничего, за несколько месяцев ни одного чека.

Хозяева какое-то время тратили на чужую старушку свои деньги, но, не выдержав бремени расходов, попытались разыскать Баристера в Чикаго, где он тогда работал. А тот успел уже перебраться в Нью-Йорк. По телефонной книге нетрудно было найти адрес. Они написали ему и вскоре получили письмо с извинениями. Баристер объяснил, что у него были финансовые проблемы, но теперь, мол, все в порядке. В письмо он вложил чек за все пропущенные месяцы и на месяц вперед. После этого чеки снова поступали регулярно.

Однако с тех пор Баристер ни разу не прислал старушке ни одной поздравительной открытки с днем рождения. Раньше она называла Майкла ласкательно «Мики». Но после перерыва с чеками, а особенно после того, как ее день рождения грубо игнорировали, старая леди и слышать не хотела о Баристере. Вместе с открытками он посылал ей всегда сувенир — маленькую фарфоровую собачку для ее коллекции. Но увы, шли годы, и до самой

смерти старая леди так и не удостоилась больше ни открытки, ни новой фарфоровой собачки.

— Душеспипательная история, — сказал Рид. — Кто эта леди?

— Неужели я упустила? — притворилась Кэт. — Она жила раньше вместе с дедушкой и бабушкой Баристера. Все деньги они оставили внуку, но с условием, что он будет заботиться о доброй женщине, которая всегда его очень любила. Баристер неуклонно придерживался этого пункта завещания и всю жизнь заботился о старушке.

Что касается сведений, добытых Николь, то они тоже очень важны, хотя наверняка полиция сделала уже свои выводы. Еще Джерри заметил, что офис Баристера состоит из нескольких маленьких кабинетов. Я только просила Ники проверить все тщательно. Действительно, случается, что к Баристеру на консультацию приходят сразу две, а то и три пациентки. Для этого имеются отдельные комнатки со всем оборудованием. Даже медсестра не всегда знает, в какой из комнат находится в конкретный момент врач. И находится ли он там вообще! То есть Баристер запросто мог выйти из офиса на пять минут, и никто бы этого не заметил.

А теперь я расскажу тебе еще одну грустную историю, которую, может быть, частично выдумала, а может, так оно все и было. Слушай... Жил да был на земле один молодой доктор по имени Майкл Баристер. Он сдал экзамены, получил лицензию и работал где-то в Чикаго. Доктор любил в свободное время бродить по лесам и спать в палатке. Однажды в глухих канадских лесах повстречал прекрасную девушку по имени Джанет Гаррисон. Они полюбили друг друга с первого взгляда...

— Но ее отец был богат и знатен, а его — всего-навсего бедный дровосек, — улыбнулся Рид.

— Будешь перебивать, уложу в постельку, и не узнаешь, чем закончилась сказочка. Слушай дальше. Девушке надо было учиться, а ему работать. Храня любовь в своих сердцах, они расстались, думая, что ненадолго. Тем временем Майкл и встретил молодого человека, похожего на него как две капли воды. Вместе юноши отправились в лес. Майкл много, слишком много рассказывал о себе, когда они сидели мирно у костерка. Только о своей любимой девушке Майкл не проронил ни слова. А темной ночью тот, другой, взял да и убил Майкла, а тело закопал под деревом в дремучем лесу.

— Что за жуть ты выдумываешь!

— Может, все вышло иначе. Майкл оступился, упал со скалы или утонул в озере. Его близнец испугался, что за случайную смерть попутчика придется отвечать, как за убийство. Так или иначе он решил с какого-то момента стать Майклом Баристером.

Конечно, это был громадный риск. Невозможно предусмотреть миллион мелочей, и если хоть что-то сделать неправильно... Но все проехало гладко. Или так казалось. Со старушкой проблема быстро разрешилась. В родном городе Баристера не осталось почти никого, кто бы мог вспомнить его фамилию. Джерри нашел, можно сказать, иголку в стоге сена. Приходилось опасаться старых друзей Майкла. Но Месенджер был домосед. А объявившись другие, можно их отшить, они подумают, что их приятель загордился

успехами, и не полезут с расспросами. На письма он всегда отвечал. А тело, наверное, уже сгнило. У настоящего Майкла все документы были в полном порядке, поэтому переехать в большой город и открыть там практику не составило труда. Прошло несколько лет, и ни сучка, ни задоринки, кроме того случая врачебной ошибки. Подумаешь, волосы на груди!

И тут объявилась Джанет Гаррисон. Она бы приехала раньше, но ей что-то все время мешало. Строгие родители, колледж, потом смерть отца, болезнь матери. Наверняка Джанет писала Майклу страстные, отчаянные письма. И тот поганец отвечал, пытаясь осторожно от нее отделаться. Но не так легко потушить девичью любовь. Наконец после смерти матери Джанет Гаррисон приезжает в Нью-Йорк к своему любимому.

Он мог попытаться уклониться от встречи с ней, но не решился. Кроме того, важно было знать, что она собирается предпринять, а для этого он хотел постоянно иметь ее в поле зрения. Джанет быстро обнаружила подмену. Легко ему было дурить своим сходством с оригиналом других людей. Но невозможно обмануть любящую женщину, имевшую сексуальную близость. Она не сразу дала ему понять, что раскрыла его, будучи сама очень скрытной по натуре, но решила во что бы то ни стало изобличить и наказать убийцу того, которого она так страстно любила. Джанет отдавала себе отчет, какой смертельной опасности подвергается, и завещала все свои деньги другу Майкла Баристера. К сожалению, она не вложила в конверт с завещанием никаких письменных указаний, свидетельствующих о ее тайном расследовании. Очевидно, хранила все улики в своей комнате в общежитии. Вот почему, несмотря на риск, убийца устроил там обыск.

Джанет нужен был предлог, чтобы бывать у его офиса как можно чаще и следить за каждым неверным шагом противника. Раз или два она, наверное, увидела меня выходящей из квартиры Баузров. Идея напрашивалась: обратиться за советом ко мне якобы в поисках хорошего психиатра. Наверняка я порекомендую своего друга. Так и вышло. Я назвала имя Эмануэля и дала адрес, который Джанет и без меня прекрасно знала. Она ничего не теряла, если бы я посоветовала ей обратиться к другому врачу. Однако расчет ее оказался верен.

Лже-Баристер понимал, что настала пора действовать. Особенно после того, как Джанет вознамерилась посещать офис Эмануэля чуть не ежедневно. Во время сеанса психоанализа она могла сказать нежелательные вещи. Ясно, что, пока Джанет жива, она будет постоянной угрозой. «Доктор Баристер» не хотел убивать ее. Его пугала близость офиса Эмануэля, где бывала теперь столь часто Джанет. Останавливал страх, что все раскроется. И он попробовал перехитрить ее, попытался завоевать ее любовь. Ведь он был похож на настоящего Баристера, умело пользовался слабостью женщин, зная хорошо, что они любят решительность и силу. В какой-то момент ему показалось даже, что успех близок. Но нет! Она тоже играла с ним, нащупывая его слабые места.

Он знал расписание Эмануэля. Перекинуться словечком с Николь, подсмотреть в окошко — вот и все, что требовалось. Резиновые перчатки — сколько хочешь, телефонные звонки — дет-

ская забава. Эмануэль в свободные часы несется галопом в Центральный Парк — он знал и это. Все могло быть и по-другому, но сработало четко по задуманному плану. Джанет пришла, и Баристер заманил ее в офис Эмануэля, притворился, что желает ее. Вероятно, она и в этот раз подыграла ему и легла на кушетку. Скорее всего Джанет даже не заметила, как поднялось над ее головой, блеснуло и вонзилось в нее лезвие ножа.

Убийца предусмотрел каждую мелочь. Подозрение пало на Эмануэля. Еще бы! Его кушетка, его нож... И так далее. Никто бы никогда не догадался. Если бы... Если бы не фотография настоящего Баристера, вложенная в водительское удостоверение Джанет, если бы не завещание...

— Если бы ты не стала преподавателем литературы вместо того, чтобы сочинять романы, подобные тому, который ты только что мне наговорила. С ума сойти!

— Ты не веришь, конечно.

— А кого интересует, верю я или нет? Все, начиная со слов: «Жил-был доктор Баристер», — лишь сказка, а полиции нужны доказательства. Что ты можешь предъявить? Старую леди? Когда у человека нет денег, он ни о чем не помнит. До дней рождений ли ему и фарфоровых собачек? Остальное — то ли сон, то ли фильм ужасов.

— Согласна, Рид. Доказательств маловато, но я верю — они найдутся. Существуют же в конце концов отпечатки пальцев. Рид, ты должен убедить полицейских. Одни мы ничего не делаем. Нам с Джерри понадобятся годы...

— Ты переутомилась, Кэт. Если я перескажу твой ужастик прокурору, то вылечу с работы.

— Другими словами, Баристер совершил идеальное преступление. Точнее, два идеальных преступления. Нераскрываемых.

— Кэт, попробуй отвлечься от сочинений смелых теорий. Я очень хочу тебе помочь, но жизнь — это не роман. Дай мне лучше фотографию Баристера. «Настоящего» Баристера — мы ведь теперь так будем говорить?

— Зачем? — спросила с надеждой Кэт, подавая ему копию снимка.

— Хочу посмотреть на его уши. К сожалению, они здесь не очень отчетливо видны. По ушам можно многое определить. Не догадался Настоящий Майкл сняться в профиль! Но уши Баристера легко сфотографировать.

— Ты все-таки собираешься его проверить? Значит, мне еще рано в сумасшедший дом.

— Мне подозрительно знаком этот тон. Признавайся, что ты еще затеваешь? Хватит на сегодня. Лучше пойдем в кино.

— А еще лучше — отвези меня в аэропорт.

— Аэропорт! Джерри из Мичигана, а ты в Мичиган?

— Нет, в Чикаго. И не отговаривай. Я давно хотела посмотреть этот город. Кроме того, в их картинной галерее есть картина Пикассо «Мужчина с голубой гитарой», и во мне созрело непреодолимое желание ее увидеть.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Месенджер. — Думаю, в моем кабинете нам никто не помешает. Чем могу помочь?

Спокойный приятный человек с умными добрыми глазами сидел в кресле напротив Кэт. Да, у них с Джерри оказалось одинаковое впечатление от Месенджера: открытый, уверенный в себе.

— Хочу пристать к вам с одной историей, — начала Кэт. — Я уже рассказывала ее моему другу. Не то, чтобы он после умер со смеха, но заволновался о моем здоровье. Не заставляю поэтому и вас вернуть каждому слову. Просто послушайте.

— Весь внимание, — подбодрил ее Месенджер.

Кэт повторила ему свою версию. Доктор слушал, не перебивая, попыхивая трубочкой и время от времени исчезая в облаке дыма. Он тщательно выбил трубку, когда история подошла к концу, и сказал:

— Ну что ж, мисс Фэнслер, я могу дополнить эту историю своими замечаниями. Когда я приехал в Нью-Йорк и навестил Баристера, он не сразу меня узнал. «Вполне естественно, — подумал я, — прошло столько лет, да к тому же Дэн Месенджер не тот человек, которого с легкостью встретишь на улицах Нью-Йорка». Баристер купался в эlegantности, его явно смущал давнишний приятель, одетый в старомодный костюм. Знаете, есть люди, с готовностью позволяющие от себя отделаться, а есть важные персоны, не допускающие и мысли, что кто-то может выставить их вон. Мои скромность и необидчивость ему были хорошо известны. «Ты изменился», — сказал Мики. «Вот те на, — опешил я тогда. — Кто же из нас изменился?» Вот еще одно наблюдение. Человек, которого я встретил в Нью-Йорке, не принадлежал к любителям пива. Хотя о пиве мы даже не разговаривали. Он не выглядел как любитель пропустить баночку. А Майклу никогда не нравились крепкие напитки, и он пил только пиво. Не много, конечно, а так — за обедом. Да-с... Ваш друг Рид Эмхарст наверняка посоветует нам заняться научной фантастикой.

— Буду в восторге. Вам наука, мне фантастика. Однако, мистер соавтор, на сегодняшний день Рид требует таких сюжетов, за которые не прочь уцепиться прокурор. Вы не вспомните, были ли Баристер косоглаз, к примеру, или туговат на ухо?

— Понимаю прекрасно уровень проблемы. Но ничего из данного разряда фактов не «высвечивается». Есть любопытная деталь, но уж больно нелепая: Мики умел шевелить ушами. Да и то, говорят, можно научиться сему фокусу, если тренироваться каждый день. Представляете картину — сидит Баристер по ночам перед зеркалом и шевелит ушами! Ну вот и меня на чертовщину заносит. Извините. Подождите-ка, мы забыли про зубы.

— Я в первую очередь подумала о зубах, потому что читаю много детективов. Осечка! В жизни все иначе. Дантист, лечивший Баристера в Бангоре, давно умер. Врач, который купил его практику, поработал и уехал неведомо куда. Джерри напрасно пытался найти следы картотеки. Баристер не жаловался на то, что вырвал все зубы мудрости? Мы бы заглянули как-нибудь ему в рот...

— К сожалению, — покачал головой Месенджер, — я вообще не могу похвастаться отменной памятью. Зря вы приехали, мисс Фэнслер, потратились на дорогу...

— Дешевле позвонить по телефону, — согласилась Кэт, — но мне хотелось вас увидеть. Приятно было познакомиться. Самолет в Нью-Йорк улетает вечером, и я даже успею сходить в музей.

И Кэт отправилась смотреть «Мужчину с голубой гитарой».

К себе в квартиру она ввалилась уже после десяти часов. Дорога от аэропорта Кеннеди до дома заняла почти столько же времени, сколько перелет из Чикаго до Нью-Йорка. Рид позвонил в одиннадцать.

— Скоро мне нужно будет гоняться за тобой по всей стране, как за кандидатом на предвыборной кампании. Эксперты взяли снимок на вооружение, но признались сразу — ракурс не тот. Напротив окон Баристера теперь слоняется под видом уличного фотографа наш сотрудник. И хорошо бы наскрести другие фотопортреты Мики, пусть даже детских лет. У старой леди после смерти могли остаться альбомы. Но ушей должно быть больше. Оказывается, главное в человеке — это уши. Я потрясен! Уши, дорогая Кэт, не меняются! Как тебе понравился Месенджер?

— Жалею, что не встретила его раньше и не уговорила на мне жениться.

— Значит, дела обстоят из рук вон плохо? Тут бы мне приехать и утешить женщину, но я сам разбит и растерзан после процесса о порнографии. Они решили, что книга, перебудоражившая полгорода, вовсе не порнографическая. Так мне приехать?

— Ты очень заботлив, Рид, но я уже сплю. Извини, милый.

— Ничего. Буду по ночам строчить порнографические романы. Зачем мне юриспруденция?

Кэт казалось, что она всплывает со дна океана. Телефон звонил, будто в нем поселились черти. Она глянула на часы: ровно полночь!

— Да.

— Это Дэн Месенджер. Я, наверное, разбудил вас, но мы с Анной кое-что выяснили. Эй, вы не уснули?

— Нет. И уже не усну.

— Моя супруга, знаете ли, любит порядок. Она составила список. Первым пунктом там проходили шрамы, рубцы, царапины. Ваш Баристер, конечно, тоже мог их себе понастрогать. Я имею в виду, что если бы у Мики был, к примеру, рубец от операции по удалению аппендицита, то и тому мерзавцу раз плюнуть пойти да и вырезать свой аппендицит. Но тут у нас ничего не зазвенело, со шрамами то есть. Вы не спите?

— Господи! Нет, конечно.

— Затем в списке стоял смешной, казалось бы, пункт. Дурацкий. Про одежду. Ведь никто не скажет, что человека подменили, потому что он не носит свой любимый твидовый пиджак. Я не про Мики, а так, вообще. Не помню, какие пиджаки носил мой друг, но твидового точно не было. А вот белые туфли я вспомнил, а заодно и историю, связанную с ними. Случилось так, что мои

туфли прохудились. Шел сильный дождь. Мы сидели с Мики в комнате; у него был выходной, а я собирался на работу и спросил, нельзя ли мне надеть его белые туфли. Размер-то вроде годился. «Пожалуйста,— ответил он,— только тебе будет неудобно». «Интересно, почему?» — удивился я. «Никто не замечает, что у меня один ботинок выше другого. Правда, всего на пять восьмых дюйма, но для человека с ногами одинаковой длины разница очень чувствительная. Кажется, будто идешь по косоугору». Я примерил его туфли и не смог сделать в них ни шагу. Не спите? Бубните что-нибудь время от времени — «м-мг» или «угу», а то мне трудно сконцентрироваться из-за молчания на другом конце провода. Вроде говоришь не в настоящий телефон, а в фанерную трубку, как на сцене. О, вот так лучше!

С ортопедией я имел дело только в институте, но думаю, что если у кого одна нога короче, то это надолго. Главное, его ботинки помогли мне вспомнить: Мики перенес сложную операцию на позвоночнике. Еще в детстве. Врач попался ему лопух. Не определил, из-за чего произошло смещение позвонков. Такая долгая болезненная операция — и ненужная! В результате два позвонка срачиваются в один, а на спине остается тонкий, как карандашная линия, шрамчик. Это уже потом, в Мичигане, старый профессор, осмотрев Майкла, выписал ему простое и действенное лекарство — туфли с разными каблуками. С тех пор боли в позвоночнике Мики не донимали. А вот шрам остался. Ну и, конечно, ноги разной длины, что не такая уж редкость. Не знаю, где и как вы разденете Баристера, но имейте в виду, шрам от этой операции не очень заметный, в три-четыре дюйма, идет вертикально пониже поясницы и как бы пропадает. Задача не из легких. Советую начать с ботинок, в них заглянуть гораздо проще.

Однако если убийце известно все — про ноги и про шрам, — он мог подстраховаться: укоротить каблук на пять восьмых и сделать на спине похожую царапину. И мы никогда ничего не докажем...

Извинившись еще раз за ночной звонок, Месенджер положил трубку, а Кэт тут же набрала номер Эмануэля. Тот еще не спал. Он всегда работал допоздна, а в последнее время его замучила бессонница.

18

В два часа ночи или, точнее сказать, утра в квартире Кэт сидели Эмануэль, Ники, Джерри. Они ждали Рида.

Прошедший день имел все шансы прозвучать последним аккордом. Жалобным или победным. Длинная консультация по телефону с врачом-ортопедом, которого поднял спозаранку с постели Эмануэль, закончилась тяжелой, опять же телефонной дискуссией с Ридом.

— Не понимаю, Кэт, — твердил ее друг, — зачем тебе понадобился этот бедный ортопед?

— Не существует такого понятия, как «бедный ортопед». Они все богаче Рокфеллера. А объяснял он столь подробно, полагая, что сведения мне нужны для романа. Зато вывод ясный и четкий. Тот, кто перенес операцию на позвоночнике, помечен на всю

жизнь. Кто лечился от болей в спине с помощью разновысоких ботинок, обречен носить их всегда. Ты не спишь? Так вот, бедный Рид, я все-таки доказала. Настоящий Майкл Баристер — мой Мики, а не тот, у которого женская консультация напротив офиса Эмануэля, — перенес сложнейшую болезненную операцию, потому что одна нога у него была короче всего на пять восьмых дюйма. Требовались лишь специальные туфли. Не хирург.

— И теперь кто-то, а очевидно я, должен выяснить, где и когда сделана операция?

— Правильно, мой котик! Вероятно, надо звонить в Детройт, ближайший крупный центр от Мичигана. Будешь упрямитесь, я сама все больницы обзвоню...

— Ладно, доконала. Что еще?

— Мне приспичило срочно раздеть доктора Баристера. Мелькали тут идеи, но о них я лучше умолчу. Ты можешь добыть ордер на обыск?

— Эта самая труднодобываемая вещь на свете дает право на обыск помещения, а не личности. Ну вот, я и разгласил суперсекретную информацию. Да что там! За тридцать лет отдел по борьбе с наркотиками ни разу не добился ордера на обыск.

— Как бы проникнуть к Баристеру, когда он моется...

— Кэт! Если ты мне сейчас же не пообещаешь, что не будешь пытаться раздеть доктора Баристера, смотреть на голого Баристера или еще каким-либо способом «овладеть» Баристером...

— Тебе поможет, если я пообещаю?

Пригласить вечером Джерри и Бауэров ждать вместе Рида — это была неплохая идея. Они попивали кофе, обсуждая в который раз хитросплетения дела. Кэт сообщила им о «договоре» и о том, что Рид, вероятно, появится поздно. Она принесла еще кофе, который гости снова весь выпили, и еще сэндвичей, которые опять никто не съел. Наконец усталость взяла свое, и в комнате воцарилось молчание. Тогда они услышали поскрипывание лифта, гулкие шаги, а Кэт подбежала к двери и открыла ее, прежде чем Рид успел убрать руку со звонка.

Эмхарст сердечно поздоровался с собравшимися.

— Надо так понимать, — сказал он, — что все знают: наступил решительный момент. Излишне акцентировать важность и сложность моей задачи... У полицейских есть разные методы «просачивания» в интересующие их помещения. Один из них следующий: в квартирах целого подъезда вырубаются свет, обеспокоенные жильцы бегут на площадку, а детективы устремляются в открытую дверь. Попробуйте потом их вытурить. По такой примерно схеме хотел действовать и я, но быстро передумал. Баристер живет в шикарных апартаментах на Первой авеню. Там вряд ли позволят что-либо «вырубить». И главное — доктор требовал мне раздетый. Ждать, когда он уснет? Какой смысл тогда отключать электричество? Он прохрапит до утра. Мы могли разбудить его и наврать про утечку газа. Но не надеялись, что он эдак грациозно скинет халат и повернется перед нами голый. И я решил дождаться, когда Баристер уляжется, затем позвонить в дверь и сказать, что детектив просит его заехать на десять минут

в участок. Мол, есть парочка вопросов. Глубокой ночью любой заартачится, услышав такие предложения, не подкрепленные повестками с подписями и печатями. Но... Кто не рискует, тот не выигрывает. Было почти двенадцать, когда мы позвонили в квартиру Баристера.

— Кто это «мы»? — спросил Джерри.

— Я и один полицейский, которому пришлось пообещать повышение в случае успеха.

— А в случае поражения?

— Но мы преуспели. По крайней мере в том, что подняли Баристера из кровати. На нем была пижама. Я попросил его «следовать за нами в управление». Вообще-то нет даже такого понятия, как «управление» в полиции, но я нарочно старался прибавить официальности. Баристер долго ругался и грозился позвонить важным чиновникам, очевидно, мужьям его пациентов. Видя перед собой наши каменные лица, он немного поостыл и собирался уж сделать единственно правильный в его ситуации ход: вызвать своего адвоката. Не моргнув глазом, я пообещал уладить все как полагается, едва мы приедем в «управление». В конце концов он сдался и пошел в спальню переодеваться. Мы за ним. Ботинками заниматься было некогда. Главное — шрам, и мы сосредоточились на этом.

Полицейский действовал точно по заранее условленному плану. Баристер снял пижаму и нагнулся, надевая трусы, а мой помощник склонился сзади, чтобы лучше рассмотреть его поясницу. При необходимости взглянуть еще ближе, окажись Баристер очень волосатым, полицейскому разрешено было упасть «случайно» ему на спину, а потом извиниться. Но все эти ухищрения не потребовались.

Втроем мы вышли из дома, за полночь приехали в участок, и я позвонил прокурору. Тот, крикнув, сказал, что, видимо, самое время раскопать что-нибудь фантастически-неописуемо-сумасшедшее в деле об «Убийстве на диване».

Кэт и Эмануэль встали. Ники смотрела во все глаза. А Джерри спросил:

— Шрама не было?

— А о чем я вам говорю?! — воскликнул Рид. — Никаких шрамов. Баристера еще раз осмотрели в участке. «Признаков перенесенной операции не обнаружено». Но мой полицейский выразился лучше: «Самая обычная задница. Без особых примет».

ЭПИЛОГ

Через месяц Кэт направлялась в Европу. Она просила не провожать ее, потому что не любила суеты на пристани, бестолкового махания руками с неизменными выкриками «bon voyage», а предпочитала молча облокотиться о фальшборт красивого современного лайнера и наслаждаться видом Манхэттена, проплывающего сбоку и ускользающего за кормой. Кэт располагала каютой второго класса, обильным материалом для работы и надеялась провести в Европе очень плодотворное лето.

Уже успели подзабыться заголовки вечерних газет «Новый подозреваемый в деле об УБИЙСТВЕ НА ДИВАНЕ!». Впоследствии пространный комментарий дала «Нью-Йорк таймс». Она же поместила снимок Эмануэля и его пациентов, сидящих в свободных, раскованных позах на кушетке для психоанализа и счастливо улыбающихся.

Джерри вернулся на свой грузовичок. Кэт намеревалась вручить парню солидную сумму в качестве награды, но Джерри отказался наотрез. Тогда она поместила деньги под проценты, рассчитывая сделать потом свадебный подарок ему и Салли.

Бруклин был на траверзе, когда Кэт решила спуститься в каюту. Она повернулась и увидела Рида, сидящего так спокойно, будто он всю жизнь провел в шезлонге на этой палубе.

— Плыву в Европу, — сказал Рид.

— Хорошо, что ты это знаешь, — ответила она. — Долгожданный отпуск?

— Что-то в этом роде. Я тут в роли телохранителя.

— Да? И кого же ты охраняешь? — Она изумленно оглянулась.

— Тебя. Пока не пройдет лихорадка.

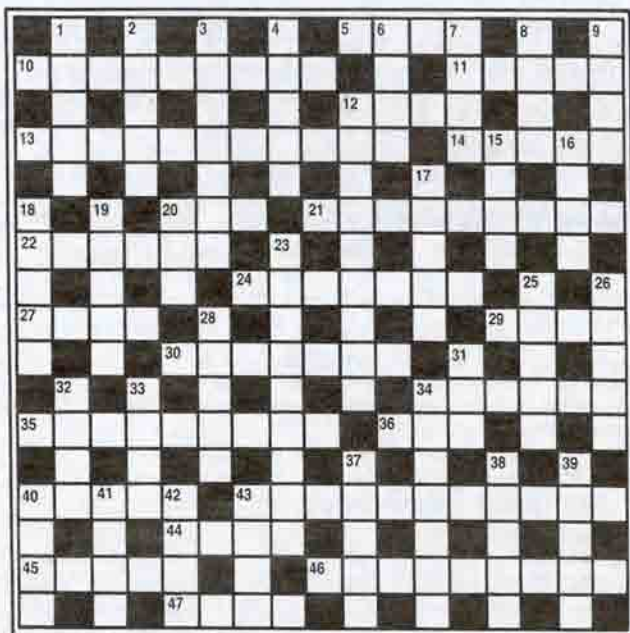
— Какая лихорадка?

— Детективная. Я знал людей с подобными симптомами. Их тоже неудержимо влекло в Европу. Не могу я сидеть блаженно в Нью-Йорке, представляя, как тебя захлестывают новые детективные «версии».

Кэт села в шезлонг рядом с ним. Рид улыбнулся и подозвал проходящего мимо стюарда:

— Два бренди, пожалуйста!

Перевод с английского ГЕННАДИЯ ДОНОВСКОГО.

5. Народное название птицы, ставшей символом мира. 10. Капитальное прелятствие для вхождения в христианский рай. 11. Птица, приносящая птенцам комочек из насекомых, где их до четырёхста штук. 12. Джазовый стиль. 13. Одно из званий князя А. Меншикова. 14. Непременный спутник трения. 20. Злак, вырастающий в тугаях Зауралья столь высоким, что может скрыть всадника. 21. Европейская страна, живущая под знаком Стрельца. 22. Камень, из какого сделаны поющие колонны в храме индийского города Хампи. 24. Палец, на котором носил кольцо Ф. Шаляпин. 27. Румынская лапта. 29. Все меньше и меньше. 30. Имя, под каким выведен В. Жуковский в комедии А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». 34. Шеститысячная часть древнегреческого таланта. 35. Головоломный жанр. 36. Имя Леца, шутившего: «Не огорчайся, если ты пессимист — завтра может оказаться, что ты был оптимистом». 40. «Мадонна ...» — картина Леонардо да Винчи. 43. Тирольский столяр, сделавший в 1864 году первую пишущую машинку. 44. Где пахарь скачет, там... плачет (поговорка). 45. В стихотворении «На снежной равнине» Я. Полонский пишет о ели: «Как горностаями, снегом пушистым ей... прикрыла метель». 46. Динамическое равновесие внутренних параметров организма. 47. Французский драматург, один из создателей «школы здравого смысла».

По вертикали.

1. Место стрелка в загонной охоте. 2. Праздник, по которому назван остров, где живут «длинноухие» и «короткоухие». 3. Песок, песчаник (общее название). 4. Человек жестокосердный. 6. Жилище, пристанище. 7. Клетка, где лежал новорожденный Иисус Христос. 8. Овощ. Если его лист положить в молоко, оно не скиснет. 9. Хуже страха. 12. У Шелдона — весцеротоник, у Кречмера — пикник, у Гиппократы —15. Русское название беды, лиха, несчастья. 16. Поэт, основоположник немецкого придворного классицизма. 17. Человек, ищущий удовольствия в отказе от удовольствий. 18. Внелитературная ипостась Ф. Достоевского, Н. Некрасова. 19. Шуры-муры. 20. Иконописный образ Спасителя с Богоматерью, Предтечю и еще десятью персонажами. 23. Европейская страна крутых крыш. 25. Зон — зонотема, зра — группа, ... — отдел. 26. Лучшее, что способен представить себе человек. 28. Струнный музыкальный инструмент Европы, чья родословная началась в Китае. 31. Один из народов, в XIX веке вошедших в сообщество домашних индейцев в Канаде. 32. Американский полярник, не раз пересекший Гренландию. 33. Постоянные люди в платежных ведомостях учреждения. 34. Английский врач, основоположник оспопрививания. 37. «Смуглый...» — А. Пушкин в цикле А. Ахматовой «В Царском Селе». 38. Город с первым техническим вузом в азиатской части России. 39. Лучинный нож, косырь. 40. Дерево, чей цвет заваривают при простудах и головной боли. 41. Волжский пароход, чьи колеса цеплялись за мощную чугунную цепь. 42. Положение, когда цена золота поднялась выше номинала. 43. Металл, благодаря которому компрессор холодильника практически вечен.

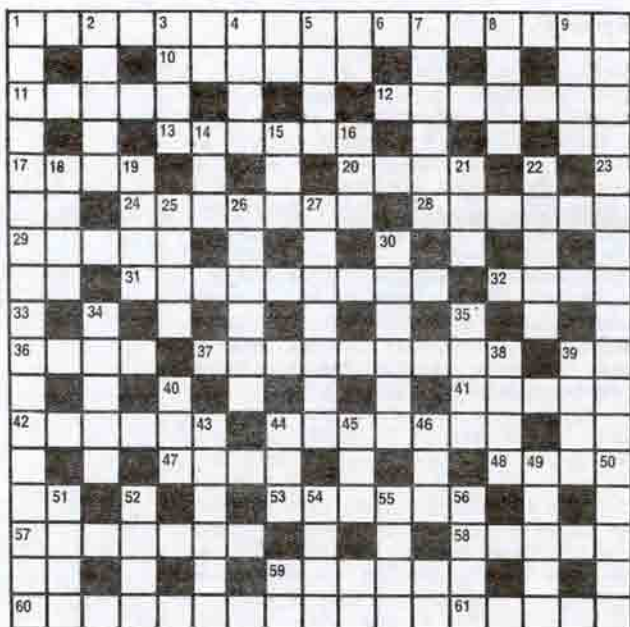
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали.

4. Цитра. 7. Уайт. 10. Забрало. 12. Маргаритка. 13. Овощник. 15. Сатис. 17. Пшавы. 18. Гранд. 20. Якорь. 22. Аршин. 23. Босх. 26. Белов. 28. Вершок. 31. Ростан. 32. Начак. 34. Нуга. 35. Чабер. 38. Жюдик. 40. Вакса. 41. «Ермак». 42. ...фокус. 46. Манакин. 47. Лавровишня. 48. Идиллия. 49. ...речь. 50. Охота.

По вертикали.

1. Варвара. 2. Трещина. 3. ...Эллис. 5. Италия. 6. Руга. 8. ...активность... 9. Трам. 11. Брошь. 14. Канин. 16. Склеп. 17. ...приор. 19. Дрюон. 21. Шхуна. 24. ...авеню... 25. Григорович. 27. Вошеч. 29. Канюк. 30. Лапиф. 33. Ханум. 36. Рафаэль. 37. Юстиция. 38. Жалон. 39. Корнет. 43. Сайда. 44. Олар. 45. Сикх.

КРОССВОРД
Составил
В. РЕЗНИКОВ,
Одесса

По горизонтали.

1. Торговый интерес. 6. Советский гроссмейстер. 10. Недотепа. 11. «Голубая...» — рассказ А. Гайдара. 12. Роман Э. Сю. 13. Дыхательное горло. 17. Половецкий хан в опере А. Бородина «Князь Игорь». 20. Идеал мужчины в средневековой Японии. 24. Полянка в лесу или на опушке. 28. Молочный продукт. 29. Время в черном. 31. Украинский народный музыкант. 32. Остров, у которого из пены морской появилась Афродита. 36. Ходит без ног, без рук, уста без речи (загадка). 37. Сильно истощенный человек. 41. Диапозитив. 42. Великий русский актер. 44. Испанская принцесса. 47. Радужные или белые круги около Луны или Солнца. 48. Короткий боксерский удар левой рукой. 53. Сельхозмашина. 57. Специально обработанный мех для женских шуб. 58. Старинное название кушанья. 59. «Праздничный» овощ в Испании. 60. «А в остальном, прекрасная..., все хорошо, все хорошо» (из шуточной песни). 61. Русская ювелирная техника.

По вертикали.

1. Яма на дне болота, озера. 2. Сторона, которую никогда не увидит орел. 3. Самый распространенный минерал. 4. Начальная ступень морской карьеры. 5. Овощной гарнир. 7. Химический элемент, горящий ярким пламенем. 8. Пытка или допрос под пыткой в старину. 9. Близкий родственник. 14. Исступление, неистовство. 15.

Ругань, шум, 16. Самый населенный остров мира. 18. Ни свет ни... (очень рано). 19. Самая распространенная в Англии общественная организация. 21. Самый первый виноградарь. 22. Декабрист, автор «Записок о Пушкине». 23. Решительный натиск. 25. Металл, возбуждающий счетчик Гейгера. 26. Сын Тараса Бульбы, предавший близких. 27. Провитамин А. 30. Продольные нити ткани. 33. Старинное метательное оружие. 34. Птица-рыболов. 35. Композитор, которого так хорошо знали, что в поездках по Европе ему не требовался паспорт. 38. Зарытое сокровище. 39. Пятый чемпион мира по шахматам. 40. «Стрела времени». 43. Операционный сон. 44. Первый русский патриарх. 45. Девушка из волшебных сказок. 46. Оконечность всякого горизонтального или наклонного рангоутного дерева на паруснике. 49. Время сбора плодов. 50. Женское украшение. 51. Пора пушного промысла. 52. Современный бальный танец. 54. Город кружев в Липецкой области. 55. Грациозная антилопа, с какой восточные поэты сравнивают возлюбленную. 56. Герой греческих мифов. Младенцем его Геракл обернул шкуру Немейского льва, и он вырос богатырем.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7**

По горизонтали.

1. Медвед. 7. Бюджет. 10. Равнина. 11. Базиле. 12. Лепщик. 13. Синкопа. 14. «Очаков». 15. Тарань. 16. Агогика. 23. Ураза. 27. Избоина. 28. Реполов. 29. Халди. 30. Якамара. 31. Йоркшир. 32. Руффо. 37. Фортуна. 41. Зараза. 42. Роение. 43. Точилка. 44. Беркли. 45. Хиджра. 46. Мещанин. 47. Втулка. 48. Анкона.

По вертикали.

2. Епанча. 3. Ошибка. 4. Дресва. 5. Квантор. 6. Пирониз. 7. Балата. 8. Депорт. 9. Ехидна. 17. Гуахаро. 18. Газлифт. 19. Карийон. 20. Жиряк. 21. Образ. 22. Мираж. 24. Эпарх. 25. ...плешь... 26. Шверт. 33. Урочище. 34. Фурлонг. 35. Насест. 36. Раскол. 37. Фатима. 38. Арахна. 39. Чердак. 40. Цитрин.

Шахматная эпиграмма

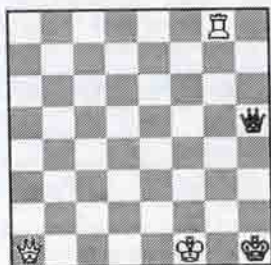
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на V международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр. Напоминаем, что в конкурсе примут участие все присланные до 1 сентября с. г. задачи. Миниатюры, присланные позднее, будут опубликованы в первых номерах будущего года и примут участие в следующем международном конкурсе «Смены».

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

83. В. ПИЛЬЧЕНКО

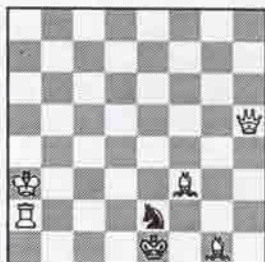
*г. Сухой Лог
Свердловской обл.*

Мат в 2 хода

84. Л. ГРОЛЬМАН

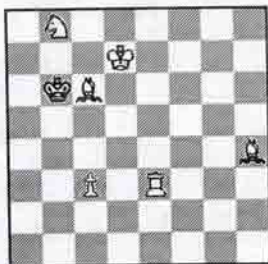
Казань

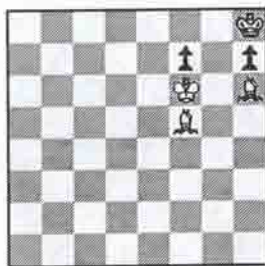
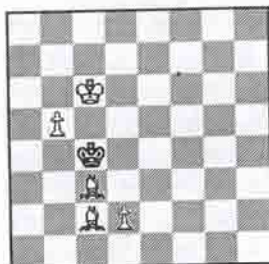
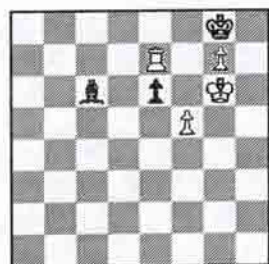
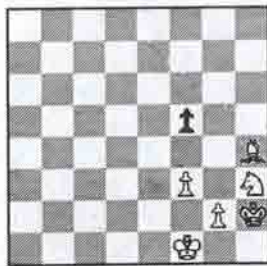
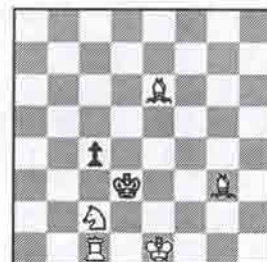
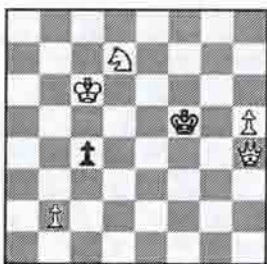
Мат в 2 хода

85. В. ЖЕЛТОНОЖКО

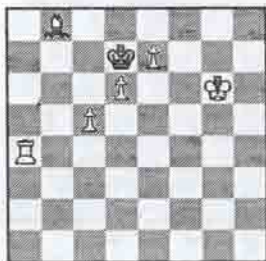
Екатеринбург

Мат в 2 хода

86. В. ИВАНОВ, В. СВЕРГУНОВ*Карелия***Мат в 3 хода****87. М. МАРАНДЮК***г. Новоселица, Украина***Мат в 3 хода***б) d2—b2***88. Д. БАСАЕВ***г. Элиста***Мат в 3 хода****89. Ю. КАЛУГИН***Самара***Мат в 3 хода****90. В. СОНИН***г. Рузаевка, Мордовия***Мат в 3 хода****91. В. АНТИПОВ***г. Боровичи
Новгородской обл.***Мат в 3 хода**

92. В. КОЖАКИН
Магадан

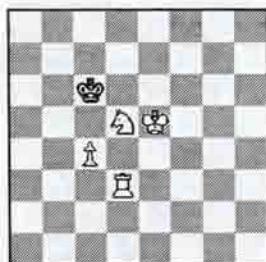
Мат в 3 хода

93. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

Мат в 4 хода

94. О. САКС
пос. Палатка
Магаданской обл.

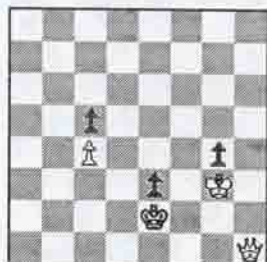
Мат в 4 хода

95. Н. ЧИСТЯКОВ
Омск

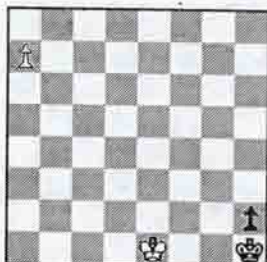
Мат в 4 хода

96. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица, Украина

Мат в 4 хода

97. В. НИКИТИН
г. Боровичи
Новгородской обл.

Мат в 5 ходов

Любовь Степунина

Начала рисовать Люба очень рано и, сколько себя помнит, всегда возилась с красками, карандашами и бумагой, перерисовывая в детские альбомчики или большие взрослые картины или перенося туда свои первые, радостные впечатления о мире. Тайком от родителей поступила в местную художественную школу, тайком — исключительно из самолюбия: в случае провала никто и никогда бы не узнал о пережитом позоре.

После окончания художественной школы Люба поступила в Саратовское художественное училище на живописно-педагогическое отделение. Она писала портреты, натюрморты, композиции, короче, делала все, как полагается, и как будто бы идеально вписывалась в привычную схему подготовки будущего художника. И все-таки было в ней что-то такое, что упорно сопротивлялось этому внешнему благополучию, этому мирному и убаюкивающему течению жизни. Ей всегда хотелось писать совсем по-другому, по-новому. Она все больше

увлекалась русским авангардом начала века. Казимир Малевич, Василий Кандинский, Любовь Попова — эти имена стали для нее проводниками в мир, быть может, несколько странный и причудливый, но зато всегда неожиданный, острый, будораживший воображение и заставлявший работать интеллект. Павел Филонов — удивительный живописец и фантазер — прочно занял место кумира среди ее любимых и близких по духу художников.

Приехав в Москву, Люба Степунина попробовала наконец и сама делать что-то похожее на то, что ей нравилось. В детстве она любила геометрию: ее приводили в восторг строгость и ясность геометрических фигур, четкость линий, простота силуэтов круга, квадрата, треугольника, ей чудилось в этом нечто космическое и универсальное. А кроме того, обожала звучные, чистые цвета, ей нравилось соединять их: беспокойный красный и холодный синий, успокаивающий зеленый и траурный чер-

ный — и добиваться гармонии. В этом была своеобразная и захватывающая интеллектуальная игра: брать всем знакомые геометрические тела, лучи, линии, добавлять в них, по своему усмотрению и в разных пропорциях, красивые и сочные цвета и творить из всего этого цветного месива свое, неповторимое, неожиданное и фантастическое.

Люба показала свои супрематические композиции знакомым художникам — ее работы понравились: они оценили честное желание художницы создавать что-то новое в этом уже достаточно обкатанном жанре. Получив поддержку, Люба начала сознательно работать в этом направлении, стала писать уже не только чисто абстрактные геометрические композиции, но и фантастические большие полотна с фигурами людей и элементами архитектуры, решенными, правда, совершенно условно, вне всякой связи с реальной средой, пространством и освещением. Словно мертвые и обескровленные призраки, бродят ее персонажи в холодном и вымороченном мире геометрических линий и гладких безжизненных геометрических фигур, составляющих фантастическую архитектуру. Люба и сама, творя свои картины, словно выключалась из реальности и надолго погружалась в фантастический и иррациональный мир видений и снов, не всегда различая, где кончается явь и начинается сон, и наоборот...

Произведения Любови Степуниной стали пользоваться успехом, охотно закупались галеристами из Америки и Франции, частными покупателями из России и Европы. С 1987-го по 1994 год она активно выставилась, ее абстрактные полотна демонстрировались более чем на 20-ти выставках в Москве, Петербурге и за рубежом, а в 1992 году Любовь Степунина стала чле-

ном Московского союза художников. Все складывалось блестяще и как нельзя лучше: Люба вдохновенно писала, а ее работы всегда ждали с большим интересом. Казалось бы, работать ей и дальше в том же духе. Но... Сомнения в правильности избранного пути в искусстве пришли к Любе с неожиданной стороны. Дело в том, что несколько лет тому назад она стала верующей. Не сразу, не вдруг, но постепенно в ней начало что-то меняться, и эта перемена совершалась не только в отношении людей, но и собственного искусства. Во все времена художники радовались и любили, горевали и плакали вместе со всем остальным человечеством, и поэтому их картины всегда вызывали и будут вызывать живые непосредственные реакции: восторг и любованье, сочувствие и сопереживание. Чувство, эмоция — вот что всегда являлось поводом для искусства и главным его содержанием. Абстрактное же искусство потому и называется абстрактным, что оно абстрагируется от жизни и от человека, упраздняет их и создает вместо них свой собственный бездушный космос, где нет места ни слезам, ни улыбке.

Вот что хорошо поняла Любовь Степунина, и вот почему она решила расстаться с авангардом — как с ложным мировоззрением в искусстве — и обратиться к реализму. Реализм в самом широком смысле слова — с его безусловной обращенностью к миру — представляется ей теперь единственно верным и надежным способом, при котором только и возможен диалог между человеком и природой, человеком и Богом, наконец, между человеком и другими людьми. Быть соучастницей этого диалога, создавать работы, которые побуждали бы к нему, — вот в чем видит сейчас Любовь Степунина свою главную задачу, свой единственный смысл.

ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА

«СМЕНА»-97

В первом полугодии мы планируем опубликовать новый роман Андрея Ильина «Обет молчания-3», детектив молодого писателя Андрея Дышева «Дикий остров», фантастический роман американского писателя Майка Резника «Слон Килиманджаро», немецкий детектив Вернера Мельке «Шанс» и детектив Лоуренса Блока «Смерть в медовом месяце».

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал		70820									
«СМЕНА»		(индекс издания)									
Количество комплектов	1										
на 1997 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____											
(почтовый индекс)			(адрес)								
Кому _____											
(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
ПВ	место	литер	на _____ журнал	70820							
«СМЕНА»				(индекс издания)							
Стоимость	подписки пере-адресовки	руб. руб.	коп. коп.	Количество комплектов	1						
на 1997 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____		
(почтовый индекс)	(адрес)	
Кому _____		
(фамилия, инициалы)		

«СМЕНА»-97

Это — 9 500 рублей за один номер, 28 500 — за три, полугодовая подписка — 57 000 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

▲ ЛЮБОВЬ СТЕПУНИНА, Прогулка.

▼ Портрет подруги.

▼ «Площадь революции».

BOOK

